

РУССКИЙ СЕВЕР — ПРАРОДИНА ИНДОСЛАВОВ

Наталья Романовна Гусева

Русский Север — прародина индославов

ЧАСТЬ I

Что связано с понятием Русский Север?

Почему в название книги включен термин «индославы» и закономерно ли это сочетание Индии и славян? На этот основной вопрос, который, вполне естественно, может задать каждый читатель, берущий в руки предлагаемую книгу, в ее тексте будут приведены обоснованные ответы, найденные учеными за последние два века.

Для того чтобы иметь возможность вступить в эту полосу ответов (включая и некоторые из тех, что продолжают подвергаться сомнениям или не отмечены еще абсолютной доказанностью), необходимо остановиться на определении того ареала, той части земной поверхности, к которой магнетически притягиваются мысли не только многих историков, археологов и языковедов, но и экономистов и политиков. И здесь следует начать именно с этого основного вопроса: что это такое — Русский Север? Русский Север... Что значат эти два слова? Какие определения этого понятия существуют в нашей научной, научно-популярной или художественной литературе? Или в прессе? Практически почти никаких. На вопросы об этом обычно отвечают, что это область, ограниченная с востока Уралом, а с юга примерно южной границей Вологодской области. Иногда жители Петербурга относят к этому понятию свой город, а к южной границе и даже шире того — те районы, где кончаются белые ночи. Да ведь и сам Петербург стал известен как Северная Пальмира, а в наши дни и как Северная столица России.

Северная граница этой нечетко очерчиваемой области проходит по берегу Баренцева моря. Не все знают, что некогда, десятки тысяч лет тому назад, это была суша, продление земли Русского Севера далеко в сторону Северного полюса, но эту часть суши сначала надолго накрыл ледник, а затем, после его таяния, океан залил ее своими поднявшимися водами, и образовалось Баренцево море. Оно и скрывает под собой обширный шельф. Раньше, в глубине времен, на этой суше жили люди, которые, спасаясь от ледника, ушли на материковую землю Русского Севера.

Предлагаемая книга знакомит читателя с древнейшим периодом их жизни, повествует о том, что в их числе были прапрапредки славян и — как ни странно это звучит — арьев (ариев), тех самых, которые затем достигли Индии. Что же представляло собой то давнее население Русского Севера? И как выглядела его территория в те времена? И что помнят люди об этих временах?

Трудно перечислить как все вопросы, возникающие в связи с северными областями России, так и ответы на них, хотя все в нашей стране прекрасно знают издавна, что он существует, этот Русский Север. Когда он упоминается в беллетристике, то, определяя его, обычно и не пользуются заглавными буквами, а пишут просто: «Он часто бывал на русском севере... У

жителей русского севера свой особый говор... Наше кораблестроение началось на русском севере...» и т. д. и т. п. В научной и популярной печати его называют Севером России, что тоже дела никак не меняет, и все понимают, о чем идет речь.

В мае 2008 г. вышла книга Т.М. Красовской «Природопользование Севера России» [94], в которой автор указывает на неопределенность этого названия и сообщает, что «насчитывается около 20 вариантов проведения границ Севера России» (с. 9) и что «в настоящее время Север России относительно хорошо изучен в геологическом, физико-географическом и других аспектах» (с. 14). Вот слово «относительно» очень точно говорит о слабой (чтобы не сказать совсем неполной) изученности его истории и таких проблем, как формирование и состав его древнейшего населения, равно как и суть того явления, которое автор отмечает как «ментальное пространство» его влияния. Н. Красовская точно указывает: «Акценты в социально-экономических критериях обоснования границ к концу XX в. полностью исключили этнокультурный аспект проблемы» и высказывает надежду, что вопрос о границах региона поможет решить развивающаяся ветвь гуманитарной географии — культурное ландшафтоведение (с. 10–11).

Здесь следует указать и на работы исследователей русского фольклора, утверждающие, что наиболее древние предания и былины России связаны с областями Приполярья; к этим же землям возводят религиоведы и источники зарождения русского язычества (на чем мы остановимся ниже).

Указанное новое течение науки заставляет надеяться, что в ближайшее время возрастет объем сведений о Русском Севере и достигнутые результаты изучения этого региона пополнятся данными, ориентированными и на новый угол зрения. «Массовый неослабевающий научный и человеческий интерес к Русскому Северу в последние десятилетия принял масштабы научного паломничества», — пишет В.Н. Калуцков, географ-исследователь, посвящающий свою научную деятельность проблеме культурного ландшафтоведения, и приходит к выводу, что «этот регион выступает в качестве одного из важнейших культурно-символических центров страны» [83, с. 43]. Этот автор отмечает, что в новой указанной линии науки важно развивать и изучение историко-культурных зон, используя данные лингвистики параллельно данным геологии и географии, относящимся к разным историческим эпохам.

И особую важность на таком пути исследования приобретают палеонауки, что нам здесь необходимо особо подчеркнуть. В истории Русского Севера протекали, сменяя одна другую, разновременные эпохи, длительность которых измеряется не веками и даже не тысячелетиями, а десятками тысячелетий, и протекавшие здесь культурно-исторические процессы неотделимы от чередования геофизических условий, чему мы и пытаемся уделить в этой книге основное внимание. Специалисты по культурному ландшафтоведению считают, что такие показатели, как топонимы, относятся к числу устойчивых характеристик края, и, как будет указано ниже, именно гидронимы несут в себе до наших дней память о древнейших исторических связях населения Русского Севера (Приложение I). Предлагаемые читателю в этой книге данные направлены на привлечение «его внимания к фактам соответствий в языках и мифопоэтических представлениях, свойственных отдельным группам указанного населения.

Несмотря на то что в ряде работ русских историков и этнологов освещаются, начиная с XIX в., события и проявления русской культуры, вплотную сближающиеся с рядом реальных характеристик Русского Севера с его «ментальным влиянием», следует сказать о многих вопросах, настойчиво ждущих возможно полных или хотя бы частичных ответов. Поэтому предлагаемый читателю материал о Русском Севере, основанный на доступном современной науке, но все еще очень ограниченном объеме знаний, направлен по мере сил на расстановку главных акцентов по фактам, связанным главным образом с этнографией и языкознанием.

В аспекте предлагаемого в книге материала остановимся сразу на том, что в разговоре о возможности ментального и, скорее, духовного влияния на индоевропейцев, а конкретнее на русских как на основной народ в составе славян следует сразу указать, что, начиная с XIX в., все чаще и шире в устной речи и прессе встречаются слова, связанные, например, с Ведами, и что все чаще они соотносятся с Севером России (слово «Веды», к сожалению, неправомерно используется и неоязычниками). Само слово «Веда» одинаково как по звучанию, так и по значению с русским словом «ведение». Оба эти слова восходят к древнему корню «вед» — «вед-ать» и к уточняющему слову из самого древнего индоевропейского языка — санскрита: «вид» — «ведать» (т. е. «ведать то, что видел» — это четко определяется словом «свидетель», применяемым в судах).

Наши историки и религиеведы в большинстве своем довольно слабо знакомы с тем, что на самом деле представляют собой эти древнейшие в мире памятники устного литературного творчества, эти сборники гимнов и молитв, обращенных к богам пантеона, формировавшегося в глубинах неизведанных времен. Эти времена, как будет указано ниже, пытаются определить лишь некоторые историки первобытности и, главное, знатоки языка Вед, известного как ведический санскрит. Здесь же для начала скажем основное — то, что Веда, которые были зафиксированы в письменности не раньше I тыс. до н. э. (что произошло в Индии), — это памятники наидревнейшего исходного язычества, следы которого выявляются донине в мистических и суеверных представлениях всех индоевропейцев, и особо заметная возможность соотнесения этих следов с Ведами может быть усмотрена в среде славян (что и будет рассмотрено ниже).

Что же это такое — Веда? Науке известны четыре сборника гимнов и предписаний Вед: Ригведа, Яджурведа, Самаведа и Атхарваведа. Первая из них, Ригведа, названа так потому, что санскритское слово «риг (рик, рич)» значит «речь» («рича» — священный текст) и однозначны этому русскому слову. Ее название точно переводится как «речеведение (знание речи)», и именно в ней собраны молитвы, обращенные к богам. Вторая Веда содержит правила жертвоприношения богам (основной жертвой служили бараны, и заметим, что санскритское слово «яджна» однозначно русскому «ягня (ягненок)»). Третья Веда указывает на ритмы и напевы, требуемые при распевании жрецами гимнов Ригведы, а четвертая является сборником заговоров и заклинаний, и ее даже не все причисляют к Ведам.

Эти начальные сведения о Ведах тоже приводят к ряду вопросов, на которые до сих пор не найдены все ответы. Перечислим их вкратце: где и кем создавались гимны главной из Вед, Ригведы? каким богам они посвящены? Когда и в каких природных условиях жили их создатели? Какие следы той эпохи и какие области сохранения этих следов выявлены наукой?

Первый вопрос требует ответа в первую очередь, так как его суть соотносится с названием книги. Следует начать с краткого сообщения о том, что с XVIII в., с начала ознакомления Запада с индийской культурой, которое расширялось по мере расширения знакомства английской колониальной администрации с Индией, познание о Ведах в целом и о Ригведе в частности стало целью работ ряда мифологов. Ниже будут даны пояснения тех трудностей, с которыми сразу же встретились ученые в своих попытках перевести Ригведу с санскрита на европейские языки, здесь же скажем только то, что эти попытки оказались во многом почти безрезультатными, потому что с санскрита крайне трудно переводить Веда только при помощи словарей — для этого языка характерно, во-первых, множество синонимических значений многих слов, а во-вторых, малопонятные роли богов Ригведы и обилие их имен и функций вызвали бесчисленные и неточные догадки и предположения. Западные специалисты сошлись все же в одном мнении — Ригведу создали в древнейшие времена носители санскрита арии, и авторами ее гимнов были их жрецы брахманы.

И тут прозвучал решающий голос — голос Индии: санскритолог и историк Бал Гангадхар Тилак (1856–1920), знавший по переписке с европейскими исследователями обо всех

трудностях на пути их попыток перевести Ригведу, подготовил в конце XIX в. к публикации свой анализ гимнов Ригведы — книгу «Арктическая родина в Ведах» (которая увидела свет в 1903 г.). Он объяснил в ней главное: авторами гимнов были жрецы-брахманы из среды арьев; то есть группы племен, селившихся на землях Заполярья до того, как эти земли охватило последнее оледенение, и которые затем были затоплены океаном после таяния этого ледника в XII тыс. до н. э. [155]. Племена арьев делились на две основных ветви — индоязычные (носители санскрита) и ираноязычные (чей язык в известной мере был близок к санскриту). Первые создали Ригведу, а вторые — близкий ей цикл гимнов Авесту. И более того — именно Тилак был первым исследователем, который указал на переход обеих групп арьев с земель Заполярья в более южные районы материка в ту эпоху, когда назревало на их землях похолодание надвигающегося оледенения, угрожающее жизни всех арийских племен. По данным гляциологии (науки о ледниках), это явление датируется 30–25 тысячелетиями до н. э. [78; 146]. Он также был первым, подчеркнувшим наличие широкой полосы шельфов вдоль северного побережья (их в наше время активно осваивают).

Титульный лист книги Б.Г. Тилака «Арктическая родина в Ведах»

Пик предпоследнего оледенения, отмечаемый специалистами как «ледниковый стадиал», датируется примерно 75 тыс. лет до н. э., а последний пик ледника относят к 18 тыс. до н. э. [78, с. 249], между этими ледниками протекал период межледниковья, т. е. изменения климата в областях Арктики и Северной Европы. Наступившее потепление приводило к таянию ледниковых покровов. «Эти межстадиальные условия продолжались в последний раз в интервале между 60 000 и 25 000 лет назад... Рассматриваемый продолжительный межстадиал сыграл важную роль на завершающем этапе развития Homo Sapiens, и существующая тогда природная обстановка несомненно повлияла на миграции наших предков. В течение этого периода уровень Мирового океана удерживался примерно на 50 м ниже современного положения. Следовательно, большие области шельфа находились в субареальных условиях, представляя собой благоприятные местообитания для первобытного человека и крупных промысловых животных» [78, с. 250].

После завершения таяния последнего ледника, т. е. после 10 го тысячелетия до н. э., наступил голоцен, т. е. период, именуемый бореальным, в течение которого трижды наступало время небольшого (по сравнению с ледником) похолодания, но главную роль в антропогене играло потепление климата, что вызвало разрастание вплоть до кромки океанского берега и островов хвойных и широколиственных лесов [12]. Это сказывалось на культурно-хозяйственном развитии человека.

Все вышеприведенные слова о наличии в период межледниковья шельфовой области, доступной для жизни людей и животных, следует считать важнейшими свидетельствами современной исторической науки. Именно они подкрепляют и сводят воедино все разрозненные указания на тот основополагающий факт, что сознанию людей, населявших такие открытые шельфы, находившиеся в благоприятных атмосферных, климатических и экологических условиях, могло активно развиваться в отдалении от современной кромки нашего северного побережья. Тилак в своем бессмертном труде показал основные направления, по которым развивалось их сознание, и выявил итоги этого развития, сведя их к стремлению людей познать и освоить явления окружающей их природы и сил, ее влияния на жизнь и сознание человека. На этих шельфах, т. е. на продленных к северу участках суши (их пределы в направлении к Северному Полюсу еще не установлены для периода последнего межледниковья), жили до начала последнего оледенения далекие предки всех народов, определяемых наукой как индоевропейцы, и в том числе предки славян и арьев, о чем более подробно будет сказано ниже.

Подчеркнем, что этот последний вывод Тилака о шельфах особенно для нас ценен, так как он указывает на вероятность перехода индоязычных арьев с них на земли будущего Русского Севера. Тилак указал, что арьи в своих передвижениях в более южную сторону встречались и

с другими «расами», т. е. племенами, и этими встречами следует объяснять выявленный учеными факт совпадений слов санскрита со словами европейских языков, в результате чего и явилось в 19 веке научно обоснованное утверждение о необходимости объединить все эти языки в индоевропейскую языковую семью.

Необходимо всегда помнить и о том, что из всех европейских языков санскрит ближе всего к группе славянских языков, о чем Тилак в те годы еще судить не мог. Но его поиски и его выводы нашли в Индии своих продолжателей, и мысль о присутствии древних ариев на Русском Севере поддержал и развил его соотечественник, филолог и историк Рахула Санкритьяяна [143а].

Современные исследователи связывают большие надежды с заметно усилившимися за последние годы разработками проблем культурного ландшафтоведения. В задачи специалистов, посвящающих свои усилия решению труднейших вопросов выделения границ исследуемых областей, входит и необходимость установления времени или периодов их сложения и существования. Вот этот последний вопрос наиболее важен для выявления данных, относящихся к глубокой древности, так как «вековые жизненные циклы культурного ландшафта» предлагается определять по четырем фазам — по зарождению, росту, стабилизации и окончанию [83, с. 44]. Исследователям эпох межледниковья, оледенения и постледниковья пока еще выявления этих периодов недоступны, но в предлагаемой читателю книге освещен, по мере достижимости, ряд тех сведений, которые, как можно надеяться, помогут специалистам приблизиться к определению указанных фаз.

Каменные орудия времен неолита были типологически единообразны: а) Южная Индия; б) Триполье

В текст этой книги вошел совершенно новый термин «индославы». Что это — устоявшийся в науке этноним, то есть название этноса? Или нечто совсем новое, продиктованное случайным оборотом мысли? В таком случае — чьей мысли? Или повод для такого названия сложился как продукт научного анализа и долгих поисков многих ученых? Где, как, когда и почему могло возникнуть такое определение? И есть ли для его возникновения какие-либо реальные факты и основания?

Нельзя не задавать себе эти и другие подобные вопросы, когда берешь в руки книгу под названием «От Волги до Ганга», написанную известным индийским историком Рахулом Санкритьяяной после длительного его пребывания в России, которую он изъездил вдоль и поперек. Он был автором многих исследований, которые признаются ценным вкладом в изучение истории, языкознания и культуры, посвятил много сил изучению не только «языка индийской культуры» — санскрита, но и европейских языков, в том числе русского. Несколько лет он преподавал индийские языки на филологическом факультете Ленинградского университета, ставя особый акцент на поражающем воображение студентов сходстве санскрита с русским. Он призывал к необходимости проведения углубленных работ в этой области. Термин «индославы» был введен в мировую науку именно этим ученым.

Титульный лист книги Р. Санкритьяяна «От Волги до Ганга»

«Индославы» — это не выдумка, а созревший плод давно пробившегося на свет из мрака незнания и разветвившегося с течением веков дерева поисков истины, поиска ответа на вопрос о корнях и истоках народов, известных под общим названием индоевропейцев.

Известно, что с XVII–XVIII вв., с тех пор как английские колонизаторы, захватив Индию, предоставили своим миссионерам и ученым широкую возможность знакомиться с языками и

культурой этой страны, Европа стала с каждым годом узнавать все больше и больше о жизни малоизвестных до этого индийцев. Многие исследователи стали втягиваться в орбиту изучения индийских языков и начали публиковать труды, посвященные анализу литературы этой страны и немало удивившему многих сходству ряда слов европейских языков с индийскими, в частности — с санскритом. Эти исследования разрастались, и в XIX в. они заинтересовали и русских ученых, которые обратили внимание на то, что множество слов в русском языке сходны с санскритскими, и эта похожесть улавливается даже на слух (исследования на эту тему упомянуты в прилагаемом списке литературы). Ниже приводятся попытки ответа на вопрос о причинах этого сходства.

В самой же Индии о России и русском языке почти ничего не знали в те века, и только в советский период нашей истории там стали изучать русский язык и переводить книги русских писателей. И многих в Индии заинтересовала проблема Русского Севера. Спросим: почему? Да потому что северная арктическая природа, описания которой доходили до Индии, оказалась уже хорошо знакомой индийцам по памятникам их древней литературы, по их преданиям и легендам, по гимнам Вед, по многим описаниям в великой эпической поэме «Махабхарате» и по сказкам.

Книга Тилака была встречена в европейских странах и аплодисментами, и порицаниями, но ее влияние на науку уже ни искоренить, ни даже преуменьшить нельзя. Все новое вращается в жизнь и приносит свои плоды, если оно основано на реальных доказательствах, подтверждаемых неопровержимым фактическим материалом, а не выдумками фантастов, выдающих себя иногда за исследователей далекого прошлого.

Так был в самой Индии заложен фундамент нового направления в науке, призывавшего своих последователей к поиску фактов, подтверждающих указания Тилака и прокладывающих путь для дальнейшего развития его мысли. Именно по этому пути пошел санскритолог Санкритьяяна, убедившийся за годы своей жизни в России в правильности находок и утверждений своего великого предшественника. Не было и не могло быть случайным такое обилие удивительных лексических соответствий в санскрите и русском (и ряде других славянских языков), параллелей не только в значениях слов, но и в способах образования новых слов и их форм, в роли приставок и суффиксов и т. д.

Нанду, бык бога Шивы

А главное — это вопрос о происхождении такого разительного структурного сходства. И тут Р. Санкритьяяна четко определил, что оно должно восходить к эпохе древнейшей близости — будь эта близость соседством древних племен или их родством. Эту проблему он решил путем предположения о существовании общих предков у того и другого народа, то есть арьев и славян, в эпоху палеолита. В своей книге он начал проследить путь арьев в сторону Индии, представив место их исхода как русло Волги, что и вошло в название его произведения. Он ярко описал быт первичной семейно-родовой ячейки тех времен, когда единая общность еще не разделилась на родо-племенные группы, языки которых начали отличаться один от другого. Далее он описал путь арьев на юго-восток, их контакты с жившими по пути миграции народами и, наконец, их приход в Индию и все изменения в их быту и религии по мере смешения с новым окружением. Но главный тезис лег в основу всего дальнейшего: общность и кровное родство с предками славян на древнерусской земле, у самой северной части русла Волги. Талантливый автор, как бы обладавший даром видеть сквозь века, сумел заглянуть в глубину отдаленнейших эпох и оживить перед нами дела и чувства тех далеких людей, которых он и назвал индославами. И это для всех исследователей данной проблемы является главной заслугой.

При этом нам всем необходимо помнить о том, что не следует повторять его ошибочную (с точки зрения более поздних утверждений науки) датировку описываемых в начале книги событий — VI тысячелетие до н. э. Пещерная жизнь охотников палеолита, подобная

описанной в книге, протекала в гораздо более давнюю эпоху — на 50–30 тысяч лет раньше, в века последнего межледниковья, но в годы жизни автора споры по этому вопросу еще не привели к определенным результатам, поэтому в наши дни мы должны ориентироваться на приводимые ниже данные, полученные другими исследователями, как отечественными, так и зарубежными. Книга «От Волги до Ганга» содержит главное — нигде ранее не встречавшийся термин «индославы», на который опирались в своих работах все авторы предлагаемой читателю книги. На Волге славяне и арьи селились не ранее V–IV тыс. до н. э., придя туда из приполярных областей и в значительной мере продолжая сохранять сложившиеся задолго до этого добрососедские (не исключено, что и родственные) связи и поддерживая основы того, что исследователи называют культовым единством, о чем подробно и будет сказано ниже.

Очень далекое прошлое

Миры глядят с небес,

Свой излучая свет. Н. Рубцов

В мире ученых идут нескончаемые дискуссии по проблеме длительности существования человечества и времени и месте зарождения тех или иных племен и народов. За последние десятилетия многие из них утверждают во мнении, что человек существовал и развивался в период плейстоцена, то есть двух последних ледниковых периодов и межледниковья последней же четвертичной эры — той, которая длится и сейчас (а всего насчитывается 17 ледниковых периодов в истории Земли). Он жил, размножался, приспосабливался к условиям окружающей его природы, искал объединения с себе подобными, создавал орудия охоты и труда, наконец, освоил огонь и стал «царем природы». Бесконечно долгим был период первобытности — жизнь человеческого стада, половозрастное разделение в пределах первых возникавших коллективов, складывание семейно-родовых групп, а затем племен и союзов племен. Принято считать, что семейно-родовые коллективы следует называть этносом, так как именно из них сложились племена-этноты.

Греческое слово «этнос» определяет не только наличие того или другого народа на лице земли, но подразумевает и такие черты, как преданность каждого человека своему народу, стремление охранить и сохранить накопленное богатство национальной (этнической) культуры, язык, территорию, унаследованную от предков, — словом, те факторы, под воздействием которых в течение длинного ряда веков складывались генофонд нации и ее память обо всем, что довелось прожить и пережить предкам. Здесь надо сразу заметить в скобках, что вот эту память, пронесенную сквозь тысячелетия, не следует недооценивать ни при каких обстоятельствах: во многих современных межплеменных и межнациональных конфликтах она играет не последнюю роль (к ней применяют и такие определения, как этническая память, национальный идентитет или национальное самосознание).

К древнейшей эпохе формирования первых человеческих коллективов восходит и появление языка, необходимого для взаимного общения — коммуникации, расширение этого общения в пределах племен и племенных союзов приводило к увеличению лексического фонда. Роль языка свелась постепенно к роли определителя социальных, культурных и космогонических представлений, предметов и явлений окружающей действительности, а также осмыслению всего этого и созданию близких по смыслу понятий. Процесс становления разных наречий племен еще не прослежен наукой в свете их соотношения с разными условиями

исторического развития этих групп, и мы здесь не будем углубляться в бесчисленные споры по этой проблеме. Скажем для примера, что известный французский лингвист А. Мейе, писавший в начале XX в., определил славянские языки как древнейшие, сохранившие в себе свои давние основы: «Большинство славянских наречий сохраняет необыкновенно архаичный вид» [115, с. 386]. Тут нам следует вспомнить и о таком древнем языке, как санскрит, сопоставлению с которым, как и сопоставлению славян с его носителями — племенами арьев, будут ниже посвящены многие страницы, как посвящался и ряд предшествующих публикаций автора (указанных в приводимом списке литературы). Так вот, о санскрите и его древности он сказал, что этот язык «представляет индоевропейскую фонетику и морфологию» (с. 412). Подчеркнем, как это важно для всей освещаемой ниже проблемы: начиная с середины XIX в. внимание многих исследователей стали привлекать факты поразительной близости санскрита и славянских языков.

В качестве примера оценки древней нерушимости основ каждого языка как связующего людей начала можно привести и слова санскритолога В.Н. Топорова: «...почти трехтысячелетняя “вечность” санскрита — лучшее свидетельство такого преодоления времени. Но еще, пожалуй, удивительнее то, что санскрит не стал “мертвым” языком, не окаменел в своей самодовлеемости, не утратил своей исключительной способности к переработке и усвоению новых смыслов и новых творческих импульсов» [158].

Титульный лист книги У. Уоррена «Найденный рай»

Но дело, видимо, в том, что санскрит имеет не трехтысячелетнюю историю — такой цифрой измеряется всего лишь индийский период развития этого языка, а восходит он к гораздо более древним временам. Вот вопрос об этой глубочайшей древности и ставит Тилак в своей вышеупомянутой книге. (А о гораздо более ранних временах — о заре зарождения всего человечества в областях Северного полюса — писал до него американский исследователь У. Уоррен в книге «Найденный Рай, или Колыбель человечества на Северном полюсе» [169].)

Любые «археологические» исследования живых языков могут помочь вскрыть в них пласты глубочайшей древности. От древнейшего рождается древнее, от древнего — новое и новейшее, и эта цепь неразрывна, это — историческая закономерность. И в самом новом продолжают жить и действовать древнейшие понятия и представления вместе с сохранившимися словесными их обозначениями, что прослеживается и в языках суперэтнотосов, ядро которых представлено носителем того языка всей данной многочисленной группы, который в новое время получил название государственного (русского, английского и других).

И никоим образом нельзя писать, как это стало у нас принято, о «тысячелетней», например, истории русского народа. Это можно условно допустить лишь в границах отсчета от начала внедрения в Древнюю Русь византийской религии, но нельзя забывать, что этот период является лишь малой частью всего долгого времени формирования всего русского этноса как самой многочисленной группы в составе славянских народов. Ниже будут приведены встречающиеся в литературе и некоторые новые соображения о происхождении названия Русь и этнонима «русские». После упрочения в науке позиций гляциологии (науки о ледниках) ведущие специалисты по истории человечества встали на новые позиции, связывая развитие предков индоевропейцев с полярными областями. Понятие «первопредки» в этом случае включает в себя, естественно, и предков славян — народа, кстати сказать, которому западноевропейские ученые вообще не находили места на земле, а Гегель не считал их даже «историческим народом» [165, с. 6 и др.].

Да, не случайно академик Б.А. Рыбаков призывал уделять как можно больше внимания архаике и искать там истоки современности.

В годы публикации книги У. Уоррена ученые были еще далеки от того, чтобы соотносить с Приполярьем и происхождение, и факт исхода оттуда к югу предков арьев, как и всех других индоевропейцев, да и всего человечества в целом. Эта книга содержала такое количество новых мыслей и предположений, что далеко не сразу ее признали как достойную серьезного внимания. Но надо сказать, что в конце XIX в. на нее обратил внимание Бал Гангадхар Тилак.

Выдающаяся работа Уоррена отнюдь не являлась плодом религиозно-фантастической выдумки или чрезвычайной приверженности автора выводам предшествующих поисков философов, хотя, надо сказать, он не прошел и мимо них.

По его словам, «чем дальше продвигался современный мир в области знаний, тем требовательнее нарастала необходимость отыскать весомое решение». В поисках «стартового пункта» истории человечества Уоррен обратил основное внимание на тот факт, что во всех без исключения религиозных учениях присутствует утверждение, что местонахождение рая прямо или косвенно связано с Северным полюсом. Он исследовал все доступные ему в его время мифы и мифологизированные произведения устной и письменной литературы разных народов и нашел в них подтверждение этой точки зрения. Он увидел, что рай не был определяем как точный географический пункт на лице земли, и его находили то на земле, то под землей, то на небе, то на вершине горы, но, несмотря на этот кажущийся разнобой, совпадают столь многие указания на реалии Приполярья, что, как бы их ни воспевали, они объективно указывают на север. Так, например, четыре течения реки Библии могут означать только единовременное направление на четыре стороны света, то есть точку Северного полюса; в космогонии китайцев четыре реки мира текут в противоположных направлениях с вершины священной горы; египтяне понимали северную выпуклость земли как высшую точку единения с небом; индусы верили в священную гору Меру, вокруг которой вращаются все светила небес, что возможно только на Северном полюсе; аналогичные утверждения обнаруживаются и в Авесте древних иранцев и т. п.

Брахманы проводят богослужения в храмах и на дому и чертят карты звездного неба

В заключение Уоррен приходит к выводу, что поиск рая — это попытка людей оформить в мифах свою память о собственном происхождении с далеких северных земель, что объективно подтверждается данными и таких наук, как палеогеография, палеогеология и др.

Геологические, ледниковые периоды и периоды горообразования

Здесь нам важно отметить, что книга Уоррена вызвала горячий отклик именно в Индии, отразив в значительной мере то, что таится в гимнах Вед. Тилак, поддерживавший живейшую связь с западными санскритологами и во многом исправлявший их трактовку Вед, сначала опубликовал книгу «Орион, или Исследование древности Вед» (1893 г.), в которой сопоставил данные гимнов с данными палеоастрономии, а вслед за тем и упомянутую книгу «Арктическая родина в Ведах».

Чрезвычайно важным является то, что Тилак, исходя из уровня мировой науки своего времени, не только убедительно описал указания Вед на реалии Приполярья, но и впервые отнес эпоху «арктической родины» ко времени последнего периода межледниковья.

Уже в Предисловии к своей книге он решительно ставит акцент на том, что Веда гораздо древнее той даты, с которой их связывает большинство исследователей. Многие датировали их II тысячелетием до н. э., а затем и IV или V, но Тилак сначала отодвигает эту дату ко времени таяния последнего ледникового покрова земли, то есть, по данным того времени, к

VIII тысячелетию до н. э. (хотя впоследствии некоторые считают, что это XII тыс.), а затем отодвигает древнейший ведический период и «примитивную жизнь арьев» к гораздо более древним временам — к последнему межледниковью, и это открытие является новым и решающим для науки, хотя некоторые до сих пор не могут его освоить и оценить должным образом.

Следует указать читателю на то, что Тилак, говоря об историческом постепенном разделении протоевропейских приарктических племен и расхождении с арьями других диалектных, а значит, и формирующихся этнических групп, употребляет термин «арийская раса», что никогда не было свойственно индийской науке и явно заимствовано им от европейских историков, занимавшихся формированием расовой теории. Тилак указывает, что одни события относятся ко времени «до разделения арийской расы», а другие — после него. Здесь важно увидеть его знания о многоплеменности формировавшегося древнейшего общества предков индоевропейцев.

С момента появления книги Тилака все более широкий круг исследователей начинает интересоваться полярной теорией происхождения индоевропейцев, и первым в России на труд индийского историка откликнулся биолог Е. Елачич, опубликовавший книгу «Крайний Север как родина человечества» (Приложение III). Впоследствии геологи, геофизики, палеоботаники, климатологи и другие специалисты убедительно доказали, что на севере Восточной Европы в XII–XI тысячелетиях до н. э., после завершения таяния последнего ледника, то есть в начале периода, именуемого голоценом (который длится и по сей день), наступило такое потепление, что землю покрыли даже широколиственные леса — найдена пыльца березы, ольхи, а леса отошли на 300 км севернее своей современной линии. Эти века, а вернее тысячелетия, оказались переломными в истории природы, а соответственно и человечества. (Привлекает внимание и тот удивительный факт, что в древнеиндийском эпосе «Махабхарата» история современного человечества измеряется 12 ю тысячелетиями.)

Скульптура, созданная ледником. Русский Север

В науке существует такая точка зрения, что первой и наиболее длительной в системе географического ориентирования человека на земном шаре была пора так называемого географического эгоцентризма, то есть оценки всего окружающего пространства и всех явлений природы применительно к местонахождению самого оценивающего. Именно к этой изначальной системе географического эгоцентризма следует отнести содержащиеся в Ведах и «Махабхарате» описания земли, водных источников, небесных светил и состояния атмосферы, а поэтому и рассматривать их следует как наиболее древние части этих литературных памятников, тем более что основная их доля сохранилась только в традиции устной передачи.

«Всего лишь 18 000 лет назад большая часть Северного полушария была покрыта льдом», — сообщают гляциологи (эти данные значат, что до завершения таяния этого последнего ледника оставалось еще около 5–6 тысяч лет). «Межледниковая обстановка на земле, — сообщают они, — это сугубо временное состояние» [78, с. 15].

Позднепалеолитическая стоянка в Костенках

Величайшую роль играл язык в те времена, когда устная традиция, строго и нерушимо передаваемая от поколения к поколению могла зафиксировать явления природы, с которыми люди встречались в глубочайшие периоды своей истории, включая и наступление ледниковья.

На Русском Севере археологи открыли много стоянок древнего человека. В годы послеледникового теплового периода, начавшегося около 12–14 тысяч лет назад, от условно проводимой линии Кольский полуостров — Урал — Байкал температура к северу была на 5 градусов выше, чем к югу от нее [28]. Нелишним будет вспомнить о том, что в Индии в некоторых высоких брахманских кастах сохраняется обычай писать брачные договоры обязательно на бересте — такая традиция не может не вести нашу мысль по следам арьев, проходившим с севера по нашим землям.

Соглашаясь с тем, что предки арьев, их древнейшие племена складывались на Крайнем Севере, следует думать не только о них, но и о предках всех других народов, говорящих на языках индоевропейской семьи, и в том числе об интересующих нас славянах. Неожиданным для всего мира явилась удивительная находка в 1950 х годах русской археологической экспедиции захоронения мужчины на берегу р. Сунгирь, вблизи г. Владимира. Исследования по всем правилам антропометрии привели к выводу, что был обнаружен скелет, точно соответствующий средним показателям человека европеоидной (или северной, или нордической, или приледниковой — в печати встречаются разные названия) расы, а значит, представители этой расы жили на Русском Севере. И главное открытие в результате всех исследований буквально потрясло научный мир — этот человек жил здесь 25 тыс. лет тому назад, в период палеолита.

Возможно, так выглядело жилище приледниковых индоевропейцев. (Жилище из костей мамонта. Стоянка в селе Межерич. Украина.)

Чисто арифметический подсчет приведет нас к решению, что время его жизни приходится на первые годы (или точнее — тысячелетия) существования последнего ледника, а это значит, что на Русском Севере селились и численно увеличивались группы предков индоевропейцев. Обнаруженный в захоронении человек вошел в мировую науку под названием Хомо сунгирикус.

Его скелет был найден в погребении у древней стоянки, в которой обнаружили и многие следы жизни людей в течение 2–3 тысяч лет в эпоху, именуемую верхним палеолитом. Были найдены кострищи, костные останки животных и обработанные камни и кости. Кроме скелета мужчины, нашли в процессе дальнейших исследований и сохранившиеся в захоронении останки девочки и мальчика, а также разные предметы, входящие в состав оружия того времени, одежды, и в том числе разнообразные украшения (главным образом из бивней мамонта). На скелете мужчины сохранились остатки одежды — кожаной накидки, и высоких сапог — постолов (описания всех этих предметов заполняли многие страницы статей, публикуемых в научных трудах после столь интересных находок).

Серебряная пластинка (Бактрия. II тыс. до н. э.). Предположительное изображение 4-колесной повозки предков индоевропейцев. Характерны «скифские» сапоги (постолы) на ногах идущего мужчины

Промеры скелета мужчины показали, что он был при своей жизни человеком, имевшим рост в 180 см, был широк в плечах и не страдал от каких-либо костных дефектов. Со времени обнаружения стоянки на Сунгире антропологи пришли к выводу, что таким, по всей вероятности, был облик жителей Русского Севера в ту эпоху.

Вся индоевропейистика заметно продвинулась вперед после этой замечательной находки.

Останки Хомо сунгирикус ясно указывают на время приледниковой жизни предков индоевропейцев и на области продолжающегося развития их культуры, истоки которой

восходят к последнему межледниковью. При своем постепенном расселении в более южные районы предки этих народов продвигались, частично оседая на землю то на кратковременные стоянки, то на длительное пребывание на осваиваемых участках. Предки современных западноевропейских народов, судя по данным о дальнейших их этнических территориях, переселялись, видимо, по более западным путям или, по крайней мере, с более западной ориентацией, тогда как протославяне продвигались по землям Восточной и частично Западной Европы (и южным землям Прибалтики), а протоарьи — вдоль западных и восточных отрогов Урала (первое относится к индоязычным, а второе к ираноязычным арьям). Судя по данным палеонаучных исследований, древнейшие этапы зарождения и развития языков индоевропейской семьи отдалены от нас на многие десятки тысячелетий, к эпохе не только позднего, но и среднего палеолита. Нарастание взаимного сближения наших предков следует отнести ко временам последнего межледниковья, относящегося к векам, залегавшим примерно между 65 (60) и 35 (30) тысячелетиям до н. э. Крайне медленно происходило освоение ими вмещающего ландшафта арктических, а в дальнейшем и материковых территорий, и лишь очень постепенно археологи обнаруживают следы их пребывания на послеледниковых землях Севера.

Если исходить из наличия максимального среди всех индоевропейских языков количества аналогий и сближений, выявляемых именно в языках славян и индоязычных арьев, напрашивается вывод, что соседство этих племен было наиболее тесным и долгим и, вероятно, сопровождалось их частичным породнением. В то же время по численному убыванию взаимных сходжений между индоарийскими и другими языками индоевропейской семьи видно, что предки современных западных народов не были и в глубокой древности столь близки арьям, как предки славян.

Орнаменты на сосудах Триполья. Энеолит Правобережной Украины и Молдовы

Формирование славянских племен протекало в течение многих тысячелетий, и изначальный процесс складывания их языка и верований проходил в условиях такой глубины времен, которую можно определить как период последнего межледниковья, с чем теперь, в свете достижений современной науки, спорить уже не представляется возможным.

Пора обратиться к своим соплеменникам (имея в виду славян в целом), как и к представителям других народов, с убедительной просьбой: перестаньте маниакально причислять себя к арьям — арьями были только сами арьи, как индоязычные, так и ираноязычные. У каждого из народов, говорящих на индоевропейских языках, были свои, так сказать, зародышевые группы пра-прапредков.

Уже на уровне выделения семейных, а затем и семейно-родовых групп начался процесс складывания различающихся или сближающихся элементов в их разговорной речи, и это размежевание, как и это сближение, определялось отдаленностью или близостью осваиваемых участков продуктивного ландшафта.

Нарастающие в процессе дальнейшего развития различия или схождения в языках всех формирующихся родо-племенных образований привели к тому, что ученые нашего времени получили возможность выделить из всей массы земных наречий единую семью индоевропейских языков и по следам сохранившихся в них сближений и различий воссоздать картину их жизни в те века, которые отдалены от нас на многие тысячелетия.

Мифы таят историю

Но в Евангелие от Иоанна

Сказано, что слово — это Бог. Н. Гумилев

Кто может ответить на вопрос — где и когда зарождались мифы? Что могло явиться причиной зарождения того или другого из них? И что хотели выразить люди, создававшие первые мифы? Если бы мы, очевидцы стремительного процесса техногенного развития, смогли бы обратить свою память в глубины десятков тысячелетий, то, возможно, вспомнили бы, словно во сне, давние реакции и отклики наших предков, наших прапредков на мощное воздействие окружающей их природной среды.

Наиболее древними памятниками религиозной литературы признаются два сборника гимнов и молитв индоиранцев — Ригведа и Авеста. Истоки большей части этих текстов пока не поддаются точной датировке. Некоторые ученые согласны с Тилаком в том, что в них нашли свое отражение даже не столь глубокие условия и факты, как реалии последнего периода межледниковья, а затем и сменившего его последнего оледенения.

Ригведа, первая и главнейшая из Вед, не может восприниматься как отражение в гимнах единовременного цикла впечатлений, диктуемых или подсказываемых человеку окружающей его природной средой. Ознакомление с ее гимнами показывает, что они содержат описания явлений, с которыми человек знакомился в разные периоды своего исторического развития и прежде всего на это указывают, например, гимны, посвященные богу огня по имени Агни и богу Индре, которому приписывается ряд важнейших функций и в том числе борьба с мраком. Освоение огня, умение использовать эту стихию, умение остерегаться от ее проявлений в природе было, несомненно, тем достижением первобытного человека, которое следует считать порогом цивилизации, а поэтому можно прийти к выводу, что изначальные гимны Ригведы — а она и открывается гимном богу Агни — являются самыми древними. Они указывают на весьма существенный момент — на начало осознания того, что, во-первых, человек начал персонифицировать природные явления, придавая им облик богов как человекообразных существ, и, во-вторых, стал осваиваться с мыслью о возможности повлиять так или иначе на проявления воли этих богов.

Скифы и соседние племена с VII по II вв. до н. э. (Б.Н. Граков. Скифия, М., 1971)

Такое же число обращений адресовано богу Индре. Судя по тому, что он выступает как носитель большего числа функций по сравнению с Агни, и, главное, по тому факту, что ему уже приписывается возможность влиять даже на движение небесных светил, можно полагать, что придание образа бога такой мощной силе возникло в сознании человека на более позднем этапе его развития. Но — когда? Не углубляясь здесь в анализ вероятной последовательности появления богов в пантеоне Ригведы, скажем лишь, что век за веком их число умножалось и соответственно расширялось количество посвящаемых им гимнов. Суть этих гимнов можно свести к трем направлениям, отразившим главное отношение человека к богам, создаваемым его воображением, — это просьбы к ним о пощаде и помощи, восхваление и прославление их и выражение покорности и подчинения им.

Число богов возрастало по мере прохождения древними человеческими коллективами многотысячелетнего пути исторического и общественно-экономического развития.

В среде прапрапредков индоязычных ариев жрецы, известные нам как брахманы, не просто достигли постепенно привилегированного общественного положения, но и в значительной мере заслужили его тем, что создавали долгие разветвленные ритмически-стихотворные гимны, адресованные множеству богов. Эти древние авторы ведических гимнов

определяются словом «риши», что обычно переводится как «пророки». В своей среде они с течением веков выработали особую систему сохранения гимнов, передавая их изустно от поколения к поколению ученикам из своей среды, строго наблюдая за заучиванием и воспроизведением слов. Благодаря этой системе гимны Ригведы дожили до времени возникновения письменности, и в дальнейшем научный мир получил возможность переводить, оценивать и анализировать их строки.

Не просто тысячелетия, а многие десятки тысячелетий протекли с начала сложения первых гимнов Ригведы. В записанном виде она стала привлекать к себе внимание многих не только индийских, но и западных ученых. И вот на этом «втором фронте» выяснилось, что точно перевести ее гимны на европейские языки практически невозможно. Гимны насыщены множеством метафор, аллегорий, намеков на нечто бывшее понятным древним риши и их современникам, но совершенно необъяснимое с позиций западной науки всех уровней. Переводили Ригведу частично или полностью на все европейские языки, включая и русский, но читатели постоянно не в силах понять, о чем идет речь и что чему соответствует, хотя видно, что гимны адресованы многим богам порознь или каким-то их группам. Можно увидеть, что люди о чем-то просят, но трудно уяснить себе, чем вызваны многие их просьбы, а ведь это главное, что должно стать понятным для аналитического исследования. Высказываются разные предположения, в которых все исследователи добросовестно ссылаются друг на друга, но ясности нет. Главной причиной этого служит один большой общий недостаток — недоверие Запада к научным знаниям, сложившимся на Востоке. Всеми признается, что Веды — это великий памятник индийской культуры, но вот в Ригведе вдруг говорится о каких-то долгих сутках мрака, а затем о сутках незаходящего солнца. Или, опять же, о вращении небесных светил вокруг одной горы — какой? Где она была? На многие подобные вопросы ответа не находили, так как, не понимая «тайного» смысла многих гимнов, объясняли его неверным изложением при первых публикациях или утратой некоторыми словами своего истинного древнего смысла при крайне длительном периоде их передачи из уст в уста. Европейские ученые стали входить в контакт с индийскими при очень ограниченных условиях возможностей встреч и консультаций лишь после начала в XVII в. колониального проникновения в Индию английских администраторов, и политиков, и миссионеров. Можно утверждать, что при храмовых службах они не присутствовали, исполнения брахманами гимнов Вед не слыхали, а если и доводилось это услышать, то воспринять суть и глубинный смысл древних слов было, естественно, невозможно. Тем не менее исследователи все же попробовали определить свои точки зрения, которые и составили основу содержания европейских публикаций о Ведах.

Сходные элементы орнамента на сосудах: а) юг Восточной Европы; б) северо-западная Индия

Но, как уже упоминалось выше, индийская наука сказала свое слово об истинном смысле гимнов Ригведы: Тилак издал свою книгу, явив глубокое проникновение в суть гимнов, в самый древний их смысл. Эту суть и этот смысл жреческое сословие брахманов пронесло через трудноисчислимое количество веков благодаря тому, что традиция устной передачи слов требовала, по выражению Тилака, «полировки памяти». Тилак обладал тем, чего были лишены европейские исследователи, — чувством языка, знанием его не по выучке и словарям, а, так сказать, «изнутри», что можно назвать и памятью крови. Надо напомнить, что такое знание родного языка «изнутри» присуще человеку каждой национальности, потому что, как говорят психологи, уже в состоянии эмбриона он воспринимает все воздействия окружающей внешней среды и пронесит через свою дальнейшую жизнь усвоенную таким путем информацию. И не может считаться случайностью, что, например, каждый русский сразу отличит на слух национальность собеседника, как бы бегло тот ни говорил по-русски.

Молодой брахман-проповедник, считающийся потомком арьев

Так Тилак знал ведический санскрит, слыша еще до своего рождения распевание гимнов

брахманами, и мог с самого раннего детства упрочить свое восприятие сути текстов. Это было и остается недоступным для любого представителя иной языково-национальной принадлежности, который не может вот так, «изнутри», знать ведический санскрит и неизбежно связан со словарным толкованием слов. Воспринимая из суждений членов семьи и представителей храмовых и домашних жрецов донесенное из глубочайшей древности понимание условного содержания обращений к богам, Тилак направил свои усилия на выявление тех реалий, которые могли породить именно свойственную древним риши суть просьб и молений или даже просто описаний, носящих характер аллегорий или метафор. Примеров таких неясных строк гимнов можно привести множество.

Невозможно даже перечислить или описать все обилие требующих точной расшифровки строк Ригведы, а поэтому так высоко ценен труд Тилака, разъяснившего основную суть этого памятника — отражение в гимнах природы Арктики вплоть до высоких северных широт.

Многие исследователи Вед сходятся во мнении, что Ригведа содержит указания на океан, на его глубины, на порождаемые им тучи, т. е. на тот факт, что эти указания должны быть намного древнее времени ее фиксации в индийской письменности. Но всегда оставался безответным вопрос — а намного ли древнее, на сколько веков — или тысячелетий?

Остановимся на некоторых указаниях Тилака. Так, в главе «Ночь богов» он подчеркивает, что риши «достигли в те давние времена высокого уровня знаний в области практической астрономии» и вошедшие в Ригведу их сведения достоверны. Далее мы узнаем, что в силу свойств Северного полюса люди видят вращение небосвода над головой как вращение колеса на оси: в мандале X, в гимне 89, говорится, что бог Индра «удерживает своей силой небо и землю, как два колеса повозки удерживаются осью», т. е. речь идет о той картине, которую можно наблюдать только на полюсе. Точка полюса именуется в гимнах горой Меру, и все описания движения небесных светил четко сводятся к периодам их вращения вокруг Меру: полгода длится день богов и полгода длится их ночь. Это указание говорит о том, что в течение многих веков сохранялись в традициях брахманов Индии взгляды и утверждения ведических риши.

Тилак четко проследил и суть мифов о боге Индре, пояснив, что западные ученые неверно связывали его действия только с дождями или грозами. Этому богу в Ригведе приписываются гораздо более существенные функции — он убивает змеедемона мрака и холода, освобождая из плена долгих («вечных») ночей похищенное им солнце, и вместе с тем дает возможность водам сбросить оковы льда и снова вольно течь по земле. Эти образы показывают суть процессов, протекающих в природе севера и особенно важны в этом аспекте те гимны, в которых описываются жертвоприношения Индре как победителю мрака — подробнейшее описание всех ритуальных действий, посвященных возврату солнца на небо после «вечной ночи», содержат многие строфы гимнов. Чрезвычайно ценным является, например, описание той службы («саттры»), которую проводили жрецы ради одоления силы «вечной» ночи («ратра»), длящейся сто («шата») суток. Эта служба именуется в Ригведе «шата-ратри», и именно расшифровка Тилака дает возможность определить место ее проведения. Почему жертвоприношения богу Индре должны были длиться сто суток, т. е. три с лишним месяца, в течение которых его умоляли победить силы мрака и освободить солнце? Тилак ссылается на пояснения, содержащиеся в «Брахманах» (в частности, в «Айтарея-Брахмане»), открывающие суть гимнов «шата-ратри» и содержащие указания на Ригведу, что более длительных ночных служб быть не могло [155, с. 227–234], а Индра называется «хозяином ста возлияний», т. е. стократного принесения ему в жертву пьянящего напитка сомы, подкрепляющего его силы.

Здесь можно попытаться локализовать место проведения этих «саттр ста ночей». Обратимся к точному документу, к «Таблицам солнца для города Мурманска» [153], где обнаружим, что на его широте, т. е. на 69°, «вечная» ночь длится 40 суток. Вспомним, что на Северном полюсе она измеряется 178 сутками, а значит, разница с Мурманском составляет 136 суток.

От полюса до Мурманска залегает пространство в 21° , на которое приходится указанная разница в долготе ночи. Разделив 136 на 21, увидим, что на 1° приходится 6,5 суток сокращения ночного мрака. Поскольку саттры длились по 100 ночей, т. е. на 60 суток дольше, чем в Мурманске, то, разделив 60 на 6,5, мы определим, что отдаленность этих саттр от Мурманска равна $9,2^\circ$ — а значит, они могли иметь место на $78,2^\circ$, т. е. в очень высоких северных широтах.

Этот простой подсчет указывает на правильность соотнесения данных Ригведы с Арктикой, что подтверждается и древними данными, приведенными Тилаком.

Описание в мифах «вечных» ночей и дней привлекает не меньшее внимание, чем указания и на ряд других поражающих читателя явлений.

Тилак в своей книге уделяет главное внимание доказательствам того, что древние арии знали все явления и признаки, характеризующие точное их знакомство с особенностями арктической природы. Не повторяя того, что уже сказано выше (и будет уточнено ниже), обратим наше внимание на поразительное совпадение ряда мифов, преданий и сказочных описаний, встречающихся во многих разделах ведической литературы и великой эпико-исторической поэмы «Махабхараты». Сюжеты и красочные описания, включаемые в такие разделы священно-ритуального писания и мирские сказания ориентируют читателя на согласие с тем, что во время создания Ригведы индийские авторы обладали вполне приемлемым уровнем знаний о метеорологических и астрономических характеристиках Северного полюса и более того: «Указания на сверкание горы (горы Меру, принимаемой за Северный полюс. — Н. Г.) особо интересны, поскольку это, видимо, может быть описанием северного сияния» [155, с. 101].

С утверждением Тилака, что зрелище северного сияния доступно только людям области Полярного круга, соглашаются все исследователи Арктики и жители приполярных земель, а дальше на юг, вплоть до южной границы Русского Севера, свет этих арктических сияний превращается в так называемые белые ночи, о свете которых Пушкин писал: «Когда я в комнате моей пишу, читаю без лампы».

Остановимся на нескольких описаниях небесных явлений, встречающихся в индийской литературе. Одни из них явно рисуют игру красок на полярном небе в месяцы северной ночи, длящейся вокруг полюса по 6 месяцев, а в других мы видим как бы передачу тех образов, которые возникали в фантастическом восприятии человека, потрясенного непонятной грандиозной «битвой красок» на черном ночном небе.

Границы плейстоценовых покровных оледенений Европейской части СССР (по А.А. Величко): 1) Окское оледенение; 2) Днепровское; 3) Московское; 4) Валдайское

Примером первого положения может послужить содержащееся в «Махабхарате» (в книге «Лесная») описание горы Меру, т. е. точки, единогласно признаваемой местом Северного полюса. На эту гору пришел Арджуна, один из главных героев эпоса, и говорит, что «на Меру Солнце и Луна ходят кругами слева направо, и это же совершают все звезды... Гора своим сверканием настолько превосходит мрак ночи, что ночь бывает трудно отличить ото дня». Если тот, кто знакомится с Махабхаратой, вспомнит, что речь в ней идет о полугодовой непрерывной ночи на Меру, то ему станет ясно, что это загадочное сверкание горы может означать только блеск северного сияния, которого, естественно, в течение шестимесячного дня в точке полюса не бывает, а значит, Арджуна в своем рассказе передает то знакомство с этим небесным явлением, которое было близко известно его отдаленнейшим предкам и жило в их памяти в точных и ярких описаниях. А, поскольку династический род Арджуны выходил по генеалогическим подсчетам специалистов по гороскопам к древнейшим корням арьев-воинов и завоевателей, то, по всей очевидности, в его роду, относящемся к наиболее старинной династии Бхаратов, сохранялась живейшая память о природных условиях,

знакомых им по реальным событиям жизни в глубочайшей древности. И эти условия, и эти события нашли себе прочное место в народной памяти всех арьев, закрепляясь в ней постепенно от поколения к поколению, начиная с периода их жизни в приарктических условиях и принимая постепенно форму мифических сказаний, которыми так богата Ригведа. Следует особо подчеркнуть, что мифы Ригведы сберегали брахманы — богослужители и учителя, а мифические и мифообразные сказания сберегал в своей коллективной памяти народ, и в этих богатых разветвленных образах мифы и вошли в неизмеримо обширный объем «Махабхараты». Этим и объясняется почти дословно точное описание сияния горы Меру, содержащееся в Ригведе, с волшебным ее сверканием в ночном мраке, которое так поразило Арджуну, героя-царевича «Махабхараты». Такая ночная игра световых вспышек в глубине черного неба (повторим — неба полугодовой непрерывной ночи) могла представлять собой только картину северного сияния, которое нигде на земле не может быть наблюдаемо и так точно описываемо, как в приводимых отрывках из памятников индийской литературы, а также для сравнения с ними и из описаний европейцев, видевших это явление (о чем ниже).

Остановимся на передаче впечатлений, производимых ярким напряжением в смене красок северного сияния, что могло породить — и порождало — в восприятии зрителя возможные аналогии со знакомыми ему картинами и делами земной жизни. Так, в книге 1 й «Махабхараты» (с. 81) мы встречаем такой рассказ: «Затем вблизи Солнечного океана разыгралась великая битва, ужаснейшая из всех, между богами и асурами. Большие острые дротики, пики с хорошо отточенными концами и другие различные орудия посыпались тысячами. Разрубленные диском, покалеченные мечами, копьями и дубинами асуры тогда, обильно истекая кровью, падали на землю. Срезанные острыми копьями в страшной битве непрерывно падали головы, украшенные сетками из горящего золота. Словно ярко-красные вершины гор, лежали убитые асуры с телами, обгаженными кровью... И тогда... явился с небес сверкающий великим блеском диск Сударшана... он был подобен огню, ужасен и неотразим... Блистая подобно разрушительному огню... то пылая, как огонь, он слизывал толпы асуров... А могучие асуры, с твердыми сердцами, забравшись на небеса, постоянно беспокоили оттуда толпу богов тысячами скал, напоминая собою тучи, разливающиеся дождем... Терзаемые богами могучие асуры... ушли в землю и океан солнечных вод».

В другом месте поэмы мы встречаем не менее яркое описание разгоревшегося в небе сияния («Мах.» кн. 1, с. 96. Сев. сияние).

«(Боги) решительные, они облачились в различные дорогие панцыри, сделанные из золота... они держали множество разнообразных мечей... и все это испускало искры огня и дым... И украшенные дивными украшениями, блистая сверкающим оружием, те сонмы богов стояли там... и то поле брани казалось расплавившимся в небесном своде».

В этом же великом эпосе мы встречаем и описание полярного сияния как форму воплощения бога арьев, чаще всего встречающегося под своим главным именем Вишну. Этот рассказ выглядит как повествование человека, восхищенного таким зрелищем, но не простого человека, а великого мудреца, «владычного риши», который отправился на Шветадвипу (на «Белую землю»), чтобы почтить великого бога лучшими словами в том месте, где «весь мир пребывает». И вот Вишну-Нараяна явился на его призыв «зримый во вселенском образе»: «Как бы подобно месяцу духовно чистый и вместе с тем как бы вполне от месяца отличный, и как бы огнецветный, и как бы мысленно мелькнувшее звезды сиянье; как бы (радуга) крыла попугая и как бы хрусталя искристость, как бы иссиня-черный мазок и как бы золота груды, то цвета ветки коралла, то как бы белый отблеск, здесь злато-цветный, там подобный бериллу, как бы синева сапфира, местами — подобный смарагду...»

Можно продолжить примеры подобных описаний и рассказов о впечатлениях, порождаемых грандиозным зрелищем полярных сияний, но важно не их изобилие, а их точность, которую не могли бы породить пересказы чужих повествований, услышанных, возможно, тоже в чьих-то пересказах. Приведенные здесь примеры говорят о прочности памяти, сохранявшей знания и

впечатления, полученные некогда предками арьев, т. е. теми их давними прародителями, в областях, где видели и знали северное сияние и глубоко понимали и описали обстановку и условия жизни в арктических областях.

Евгений Елачич (см. Приложение III), русский исследователь Севера, написал в 1911 г., вскоре после первой публикации книги Тилака (1903 г.): «Новые исследования индийского ученого Тилака и ряда других филологов сыграли и сыграют в будущем громадную роль для разрешения вопроса о родине человечества».

Этому вопросу посвящен капитальный труд большого ученого У. Уоррена, работавшего в 1860–1870 х гг. в Америке, в Бостонском университете (169). Но до того, как мы познакомим читателя с его книгой, скажем все же, что описания северных сияний производили и производят столь же неотразимое впечатление на всех, кому довелось и доводится их видеть, причем некоторые описания почти дословно близки словам древних арьев об этом зрелище. Так, норвежский полярник Фритъоф Нансен писал: «Но вот северное сияние покрывает своим серебристым светом все небо; вскоре серебристый оттенок сменяется желтым, зеленым и красным цветом. Сияние, непрестанно меняясь, не зная покоя, то разливается широкой полосой, то снова стягивается лишь затем, чтобы снова разлиться по небу несколькими отдельными расходящимися полосами ослепительно белого цвета. И все окружено волнующимися сверкающими лучами... (Сиянье) появляется в виде огненных языков... извивалось наподобие огненного змия через все небо...»

И в завершение взглянем на слова того, чей род издревле существует на Двинской земле и кто с рождения наблюдает эту картину сияний, — известнейшего русского писателя Бориса Шергина: «В замороз к полночи начнет в синем бархате небесным пояском серебряным продергивать с запада до востока, а с севера заподымается как бы утренняя заря. И вдруг все погаснет. Опять из-за моря протянутся пальцы долги без меры и заходят по небу. Да заря займется ужасная, как бы пожарная. И опять все потухнет, и звезды видать. Сиянье же обновится. Временем встанет как стена, по сторонам столбы, и столбы начнут падать, а стена поклонится. А то будто голубая река протечет, постоит да свернется, как свисток» (Шергин Б. Океан — море русское. М.: Молодая гвардия, 1961, с. 25–26).

Знак коня в истории

Взвихренной конницей рвется

К новому берегу мир. С. Есенин

Попытавшись выше предположительно определить схему продвижения индоязычных арьев с земель их проживания в доледниковый период и путей их перехода к Черному морю в долгие века, наступившие после начала их приледниковой жизни, остановимся на том, как складывались в это время семейные структуры и соответственно их быт. В силу отсутствия археологических свидетельств нам следует обратиться к книге «От Волги до Ганга» и познакомиться со взглядом ее автора, обращенном в глубину этого периода, и всегда помнить при этом, что Р. Санкритьяяна посвятил свою научную деятельность изучению всех данных, сохранившихся в традициях, обычаях, языке, эпосе и памяти народа, и особенно тех групп населения Индии, которые доныне возводят свое происхождение к мифам о приходе арьев с северо-запада и об их путях на Индию с земель Восточной Европы. Обращаясь

именно к мифам и эпическим преданиям, автор сделал попытку обрисовать жизнь арийских предков в тех местах, которые он обобщенно назвал Волгой и связал их с периодом главенства матерей в родовых группах.

Глиняная модель крытой повозки арьев

Мы видим в этой книге описание жизни в тот период, пока еще не развилось скотоводство и, главное, еще не одомашнили лошадь. Археолог Е. Кузьмина в своей книге [104] посвящает отдельный раздел вопросу о роли коня и колесницы в истории индоиранцев, указывая, что в начале II тыс. до н. э. индоарийские имена, а также термины, касающиеся колесниц, встречаются в надписях стран Передней Азии, и подчеркивает, что «именно митанийские арии способствовали распространению навыков тренинга и запряжки коней в колесницы... и описание отрядов колесничих» (с. 179). В этой книге говорится о разных взглядах ученых на вопрос о начале одомашнивания лошади, но большинство сходится в том, что главным ареалом этого процесса была Восточная Европа «от Днепра до Урала». Этот итоговый взгляд многих исследователей приводит нас к выводу, что этот процесс был неотделим от скотоводческой практики кочевых индоязычных арьев, продвигавшихся к югу и далее к Индии путем завоевательных операций и захвата чужих земель и богатств, так точно определенных в вышеприведенной цитате из книги индийского историка Д. Косамби. Е. Кузьмина указывает, что даты начала строения колесниц расходятся у разных исследователей в пределах колебания от VI–V тыс. до II тыс. до н. э. В силу этой неопределенности мы можем лишь предположить, что описываемые (а точнее — реконструированные) Р. Санкритьяной картины жизни индоязычных арьев должны относиться к многотысячелетнему периоду их доледниковой жизни, а затем и к началу их пребывания на Русском Севере в приледниковых землях и их дальнейшему существованию уже на Волге. Выше мы подчеркивали, что Санкритьяна, вероятно, ошибался, относя описываемые им эпизоды жизни предков арьев к VI тыс. до н. э., и они, по-видимому, должны быть соотносимы с началом их продвижения с севера в сторону Волги. Судя по «нащупываемым» учеными датировкам начала коневодства в форме, единогласно приписываемой индоязычным арям, оно, возможно, зародилось в северных районах ареала «от Днепра до Урала» и стало одним из заметных различий между хозяйственно-культурными типами развивающихся славян и арьев, т. е. между земледелием и кочевым (или полукочевым) скотоводством.

Невольно напрашивается вывод, звучащий условно, но связанный с новым этапом в жизни индоарьев — с переходом роли главы рода из женских рук в мужские, — «конь определил становление патриархата».

В разделе книги, озаглавленной «Арии — путь на юг» [104], который посвящен данным о конях и колесницах, нет ни одного указания на связь коневодства именно с индоязычными арями и сообщается в основном, что: «Вопрос о происхождении конных колесниц в Передней Азии или в Волго-Уралье остается открытым. Хронологический приоритет пока за степями» (с. 178), но нет точной привязки этих фактов к какому-либо племени, и читатель может лишь по таким словам предполагать, что этим племенем могли быть индоязычные арии. И дальше сказано, что нет данных для сравнительного сопоставления находимых в степи фрагментов колесниц, но приводится важное для нас указание на то, что обнаруживаемые в Передней Азии «многочисленные упоминания колесниц и коней... связаны прежде всего с индоарьями, приход которых в Митании относят к XVI–XV вв. до н. э. ...Заслуга индоариев в Митании... в том, что они привели высокородных лошадей, выведенных для колесничной запряжки и научили их лечить, тренировать и запрягать в колесницы» [88, с. 41–45; 104, с. 179]. Эти данные, приводимые в ряде работ археологов и историков, служат главным подтверждением того, что именно в среде индоязычных арьев, продвигавшихся с севера вдоль приуральских земель Восточной Европы, началось и достигло высокого развития коневодство и соответственно ремесло построения колесниц.

Колесница арьев (реконструкция)

Обратившись к материалам «Махабхараты», мы обнаружим множество указаний на то, что воины арьи всегда обращались к услугам состоявших у них на службе колесничих, игравших роль не только погонщиков и направителей упряжных коней, но выступавших в роли специалистов, как наблюдавших за строением колесниц, так и проводивших потребный в бою ремонт. Все эти многочисленные данные подтверждают давние знания индоязычных арьев в области развития конно-колесничного дела, а значит, и возникновение этих знаний следует относить к векам, протекавшим задолго до того, как это дело стало известно в Закавказье, т. е. задолго до указываемого учеными XVI в. до н. э.

Скифский всадник. V в. до н. э.

У историков нет данных, позволяющих определить время начала развития сельского хозяйства в среде предков индоевропейцев (и, в частности, славян) и соответствующее начало развития у индоязычных арьев занятий кочевым или полукочевым скотоводством, с которым было связано их стремление к одомашниванию лошади и к прославившему их коневодству и колесничному делу. Но постоянно встречающееся у всех исследователей подчеркивание их неотъемлемой связи с этими занятиями, с этим их культурно-хозяйственным обликом служат хотя и косвенными, но всегда взаимно точно совпадающими указаниями ученых на тот многотысячелетний путь развития, который их племена прошли именно в лесостепных, а впоследствии и в степных зонах Восточной Европы, откуда и началось их продвижение и в Переднюю, и в Среднюю Азию и пролегло главное направление к Индии через северные области Афганистана.

Здесь еще раз можно высказать наше давнее предположение, что арьи достигли Индии не во II тыс. до н. э., как обычно пишут, но гораздо раньше. И об этом можно судить хотя бы по тому факту, что в захоронениях знатных людей в странах Передней Азии обнаружены останки не только одомашненных лошадей, но и части упряжи и фрагменты колесниц, датируемые IV–III тыс. до н. э. [88]. Эти находки сопоставимы с теми, что в более значительном количестве находимы археологами в областях южнорусских и днепро-донецких степей и, следовательно, соотносимы со скотоводами-арьями, развивавшими коневодство задолго до этих веков, а точнее — тысячелетий. И нельзя исключать из истории формирования и развития двух обширных культур — ямной и срубной — тех областей между северной частью русла Волги и Уралом, которые и были ареалом сложения в IV тыс. древнеямной культуры. В этом процессе, несомненно, не могли не принимать участия индоарьи наравне с другими формировавшимися здесь родо-племенными, а затем и племенными общинами индоевропейцев, положивших начало сложению населения Восточной Европы, т. е. главной массой протославян. Отсюда шло дальнейшее их продвижение к югу, и здесь, к западу от Урала, стала складываться задолго до этого их коневодческая культура, достигшая и южнорусских степей. Недостаточное развитие хода археологических работ здесь, в районах приуральской тайги, заставляет надеяться на новые открытия, которые смогут подтвердить эти предположения о путях древних арьев в Причерноморье, где их давнее и длительное присутствие, бесспорно, доказано работами лингвистов и, главное, недавно опубликованной книгой академика О.Н. Трубачева [167]. Специалисты по истории коневодства указывают, что оно развилось у племен Причерноморья уже к IV–III тыс. до н. э., что снова наводит на мысль о приходе арьев в Индию задолго до II тыс., как принято считать.

Необходимо указать на то, что во всех частях Ригведы многие боги описываются как связанные с лошадьми или управляющие ими. Так, божества утреннего света Ашвины носят даже имя, означающее «владеющие конями», бог солнца Сурья летит по небу в золотой колеснице, которую несут семь коней, Маруты-ветры тоже, как и главный бог ветра, Ваю, проносятся на конях, и т. п. Такие свидетельства нельзя не учитывать, говоря о коневодстве в среде индоязычных арьев.

В науке остается открытым вопрос о первом знакомстве с конем, о времени даже не первых попыток одомашнивания коня, а о самых первых днях возникновения в сознании людей

восприятия некой значимости этого животного. Археологи считают, что до VII тыс. до н. э. человек не знал коня, не освоил возможности его приручения и использования, и начали люди широко применять коня как жертвенное животное, что прослеживается и в данных о развитии срубной культуры в IV тыс. до н. э. Но только ли роль промыслового охотничьего животного отводилась коню до указанных дат? Следует вспомнить о находке русскими археологами стоянки на Сунгире, датируемой 25–30 тыс. до н. э. Выше уже говорилось об обнаружении останков Homo сунгирикус, этого представителя нордической расы, бывшего членом большой группы людей (семейно-родовой или уже родовой общины?), довольно долго живших на этой стоянке. Здесь мы остановимся на том, что там же было обнаружено и захоронение двух подростков — мальчика и девочки, и в числе множества изделий из бивней мамонта — колец, обручей, бус и прямых метательных копий (до сих пор не выяснен метод выпрямления этих длинных изогнутых бивней) — увидели на груди мальчика подвеску, изображавшую коня. Нет ответа на вопрос — что она могла обозначать? Ведь если коня убивали только для еды, как и других промысловых животных, то почему он изображен в форме амулета или оберега? Не говорит ли этот факт о том, что это животное воспринималось как связанное с каким-то культом? Догадки могут быть различными, но все они сводятся к тому, что на коня не просто охотились, но, видимо, знание о нем носило некую особую форму, и его выделяли из всего состава местной фауны. Это наводит на мысль о возможной древнейшей связи его с представлениями о культе солнца, так ярко отраженном в Ригведе.

Упряжка колесницы бога Сурьи — семь коней (индийская икона)

Вспомним о времени жизни людей Сунгиря — 25–30 тыс. лет тому назад, т. е. дата начала последнего оледенения, дата, говорящая о том, что за несколько веков до оформления ледника они уже переселялись на материк с жилых участков и островов Заполярья, т. е. с той полосы северной суши, которая после таяния ледника уйдет под воды поднявшегося океана.

Черeda вопросов ждет своего ответа: умели ли они, живя на землях высоких северных широт в условиях теплого климата межледниковья, обрабатывать бивни мамонта? Были ли тарпаны, предки северной лошади, в числе их промысловых животных в те века? Когда коня начали символически изображать и когда он стал символом солнца, что сохранилось в религиозно-культурных представлениях славян и арьев и было донесено до Индии, где широко популярно и в наши дни?

Ответов на все эти вопросы пока нет, но их значение от этого не уменьшается.

Кто это — арьи?

С милого севера

В сторону южную. М. Лермонтов

Великим даром исторической судьбы следует нам признать «язык индийской культуры» — санскрит, доступный и сейчас для изучения в трех своих формах: ведической, эпической и классической. Ригведа содержит гимны, созданные в необозримой глубине веков, наравне с теми, что были сложены в Индии и датируются второй половиной II тыс. до н. э., — в них уже упоминаются реки северо-западных областей страны и даже Ганг, великая река ее северных

земель. Но в наиболее древних гимнах законсервированы данные о природе тех территорий, где жили первые создатели гимнов, о верованиях и ритуалах предков арьев, об их обычаях, быте и хозяйственных навыках.

В Ведах говорится об арьях, знавших охотничье хозяйство, пастушеское скотоводство, затем и начальные формы земледелия. Тилак же указывает, что индоязычные арьи встречались и с другими племенами, что и следует понимать как упоминание о предках других индоевропейских народов. Названий племен арьев в Ведах не приводится, и мы их узнаем лишь из памятников поздней ведической литературы и поздних гимнов, создававшихся уже в Индии.

В самой Индии осталось считанное число людей, могущих по расовому признаку причислить себя к прямым потомкам арьев, ведь древние арьи, придя в Индию, так перемешались за несколько тысячелетий с местными инорасовыми народами, что утратили ряд черт внешнего облика. Это утверждение относится и к судьбе ираноязычных арьев. (С повестки дня в науке не снимается вопрос о месте пребывания арьев в той глубине веков, которая определяла содержание их гимнов.)

В среде специалистов не умолкают споры о соотношении расового типа индоевропейцев — так называемой северной, или нордической, расы — с вероятностью ее формирования в условиях Приполярья. Остановимся вкратце на том, что именно в период последнего межледниковья сложился тип кроманьонца как современного человека и завершилось развитие первобытных людей. Установлено, что длительность последней геологической системы, или эры, четвертичной, измеряется временем от 2,5–3,5 млн до 700 тысяч лет. В этой системе различают два периода — плейстоцен и голоцен (который продолжается и сейчас). Хорошо изучено состояние льда в плейстоцене, который характеризуется длительным существованием ледниковых щитов не только в полярных, но и в умеренных широтах, а при наступавшем межледниковье устанавливался теплый климат. Земной рельеф, растительность, животный мир постепенно приняли современный облик на протяжении этой эры. С нею же связан и антропогенез — процесс эволюционного формирования физического типа современного человека, развитие его трудовой деятельности, речи и образование древнейших форм общества. Последнее из исторически известных оледенений стало сползать к северу, и лед окончательно погрузился в океан, как уже указывалось, примерно за 12–10 тыс. лет до н. э. Завершился плейстоцен, и наступил голоцен.

Графическая реконструкция внешнего облика мужчины по черепу из погребения 19 Выхватинского могильника (по М.М. Герасимову)

Вот об этом последнем леднике и говорится в Ведах (и Авесте, о чем скажем ниже). Но чтобы рассказать о наступлении этого ледника, надо было его видеть, — вывод из такого простого рассуждения может быть только один: люди, видевшие его, могли уже создавать мифы и легендарные описания его наступления.

В процессе долгих перемещений и постепенно складывавшегося соседского проживания на сравнительно небольшой приледниковой территории от Скандинавии до Урала, которое длилось, как можно предположить, не менее пяти тысячелетий, упрочивались культурно-хозяйственные связи между пришедшими группами предков индоевропейцев. Отсюда начался процесс их постепенного распространения по землям Восточной и Западной Европы, вызванного нарастающей перенаселенностью приледниковых угодий. Исходя из факта близости славянских языков к санскриту, можно полагать, что в этот период жизни наиболее близкими соседями (повторяем — если не в известной мере и родственниками) должны были быть предки славян и арьев. Тут складывались из родоплеменных групп более крупные социальные общности — племена, а возможно, возникали и первые союзы племен древних индоевропейцев. Это в свою очередь должно было привести к тому, что древнейшие

формы речи расширялись и обогащались за счет нарастания контактных отношений, которые способствовали также и выработке близких культовых понятий и тех верований, которые, как удается проследить, сохранились и в язычестве европейцев, и в ряде мифорелигиозных мотивов, привнесенных арьями в индуизм.

Гляциологи, выясняя границы материковой земли, охваченной последним ледником, не отражают в своих подсчетах факта и пределов его распространенности в сторону Северного полюса. И ведь почти никто из геологов не отметил, что Тилак точно ориентировал исследователей на гимны, правильно поняв которые мы будем вынуждены признать, что родина предков ведических арьев почти доходила какой-то своей частью до Северного полюса, и это было временем перед последним ледниковым периодом. Но это указание многие европейские ученые игнорировали до сих пор, считая, что полярная область никогда не была пригодна для обитания.

Да, действительно, на льду океана жить было нельзя, но суть в том, что к северу от современной береговой линии, т. е. послеледникового северного берега, под водой залегают мели и шельфы, которые, возможно, достигали некоторыми участками, судя по вышеприведенным подсчетам, 78 градуса северной широты. Все это указывает на те части материковой земли, которые были залиты океанской водой после завершения таяния ледника, и, эти шельфы лежат вдоль всего нашего северного побережья, от границ Русского Севера до 190 градусов восточной долготы.

Уже установлено (как и отражено во многих публикациях), что климат межледниковья был достаточно теплым, а значит, эти земли были населены, и обитавшие на них люди и видели, и осознавали, и описывали, прямо или косвенно, в своих молитвах и гимнах все явления окружающей их природной действительности, что и отражено в Ригведе как точные данные по геофизике.

Следует, наконец, поставить вопрос — кто такие эти арьи, не раз упоминавшиеся выше? Где они жили в первые века своего формирования и развития? Кем их предки были по отношению к предкам других индоевропейцев и, в частности, к предкам славян? Где, когда и с кем могли они вступать в контакты, как боевые, так и мирные? На множество подобных вопросов историческая наука ответов дать еще не может, но все же остановимся на некоторых из тех, что в известной мере найдены.

Что значит само слово «арья»? Это слово в текстах переводов трактуется столь по-разному, что бывает трудно выбрать объяснения смысла слова и проследить его историю.

В Европе и в Индии высказывались разные точки зрения на время появления и развития «арийской культуры» — некоторые полагали, что арьи никогда не были чужеродными для индийцев племенами, пришедшими из других стран, и всегда жили в Индии как часть ее древнейшего населения, но все же большинство деятелей мировой науки считает, что арьи пришли откуда-то с Запада.

Что изначально могло значить слово «арья» в языке тех, кого принято именовать арьями (или, по другому написанию, ариями)? Слово «арий» впервые появилось в западной науке в труде английского ученого В. Джонса в конце XVII в., а вслед за ним, к середине XIX в. немецкие лингвисты назвали все индоевропейские языки индогерманскими, и наибольшую известность приобрели труды Макса Мюллера, который назвал эти языки арийскими. Классический санскритско-английский словарь [173] предлагает следующие определения, причем сразу укажем, что в санскрите известны два написания этого слова — с «долгим и коротким “а”». При транскрибировании на латиницу «а» долгое обозначается надбуквенной черточкой, но поскольку при русском написании такие черточки не воспроизводятся, мы попробуем здесь условно обозначить «а» долгое путем двойного его написания — «аа».

1. Наиболее древний вариант слова «арья» восходит к корню «рь (ri)» — передвигаться, расширяться, двигаться на врага, достигать.
2. Другой древний вариант от того же корня обозначает «преданный, верующий» (оба эти варианта известны в Ригведе).
3. Более поздний вариант «аарья», возводимый к тому же корню, определяет уже принадлежность к племенам арьев, в отличие от других племен, с которыми доводилось встречаться или даже жить в их окружении (как и было в Индии в III–II тыс. до н. э.). Слово в написании с «а» долгим означает: «уважаемый, член высокого социального слоя, знающий истинную веру, житель тех областей Северной Индии, где воцарились арийские вожди (известной в эпосе страны Арьяварты)». Нам следует особо уделить внимание тому, что в современной литературе (и в санскритско-русском словаре) слово «арья» переводится прежде всего как «благородный», а затем — «верный, дружественный» (вслед за чем следует и пояснение, что «аарья» — это представитель высокой касты). На неверное понимание слова «благородный» необходимо указать тем, кто, вслед за германскими фашистами, усматривает в арях некое благородство как их главную черту. Оно применимо в указанном словаре как перевод принятого в английских словарях слова «арья» как «noble». Но нельзя ни в коем случае соотносить его смысл в английском и русском вариантах с неким духовным благородством арьев, поскольку в обоих этих европейских языках благородство (nobility) искони обозначает «благий род», т. е. рождение от высокопоставленных родителей, и русское обращение «ваше благородие» всегда адресовалось только лицам более высокого социального статуса, но отнюдь не духовно благородным людям. (Подчеркнем для русского человека — к лицам духовного звания не следовало обращаться со словами «ваше благородие», хотя именно так, вероятно, и следовало бы делать, если бы под этим обращением понималось принятое в народе представление об истинном, т. е. духовном, благородстве. Кстати, отметим еще раз для читателей, что в английском обществе под благородством тоже понимается «благорождение», а не моральность духа и поведения.)

Древнейшее наскальное изображение врага на колеснице (Северная Индия)

Следует раз и навсегда забыть утверждение что древние арьи были благородны по духу.

Тут будет уместно привести цитату из труда известного индийского историка Д.Д. Косамби: «Арьи не были цивилизованным народом по сравнению с народами великих городских культур III тысячелетия, на которые они часто нападали... Их главным достижением было безжалостное уничтожение барьеров между... земледельческими общинами... Арьи заимствовали все полезные для них достижения местной техники, после чего двигались дальше. Опустошения, наносимые ими, были столь велики, что после их ухода побежденные часто уже не могли восстановить разрушенное» [92, с. 84].

В конце этой характеристики арьев можно привести и близкие по смыслу к их образу жизни еще несколько значений глагола «рь» — «достигать, двинуться на врага, атаковать, передвигаться, расширяться», а также и еще одно значение слова «арья» — «хозяин, владелец».

Вывод из всех этих данных может быть сделан только один: давно пора прекратить спекулятивное использование слова «арьи», которое, как известно, очень широко применялось германскими нацистами, объявившими всему миру, что немцы являются прямыми потомками древних арьев, завоевателей, якобы принадлежавших к самой высокой нордической расе. («Для политического величия необходима... творческая сила и активность нордической расы... Здоровый немец шагает прямо в будущее... он верит в наследственное благородство своей крови... Он сочетает в себе честь и ответственность...» ...) [171, с. 313, 436–440 и др.]. В годы Отечественной войны наши люди стали насмешливо называть немецких нацистов «арийцами», но, к сожалению, и в среде украинцев и русских через

несколько лет после ее завершения стали появляться некие «герои», именовавшие себя тоже арийцами, причем с оттенком гордости. К счастью, это поветрие теперь почти исчезло.)

Как уже доказано антропологами, никто из числа индоевропейских народов не представляет собой четко выраженных генетических потомков индоязычных арьев, и наукой доказано только одно — факт вероятной близости (соседско-хозяйственной, по всей видимости) самых отдаленных предков арьев с предками европейцев, и из их числа — с предками славян. (Этот вывод подтверждается многими работами лингвистов, безошибочно выявивших чрезвычайную, не вызывающую никаких сомнений близость языка индоязычных арьев, санскрита, ко всем без исключения славянским языкам, о чем ниже и в Приложениях... будет сказано более подробно.)

Повторим, что название «арьи» относится к двум группам племен, которые в доледниковый период селились на землях Заполярья, залитых в дальнейшем водами океана. По лингвистической принадлежности их определяют как индоязычные и ираноязычные, но признается, что некогда обе группы были единой популяцией, а затем разделились. Так, известный историк — иранист Э.А. Грантовский убедительно показал, что «индоиранское единство, безусловно, следует рассматривать как реальный исторический комплекс, а его возникновение — как результат интенсивных связей в течение определенного периода и на сравнительно ограниченной территории» [45, с.346]. Нет ни одного исследования, в котором содержались бы данные о месте и времени этого разделения и о причинах, которые могли его вызвать. Как уже указано выше, науке известны два главных сборника древнейших гимнов и молитв, созданных некогда арьями, — индоязычная Ригведа и ираноязычная Авеста. Языком первого является ведический санскрит, а языком второго — древнеиранский, или авестийский. Оба эти языка взаимно близки, равно как и подобны многие из числа описываемых в них событий глубочайшей древности и указаний астрономического характера. Последние особенно четко выявляются в Ригведе.

Тилак в своей книге приводит ряд фактов сопоставлений и совпадений между Ригведой и Авестой, приходя к выводу, что древние арьи обеих ветвей были вытеснены в южную сторону из обжитых земель Заполярья, и прослеживает по описаниям календарных дат продвижение индоязычных арьев Ригведы в сторону материковых земель, т. е., судя по их дальнейшей истории, земель будущего Русского Севера. Что же касается данных Авесты, то можно в ее текстах найти указания на их продвижение к югу по землям Западной Сибири, затем к Ирану, в обход Каспийского моря, и к западу в степные зоны Северного Причерноморья.

В среде населения стран, расположенных на путях арьев, встречаются донынешние люди, обладающие ярко выраженной нордической, или «арийской», а точнее — европеоидной внешностью. Примером может послужить прилагаемый как иллюстрация фотопортрет туркменского пастуха, которого бывшие в его стране европейцы, члены научной экспедиции, единодушно определили как прямого наследника арьев. Вероятно, и прославленный Хомо сунгирикус был по чертам своей внешности подобен этому человеку, нашему современнику.

Кроманьонец из стоянки им. Замятнина. Реконструкция М.М. Герасимова

Здесь следует подумать о невольном возникающем выводе об Урале, о его исторической роли как геологического фактора. Этот хребет, «вросший» своим северным концом в океан, должен был разделить арьев на две ветви уже в начале их ухода от ледника к югу.

Поскольку лингвистами выяснено, что язык Ригведы очень близок к языку Авесты, как чрезвычайно близки и многие религиозные представления всех еще не разделившихся древних арьев (о чем особенно четко говорит Тилак, знаток их языков и культуры), делается ясной именно вероятность их разделения, а точнее — их раздвоения в тот период, когда природа стала грозить гибелью всем жителям Заполярья времен последнего межледниковья. Двигаясь в более южные земли, арьи должны были разделиться на две части и вынужденно

«обтекать» Урал с двух сторон: с западной пролегли пути арьев Ригведы, а с восточной — арьев Авесты. Именно вторые совместили скотоводство с земледелием, и им принадлежали поселения комплекса Синташты, включая Аркаим [36], и развитие андроновской культуры [104], тогда как индоязычная ветвь имела возможность двигаться к югу только по землям к западу от Урала, разделяя их с другими группами предков индоевропейцев, тоже уходивших сюда от надвигающегося ледникового похолодания. Это историческое раздвоение привело, как мы полагаем, к сложению и усилению возникающей разницы как в хозяйстве, так и в мировоззрении представителей обеих ветвей.

Судя по неоднократным описаниям в Ригведе и Авесте боев арьев с арьями, можно полагать, что, обойдя Урал с двух сторон, эти группы арийских племен вступали в взаимно жестокие схватки, и многие молитвы обоих источников содержат просьбы к богам о помощи именно в таких битвах (например, Ригведа; X, 38, 83, 102... и др.).

Ираноязычные арьи стали известны историкам по судьбам таких племен Причерноморья, как, например, скифы и аланы, языки которых определяются как близкие к иранскому, а индоязычные, заселившие сначала Крым и Приазовье, покинули этот юг Восточной Европы, продвигаясь через Среднюю Азию на Индию.

Рисунок в одной из пещер Мирзапура (около 800 г. до н. э.)

Полукочевые и кочевые племена индоязычных арьев продвигались с приполярных земель к югу в постледниковый период по землям к западу от Урала. Они встречались и, видимо, близко соседствовали со славянами вплоть до обширного региона юга Восточной Европы. Укажем здесь на определение территории древней славянской культуры, приводимое академиком Б.А. Рыбаковым. Определяемую им территорию он именуется прародиной славян и пишет, что на северо-восточной окраине земли праславянских племен «могли быть неясные для нас индоевропейские племена, не создавшие прочного, ощутимого для нас единства... Вытянутость праславянской области в широтном направлении на 1300 км (при меридиональной ширине 300–400 км) облегчала соприкосновение с разными группами племен». Б.А. Рыбаков подчеркивает особую важность такого фактора, как «двухтысячелетняя устойчивость основной области расселения праславян» [141, с. 200–208]. Нам важны указания на связи с «неясными восточными соседями», которыми могли быть, по всей видимости, арьи, носители индоевропейского языка санскрита, и напрашивающийся вывод сводится к одному — к устойчивым долгим связям праславян с индоязычными арьями по всей территории Русского Севера.

В эту территорию следует в указанном здесь смысле давнего сближения включать и прилегавшие к ней в эпоху межледниковья те земли, из которых образовались после ледника современные шельфы.

От индоязычной ветви древних арьев сохраняются главные следы — единство или значительное сходство их языка с лексикой и грамматическими формами славянских языков, на что мы здесь и обращаем главное внимание как на самое веское доказательство их длительной, многотысячелетней близости с прапредками славян, начиная от Арктики и Русского Севера вплоть до Черного моря.

Изображения колесниц, андроновцы (реконструкция)

Их пути не представляются ясными, начиная от постепенного перехода на территорию будущего Русского Севера в те наидревнейшие времена, когда этот переход был продиктован надвигающимся на места их проживания последним оледенением. В книге Тилака подсчитано, как в Ригведе отражено постепенное нарастание «солнечных месяцев», т. е. тех, в которые увеличивалось число световых дней и сокращалось время ночи (даже «вечной» полярной ночи). (Напомним, что ледник охватил собой северную часть

современного Русского Севера по линии примерно от его начала на 5 градусов северной широты к югу от Финского залива, затем в обход севера Белого озера до 68 градуса северной широты и 59 градусов восточной долготы, т. е. почти до конца Урала.) Перешедшие примерно за 30 тыс. лет до н. э. на южные окраины этого ледника предки индоевропейцев жили на этих приледниковых землях, продолжая посылно развивать свое хозяйство и соответственно свои взаимные контакты. Сфера их хозяйственной деятельности постепенно расширялась по мере освобождения почвы из-под льда, что, как легко понять, приводило впоследствии к частичному возвратному движению в сторону открывшихся берегов. Нет пока возможности доказать, какие именно группы (группа?) праславян осели тогда на этой северной окраине, но следует ли нам исключать мысль о том, что поморы хранят в себе ген тех далеких предков? В силу полного отсутствия археологических доказательств нельзя выявить и какие группы в приледниковое время жизни стали постепенно отделяться, переходя на более южные и западные земли (надо помнить, что восточное направление было закрыто Уралом).

Не следует забывать о том, что при наличии издревле складывавшейся близости языков предков славян и арьев и при сохранении давних моментов их сходства в целом ряде других элементов духовной культуры все же возникла разница в направлении их хозяйственного развития. Она определилась, по всей вероятности, уже в первые века расселения на приледниковых землях Русского Севера. Предки славян, как и других европейцев, стали ориентироваться в основном на обработку земли и связанную с этим оседлость, а предки арьев, постепенно в эти же века стали направлять свою деятельность на развитие кочевого и полукочевого скотоводства, двигаясь от одной временной стоянки к другой. Они не оставляли после себя ни следов жилищ, т. к. жили, вероятно, в своих повозках, подобно цыганам (кочевые племена которых так жили почти до середины XX в.), ни следов ремесленного производства — их древняя лепная необожженная посуда, как и деревянные изделия, не сохранились в земле.

Здесь можно высказать только догадку или свои соображения по вопросу о возможных причинах, подсказавших или породивших переход ведических арьев на указанный тип хозяйства — этой причиной могло в известной степени быть меньшая по сравнению с областями формирующегося Белого моря обводненность земель будущего бассейна Печоры. Это всего лишь догадка, но ее в некоторой мере подтверждают аналитические материалы литовского ученого А. Сейбутиса, приводимые ниже. Точного ответа нет на вопрос о причинах выбора типов хозяйственной деятельности в период приледниковой жизни и по завершении таяния всей массы последнего ледника, но все исследователи признают факт некогда сложившейся разницы в этом выборе культурно-хозяйственного комплекса (или, по другому названию, хозяйственно-культурного типа).

Археологические раскопки, проводившиеся в основном в центральных и южных областях Восточной Европы, дали возможность ученым выявить исторически последовательные этапы развития этнических групп на этих территориях. В качестве главного признака был взят способ погребения как кремированных, так и некремированных покойников. В IV–III тыс. до н. э. их останки погребали в ямах, а во II–I тыс. клали в закопанные бревенчатые срубы или в наземные избушки, стоявшие на земле или на столбах (отсюда и сказочная избушка на курьих ножках). Первый из этих этапов получил название ямной культуры, а второй — срубной.

Исследователи отмечают, что древняя ямная общность занимала обширные земли лесостепной и степной Европы от запада Черного моря и Белоруссии и была неоднородна по этническому (и языковому) составу. В ее восточных областях жили и носители тохарского, т. е. индоевропейского, языка. Выявлено, что в ямных погребениях III тыс. до н. э. к востоку от Южного Урала обнаруживаются черепа европеоидного типа.

По мнению большинства ученых, территория создателей срубной культуры («срубников») простиралась от Днепра до юго-восточной части отрогов Урала, где, как уже и на Волге, она

смешанно граничила с ираноязычными арьями.

Через эти территории прошли многие носители протоязыков Южной Европы. По землям Триполья должен был, по всей видимости, пролежать и путь следования и расселения южных групп славян. При всех трудностях, с которыми неизбежно встречаются археологи при попытках изучения многотысячелетней архаики, исследователи все же пришли к выводу, что и ямники, и срубники были этнически неоднородными, но находки указанных европеоидных черепов говорят о распространении к востоку индоевропейских форм языка, и не без основания предполагают, что это было связано и с ведическими арьями.

Век за веком протекал процесс постепенного отхода будущих европейцев с приледниковых земель в юго-западную и западную стороны и равным образом расширялось освоение славяноязычными группами индоевропейцев территории будущего Русского Севера.

Повторим, что индоязычные арьи в свою очередь, по мере естественного нарастания их популяции, осваивали один участок западно-уральской земли за другим, передвигаясь в южную сторону в поисках пастбищных угодий для стад мелкого и крупного рогатого скота. Необходимо указать и на лошадей, о которых исследователям давно известно, как о животных, чье одомашнивание и разведение было освоено индоязычными арьями еще до рубежа V–IV тыс. до н. э. Продвижение этой ветви арьев к южнорусским степям было активным именно в результате освоения ими коневодства и умения строить колесницы, что неоднократно описано в трудах историков, этнографов и лингвистов. Не приносят пока явных результатов попытки археологов расчленивать находки в районах обширных культур, ямной и срубной, и определить, какие из них можно связать конкретно с уровнем технического развития той или другой языковой ветви арьев, чьи пути пересеклись и переплелись в изучаемых областях обеих великих культур. К такому выводу приводит ознакомление с опубликованной в 2008 году итоговой сводкой археологических работ, проводимых в этих областях [104].

Древность ираноязычных арьев

И, крутя живые спицы,

Мчатся вихрем колесницы. А. Блок

Единственным путем к ознакомлению с жизнью предков ираноязычных арьев может послужить узнавание текстов Авесты — сборника их гимнов и молитв, который, как уже говорилось, в значительной мере близок Ригведе по языку и содержанию.

Авеста в своих древнейших частях создавалась носителями авестийского языка, предка более поздних форм иранского языка. Все эти гимны и молитвы сохранялись в течение многих веков благодаря установившейся в среде индоиранцев традиции устной передачи при строгом условии нерушимости слов. Прослеживание указанного сходства позволяет в ряде случаев ученым утвердиться в возможности восстановления некоторых фактов, относящихся к отдаленным эпохам.

Титульный лист книги «Авеста в русских переводах»

Особое внимание привлекают указания на географические и климатические особенности

упоминаемых в Авесте областей.

В Авесте повествуется о землях, в которых «один раз заходящими и восходящими кажутся звезды, Луна и Солнце» (Миф о Йиме). Очень ценными являются также указания на теплый благодатный климат областей расселения предков ираноязычных арьев — имеются сведения палеоклиматологов о теплом климате Заполярья в эпоху межледниковья [28; 130]. Гимны сообщают, что такие условия царили в «арийском рае» — Арьянам Вайдже (или Арьянам Ваэдже), но были разрушены злым духом, который как бы вывернул климат наизнанку, т. е. превратил десять летних теплых месяцев и десять зимних. Все черты сходства двух памятников не случайны — некогда индоиранцы составляли неделимое единство. Но — когда?

Каждый сюжет мифов и легенд Авесты не должен считаться просто выдумкой, ибо все они продиктованы теми природными реалиями, которые воздействовали на жизнь людей.

Прямыми свидетельствами того, что эта жизнь протекала сначала в благоприятных условиях «арийского рая», являются упоминания в памятнике о наличии крупного и мелкого рогатого скота и об умении изготавливать разные продукты из молока — напитки, творог, масло и др. Но ведь без обильного травяного покрова скот не разведешь, а значит, климат там был в некую эпоху теплый. Скота было много — и в Ригведе часто упоминается массовое принесение его в жертву богам, и в Авесте указывается, что жертву Вертрагне надо готовить так: «...и пусть скотину варят... хоть светлую, хоть темную, но цвета одного: (Яшт 14. 50)[1]. О наличии скота свидетельствует в Авесте и текст «Мифа о Йиме», где говорится, что наставало такое время, когда уже не доставало места для крупного и мелкого скота, и бог Ахура Mazda повелевает Йиме переводить всех на другие земли, переходя постепенно из одного «вара» (вспомним русское слово «варок» — «загон для скота») в другой, более обширный, где надлежало жить сначала 300, затем 600 и, наконец, 900 лет поочередно. Преувеличенные описания принесения в жертву «сто жеребцов, и тысячу коров и мириад овец» (Абан-яшт) говорят прежде всего о том, что индоиранцы давно прошли этап одомашнивания скота, а этот этап занимал не одну тысячу лет, и все такие сведения подтверждают факт чрезвычайно давнего начала хозяйственно-культурного развития индоиранцев на землях, ставших впоследствии шельфами.

Авеста и Ригведа содержат в себе неоднократные обращения к богам с просьбами о защите скота и его приумножении. В Авесте просят Душу Быка о милости, чтобы «...чистый скот не погиб... тучнел и корм приумножался», и пусть истинный муж-пастух «...десницей скот оборонит» (Ясна. Гаты, 28, 29). При этом под Душой Быка понимается божество, в котором воссоединяются души всех коров и быков, приносимых в жертву (стр. 424). В Ригведе мы видим много равноценных молитв и обращений к богам: пусть «...все вместе телятся коровы», или «уходят мои молитвы, как коровы по пастбищам» (I, 135, 8; 25, 16); «...бесценна и прекрасна дойная корова, набухшая молоком» (II, 34, 8), просят, чтобы бог Индра дал «тысячи, сотни коров» (IV, 32, 17), есть и гимн «На процветание коров» (X, 169) и т. п.

Древняя форма ведения хозяйства как пастушеского полусоседного скотоводства отражена в воспевании пастухов как царей и даже богов: в Ригведе бог Пушан именуется пастухом мироздания, и у него «скот не пропадает» (X, 17, 3), а бог Индра «правит великим законом для коров» (X, 120, 8). В Авесте Йиму называют «царь-пастух» — он был правителем древних иранцев в эпоху их золотого века, т. е. во время их жизни в Арьянам Вайдже[2].

В Авесте есть ряд крайне показательных, но не встречающихся в Ригведе сведений не только о ценности одомашненного скота, но и о ценности стерегущих его собак, причем первой и наиболее главной в их числе считалась именно та, которая оберегала скот. В 13 м разделе одной из ее частей, в Видевдаде, описываются разные степени отношения людей к собакам, и здесь они подразделяются на четыре категории: 1) стерегущие скот; 2) стерегущие дом; 3) охотничьи и 4) молодые собаки. И строго указывается, как надо их кормить (всех по-разному)

и какой каре подвергать тех, кто причиняет собаке вред или убивает ее. По общей своей ценности собака приравнивается к человеку, даже в описаниях похоронного обряда. Судя по данным об изучении ираноязычных причерноморских скифов, собаки тоже играли большую роль в их скотоводческом хозяйстве — археологи обнаружили в захоронениях скифов много костей собак, принадлежавших, возможно, пастухам, которые составляли особую группу в каждом из их племен [44, с. 47]. А ведь скифы были прямыми потомками ираноязычных арьев и во многом продолжали их образ жизни.

Данные Авесты о ценности собак чрезвычайно важны как свидетельства древнейшей эпохи жизни этой группы арьев — развития их хозяйства.

Занятие скотоводством в его наиболее древних формах было основной чертой, основным показателем всего хозяйственно-культурного комплекса наиболее древних групп индоиранцев, и оно продолжалось до того времени, когда, по словам Авесты, «на этот плотский мир придут зимы, а от них сильный смертельный холод», в результате чего «лишь третья часть скота останется в живых...» и чудом, о Йима, для плотского мира покажется, если увидят где след овцы» (Миф о Йиме, 22–24). Это четко свидетельствует о наступлении ледника и об окончании теплового климатического периода, которым характеризовалось последнее межледниковье, длившееся от 60 го до 30 го тыс. до н. э.

Здесь следует остановиться на том, что уже выше, во «Введении», приводилось заключение гляциологов, относящееся к той полосе материковой земли, которая после таяния последнего ледника оказалась под водой океана и является уже 10 тысяч лет полосой северных прибрежных шельфов. Напомним указания в книге «Зимы нашей планеты» на то, что на этой полосе земли жили в ту эпоху люди и водились промысловые животные, и спросим — не возникает ли возможность подумать о попытке отодвинуть первоначально развития скотоводства к эпохе этого последнего межледниковья или хотя бы к векам ее завершения, т. е. к 30 му тыс. до н. э.? Ведь началось скотоводство с долгих-долгих лет одомашнивания диких животных (мелких и их разновидностей), с их постепенного прикармливания и приручения. Невозможно подсчитать число этих долгих лет, но они должны были иметь место в развивающейся жизни древних членов общества гомо сапиенс. Ведь в ранних гимнах Авесты не случайно упоминаются представители домашнего скота, жизнь которых погибнет от надвигающегося страшного холода. Где располагался этот «арийский рай», из которого предки ираноязычных арьев должны были уходить «на путь Солнца»? Указания на крупный рогатый скот были явно продиктованы авторам гимна условиями более позднего времени и жизнью уже на землях материка.

Скажем, завершая эти предположения, что начавшиеся работы по освоению северных шельфов дают основание надеяться на будущую вероятность проведения там археологических исследований, в результате которых смогут, возможно, быть обнаружены и кости первых одомашненных животных.

По мере начала постепенного миграционного движения ираноязычные арьи стали активно осваивать занятия земледелием, начиная с северных земель современной Западной Сибири, а возможно, и граничащих с ее территорией более восточных областей (что может являться только предположением). Постепенное передвижение их древних племен активизировалось, естественно, и нарастанием их численного состава, которое было обусловлено постепенным развитием земледелия, что приводило к освоению новых земельных участков. В Авесте, в том разделе Вендидада, который носит условное наименование «Географическая поэма», перечисляются 16 стран, созданных Ахура Маздой, которые начинаются с Арьянам Вайджи (т. е., по нашей трактовке, с заполярных земель) и доходят до таких южных областей, как Северо-Западная Индия (предпоследняя страна носит название Хапта Хинду, что историки связывают именно с Индией), и до таких юго-западных районов, как область течения реки Ранхи (которую некоторые считают Волгой). Все это распределение 16 стран по лицу земли указывает на направление миграционных движений с севера к югу, и этот вывод кажется

единственно закономерным.

Очередной тепловой период длился от времени таяния ледника в XII-X до VII-VI тыс. до н. э. Его геофизические особенности способствовали как расширению пастбищных угодий, так и появлению плодородных почв для развития земледелия. Естественное разрастание численности людей в стойбищах или первичных поселениях приводило к появлению так называемых выселок, к появлению новых поселений, к переходам на новые угодья, новые кормовые участки. Надо указать, что, в отличие от условий жизни индоязычных арьев, данная группа могла расселяться по более обширной территории.

При новом похолодании стали в северных районах разрастаться площади тундровых земель, остаточных залегающих льда, и это тоже стимулировало продвижение людей к югу. Археологи не находят остатков более или менее основательных поселений хотя бы типа примитивных городищ, которые можно было бы отнести ко времени между XI-X и VII-VI тыс. до н. э. Хозяйство носило полукочевой характер, и жили люди, вероятно, в легко переносимых юртах или даже шатрах. Индийский историк Р. Санкритьяна описал в своей книге «От Волги до Ганга» шатры полукочевых индоязычных арьев, двигавшихся по землям Центральной Азии в сторону Индии, и эти шатры изготовлялись из полотнищ, сделанных из конского волоса. Здесь небезынтересно отметить, что ираноязычные арьи могли тоже иметь такие шатры, поскольку у них были кони, упоминаемые и в Авесте).

Как уже упоминалось выше, в «Мифе о Йиме» бог сказал, что при движении «к свету, в полдень, на путь Солнца» следует жить в каждом новом «варе» по 300-600-900 лет поочередно. Но кто из историков может соотнести мифические числа с реальными действиями и происшествиями? К тому же и даты включения в Авесту этих чисел неизвестны. Можно предположить, что авторам гимнов было известно некое традиционное сведение, касающееся фактов постепенного передвижения их далеких предков, а также их длительных задержек на каких-то местах на этом пути. По тексту памятника можно только выяснить, что эти предки уже стали заниматься и земледелием, что и отражено в особом разделе Вендидада под принятым названием «Земля». В нем говорится, например, об «ублаговотворении земли» как о занятии «любезном» Ахура Мазде, об «устоявшейся жизни», о том, что наидостойнейшая страна та, где «больше всего возделывают хлеба... растений, пригодных в пищу, где орошают безводную землю и осушают заводненную». Много раз повторяются слова о необходимости обрабатывать землю «правой рукой и левой», а тому, кто эту землю не обрабатывает, грозит нищенство и выпрашивание хлеба у того, кто обрабатывает. И даже указывается на то, что «голодный бессилен Истине служить», а это уже близко к строгому религиозному предписанию. В этом же разделе говорится о недопустимости разных форм и приемов осквернения земли. Развитие оседлости отражено, очевидно, и в указаниях бога о пребывании в варах по 600 и 900 лет.

В эпоху этих древних передвижений предков иранцев должны были происходить и встречи с другими индоязычными и инокультурными группами местного кочевого и оседлого населения древней Сибири. Такие встречи иногда, а возможно, и часто приводили как к мирным, так и военным контактам и к взаимной частичной инфильтрации. Выявление начала, развития и локализации кровносмешанных групп является чрезвычайно затруднительным, но такое смешение должно было иметь место в те века.

В течение долгого периода ираноязычные арьи продвигались к югу по этим землям. В 1927 г. археологами были обнаружены памятники, относящиеся к скотоводческо-земледельческой культуре древних иранцев. По месту первого их открытия в с. Андроново она была названа андроновской культурой [172].

Наличие иранцев-андроновцев в Западной Сибири в эпоху бронзы подтверждается обнаружением остатков их городищ в южной части Приуралья — свыше 20 поселений, ставших известными под названием комплекса Синташты, и наиболее сохранным из их числа

является Аркаим. Они датируются средними веками II тыс. до н. э. [36].

Судя по данным Авесты, предки иранцев знали три основных культа, три объекта поклонения — Огонь, Земля и Вода. Тут пришло время обратить внимание на то, что в разделе «Земля» порицается тот, кто не занимается обводнением земли. Обводнение — основа земледелия, и это диктует возникновение культа рек, главного источника обводнения. «Основные объекты зороастрийского культа и ныне те же, что и у пастухов каменного века, а именно — вода и огонь... Протоиндоиранцы обожествляли воды рек и водоемов как богинь (апас)» [13, с. 10]. В культе водных источников по Авесте одна река является средоточием молитв и воспеваний, и ей посвящается обширный текст одного из яштов. Это река Ардви, или Ардви-Сура, и яшт носит название Ардвисур-яшта, или Абан-яшта (в нем 133 строфы). Упоминается и другая река, Вахви-Датия, но о ней не содержится конкретных указаний, за исключением слов о том, что она омывала первую из 16 стран, т. е. Арьянам Вайджу.

В переводах Авесты дается указание, что реке Ардви-Суре посвящены десятки сведений и упоминаний в Ардвисур-яште, или Абан-яште, и это не может быть случайным — это значит, что она играла важнейшую роль в хозяйстве древних иранцев и была организующим началом в их миграционном движении с севера на юг, как бы определяя его в течение многих веков. Слово «сура» легко осмысляется через санскрит: «су» значит течь, сочиться, и «сура» обозначает реку, поток, источник.

Что мы еще можем узнать из Авесты об этой реке? Ее эпитетом служит слово Анахита, что значит «благодатная, плодотворная». Эта река почиталась как богиня, и в Авесте нашло свое отражение это преклонение перед источниками вод, свойственное, судя по Ригведе (и сохраняющимся доныне в Индии обожествлении рек), всем древним индоиранцам. Ее воспевают за обильную воду, предписывают молиться ей «растящей жито и кормящей стадо... великой, славной, величиною равной всем водам вместе взятым».

Реку Ардви-Суру многие отождествляют с южной рекой Амударьей. Поскольку здесь не место для оспаривания этого устоявшегося взгляда, позволим себе подумать о встречающихся в Авесте ее особенностях, описанных или упомянутых в «Абан-яште». Авестийское слово «апо» — «воды», имя богини этой реки Апас (санскрит: «апас» — вода), название указанного яшта-Абан-яшт заставляют прислушаться к созвучию слогов «аб» и «ап» не только со словом фарси «об» — «вода, источник», но и, главное, с названием такой реки, как Обь. Той реки, вдоль которой и вблизи которой, т. е. вдоль ее правобережных и левобережных притоков, продвигались в глубине веков ираноязычные арьи, проходила та волна их передвижений, которые начались после упомянутого выше очередного похолодания (примерно определяемого климатологами как VII–VI тыс. до н. э.).

Как бы ни могла эта гипотеза показаться неоправданной на первый взгляд, но все же есть ряд характерных для этой реки черт, которые заставляют усомниться в том, что Ардви-Суру следует сопоставлять с какой бы то ни было южной рекой. Принято переводить ее имя Ардви как «влага» (но при этом все исследователи ставят здесь знак вопроса). Новое обращение к древнейшему вероятному единству языка индоиранцев заставляет снова вернуться к санскриту, в котором, кроме указанных возможных сближений, можно обнаружить и другие значения, близкие к смыслу этого имени. Поясним, что его перевод как «влага» близок к слову Ригvedы «ardra» — «влажный, мокрый», и это, возможно, подсказало принятую форму перевода.

Можно высказать и еще одно предположение — в названии «Ардви», возможно, таится смысл раздвоения: «ardha» значит «половина», и от этого значения происходит ряд слов, обозначающих по смыслу половину чего-либо, или раздвоение: «ardhika», т. е. «делящий(ся) надвое, или относящийся к половине чего-либо».

Следует особенно остановиться на словах, указывающих на половинчатость, на разделение

на две части и т. п. Гидрографическое состояние Оби говорит именно о ее двойственности, чем не характеризуется ни одна другая река. Обь состоит из двух рек, текущих рядом в одном направлении. Они имеют отдельные русла, начиная от места ее разделения возле поселения, имеющего в наше время название Перегребное (около 63 градусов сев. шир.), и кончая несколько выше 66 градусов, т. е. имеют протяженность более 600 км. Далее они снова сливаются и текут по единому руслу почти до Обской Губы, но в пределах обширной дельты опять разделяются на два русла. Воды Оби столь изобильны, что в широкой Обской Губе, охватывающей с востока значительную часть полуострова Ямал, вода является пресной вплоть до Карского моря, т. е. на протяжении почти 1000 км.

Оба этих протока реки имеют отдельные названия — Большая Обь и Малая Обь. Местность между ними низменная, часто заболоченная.

На этой старой русской карте четко обозначено двойное русло реки Обь

Об Ардвиг-Сура в Авесте говорится, что она впадает в море Ворукаша всей «тысячью протоков и тысячью озер».

Тысячи протоков у южных рек найти на карте не удалось, а вот бассейн Оби, его низменные земли оводняются несчетным количеством рек и ручьев. Что следует понимать под словом «протоки» в переводах? Воды Оби пополняются многими ее притоками и множеством больших и мелких притоков этих ее главных притоков, и она несет все обилие этих вод к морю. Обилием озер тоже отмечена Западная Сибирь, и Обский край называют Озерным краем, а значит, указание Авесты относится совершенно очевидно к такой реке, как Обь, и даже больше того — именно к этой реке.

Название реки Ардвиг-Сура определяется в переводах не всегда одинаково: в 3 й строфе Абан-яшта сказано, что она величиною равна «всем водам, вместе взятым», и что она «длиною равна всем водам, по земле текущим». Если сравнивать Ардвиг-Суру, считая ее Обью, с такой рекой, как Амударья (что широко принято), то становится ясным вывод по всем приведенным соображениям, что в Авесте воспета река Обь.

О пребывании именно на севере богини по имени Ардвиг-Сура сообщает еще один существенный факт, которого ведь нельзя не заметить. И даже два важных факта. Про нее говорится, что у нее «прекрасны руки белые в просторных рукавах» (Абан-яшт) — не следует ли нам понимать под этими «рукавами» множество притоков воспетой реки? (Ведь и мы называем притоки рек рукавами.) Известно, что именно Обь изобилует «рукавами», и местность протекания этих «рукавов» широка и просторна.

И не только это напоминает Обь как известную нам реку, но и то, что «бобровую накидку надела Ардвиг-Сура из шкур трехсот бобрих, четырежды родивших» (Абан-яшт, 129), и тут же поясняется, что эта накидка должна была казаться «покрытой золотом и полной серебром» (вспомним Пушкина: «Морозной пылью серебрится его бобровый воротник»). Дело в том, что указанной в яште окраски бобры могут достигнуть только на четвертом году жизни, и это значит, что авторы яшта были хорошо знакомы с жизненными циклами этих животных. Эта черта безотказно свидетельствует об их длительном пребывании в местах, где водятся бобры, т. е. на северных землях. Поэтому тоже следует, видимо, отказаться от предположения, что Ардвиг-Сура — это Амударья, в области протекания которой бобры не водятся.

Истоки Ардвиг-Суры возводятся в Авесте к некоей горе Хукарья, что «поднялась высоко в рост тысячи мужей», где ей постоянно льют влагу «Дождь и Ветер и Облака и Град» (вероятно, под этим словом «Град» следует понимать высокогорный лед). Эта гора не уточнена в исследованиях, но нам следует вспомнить о том, что две реки, образующие Обь, а именно Катунь и Бия, берут свое начало на Алтае, на высоте в 4 тыс. метров. Вспомним и о том, что

протяженность Оби равна 3650 км, тогда как у Амударьи она измеряется 1450 километрами.

В завершение скажем еще раз о том, что все вышеуказанные соответствия и прямые схождения ираноязычной и индоязычной форм речи, все совпадения терминов и описаний, относящихся к состоянию природной среды высоких широт, все единообразие мифорелигиозных представлений — все эти указания, содержащиеся в Авесте и Ригведе, подтверждают факт некогда существовавшего единства групп носителей этой речи. Это единство могло складываться на общей для них территории Заполярья или на крайне близких участках этой территории. Следует подчеркнуть и то, что представители обеих групп относятся, по мнению антропологов, к так называемой нордической (или северной, или европеоидной, или приледниковой) расе. За те тысячи лет, в течение которых обе группы двигались вдоль Урала, многие элементы их речи, их мифопредставлений и наименований богов изменились, но часто не до полной неузнаваемости, что и дает возможность исследователям искать и находить возможности их сопоставления.

Проблемной для историков остается задача описания и аналитической оценки тех строф Авесты, в которых довольно часто упоминаются боевые стычки одних «арийцев» с другими. Если ираноязычные арии осознавали лишь себя «арийцами (ариями)», то кого они стремились побеждать и истреблять под этим же наименованием? Чьи страны в гимнах называли арийскими странами? Пожалуй, единственным напрашивающимся ответом на этот вопрос может явиться предположение, что битвы арьев Авесты разгорались, вероятно, с арьями Ригведы при встречах на землях южнорусского Приуралья и в близких к ним степях Восточной Европы. Примеры стремления к победам выражаются в Авесте в форме молитв, обращенных к Ардвисуре, к могучей звезде «Тиштрии» и к богу Митре, которых просят о помощи в боях [5]:

Вот так они просили...

Чтоб воинов арийских

Мы поражали сотню...

На мириад — без счета.

(Ардвисур — яшт, 58)

Когда, о Заратуштра,

О Тиштрии блестящем

Помыслят арьев страны...

Не нападет ни войско...

(Тиштр-яшт, 56)

Свершать пусть возлиянья

Ему арийцев страны...

И пусть скотину варят

Ему арийцев страны.

(Тиштр-яшт, 58)

Исследователи не приходят пока к однозначному выводу о том, кем были арьи, враждебно ведущие себя по отношению к ираноязычным арьям, но, повторяем, наиболее вероятным может быть ответ, что речь в этом памятнике ведется об арьях Ригведы, которые, как выше описано, овладели и приемами коневодства, и, главное, умением строить боевые колесницы и управлять ими.

Что касается уровня этого мастерства в среде ираноязычных арьев, трудно, как и в случае с индоязычной группой, определить дату начала развития у них коневодства. Если снова обратиться к Авесте, то появляется возможность уверенно говорить, что коней они тоже разводили, знали их качества и использовали их в упряжках боевых колесниц. Судя по упоминаниям о воинских контактах представителей обеих ветвей арьев, описываемых в Авесте, можно полагать, что в процессе развития скотоводства у ираноязычных арьев протекало и разведение лошадей — в описаниях встречаются указания на их масть, рост и боевые качества, но на каком этапе своего развития достигли они совершенства в этих занятиях, сказать трудно.

Обратившись снова к Авесте, найдем многие упоминания и о конях, и о боевых колесницах, и более того — найдем и сравнение коней с верблюдами, явно возникшее в гимнах на позднем этапе распространения этой группы арьев уже на значительно более южных землях, чем восточные и южные отроги Урала с прилегающими к ним областями. Но это указание не помогает определить время сложения более ранних этапов развития коневодства.

Обратившись к источнику, находим в ряде гимнов упоминания о лошадях, иногда очень поэтичные и образные, говорящие и о ценности лошади, и о теплом к ней отношении ее владельцев и, главное, воинской прослойки общества: «Так, например, в гимне, Ардвисур-яште, о руках богини говорится, что “они сильнее, чем кони”, что ей приносят в жертву “сто жеребцов”, что любое из тысячи ее озер “за сорок дней объехать успеет только всадник на добром скакуне”». В «Тиштр-яште» звезда Тиштрия «коня вид принимает, прекрасного и белого с ушами золотыми и в золотой узде». Вот это упоминание о золотой узде показывает, что знали и оснастку и тренинг лошадей и могли их оценивать по этим показателям. Более того, в Авесте можно встретить и неоднократные указания на знание колесничного дела и умение владеть боевыми колесницами.

В «Ардвисур-яште» просят богиню подарить владения «богатые едой и ржущими конями, с поющими колесницами, свистящими кнутами». В других строках говорится о воине, который «правит колесницей умело боевой». Да и сама богиня Ардвисура «в колеснице, узду держа, стремится», и даже тут уточняется, что «везут ее четыре одной породы белых высоких жеребца».

Завершая эти описания, можно с уверенностью утверждать, что ираноязычные арьи овладели коневодством, вероятно, на одном из не менее давних этапов своего развития, как и индоязычные арьи, и внесли в процесс сложения обширных ямной и срубной культур свой вклад в дело скотоводства в целом и коневодства в частности. Поэтому у историков нет доказательной возможности определить роль каждой из ветвей арьев в истории развития всего многоплеменного населения лесостепной и степной зон Восточной Европы.

Природой здесь нам суждено... А. Пушкин

Одним из чрезвычайно важных ориентиров, указывающих на то, что индоязычные арии изначально знали заполярные области Русского Севера, является неопровержимо доказанная древность гидронимов, не только восходящих к санскриту, но и сохраняющих свое звучание в полном с ним совпадении. Это подтверждают не только примеры, приведенные в Приложении... но и наличие характерного для санскрита окончания ряда наших северных гидронимов на слог «га», определяющий движение, расширение, достижение в пространстве и т. п. Таковы, например, названия рек Вега, Индига, Камчуга, Пинега и др., и озер — Ладога, Онега. (Следует отметить, что это суффиксальное окончание, слог «га», восходящий к санскриту, сохраняется в русском языке для обозначения ряда понятий, сопряженных с движением, нарастанием — например, дорога, телега, колымага, вьюга, шуга и др.)

Подобные гидронимы, прослеживаемые на всем пространстве Восточной Европы, ясно выявляют свое родство с санскритом вплоть до северного побережья Черного моря, что четко выявил в своих работах академик О.Н. Трубачев. Особо важна в этом плане его последняя книга «Indoarica в Северном Причерноморье» [167].

Следует вспомнить и о том, что сам слог «ДЪН» означает в санскрите и славянских языках «река», а отсюда образованы такие гидронимы, как Дон, Дунай, Днепр, Днестр и ряд других. Здесь же можно привести и то, что слово «дно» обозначает «русло,местилище водного потока», т. е., по сути дела, реку. (В Ригведе река определяется словом «дану».)

Эти примеры приведены лишь для того, чтобы лишний раз доказать возможность прослеживания пути индоязычных ариев от Ледовитого океана до Черного моря. Особого внимания заслуживает в этом плане работа литовского ученого А. Сейбутиса, которая служит еще одним из оснований говорить о складывании в Приполярье индоевропейских протодialectов, а также о том, что и эти протодialectы, и древнейшие формы верований складывались в среде предков индоевропейцев в «безднах тысячелетий», во времена и последнего межледниковья, и таяния последнего ледника. Остановимся на этом более подробно.

А. Сейбутис в своей статье, озаглавленной «Миграция позднеледникового человека как отражение изменений экологической обстановки» [144], ссылается и на работы другого литовского исследователя, А. Пошки, и оба они сходятся в мысли, что «Веды были сочинены далеко на севере» и что в Ригведе и Авесте есть описания этих земель. Сейбутис указывает на расположение и названия рек Ригvedы. Остановимся на этой работе с допустимой точностью, так как она заслуживает глубокого внимания в свете общего направления поиска, отраженного в данном сборнике.

Этот автор сосредоточивает свое внимание на установлении важнейших моментов этнического развития позднеледникового человека, то есть на той проблеме, которая, по его выражению, «содержит еще много неясных и спорных вопросов», выявляемых при ее рассмотрении археологами и лингвистами, и требует учета ценных палеогеографических данных. Соглашаясь с мнением гляциологов, что во время существования последнего оледенения (напомним, что его пик приходился на XX-XVIII тыс. до н. э.) активность и подвижность человека была высока в силу необходимости поиска основного источника

пропитания — травоядных животных, которые широко мигрировали по ландшафтными зонам. Свободным передвижениям человека в тот период соответствовала и малая плотность населения: «Во времена господства мамонта на территории Франции могло прокормиться не более 10–12 тыс., а на Русской равнине — 70–80 тыс. человек».

Население в ту эпоху, по мнению автора, являло собой единый индоевропейский праязнос. Если мы вспомним здесь утверждение Тилака, что последний ледник вытеснил из Приполярья тех предков индоевропейцев, которые во время последнего межледниковья, завершившегося около 30 тыс. лет назад, представляли собой в указанных областях уже более или менее однородных по уровню развития кроманьонцев, то вынуждены будем согласиться и с его выводом, что на земли Восточной Европы они были вытеснены начавшимся в это время последним оледенением и отсюда вновь стали частичными передвижениями возвращаться на потеплевшие с приходом голоцена земли Приполярья. (О том, как эти группы передвигались за уходящим к северу последним ледником, написано уже много, и мы не будем повторять здесь вышеприведенные данные и указания на соответствующую литературу.)

Сейбутис замечает: «Передвижение природных зон заставило фаунистических мигрантов постепенно переселяться все дальше на северо-восток. У позднеледниковой фауны Восточной Европы имелся свободный путь отхода на Север и даже в Сибирь, в обход Уральских гор» (с. 90–91).

Указаниям и выводам многих палеогеографов соответствует и подчеркивание Сейбутисом того обстоятельства, что благоприятные условия для охотников создала «деградация ледников» и возникновение увлажняемых пастбищ. Но «смена тундры лесными ландшафтами», происходившая в те века, снижая эффективность охоты на травоядных, создала условия, способствовавшие собирательству лесных плодов, что нам следует учитывать. «Отходившая на северо-восток из центра Восточной Европы фауна не могла не увлечь за собой и позднеледникового человека», что подчеркивал Б.А. Рыбаков (с. 90), и «...племена восточных индоевропейцев расселялись в то время на севере Русской равнины и даже проникали в Сибирь» (с. 93). Нам следует помнить, что «позднеледниковье» — это время таяния последнего ледника.

Немецкий ученый В. Фалькенхан стал в 1970 х гг. призывать к палеогеографическому подходу к описаниям Ригведы, что являлось прямой поддержкой утверждений Тилака о формировании предков индоевропейцев в условиях Приполярья. Сейбутис высоко ценил мнение Тилака и результаты его анализа гимнов именно с этой точки зрения: «К обстоятельствам рассмотрения и оценке природного фона Ригведы первым приступил выдающийся индийский ученый Б.Г. Тилак... чрезвычайно пристально с надлежащей ответственностью взялся за эту работу» [144, с. 96]. Эти слова особенно важны для нас, так как они прозвучали на фоне полного игнорирования нашими учеными великой работы Тилака и упорного пересказа ими выводов западных переводчиков и исследователей Ригведы, во многом неверных, о чем надо помнить.

Нам небезынтересно привести здесь цитату из труда другого литовского ученого, антрополога А. Пошки, которую приводит в своей статье Сейбутис, цитируя его публикацию в № 1 (1967 г.) литовского журнала «Мокслас ир дживеникус»: «Изумительный календарь Ригвед. Год подразделяется на две основные части: Деваян — полугодие света, Питриян — полугодие тьмы... Авторам Вед была хорошо известна гора Меру, которая сложена из хрусталя, очень скользкая и сверкающая. Она находится далеко на севере... Все наблюдения и описания небесных тел совершены за полярным кругом и никоим образом не соответствуют современному географическому положению Индии... На основании не только текстов Вед и Вендидада, но и по сохранившимся сегодня обычаям, молитвам, традициям возможна гипотеза, что Веды были сочинены далеко на севере в эпоху последнего межледниковья...» (Нам следует добавить, что А. Пошка был и путешественником и провел долгое время в

Индии, изучив те обычаи и традиции, о которых пишет, и имел твердые основания сравнивать их с ведическими.)

Далее Сейбутис обращается к вопросу локализации зарождения природных сюжетов Ригведы... «На основе гипотезы Б.Г. Тилака необходимо сделать попытку ограничить гидронимы Ригведы северными краями» (с. 97). Обращаясь к 75 му гимну X мандалы Ригведы, в котором восхваляются реки, он выделяет из них реку Синдху, описываемую как яростный поток, имеющий бурные притоки «с водопадным обликом» и обильной водной пылью. Синдху течет, величавая река, впереди всех по склону, ревя и сверкая, и, что важно, течет между двух флангов, богатых растением силама. Это растение Сейбутис сопоставляет с индоевропейскими названиями камыша, тростника (соломы), типичных растений бореальной (северной) флоры. И далее он пишет: «Приурочив природные сюжеты Ригведы к арктической обстановке, на основании рассказанной в гимне гидрографической ситуации, реки приходится локализовать где-то близ полярного круга... (что) наиболее четко совпадает с системой приледниковых водоемов... приблизительно 15 тыс. лет т. н. Один край Синдху мог струиться вдоль края Скандинавского, а другой — Новоземельского ледниковых щитов... далее они потекут прямо между Канином и Колгуевым (рис. 2)...» (с. 112).

Расшифровывая названия приледниковых водоемов Русского Севера, Сейбутис адресует читателя и к работе Д.Д. Квасова «Позднечетвертичная история круглых озер и внутренних морей Восточной Европы» [87]. «На Русской равнине, — пишет Сейбутис, — должна находиться большая часть гидронимов Ригведы... Экологическая обусловленность миграций позднеледникового человека наталкивает на предположение, что арктические сюжеты ригведического образца должны скрываться и в фольклоре других восточных индоевропейцев, в первую очередь балтов и славян». Последние слова автора являются прямым подтверждением всего материала, в данном сборнике, всей его основной направленности. Прав автор, говоря, что «народное творчество чрезвычайно живучее и что в почти забытой литовской сказке о дочери солнца Индраи описывается ее путь в страну вечной ночи к стекольной горе — такая сказка имеет возраст не менее 11–12 тыс. лет», как считает автор.

Предполагаемая локализация ригведского гидрографического комплекса Синдху: 1) ледниковые покровы померанской (вепсовской) стадии; 2) приледниковые водоемы (по Д.Д. Квасову); 3) предполагаемый поток Синдху. Местоположение современных топонимов: 4) Индига; 5) Инта; 6) Индус; 7) Кубена; 8) Кыма

Закономерным в свете арктической теории является и его утверждение, что «балты и славяне, с одной стороны, и индоиранцы, с другой, наиболее близкие ветви восточных индоевропейцев... Сезонные миграции в позднеледниковье на равнинах Восточной Европы делает понятным и близкое родство литовского и санскритского языков». (Здесь нам следует вспомнить вышеприведенное указание Я. Харматты на то, что разделение предков балтов и славян произошло не позднее V тыс. до н. э.)

Статья А. Сейбутиса особенно интересна для нас еще тем, что он отразил в ней мнение двух ученых касательно проблемы начала складывания мифов Вед. Сам автор сомневается в утверждении Тилака о зарождении основ Ригведы в период последнего межледниковья, тогда как упоминаемый им А. Пошка без колебаний поддерживает этот взгляд. А. Сейбутис, говоря о веках протекания позднеледниковья и о жизни предков индоевропейцев в это время, все же склоняется к тому, что — «стройная гипотеза Тилака нуждается лишь в несущественном уточнении: в арктической ойкумене предки индоиранцев обитали не в межледниковье, а в период деградации померанской стадии последнего оледенения...». Приводимые же в Авесте описания тяжелейших явлений наступления зимних холодов, умерщвляющих все формы жизни, он объясняет началом похолодания «примерно 10,5 тыс. лет тому назад» (144, с. 103).

Это его объяснение очень заметно не соотносится с указаниями Авесты уже хотя бы потому,

что похолоданием трудно объяснить ту гибель всех живых существ, описываемую удивительно реалистично в этом памятнике, и ту точность этого описания, которые не могут быть ни приснившимися, ни придуманными на пустом месте, но явно отражают память, воспринятую от свидетелей, переживших некогда грозные явления наступления ледника на цветущую область Арьянам Ваэджо. В Авесте настолько четко прорисована картина убивающего жизнь наступления ледника, что при устной передаче сюжетов памятника не удалось даже их мифологизировать, и единственным мотивом, принявшим форму мифа, оказалось присутствие доброго бога Ахура Мазды, говорившего, что в этом страшном надвигающемся зле и гибели будет виноват злой дух Ангра Майнью.

Если следовать рассуждениям Сейбутиса о том, что люди отступили к югу в завершающий период последнего оледенения, то возникают два вопроса: 1) какова была причина, побудившая их к отходу с ледниковой поверхности и 2) почему и как они могли жить до этого своего отхода на поверхности ледникового покрова?

Ввиду трудности нахождения возможно правильного ответа на эти вопросы остается один выход: необходимо соглашаться с правильностью анализа данных Ригведы и Авесты, а также с заключениями Тилака, Пошки и многих других сторонников того утверждения, что уход групп кроманьонцев к югу был не только подсказан, а прямо продиктован им быстрым наступлением последнего оледенения на области теплого климата межледниковья, и это отселение, по данным гляциологов, происходило около 30 тысяч лет тому назад.

Эти области теплого климата и представляли собой те земли, от которых остались обширные площади шельфов под северными морями. Эти шельфы и обширности их площадей особо отмечают и западные исследователи [78, с. 270–273].

Прилагая в конце карту приледниковых рек, приводимую Сейбутисом (из вышеуказанной работы Д. Квасова), которую, по нашему мнению, следует повторно приводить во всех публикуемых материалах по данной проблеме, просим читателя обратить внимание на то, что в пояснениях к этой карте приводятся современные гидронимы. Они сохранились с незапамятно древних времен. Такие гидронимы, как Индус, Индига и Инта, неопровержимо явно соотносятся с названием реки Синдху в Ригведе, а от него произошло и название индийской (ныне пакистанской) реки Инд, которое произносилось и как Синд, и как Хинд. Вот от этого, последнего, произношения образовалось и более позднее (X-XII вв.) название Индии — Хиндустан, а также производимые от него же название религии индуизма, да и самого слова «Индия». Гидроним Синдху — Хинд — Инд арьи принесли с собой, придя на земли Древней Индии, и оно точно соответствует ряду гидронимов Русского Севера, подобно тому, как и донныне существующее в Индии арийское название реки Ганг (Ганга) совпадает с русскими названиями некоторых северных рек и двух озер Ганго и Ганг-озеро.

Следы неистребимы

Как в прошедшем грядущее зреет,

Так в грядущем прошедшее тлеет. А. Ахматова

Для тех, кто живет в наше время, как и для тех, кто жил за два-три века до нас, прошлое воспринимается как «глубина времен». Да, так оно и есть на самом деле, но эта самая

«глубина времен» или «бездна тысячелетий» не прошла же бесследно — она оставила за собой такую неразрывную цепь событий, такие отпечатки на каждом шагу жизни ушедших поколений, что каждый, кто внимательно взглянется в разветвленную сеть отпечатков на почве нашей жизни, явных и глубоко скрытых отпечатков, увидит внимательным взором просвечивание узоров ткани, которая, казалась бы, давным-давно истлела. Из этой глубины веков пришло к нам, например, множество обычаев, веропредставлений и обрядов, вросших в наш быт, в наше сознание, и, что самое удивительное, вросших в жизненную практику не только нашего народа, и выясняется, что многие такие следы проявляются в жизни и славян, и индийцев.

Сюда следует причислять культы огня и воды, жертвоприношение, поклонение изображениям божеств (условно-символическим, живописным и скульптурным), коллективные моленные песнопения, почитание покровителей (святых или божеств) каждого дня года, почитание земли, домашних животных и множество магических обрядов, порожденных древнейшим восприятием проявлений сил окружающей человека природы.

Б.А. Рыбаков, рассматривая первую стадию складывания славянского язычества, оценивает ее как «неизмеримую по ее хронологической протяженности, длившуюся, вероятно, десятки тысячелетий» [142, с. 19]. Это четкое определение расширяет кругозор каждого исследователя, направляя наш взгляд в глубины глубин истории нашего народа.

Здесь необходимо привести и несколько примеров совпадений в лексическом фонде русского языка и санскрита, относящихся к наиболее древним слоям обоих языков, к тем эпохам, когда складывалась близость (повторяем — соседская или даже частично родственная) предков славян и арьев на землях общего проживания в Приполярье, или, по выражению Б. Тилака, на циркумполярных землях)[3].

Что может быть связано именно с наиболее древними словами? Не углубляясь в хозяйственную практику людей, где должна была возникать сходная лексика, диктуемая процессом добывания пищи, остановимся на терминах, определяющих семейные контакты и рисующие картины расширения этих контактов и нарастание диапазона взаимоотношений между отдельными исторически формирующимися группами. Уже выше говорилось о процессе сложения первичных семейных единиц, которые в ходе дальнейшего развития принимали новые формы, превращаясь в семейно-родовые, а затем и родовые коллективы, здесь же мы должны уделить внимание тому, как эти процессы отразились в расширении словарного состава языка. К числу первых определений родственных отношений относятся термины, четко рисующие состав семейной группы и те связи между ее членами, в которых отражена кровная их близость, их родство через кровь родителей и детей.

Приводя примеры слова из двух сопоставляемых языков, увидим, что в обеих группах прапредков славян и арьев именно многие эти термины безошибочно можно назвать совпадающими.

Не следует при этом забывать о том, что в других индоевропейских языках тоже сохранились некоторые близкие к санскриту древние термины родства, также свидетельствующие о давно миновавших, но, несомненно, существовавших отношениях предков всех индоевропейцев. Так, слова «мать, сын, брат» — легко узнаются в немецких «Mutter, Sohn, Bruder» или английских «mother, son, brother», но и другие из приведенных примеров встречаются только в славянских языках, и вот об этом-то никак не следует забывать.

На дальнейших этапах развития возникает необходимость выработки новых речевых форм, отражающих новую фазу взаимоотношений, порождаемых новыми связями между мелкими группами, новыми бытовыми и социальными проявлениями членов, входящих в семейно-родовые группы. Эти группы опирались на совершенно иную базу, возникшую при вступлении в брачные отношения, которые неизбежно требовали появления новых

определений для наименования положения каждого из членов семейно-родовой группы, для точного установления его роли, его прав и обязанностей.

Не углубляясь в определения этих возникающих качеств, в точные их характеристики, скажем, что появляются (опять же сходные в обоих языках) новые определения места, которое занимают в группе, путем сложения брачных отношений, ее члены:

Важное место в обоих языках занимают притяжательные местоимения, указующие на место и права каждого члена группы, и важная функция связана с двумя из них: «твой — тва» и «свой — сва».

Необходимо уделить пристальное внимание местоимению «свой», так как именно оно сыграло существеннейшую роль в выявлении и нарекании функций членов новой, объединяющейся и укрупняющейся группы. Не углубляясь здесь в лексику санскрита, взглянем на наши, славянские семьи, возникшие путем принятия через брак в состав «своих» целый ряд бывших «чужих». Отношения с этими новыми членами каждой группы определяются уже не словом «родство», а совсем иным термином — «свойство» (ударение на втором слоге). «Родной, родич, родственник» — это тот, у кого «наша кровь», а «свойственник» — это человек, условно родственник по браку одного из членов моей родной семьи. Богатейший пучок словесных определений относится ко всем и всему, что связано с подготовкой и заключением такого брака и с возникающими вследствие этого новыми отношениями всех родственников со свойственниками: сваха, свадьба, сват, сватья, свекор, свекровь, свояк, свояченица. Народ пользуется этими словами, твердо осознавая их смысл или подсознательно следуя многотысячелетней традиции, но напомним, что «свой (све, сво)» равен «сва».

Следует вкратце вспомнить и формы местоимений, определяющих ряд отношений между людьми:

Не меньшее внимание привлекает и счет — названия числительных и структура их выше цифры десять ~ от 10 до 19 они слагаются точно так, как и старорусские формы, то есть: 1 (2, 3 и т. д.) «на дцать», т. е. «на десять»:

(Наречиям «когда, тогда, всегда» соответствуют «када, тада, сада»).

Необходимо не забывать и о том, что в славянских языках — и, в частности, в русском — прослеживается и возможность соотнесения ряда элементов с ираноязычными скифами, то есть потомками ираноязычной ветви арьев. О.Н. Трубочев писал об этом так: «Индоарийско-иранские отношения Северного Причерноморья еще предстоит изучать... Индоарийская принадлежность языка определенного слоя северо-понтийского населения положительно свидетельствует о прежнем пребывании праиндийцев в этих краях. Значительная их часть осталась и была перекрыта близкородственными иранцами (скифами, сарматами)...» [167]. В этой работе автор приводит 150 названий местных топонимов и гидронимов, безошибочно связывая основную их часть с древнеиндийским языком.

Есть все основания полагать, что эта упомянутая им оставшаяся часть смешивалась и с теми группами предков славян (которых мы здесь позволяем себе называть авангардными волнами продвигавшихся с севера племен), что, видимо, появились здесь, придя по близким или одинаковым с арьями путям, и речь здесь можно вести именно об индоязычных арях, что и подтверждается работами О.Н. Трубочева. Эти арьи, очевидно, пришли на юго-восток Европы раньше славян и заселили берега Черного и Азовского морей, где и обнаружены многочисленные следы их пребывания (164, 167).

В литературе долго встречались утверждения об отсутствии связи славян с античным миром, как и «об отсутствии самих славян в античном Северном Причерноморье», но эта мысль давно устарела, по словам Трубочева. Этот ученый считает, что «названные связи, по

крайней мере отчасти, относятся к индоарийскому компоненту северопонтийского населения. Наши наблюдения над реликтами этого рода касаются 1) этнонимов, 2) культурной лексики и 3) сведений о берегах Черного моря».

Но и вопрос о скифском языке нельзя обходить стороной, так как его иранское содержание свидетельствует об известных, хотя и более поздних, контактах славян со скифами, о чем уже упоминалось выше. Открыто и их физическое сходство; антропологи пишут, что поляне, то есть группа поднепровских славян, обнаруживает значительное сходство со скифами, судя по промерам костяков, найденных в соответствующих погребениях [9]. А эти скифы по своим антропологическим особенностям восходят к местному населению эпохи бронзы — ко II тыс. до н. э. Такие данные приводят к выводу, что скифы — прямые потомки ираноязычной ветви арьев, известной по местам своих восточно-уральских поселений как андроновцы. На территории, описываемой как Скифия, и на близлежащих землях складывались отношения славяно-арийских сближений, а вероятно, и родственных контактов.

Изображение скифов на их металлическом сосуде подтверждает указания на их сходство со славянами

Это подтверждается и исследованиями известного ираниста В.И. Абаева, который пришел к выводу, что «...по количеству и весу скифо-славянские изоглоссы далеко превосходят сепаратные связи скифского с любым другим европейским языком или языковой группой» [1].

Эта выявляемая учеными возможность связать славяно-русскую культуру и русский язык с индо- и ираноязычными формами, с древнейшими названиями местностей и рек, с рядом физических черт и культурных особенностей исследуемых народов дает нам право называть эти черты и эти исторические процессы неразрывной цепью времен. Вспомним здесь слова М.В. Ломоносова: «Российский язык в полной силе и богатстве утвердится, переменам и упадку неподвержен».

Давайте поразмышляем вместе с академиком Б.А. Рыбаковым о значении древнейших периодов истории и об их влиянии на весь ход развития человечества или хотя бы на правильность исследовательского анализа истории.

Б.А. Рыбаков принадлежит к той группе ученых, чья исследовательская мысль смело и настойчиво спускалась по ступеням тысячелетий, пылливо отыскивая в пластах глубочайшей древности истоки происхождения и раннего развития славянства [141; 142].

Так, он пишет, что «на той территории, где мы знаем средневековых славян, земледелие было уже известно в V–IV тысячелетиях до н. э.» и что, знакомясь с культурой бронзового века, смешно ставить вопрос о том наследстве, которое предки славян получили от предшествующего времени... целесообразнее всего анализировать материал, наиболее близкий к предполагаемым предкам славян [141, с. 146].

Говоря о различных теориях, касающихся территорий расселения индоевропейских народов, которые в V тысячелетии до н. э. «предстают перед нами как земледельческие племена с яркой и интересной культурой», он указывает, что «недостаточно ясен вопрос о восточном пространстве первичного индоевропейского массива».

Постепенно спускаясь к югу в поисках новых угодий, они раздвигали свои территории, расселяясь между Уралом и Балтикой, а затем и до Атлантического океана и Средиземного моря. В пути они надолго задерживались более или менее крупными группами на благоприятствующих им территориях, где археологи находят следы и общие черты их локальных культур и присваивают каждой из таких культур определенное название. Не исключено, что многое из найденного в раскопках следует связывать со стоянками предков арьев и славян, тем более что, в силу взаимных контактов передвигавшихся к югу индоевропейских племен, у них не могло не быть взаимно сходных предметов материальной

культуры и, естественно, сходных или общих знаков орнамента (уже установлена наукой одинаковость многих таких знаков в сохранившихся издревле мотивах именно славянских и арийских орнаментов).

«Углубление в безмолвную археологическую древность, — пишет Б.А. Рыбаков, — в поисках корней позднейшего славянства не безнадежно... так как археологическое единство (“археологическая культура”) в большинстве случаев, по всей вероятности, отражает этническую близость, но помнить об исключениях (частота которых нам неизвестна) мы должны» [141, с. 216].

Индоязычные арии в конце III — начале II тыс. начали свое волнообразное движение в сторону Индии, где в основной массе и появились ко второй половине II тыс. (но, возможно, и гораздо раньше). В науке их уход объясняется наступившим периодом длительной засухи, а поскольку в их хозяйстве в Юго-Восточной Европе ведущей отраслью было все же скотоводство, они и вынуждены были искать новые пастбищные земли.

Лингвисты признают часть племен уже упоминавшейся выше трипольской культуры родственной славянам, и именно в эту восточную часть, видимо, входили племена протославян и индоязычных ариев. Б.А. Рыбаков пишет, что Б.В. Горнунг «в качестве языковых предков славян указывает на один из локальных вариантов трипольской культуры, что покрывает только юго-восточную часть...» [141, с. 149]. Так оно, видимо, и было, судя по всем элементам сходства (если не родства), которые могли в указанной местности лишь расширяться и закрепиться, а складываться начали, несомненно, во время длительных периодов сосуществования или совместных передвижений к югу, длившихся не одно тысячелетие.

Образцы изделий сходного типа времен энеолита: 1, 2) Правобережная Украина; 3, 4) Балканы

Б.А. Рыбаков не соглашается с теми учеными, которые датируют отделение собственно славянской общности от массива всех индоевропейцев сравнительно недавним временем — концом I тыс. до н. э. Уже в трипольской культуре он выявил параллели с гимнами Ригvedы: «Трипольская роспись является точной иллюстрацией к десятому гимну Ригvedы» [141, с. 211], и указал, что болгарский ученый В. Георгиев «почти все II тыс. до н. э. — бронзовый век и начало I тыс., т. е. начало железного века, — отводит сформированию и развитию праславян», а Б.В. Горнунг еще более определенно говорит об обособлении праславян в середине II тыс. до н. э. С этим согласилось большинство специалистов.

Под «праславянами» нам здесь следует понимать ближайших к современным славянам непосредственных их предков, период дальнейшего развития которых, и в том числе русского народа, занял 3,5–4 тысячи лет, так что ни о какой «тысячелетней истории Руси» не имеет смысла говорить, хотя это и стало очень модным в описаниях того, как торжественно был отмечен праздник, посвященный тысячелетию Крещения Руси.

День крещения был лишь датой начала изменений в идеологическом строе русского народа, но язычество не исчезло бесследно — оно во многом вошло в православие, о чем более подробно будет сказано ниже в этой книге.

Б.А. Рыбаков неустанно призывает нас уделять побольше внимания архаике, уча всегда искать корни истории в глубокой древности.

О происхождении и развитии русского православия написано много исследований, но, как правило, их авторы ведут отсчет исторического времени этой ветви христианства с конца X в., с года крещения Руси. К сравнительно небольшому количеству работ, анализирующих связь православия с язычеством, будет, очевидно, скоро добавлено еще много книг и статей, так как эта проблема требует пристального внимания. Ведь довольно трудно представить

себе, что за сравнительно короткий срок все славянские племена приняли полностью чуждую им религию. В приказном порядке князья не смогли бы добиться искреннего отказа народа от прежних привычных культов и заставить его поклоняться новым святыням — так можно добиться только показного эффекта. Во многих случаях поначалу они шли этим путем, преследуя и истребляя волхвов при поддержке христианских священников, первые из которых были византийскими греками, исполнявшими политические заказы своих прежних и новых господ.

Но по мере того как и русские становились служителями церкви, насильственное внедрение новой веры стало постепенно превращаться в приспособление ее к привычным для язычников формам религиозного служения и, главное, верований.

В евангелические формы византийской религии стали все активнее проникать языческие культы, обожествление природы во всех ее многообразных проявлениях и поклонение космическим явлениям. Показательно и то, что алтари всех православных храмов обращены на восток, в сторону восходящего солнца — главного объекта поклонения язычников. Год за годом протекал процесс этого слияния и рождалась новая форма христианства — русское православие.

В его установлениях нашли свое отражение древнейшие праздники язычников, многие нормы их общинных отношений и ряд поведенческих предписаний, всему этому отводились соответствующие «гнезда» в церковно-вероисповедных уложениях.

Эстафета славяно-языческой культуры, складывавшаяся в течение многих тысяч лет и прошедшая русско-языческий этап своего развития, перешла в новое русло, которое можно условно назвать православно-языческим.

О глубокой древности некоторых форм язычества, вошедших в христианство, мы можем, за отсутствием письменных свидетельств, судить по ряду аналогий, сохранившихся в вере и обычаях других народов, и в том числе жителей Индии, каким бы странным это ни казалось.

В славянских землях и в Индии до сих пор ярко и радостно отмечается праздник весеннего солнца — один из самых великих праздников года. Церковные иерархи христианства слили его с учением о воскресении Христа — с днями Пасхи, а в Индии и в наши дни отмечают его во многом так же, как в глубочайшей древности праздновали его наши язычники, приветствуя расцвет летнего солнца. Это тоже можно рассматривать как один из интереснейших признаков древней арья-славянской (или еще более древней общеиндоевропейской) культурной близости.

Нельзя не обратить внимания на то, что в Индии этот праздник, именуемый Холи, носит выраженный «импортный» характер: по всей видимости, он был принесен арьями из более северных стран, потому что в Индии климат таков, что не было явных причин ликовать по поводу вступления солнца в полную летнюю силу, когда оно начинает выжигать траву, иссушает источники влаги, да и саму почву.

Но — празднуют. И характерно при проведении праздника то, что главный его разлив приходится не на южные, а на северо-западные и северные области страны — на первичные земли расселения здесь арьев.

В славянских землях люди, издревле готовившие к этому дню сдобную выпечку, творожные блюда и крашеные яйца (все это — древнейшие жертвенные магически-заклинательные яства), были научены церковью воспринимать эту пищу как разговление после поста и после пения молитвы «Христос воскрес». Сменилось название обрядов, но не изменилась их суть: солнце набирало силу, удлинялся день, близилось время пахоты, появлялась первая трава для выпаса скота, кончался зимне-весенний пост — церковный праздник в полной мере отразил сущность языческого прообраза.

И это лишь один из многих примеров. Ведь не менее ярким предстает и церковный праздник Рождества, приуроченный к дням зимнего солнцеворота. Мы не знаем, к каким глубинам памяти восходит поговорка «солнце на лето, зима на мороз», но по ней ясно видно, как умели наши далекие предки точно учитывать начало прибавления дня.

Эта победа солнца над мраком тоже отмечалась бурным праздничным весельем, приготовлением жертвенно-ритуальной пищи, а также разнообразными проявлениями народного художественного творчества: изготовлением особых игрушек и изображений, плясками, гаданиями, театрализованными представлениями. Здесь уместно вспомнить о том, что и в наше время в некоторых деревнях к дню зимнего солнцеворота выпекают из пресного теста «коровушек», которых затем обычно и раскрашивают, как бы предвещая приход красочной весны; этих мелких тестяных «коровушек» дарили детям, которые ходили по домам с песнями о солнце. Ведь до наших дней дожили святочные действия и игры, часть которых была превращена церковью в христославные хождения из дома в дом. Доныне во многих местах живо и скоморошество, хотя его всегда преследовала церковь как действия, не согласующиеся с религией. (Здесь уместно попросить читателя обратить внимание на приведенные в нашем разделе «Библиография» работы Л.Л. Зарубина, впервые проследившего черты сходства в народной культуре индоарьев и славян и, в частности, в их праздниках.)

Ритуальное северорусское печенье «вьюха», связанное с культом Солнца (Каргополь)

В Индии, с которой мы здесь многое сравниваем, зимний солнцеворот отмечается не так ярко: он не играет там большой роли в хозяйстве. Но ему предшествует целый цикл праздников, связанных с осенним солнцестоянием, что встречает ряд аналогий со славянскими языческими праздничными действиями, ритуалами и обычаями, связанными с завершением полевых работ.

Из числа сходжений можно указать и на отношение людей к домашнему скоту, в частности к корове, которая и у русских всегда воспринимается как мать, кормилица всей семьи (в русской литературе можно найти много описаний ритуального прощального поклонения корове, которую надо продавать или отводить на убой), а уж в Индии это полурелигиозное отношение развилось до степени культового почитания — там почти повсеместно по давней традиции запрещен забой коров, их считают матерями человечества и поклоняются им.

Подобно тому, как некогда на Руси волхвы освящали стойла для скота, самих животных и места их выпаса, так стали у нас в деревнях это делать православные священники, что отмечалось местами до середины XX в.

Культ матери земли сохранялся в среде русского крестьянства почти до нашего времени, и православного священника тоже можно было видеть на полях с молебном об урожае, о дожде, о Божьей милости к людям.

По глубокому убеждению православных пастырей, именно Церковь проповедует истину, а поэтому верующие не должны отрицать все доброе и светлое, что было принято в язычестве. Принимая мир как творение Бога, именно землю следует считать Божьим творением, равно как и к труду на ней нужно относиться как к благословенному делу, что сливает воедино религиозные убеждения православных с языческими, а значит, и с древнейшими земледельческими обрядами и магическими действиями. Не являются случайными совпадения дат сельскохозяйственного календаря с узаконенными Церковью праздниками и обрядами. Начало полевых работ освящается днем святого Георгия; священники служили молебны, призывая в Ильин день (и несколько дней после него) пророка Илью одарить землю плодородием и орошать ее в должные сроки дождем; начало посевов было связано с молениями и крестным ходом, при котором священник символически осыпал землю зерном и орошал ее святой водой, молитвами на поле сопровождалось и начало вспашки; с иконами

встречали на поле и первые всходы и т. п. И все это сочеталось с приготовлением особой пищи, что идет от глубочайшей древней магии: накануне сева пекли особые пироги, собирая для них муку от разных хозяев, при созревании плодов и перед севом озимых проводились праздники Спаса и т. д.

Пахота. Миниатюра из «Синодика Вологодской церкви». XVII в.

Из глубины веков через освоение языческих обрядов Церковь почерпнула и обычаи, связанные с погребением покойников. Она узаконила отпевание, тризну-поминки, а также обычай выноса тела ногами вперед (наши предки в неведомой дали времен верили, что при таком выносе покойник как бы замечает свой след волосами, и дух его не сможет найти дорогу обратно к живым), и завешивание отражающих поверхностей (зеркал), чтобы в них не «зацепился» дух, и многое другое, связанное с погребением.

К таким же сохранившимся издревле верованиям следует причислить и культ огня, веру в его очищающую силу. Она от эпохи язычества сохраняется в деревнях до наших дней у многих славян, как и купальские «очищающие» костры, прогон скота между двумя кострами и т. п. Этот культ вошел в церковь не только в виде обычая возжигания огней, свечей и лампад, освящающих всякое обрядовое действие и охраняющих людей от нечистой силы, но и в удивительном обряде «пещного действия». Это действие исполнялось в церкви при конце Рождественских праздников и носило характер мистериального театрализованного представления. Сооруженные из дерева высокие «печи», украшенные резьбой, имелись в некоторых церквях еще в XIX в. Языческая вера в очищение огнем и даже в воскресение через огонь (что связано, видимо, с обычаем древних славян сжигать на кострах тела умерших) отразилась здесь в игровом исполнении одного отрывка из Священного Писания. В этом тексте говорится о том, как халдеи бросили в печь христианских отроков, но те не сгорели, а молились, и ангел вывел их из печи невредимыми. В церковном «действии» участвовали два халдея в особых шапках, вводившие в «печь» трех отроков в белоснежных одеждах, и деревянный ангел, спускаемый на веревке. Отроки поют молитвы и, когда ангел достигает «печи», выходят невредимыми, вслед за чем все действующие лица мистерии участвуют в церковной службе, что и означало принятие «халдеями» христианства.

Три отрока в огненной печи. Роспись в римских катакомбах

Языческий культ воды тоже претворился в христианские обряды: крещение, водосвятия, паломничества к святым источникам.

Акт причастия был издавна знакомым язычникам обрядом, так как «вкушение плоти и крови Господней» воспроизводило распространенное в древности у многих народов вкушение плоти и крови жертвы.

Был этот обычай известен и славянским язычникам, а потому христианское причастие не было ими воспринято как нечто новое и неприемлемое. Равным образом и поклонение изображениям божеств не было новым: в древности молились и поклонялись каменным и деревянным изваяниям богов, с приходом христианства продолжали делать то же самое, но только «адресуя» молитвы скульптурным фигурам или красочным изображениям божеств и святых (иконам).

Это описано в книге Л. Прозорова в главе «Деревенские боги православной Руси». По его словам, «русский крещеный землепашец упорно, из века в век именовал богами тех, кого церковь велела называть святыми. Вот вкратце список этих божеств, чье почитание продолжалось до XIX, а местами и до XX века: Власий — коровий бог, Мамант — овечий бог, Зосима и Савватий — пчелиные боги, Василий Кесарийский — свиной бог, Флор и Лавр — конские боги, Козьма и Демьян — куриные боги» [135, с. 269].

Религиеведы изредка писали о том, что принявшие крещение русские до самых недавних пор

именовали иконы изображениями своих бывших языческих богов, за что Церковь налагала на них кары. Более того, к иконам приносили (тайно) те жертвенные предметы, которые традиция повелевала приносить соответствующим богам.

Преимущества языческой веры и связанных с ней политических и хозяйственных устоев кратко и четко сформулировал историк А.М. Членов, посвятивший свою книгу «По следам Добрыни» анализу былины о Добрыне. Последовательно изложив все обстоятельства жизни славяно-русского населения «земель», постепенно объединявшихся вокруг Киева в X в. и в связи с этим привносивших в Киевский пантеон своих территориальных богов-покровителей, автор подчеркивает важнейшую роль возникшего шестибожия. Принцип «все боги истинные» исключал религиозную нетерпимость по отношению к объектам поклонения, что появилось на Руси лишь после принятия христианства. А такая свойственная язычеству веротерпимость объединяла «земли» на основе равных прав. И в этой системе, указывает автор, «поддавались выражению сложнейшие политические понятия и программы», что и было «закреплено через фигуры земельных богов». И, по его убеждению, это были итоговые, постепенно выработанные к этому времени, такие институты, как: «Суверенитет. Коалиция земель... Вассалитет и сюзеренитет. Привилегии земель и их порядок... Борьба за народные права... Конституционная монархия... и даже, как мы убедились, федеральный парламент державы... Подобного совершенства не знали ни деспотическая Византия, ни весь тогдашний христианский и мусульманский мир». И дальше он утверждает, что «выросшая на этой почве языческая русская культура оказала глубокое влияние и на характер русской культуры после крещения страны» [14, с. 233–235]. И действительно, многие исследователи приходят к выявлению следов языческого влияния на культуру ранних христиан Руси. Известно, что и система наречения имен по христианскому предписанию была до XIII в. номинальной, как и приверженность к христианской вере. Ведь и князь новгород-северский Игорь («Слово о полку Игореве») уходил на битву с половцами в 1185 году как «внук Дажьбога» [140, с. 13]. Двоеверие в значительной мере сохраняется в среде русских до наших дней, и все отмечают языческие календарные праздники и проводят дохристианские обряды.

Крещение Руси, приведшее к воцарению Христа над богами коалиции русских земель, было результатом длительной борьбы славянской власти с варяжской династией, владевшей Киевом. И в дальнейшем традиции славянства упрочивались, судя по тому, что русские князья, получившие в крещении библейские или греческие имена, упоминаются в былинах и летописях под славянско-языческими именами. Двоеверие исчерпывающе описано Б.А. Рыбаковым в его книгах «Древняя Русь» и «Язычество Древней Руси». В глубоко аналитических тезисах этих книг читателю предлагается обширный пласт оценки материала былин и показ их противоречий с данными летописей, всегда несущими на себе отпечаток угождения в той или иной мере правящим властям, т. е. читателю предлагаются неправдивые сведения о том «как это было».

Одно из древнейших в Индии мест священных омовений — воды Ганга у г. Варнаси

Язычники поклонялись всем сезонным переменам в природе, что было связано с молениями об успехе в хозяйстве, и молились о желательной погоде каждого календарного хозяйственного дня. Это вошло в православие путем придания церковью каждому дню года покровителей-святых (или связывания с каждым днем какого-либо события житийного характера). Это еще один факт двоеверия в православии. Приведем лишь несколько примеров, имеющих хозяйственное значение «дней именин»: лошадей — в день Флора и Лавра, всего скота — в день святого Власия (Власьев день), птиц — в день Благовещения, пчел — в день Зосимы-Савватия, красной ягоды — в день Акулины и т. п. Православие многое почерпнуло из доброго и заботливого отношения язычников к природе. С этим связано и весеннее вербосвятие, и украшение в Троицын день церковей и домов ветками березы и других деревьев (лиственных пород) и травами, а на Рождество хвойными деревьями, — это след культового почитания божеств растительного царства. Примирительный шаг церкви навстречу язычеству явно видится и в том, что на время

созревания яблок и откочки меда был «назначен» Духов день, не один «день Спаса».

С поклонением природе и двоеверием связан и местами сохраняющийся в деревнях обычай постегивания веткой вербы скота, впервые выгоняемого весной на пастбище, а также трехкратный обнос этого стада решетом с житом и иконой Георгия.

Празднику Купалы — дню летнего солнцестояния, так сказать, срединного стояния солнца, было придано имя Иоанна Крестителя, и этот день стал называться праздником Ивана Купалы.

Праздник середины лета вошел в христианство во многих своих языческих проявлениях. Вера в целебную силу трав, собранных в эти сутки, опиралась на известное издревле знание целебности тех или иных растений, и если поначалу церковники запрещали пользование ими, объявляя это колдовскими чарами, то впоследствии именно церковь признала их полезность и ввела их в обиход прихожан, утвердив обряд благословения трав. Равно и окуривание дымом от сжигаемых растений, лечебную силу которого народ признавал всегда и упорно не отказывался от этого обычая, нашел свое прочное место в церковных службах в форме широкого применения воскурения ладана.

Характерной чертой слияния христианства с язычеством служит и то, что считающиеся колдовскими заговоры и заклинания, которые до наших дней живут в ритуальной народной практике русских, постепенно включили в себя молитвы (или их отрывки) и церковные возгласы. Автору этих строк приходилось видеть, как женщины, которым молва приписывала владение силами волшебства, начинали свои заговоры со слов «во имя Отца и Сына и Святого Духа», а заканчивали или возгласом «аминь», или словами «да поможет Пречистая» либо «да расточатся враги Божьи». Наиболее эффективными обычно считаются заговоры, произносимые в дни некоторых больших церковных (бывших языческих) праздников, в дни Святков и под Рождество.

Все здесь сказанное, понятно, вовсе не направлено к осуждению самого факта впитывания христианством древних народных верований и обычаев. Единая религия была необходима объединившейся к концу X в. Руси, и следует признать, что великую мудрость проявили русские христианские вероучители, не отталкивая от церкви все, что было близко, дорого и привычно народу, в жизнь которого внедряли новую религию, хотя и вспыхивали иногда острые конфликты между церковнослужителями и волхвами. Волхование существовало отдельно от церкви много веков — оно было известно еще во времена Ивана Грозного, но постепенно перешло в руки гадателей и колдунов, скрывшись в народной толще.

Здесь уместно вспомнить и о таких живущих в народе фактах язычества, как вера в приметы, стремление отчураться и оградиться от сглаза и нечистой силы («чур меня!», «тьфу-тьфу через левое плечо» и т. п.), как привычное нам «постучим по дереву» или заклинательный показ молодому месяцу серебряной монеты в надежде на его помощь в обретении богатства, да и многое-многое другое в этом же роде.

Прошлое — ключ к настоящему

И память о Деве-Птице

Долетит до иных столетий. Н. Гумилев

Прилегла на берег размытый

Голова русалки больной. А. Блок

В современной нашей жизни механическое возвращение к язычеству, как это пытаются сделать некоторые сектанты, выдающие себя за ревнителей славянского прошлого, абсолютно исключено. Как указывается выше, кое-где сохраняются еще пережитки язычества, но многое вошло в практику православия, закрепилось в сознании православных людей и вне православия уже немыслимо.

Давайте же как можно пристальнее вчитаемся в слова Б.А. Рыбакова, этого великого русского ученого, обратившись к его широко известной книге «Язычество древних славян», выдержавшей неоднократные переиздания (мы будем отсылать читателя к изданию 1981 г.).

Автор неоднократно обращался к поиску аналогий с другими вероисповеданиями и даже к слабо еще изученной мифологии индуизма. Он анализировал с известной долей осуждения то обстоятельство, что «христианская Церковь подавила языческие представления как враждебные новому вероучению». В результате этого до нас могло не дойти значительное количество древнейших традиций, обычаев и верований, которые могли бы помочь современным исследователям составить более точные представления о многих процессах, протекавших некогда в истории человечества в целом и славян в частности.

Так, на первых же страницах своей книги он говорит: «Славянское язычество — часть огромного общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубин тысячелетий и послуживших основой позднейших мировых религий».

И далее поясняет тут же: «Нет более туманного и неопределенного термина, чем язычество; возникнув в церковной среде, он первоначально означал всё дохристианское и нехристианское; им покрывалась и ведическая гимнография Индии...

Резкое противопоставление язычества христианству ведет нас к церковной проповеднической литературе и не имеет ничего общего с истинным положением вещей, с наукой о религии» [141, с. 3]. Автор указывает, что «нужно отрешиться от его узкого церковного понимания и помнить о его полной условности».

Настоятельно напоминая о роли древности, автор пишет: «...Мировоззрение и религиозные представления славян начали формироваться в весьма отдаленные времена, что неизбежно требует экскурсов в глубины первобытных эпох» [141, с. 4].

Нам необходимо здесь подчеркнуть, что мы приводим столь много цитат из ценнейшего исследования Б.А. Рыбакова для того, чтобы ознакомить читателя с достоверными данными об этой форме верований, с данными, собранными и систематизированными нашим крупнейшим специалистом. Это необходимо сделать, так как все мы почти ничего не знаем об этих верованиях. После крещения Руси столько авторов стало писать о язычестве и так по-разному его оценивать, что наши представления о нем далеко отошли от истинных знаний о верованиях наших предков. И следует сказать, что в этих описаниях и в выводах столь многих авторов царил разногласия, и их споры часто носили чисто схоластический, отвлеченный характер, на что и обращает Б.А. Рыбаков внимание читателей:

«...Проблема эволюции языческого мировоззрения на протяжении тех тысячелетий, которые предшествовали принятию христианства, почти не ставилась. Отмечалось лишь выветривание, ослабление язычества, переходившего в “двоеверие”.

А между тем уже древнерусские книжники XI–XII вв., писавших о язычестве, окружавшем их, пытались заглянуть в историю славянских верований и показать различные стадии их в глубокой древности. В русских источниках времен Киевской Руси трижды ставился вопрос о периодизации язычества.

Первое рассуждение, предваряющее пересказ Библии, но созданное самостоятельно и даже противоречащее ей, мы находим в так называемой “речи философа” греческого миссионера, приехавшего в Киев для того, чтобы склонить князя Владимира к крещению. “Речь философа”, известная нам по “Повести временных лет” (под 986 г.), написана в форме диалога князя и проповедника: философ сжато и деловито изложил Ветхий и Новый Завет и основные принципы христианства. По его словам, люди впали в язычество после разрушения богом Вавилонской башни, когда они “разидошася по странам и кождо своя норovy приаша”. Первая стадия воззрений — культ природы... [141, с. 8]

...Вторая стадия связана с изготовлением идолов и человеческими жертвоприношениями, чем занимались отец и дед библейского Авраама» (с. 9).

Далее академик пишет, что эти стадии или этапы освещались по-разному в разных источниках, и указывает, что «они получились у летописцев и при рассмотрении русской истории», так что в VI в. н. э. еще ничего не говорится об идолах, однако: «...по археологическим данным мы знаем, что идолы у полян и “прочих поганых” (например, у бужан) существовали уже в III–IV вв. до н. э., но летописец, говоря о далекой от него славянской старине, решил привести древние верования своих предков к той схеме, которая изложена в “речи философа”.

Другая периодизация, сделанная по византийским образцам, приведена в Ипатьевской летописи под 1114 годом и принадлежит летописцу князя Мстислава Владимировича, посетившему Ладогу во время постройки там новой крепостной стены» (с. 9). «Автор (летописи. — Н.Г.) выписал фантастическую генеалогию древних царей-богов (приуроченных к Египту, хотя там действует и греческий Гефест). Эта генеалогия богов важна для нас тем, что летописец снабдил их имена славянскими параллелями. Третьим царем после всемирного потопа был “Феофаст” (Гефест) иже и Съварога нарекоша егуптяне». Сварог, очевидно, божество неба, так как индийское «svarga» означает небо; в русских источниках известен и сын Сварога — огонь-Сварожич. В соответствии с этой огненно-небесной сущностью Сварог одарил людей умением ковать металл...

После Гефеста-Сварога два десятка лет царствовал его сын “именемъ Солнце, его же наречють Дажьбогъ”. В этих выписках с комментариями мы видим своеобразную попытку периодизации всей человеческой культуры.

1 я стадия. Люди живут в каменном веке, воют палицами и камнями, знают лишь групповой брак (“бяху акы скот блудяще”) и до появления Сварога, очевидно, не знают единого бога.

2 я стадия. Эра Сварога. Появилось божество неба и огня — Сварог. Люди познали металл. Устанавливается моногамия и жестокая казнь (сожжение) за нарушение ее.

3 я стадия. Эра Дажьбога. Установилось классовое общество, люди начали платить дань царям, появились богатые и сановитые люди. И, по всей вероятности, в это время в связи с культом Солнца старый счет по лунным месяцам был заменен солнечным календарем из 12 месяцев (“двою бо на десять месяцю число потомъ уведоша”).

Совершенно исключительный интерес представляет третье рассуждение о стадиях языческих верований. Оно важнее двух приведенных выше потому, что построено не на греко-египетских параллелях, а непосредственно относится к славянам» [141, с. 10–11].

«Это — знаменитое “Слово святого Григория (Богословца) изобретено в толцах о том, како

первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали; то и ныне творят”. Заменяем громоздкое название поучения-трактата кратким условным “Слово об идолах”»...

«Григорий Назианзин (329–390 гг.), константинопольский патриарх при императоре Феодосии I, более известный под именем Григория Богослова, писал в то время, когда христианство со всех сторон было еще окружено разнообразными языческими культурами; в этом окружении переплетались греческие античные культы с малоазийскими, египетскими и иранскими (митраизм).

Григорий, как опытный полемист, отобрал наиболее кровавые и мракобесные примеры и противопоставил им бескровность и логичность (с его точки зрения) христианского вероучения» (с. 13).

«Наш автор прослеживает историю того славянского культа, который доставлял наибольшее беспокойство русским церковникам, разоблачению и бичеванию которого писателями XI–XII вв. посвящены специальные поучения, “культа Рода и рожаниц, по отношению к этому культу распределяются остальные, более ранние и более поздние”» (с. 14).

Мы приводим столь обширные цитаты, касающиеся «Слова об идолах», в силу тех соображений, которые не могут не возникнуть при сравнении славянского язычества с индуизмом. Дело сводится к тому, что в науке до сих пор с точностью не определено время начала изготовления изображений богов как у славян, так и у ариев и других индоевропейцев, и споры по этому вопросу не затихают. Почти все сходятся во мнении, что поклонение, например, «священным» камням в их естественных формах продолжает встречаться и в наши дни, так как их обработка была затруднительна, тогда как дерево было более легким материалом, а поэтому, по всей видимости, наиболее древними идолами были именно деревянные.

В силу того, что этот материал недолговечен, археологи находят лишь небольшое их количество. Полагают, что и арии могли в своих кочевых кибитках перевозить только легкие деревянные изображения, и в Ригведе говорится о том, что один ария «одолил» своего Индру другому, прося вернуть его, когда он поможет победить врагов (Ригведа, IV, 24).

Обратимся снова к цитируемой книге Б.А. Рыбакова:

«...Расставим этапы славянского язычества, как они обрисованы в “Слове об идолах”, в хронологическом порядке.

1. Славяне первоначально “клали требы упырям и берегиням” (с. 15).
2. Под влиянием средиземноморских культов славяне “начали трапезу ставити Роду и рожаницам”.
3. Выдвинулся культ Перуна (возглавившего список других богов).
4. По принятии христианства “Перуна отринуша”, но “отай” молились как комплексу богов, возглавляемому Перуном, так и более древним Роду и рожаницам».

Славянские двуглавые идолы

Предложенная в «Слове об идолах» периодизация несравненно важнее и интереснее, чем в «речи философа» или в летописной заметке 1114 г. Она важнее прежде всего тем, что совершенно самостоятельна и не приноровлена ни к библейским, ни к византийским сказаниям; не было периодизации античного язычества и у Григория Богослова. Хронологическая система «Слова об идолах» оригинальна и независима от других источников. Какие же эпохи в развитии славянских религиозных представлений выделяет эта

периодизация?

Первая эпоха — поклонение и принесение жертв упырям (упирям) и берегиням. И те и другие поставлены во множественном числе, следовательно, это еще не персонифицированные божества.

«А друзии к кладязем приходяще молятся и в воду мечють велеару жертву приносяще. А друзии огневи (молятся) и камению и рекам и источником и берегыням» (с. 15–16).

Здесь мы снова должны вспомнить о возможности сравнения приводимых Б.А. Рыбаковым примеров славянского язычества с верованиями арьев, принесенными ими в Индию со своих исходных земель и утвердившихся в индуизме.

Если в Ригведе содержатся главным образом гимны, обращенные к богам арийского пантеона, то в 4 й Веде — Атхарваведе, которую называют Ведой заговоров и заклинаний, — сохранены древнейшие формы магических представлений и вера в то, что на духов природы, невидимых, но существующих, можно повлиять словом, несущим в себе силу активного воздействия. Ригведа была «Ведой жрецов», а Атхарваведа в значительной своей части создавалась народом и содержит, кроме гимнов богам, также формулы, выработанные ведунами, колдунами и знахарями.

Эти заговоры и заклинания создавались, видимо, в дорелигиозный период, и этот процесс не прекращался и в эпоху утверждения власти богов — таким образом, есть основания полагать, что содержащийся в памятнике подобный материал во многом древнее Ригведы и начал возникать во времена, когда арьи жили родовыми коллективами и в их религии большую роль играл тотемизм.

Обратим снова внимание на слова Б.А. Рыбакова: «У нас нет данных о внешнем облике берегинь и упырей. Позднейшие сирены с птичьим или рыбьим обликом, вероятно, являются уже некоторым видоизменением первоначальных представлений; об этом говорит и двойственность образа (девушка-птица и девушка-рыба), что являлось попыткой выразить, с одной стороны, родство со стихиями воды и воздуха, а с другой — родство с самим человеком...

Едва ли нам следует создавать научный “словесный портрет” первобытных сверхъестественных сил — обилие теорий по этому вопросу убеждает нас не в непознаваемости явления, а в трудности изложения на современном языке расплывчатой сущности явления. Может быть, следует ограничиться неопределенным (а потому и менее ошибочным) упоминанием “волшебных сил”, неразрывно связанных с магическим отношением к природе... (с. 17–18).

Дива-птица (Индия)

Славянский фольклор отразил в себе множество сведений о том, как надо было обращаться ко всему множеству этих разнообразных духов — но, к великому сожалению всех исследователей, да и поэтов и писателей, эти магические заклинания утрачены в ходе подавления Церковью первобытных веропредставлений народа. В Индии же, где индуизм вообрал в себя все многообразие древних молений, сохраняются разные формы заговоров и словесных обращений к неземным силам».

Подобные заклинания или гимны отражают представления о тех же персонажах, которые причисляются к древнейшим в ряду объектов почитания славян-язычников. В числе таких заклинаний многие направлены против болезней и других бед и в них часто содержатся обращения к необъясняемым в текстах силам (или существам?) с просьбой о помощи и оберегании от зла, которое причиняют силы (или существа?), насылающие несчастья и смерть. Этим же злым существам, выпивающим здоровье и жизнь, даже приносили жертвы,

моля их уйти. Их называли общим именем «пишачи».

К злым существам древние арьи относили и вил, что более подробно будет разъяснено ниже при сопоставлении славянских и индусских культовых терминов. Духам всех явлений и фактов природы (воды, огня, деревьев, камней, гор) издревле приносят жертвы, моля их то о плодородии, то об отвращении зла, то о здоровье.

Б.А. Рыбаков, продолжая свой рассказ о том, как были зафиксированы в письменности сведения о древних воззрениях, пишет:

«...Автор “Слова об идолах” и так сказал нам очень много о далекой первобытности предков славян, отказавшись от простого перечисления культов солнца, огня, источников и рощений и т. д. и дав систему воззрений на мир, построенную из трех элементов: 1) силы зла; 2) силы добра; 3) люди, кладущие жертвы тем и другим. Вся эта система построена как бы в одной горизонтальной плоскости земной поверхности с ее почвой, деревьями и водами; небо в нее не включено (с. 18)...

...В трехступенчатой периодизации славянского язычества, данной в “Слове об идолах”, мы рассмотрели первую стадию, неизмеримую по ее хронологической протяженности, длившуюся, вероятно, десятки тысячелетий...

О культе Рода и рожаниц наши источники говорят как о повсеместном, устойчивом и неистребимом. Известна даже календарная дата празднеств и пиров в честь рожаниц — 8 сентября, день рождества Богородицы; известно, что “череву работные попы” ради материальных выгод (“откладов”) примирились с бесовской трапезой в честь Рода и рожаниц...» (с. 19–20).

«Культ рожаниц как женских божеств, покровительствующих рождению чего-то или кого-то, должен был быть многозначным, в нем могли проявляться и черты культа общей плодovitости (людей, промысловых зверей, домашнего скота), и культ божеств, помогавших роженицам, и аграрно-магические представления земледельцев о богинях урожая» (с. 21).

На возможности сближения славянского Рода и индусского Рудры мы остановимся ниже, здесь же вернемся к оценке этих существ Б. Рыбаковым, который связывает этот культ с хозяйственными циклами. Подчеркнем то обстоятельство в жизни любого народа, что отправления ритуалов, праздники и многие культовые действия исторически всегда были и остаются привязанными к хозяйственной деятельности человека. Так:

Традиционные символические изображения рожавших женщин: а-д) Индия; е-з) вышивки Русского Севера (рожаницы)

«...Русский автор XII в., пишучи о Роде и рожаницах, подразумевал божества урожая, плодородия земли (может быть, плодovitости скота), так как жертва рожаницам приносилась бескровная — продукты земледелия и скотоводства (с. 22)...

...Очень важным аргументом в пользу того, что рожаницы связаны не с культом предков, а прежде всего с плодородием (или с благополучием через плодородие), является приурочение их годового праздника к празднику урожая — к следующему дню за рождеством Богородицы, т. е. к 9 сентября. К этому сроку завершался обмолот яровых, самой основной и архаичной части славянского хозяйства. К дню рожаниц становились явны итоги всего земледельческого года, страда была закончена, хлеб был уже в закромах, и объем урожая был окончательно известен. Праздник Рождества Богородицы назывался “госпожиным днем”, “госпожинками”, “спожинками”, в названии смешивались представления о Госпоже-Богородице и о завершнном жнитве. Рожаниц чествовали во время “второй трапезы” (т. е. второго пира после Рождества Богородицы) хлебом, кашей, творогом и медом...» (с. 23).

Да, извечная вера в покровительство, любовь и заботу со стороны богинь-матерей, какие бы имена им ни давали, начиная с глубокой древности, настолько неразрывно связана с природными календарными циклами, что язычники с готовностью встретили и приняли культ Богоматери, занявший в православии подобающее ей высокое положение. Можно даже сказать, что в народной вере, в религиозном мышлении простых людей этот культ зачастую выдвигается на первое место. Ее именем освящаются роды (пережиток культа рожаниц), главные ее праздники приходятся на время завершения жатвы: Успенье Богородицы — это прощание с летом, а Рождество Богородицы — встреча осени, т. е. дня осеннего равноденствия. И в этот день была также одержана историческая победа над Мамаем на поле Куликовом, что на долгие века осталось в памяти народной как знак высокой поддержки Пречистой Девой русских воинов. По преданию, Владимирская икона Божьей Матери сопровождала на бой с татарами наших ратников (она была через несколько лет после битвы перенесена из Владимира в Москву).

Равным образом, на дни вероятного (и обычного для северных областей) выпадания первого снега в середине октября — первого чистого покрова черной осенней земли — был определен духовенством и праздник Покрова Богородицы. И не случайно в России насчитывается свыше 200 икон Богоматери, считающихся чудотворными, в том числе известные всем Владимирская, Иверская, Казанская и Тихвинская.

В индуизме с верой в силу рожаниц связаны многочисленные культы богинь-матерей, имеющих одну суть, но тоже носящих разные имена и изображаемых по разным канонам.

Так безошибочно прослеживается вера в обязательное покровительство и помощь рожаниц, т. е. вселенского женского начала, всем живущим, опора и поддержка со стороны неземных сил.

Особую и очень высокую роль отводит Б.А. Рыбаков культу огня, который, как полагают, определил в далекой глубине тысячелетий начало человеческой цивилизации. Б. Рыбаков считает: «Культ огня в самых различных формах дожил до начала XX в. повсеместно. Огонь называют “богом”, “святым огнем”; при вздувании огня читали молитвы. Огонь переносят из старого жилища в новое. В определенных случаях зажигают путем трения новый, “живой огонь”. “Мы почитаем огонь как бога”, — говорили жители Подолии. “Его (огонь) нужно почитать все равно как бога. У нас огонь почитают, так как он может спалить”, — говорили на Полесье...» (с. 33).

Этому культу в цитируемой книге Б.А. Рыбакова отводится немалое место и описываются обряды, связанные с его отправлением. Ниже мы приведем сведения об этом культе в индуизме, здесь же следует указать на выявляемые в среде индусов и славян древние символы магии плодородия, сходные до взаимной неотличимости:

«...На свадебных “молодецких” напевах, на вышитых рукавах рубаш, на девичьих головных уборах очень часто встречается один и тот же характерный узор: ромб или косо поставленный квадрат, разделенный крест-накрест на четыре маленьких квадрата или ромба. В центре каждого из четырех маленьких квадратов обязательно изображается небольшая точка. Так как квадрат есть частный случай ромба, то назовем эту композицию “ромботочечной”... (с. 41).

...Связь ромботочечного узора со свадебной обрядностью и с бытом молодой замужней женщины заставляет нас обратить на него особое внимание, так как весь свадебный ритуал пронизан магическим содержанием, и в первую очередь магией плодородия. Общеизвестно, что идея плодородия в свадебной обрядности выступает в двух формах: во-первых, как будущая плодovitость девушки-невесты, а во-вторых, как плодovitость вспаханной и засеянной земли (каравай хлеба, обсыпание зерном, подстилание соломы и т. п.). Женщина уподоблена земле, рождение ребенка уподоблено рождению нового зерна, колоса...» (с. 42).

Полное соответствие этому прослеживается в Индии, что явно указывает на единство представлений арьев и славян, сложившееся на землях Восточной Европы до времени ухода арьев на юго-восток из Прикаспийского побережья, где они к этому периоду уже стали осваивать земледелие, занимаясь им по мере использования земли под посевы на 2–3 года, т. е. во время своих вынужденных задержек при перекочевках со скотом.

Указываемая Б.А. Рыбаковым символика воспроизводится в Индии и в вышивках, и на ритуальной росписи стен, наносимой к дням свадеб и праздников. Б.А. Рыбаков нашел, что указанный ромботочечный узор не идет «далее IV тысячелетия», чем и подтверждает наше предположение о частичном временном занятии арьев земледелием, начавшемся уже во время перекочевков по нашим землям с севера к югу.

Женщины — покровительницы растений и знаки засеянного поля: а, б) древние славяне; в, г) Индия (одинаков ромботочечный узор)

«...Продолжим поиск, так как земледельческой эпохе предшествовал измеряемый сотнями тысячелетий период охотничьего хозяйства со своей особой идеологией, и для нас очень важно выяснить, сохранилось ли что-либо из той отдаленной эпохи в современном нам этнографическом материале...» (с. 50).

Анализируя различные виды символических изображений, Б.А. Рыбаков останавливается на символике, связанной с весенним днем нарастания солнечного света, с тем днем, который в христианстве был введен церковными уставами как день воскресения Христа, т. е. как праздник Пасхи. Красочность этого праздника выражается в Европе раскраской яиц.

«Символика пасхальных писанок связана с магией плодородия во всех ее аспектах. Прежде всего само яйцо является олицетворением начинающейся жизни; растительные узоры и символы аграрного плодородия покрывают писанки; приуроченность обычая (или обряда) катания яиц к весеннему циклу праздников тоже говорит об аграрной магии. Поэтому все сюжеты и композиции на писанках требуют внимательного отношения к ним и тщательной расшифровки...

...Представление о яйце как о микрокосмосе, в котором отразилась Вселенная, восходит к глубокой древности: индоиранские легенды говорят о появлении Вселенной из яйца» (с. 51–52).

Обращаясь вновь к индийскому материалу, вспомним о древней вере арьев в то, что бог Брахма, создавший мир, богов и все живое, сам возник из золотого яйца, образовавшегося в первичном океане из оброненного в его глубины семени некоего извечного надмирного и непознаваемого начала — Великой Первопричины. Воплощением этого начала и стал Брахма, разделивший яйцо на две половины — землю и небесный свод.

В завершение рассмотрения некоторых страниц из указанной книги Б.А. Рыбакова приведем одно из его бесспорных определений, снова напоминающее нам о важности обращения к архаике: «...Глубина народной памяти измеряется десятками тысячелетий. Конечно, нам очень трудно уловить тот исторический момент, когда исчезает содержание того или иного символа и когда начинается бессознательная традиция, сохранение одной внешней формы без знания смысла изображаемого...» (с. 95).

Рождение бога Брахмы из яйца (рис. С. Потабенко)

Рос — рус — русь?

Эй, славяне, что с Кубани,

С Дона, с Волги, с Иртыша... А. Твардовский

Наука не знает хронологической последовательности разделения древних славян на отдельные этносы, и в том числе до сих пор не определено время появления этнонима «рус/русский», а соответственно и слова «Россия» как названия страны, население которой в подавляющей своей массе пользуется русским языком с некоторыми его диалектными отличиями.

«Вопрос о начале Руси чрезвычайно сложен, общепринятого решения нет и сегодня, но его необходимо вырабатывать, и для этого должны быть сконцентрированы все позитивные научные усилия» [116, с. 7].

Никогда не следует забывать, что в глубине веков и тысячелетий существовала исторически складывавшаяся близость предков славян в пределах единой протославянской общности, а равно и близость их к общности арьев (о чем уже выше сказано достаточно для этой работы). Часто встречаемое в литературе утверждение, что славяне появились, например, на Москве-реке и Оке лишь в начале I тыс. до н. э., является выраженной уступкой финно-угорской теории, о чем повторно здесь говорить не будем.

Историки, к сожалению, под древними славянами и Древней Русью часто понимают лишь период жизни в I тысячелетии н. э., игнорируя до сей поры открытия исторической науки, связанные с началом формирования их культуры и древнейших форм группового самосознания (семейно-родового, а возможно и родо-племенного) в период существования кроманьонцев, который теперь датируют веками последнего межледникового. Говоря о развитии этнического самосознания, вспомним хотя бы об упоминавшемся выше утверждении Я. Харматты о разделении в областях Центральной России балтов и славян не в I, а в V тыс. до н. э. Процесс этногенеза славян протекал на севере Восточной Европы задолго до этого, и формирование их этнических групп растянулось здесь на много веков до этой даты. И те ассимилятивно-адаптивные процессы, которые протекали здесь в процессе общения с предками других переселявшихся с севера индоевропейцев, отражены и в общих или сходных элементах их языков, и в сохранявшихся донине обрядах и культовых представлениях, о чем так много сказано в книгах Б.А. Рыбакова, этих «энциклопедиях славянского язычества».

Когда многие историки, пассивно повторяя друг друга, пишут о заселении Русского Севера русскими, якобы пришедшими то с Балкано-Карпатских, а то и со средиземноморских земель, они и не вспоминают (или не знают?) о том, что здесь и реки и местности хранят в себе арья-славянские названия, которые восходят к Ригведе (Приложение III) и Авесте и никак с Южной Европой не связаны. Не вникают они и в то, что орнаментально-знаковая система северных русских хранит в себе множество общих с арьями элементов, как выявлен и ряд сходных и общих черт в славяно-русском язычестве и в религиозных воззрениях древних арьев (обо всем этом будет подробно сказано в нижеследующих разделах). Да, русские широко мигрировали по Восточной Европе и не только уходили со своих северных земель, но и возвращались на них в процессе своих передвижений, да и с самого начала, со времен таяния и исчезновения последнего ледника, расселялись по северным рекам, навсегда оставаясь на освоенных землях, о чем свидетельствуют многие археологические находки хотя бы на Кольском полуострове.

С финнами, а шире — с носителями финно-угорских языков носители русского языка стали входить в контакты, как уже упоминалось, не ранее I тыс. до н. э., и надо отметить, что нигде

не зафиксированы враждебные выступления русских против таких людей «не своего языка», как коми, чудь, весь и других племен. Можно предположить, что должны были быть взаимные столкновения из-за земли или охотничьих угодий, но ни в летописях, ни в эпосе нет упоминаний об истреблении славяно-русами этих «не своих».

Русский язык, как и любой другой, прошел этапы частичной взаимной ассимиляции некоторых своих элементов с элементами языков окружающих племен, но никогда не менялся настолько, чтобы быть причисленным к языкам другой группы или другой семьи.

В науке и публицистике давно ставится вопрос о происхождении самого названия Русь, а отсюда и этнонима «русские». Остановимся вкратце на нескольких точках зрения. Следует для начала отослать читателя к статье В. Кожина «История Руси и русского слова» [89], журнал, в котором она была напечатана, можно легко найти в библиотеках. В. Кожин писал, что некоторые авторы ссылаются на византийцев, отождествлявших Русь с упоминавшимся в Ветхом Завете мифическим северным народом «рош». Писатель не соглашается с этим, не согласимся и мы. В печати проскальзывали и направленные на огульное осуждение русских «лингвистические» пояснения, что слово «рош» соотносится с глагольным корнем «руш», что говорит якобы о вечной тенденции русских к тому, чтобы «рушить». Не останавливаясь на этом, обратимся к Библии. Так, в книге пророка Иезекииля сказано: «Ты же, сын человеческий, изреки пророчество на Гога и скажи: так говорит Господь Бог; вот Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеа и Фувала!» (Иез. 38: 2–3). Далее идет описание гибели этого Гога от израильтян. Кто таков этот Гог, не поясняется, как и нельзя понять, что это за места, где он княжил, но эти неясности каждый толкует как хочет, а поэтому видно, что в тексте нет никаких географических указаний на Россию, тем более что в этой главе пророк от лица Бога обещает дать место для могилы Гога — «долину прохожих на восток от моря» (Иез. 39: 11) на территории Израиля. Тут без особых разъяснений становится ясно, что в те века никакие славяно-русы не проникали для описанных массовых военных действий в страны Ближнего Востока. Надо заметить, что встречаются публицисты, развязно производящие и название Москвы от упоминаемого загадочного и до сих пор никем не открытого Мешеа, но здесь обойдем это молчанием. В указанной книге пророка говорится, что этот Гог «в земле Магог», и с ним на войну придут союзники его персы, эфиопы и ливийцы: «И пойдешь с места твоего, от пределов севера — ты и многие народы с тобою, все сидящие на конях...» (Иез. 38: 15). Каждому понятно, что здесь «север» и все эти народы никак нельзя связать со славянскими землями той давней поры, но, возможно, — лишь с какими-то северными соседями древнего Израиля, и указанные Рош, Магог или Мешеа к Руси никакого касательства иметь не могли.

Традиционные мотивы вышивки: а, в) Россия; б, г) Индия

Слова пророка Иезекииля о том, что с Гогом придут его союзники, в числе которых будут персы и другие, «и все сидящие на конях», наводят на мысль об использовании коней арийскими воинами в их боевых походах по землям Древнего Ирана, Малой Азии и Ближнего Востока. Об ираноязычных (арийских) иммигрантах в Иран в конце II — начале I тысячелетия до н. э., о чем пишет Э.А. Грантовский [46] как об указаниях многих ученых, сообщал ряд источников, включая ассирийские тексты. Захват власти в Мидии, Хеттской державе и соседних областях Передней Азии индоиранскими военачальниками отразился в изменениях имен богов, царей, да и всех терминов, связанных с коневодством, которое было здесь новым видом хозяйственной деятельности. Историк В.Б. Ковалевская указывает, что передвижение древних индоиранцев в Переднюю Азию «стало возможным лишь после освоения коня» [88, с. 4] и что кони и колесницы стали известны и в Древнем Египте, а индоиранские завоеватели Митании, «митанийские арии», были первой волной индоиранцев в Передней Азии (с. 42).

Коневодство и колесничное дело были принесены арьями в Переднюю Азию и близлежащие страны

Так что пора прекратить и не возобновлять в дальнейшем все эти спекулятивные

соотнесения Гога, Магога и Роша со славяно-русскими земледельцами Восточной Европы тех давних времен. Данные библейских пророчеств вполне поддаются объективной исторической дешифровке и разъяснениям.

В. Кожин в своей упомянутой статье неоднократно ссылается на работы известного историка Н.В. Пигулевской, которая, как и ряд других исследователей, указывает, что сирийский хронист VI века н. э. писал о некоем народе «рус», обитавшем к северу от Кавказа. Русы действительно жили в Приазовье, и это уже не миф. Если принимать указание хрониста «к северу от Кавказа» более расширительно, то есть и к северо-западу, то он имел в виду и Северное Причерноморье, обширную область расселения групп арьев и славян, а впоследствии скифов и славян («русов»).

Историк Л. Гумилев в своих работах производил русов от ругов — племен древних германцев; эти руги (они же и россомоны) пришли в Австрию; на востоке они воевали со славянами, грабили их, захватив города Куябу (Киев), Арзанию (не то Белоозеро, не то Рязань) и Старую Русу (или Славию); нападали на Византию (Рим), на Испанию, где жгли церкви и «страшно свирепствовали», «но, будучи изгнаны оттуда, уплыли на своих кораблях (ладьях) в Атлантику и все до одного утонули в бурном Бискайском заливе, оставив славянским народам название «рус» [49]. О такой странной трактовке передачи имени уже писали не раз, а О.Н. Трубачев просто назвал ее народной этимологией, поэтому в эту проблему мы здесь углубляться не будем.

Крытая деревянная повозка кочевников (реставрация находки у оз. Севан. II тыс. до н. э. Возможно, это тип переднеазиатской четырехколесной повозки, известный и в Малой Азии. В нее впрягали волов)

А.Н. Карсанов пишет в статье «Об этнической принадлежности племени росомонов» [86], что единственное древнее о нем упоминание встречается у хрониста-историка Йордана (V–VI вв.), говорившего о нашествии в IV в. гуннов на остготов. Исследователи по-разному определяют этническую принадлежность росомонов — Б.А. Рыбаков и ряд других историков считали их племенем восточных славян-антов бассейна реки Рось; комментаторы текста Йордана транскрибируют это название и как «роксаланы»; считают их насельниками Среднего Поднепровья; М.И. Артамонов в своей «Истории хазар» [16] называет это же население росами, о которых, по его мнению, и упоминает сирийский источник; некоторые считают их готами, которые после распада союза племен готов утратили название росомонов и стали именоваться аланами. Византийцы, писавшие в X веке, уже определенно говорили и о народе русов, и о географии страны России.

Русы в средневековой Европе (по статье А.Г. Кузьмина «Руги и русы на Дунае» в сб. «Средневековая и новая Россия», СПб., 1996.)

Целая историческая школа возводила, как известно, русских к норманнам. Не углубляясь во многие принятые в науке доказательства неверности этих утверждений, укажем лишь на вывод антропологов: «Единственная заведомо норманнская краниологическая серия из могильника в урочище Плакун в Старой Ладогe никаких аналогий в восточнославянских сериях не обнаруживает... Весьма интересно, что и в балтийских, в непосредственном контакте с которыми находились норманны в циркумбалтийском экономическом регионе, не прослеживаются никаких антропологических связей с норманнами, в то время как у славян, так и у балтов, достаточно отчетливы черты генетического взаимодействия» [11].

Ведущий отечественный лингвист О.Н. Трубачев отвергает предположения ряда славистов (например, В.Н. Топорова) о том, что славянский язык является «вторичным продуктом» наслоения западного индоевропейского этноса на западно-балтийский языковой ареал, и славяно-русский был «языком-сыном», а балтийский — «языком-отцом». Концепция балто-славянского языкового единства стала во второй половине XX в. уступать место

концепции «длительного соседства и общения балтов со славянами» [166].

Многие исследователи возводят русских к варягам, тоже, по некоторым утверждениям, именовавшимся русью (это взгляд А.Л. Шлецера, которому следовали и такие русские историки, как Н. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский и другие). Но поскольку этноса под названием «варяги» нигде в мире не существовало, а это были воины-наемники, в состав которых входили представители разных этносов, то трудно понять, почему бы они именовали себя русью или русами, или почему следует считать их при этом еще и норманнами, как многие думали.

Можно сделать попытку предложить здесь такую возможную интерпретацию возможного происхождения слова «варяг»: снова обратившись к санскриту, находим в нем слово «варанга» — «меч», а поэтому не исключаем мысли, что этим наемным воинам было присвоено название меченосцев (слово «варанга» могло быть и издавна известно индоевропейцам, а могло быть и заимствовано ими из языка причерноморских арьев). В контексте этого предположения не лишним будет вспомнить и о том, что в английском языке сохраняется такое название варягов, как «варангианс», что может служить подтверждением высказанной нами догадки.

Интересное соображение о слове «варяг» высказал А. Карпов [85]. Считая варягов также воинами-наймитами из разных племен, занятыми охраной товаров на сухопутных и морских торговых путях, он связывает их название со словами бодричей «вара» — «товар» и «гаичь» — «охранять», откуда производится слово «варегайче» — «охранитель товаров». Карпов указывает еще и на то, что по-кирилловски «варяю» значит «разъезжаю», а «варяг» — «разъезжающий».

Карпов подтверждает, что и призванные на княжение «варяги» тоже были «руссами», и что ряд топонимов и гидронимов южного побережья Балтийского моря содержит в себе частицу «рус-рос». А. Карпов пишет: «Руссы не были скандинавами, т. е. ни шведами, ни датчанами, ни норвежцами, ни даже готами они не были. Судя по некоторым именам князей своих, были они чисто славянского племени». И имели эти русы свою страну, свою этническую обширную территорию, за независимость которой сражались ее князья вместе со своими войсками.

К многочисленным попыткам разрешить вопрос о славяно-варяжских отношениях было сделано в первые годы XXI в. новое и очень обоснованное заключение о том, что главное лицо, вокруг которого велись споры русских исследователей со сторонниками норманнской теории, а именно — Рюрик был сыном русской княжны, вышедшей за Готлиба 12 го, вендо-ободритского короля, правившего в Мекленбурге. Эти факты проанализировал и доказательно подтвердил историк В.И. Меркулов, глубоко изучивший материалы немецких хронистов, посвященные неоднократным династическим связям прусских королей с восточнославянскими князьями. В своей книге он приводит переведенные им со средневекового немецкого языка данные из таких хроник и воспроизводит графически схемы родословий, по которым видно, что прибалтийские славяне поддерживали политические и хозяйственные связи с прибалтийскими немецкими правителями, и эти связи распространялись и на восточноевропейских славян. Доверие, вызываемое этими источниками, автор поясняет тем, что «до середины XIX века германские земли не были объединены в единое государство... Соответственно, немецкие авторы в меньшей степени находились под жестким давлением политических интересов [116, с. 19]. Адам Бременский причисляет варягов и руссов к «славянским народам» и сообщает много сведений о населении юга Балтики и о маршруте вдоль южного побережья Балтийского моря на Новгород. Называя варягов «ваграми», он как бы давал знать, что это род этнонима, и это подтверждает продолжатель хроник Гельмольд (XII в.), который писал о Вагрском графстве за рекой Травной и сообщал, что это был «передний край Славии» на границе с датчанами и саксами. Далее в цитируемой книге указывается, что «великая провинция» Русь располагалась на южном побережье Балтики, и хронисты, как и немецкие историки,

сообщают, что в южной и юго-восточной Прибалтике существовали «русские земли», а Саксон Грамматик (X в.) писал, что «россияне в его веке оным Балтийским берегом владели» [116, с. 21]. Историк А.Г. Кузьмин связывал имя «Русь» с его этническим содержанием, а слово «варяги» воспринимал как географическое понятие и полагал, что оно является производным от древнего индоевропейского корня «вар» — «вода» (укажем, что такое значение этот корень имеет в санскрите). Понятие «варяги» он связывал с морями, считая, что оно равнозначно определению «поморяне», отсылая при этом к летописному упоминанию о них как о «варягах-поморянах».

Остановимся и еще на одной точке зрения. Исследователь В.И. Паранин в своей книге «Историческая география летописной Руси» (132) пишет, что этноним «Русь» образован от древнего названия Карелии, которая раньше была островом, известным под названием Рус, или Гарда. Автор считает, что именно карелы и другие финно-угорские племена, населявшие север Восточной Европы, и легли в основу образования русского этноса, сообщив ему не только свое имя, но и многие хозяйственные навыки, включая и торговлю (мехами, медом, воском) со странами Востока.

Эту гипотезу можно понять как некое теоретическое построение, опирающееся на реальный исторический факт позднего (не раньше начала I тыс. до н. э.) периода жизни северных славян, непрерывно продвигавшихся из приполярных областей, где нарастало перенаселение, в южном направлении в среде расселявшихся в эти века из-за Урала групп финно-угров. Но согласиться с ней трудно хотя бы из-за несходства славянского языка и славяно-русского язычества с финно-угорскими. Частичное физическое смешение должно было иметь место, но культурная обособленность и этническое самосознание славяно-русов, судя по всем более поздним данным, сохранялось и было пронесено ими вплоть до достижения Черного моря, получившего в свое время название Русского моря.

А поэтому не следует ли предположить, что скорее остров Рус получил свое название от славянского этнонима? Уже в те давние времена одно из славянских племен могло обрести этноним «рус», хотя точных указаний на это и нельзя обнаружить в летописях, создававшихся в гораздо более поздние века.

Обсуждая данную проблему, следует еще раз обратиться к поиску возможных аналогов слова «рус» в санскрите. В нем, например, есть корень «рух» (ruh), фонетическим вариантом которого служит форма «рус» (rus). Он означает «расти, расширяться в пространстве». Не таятся ли здесь возможные следы не раз упоминаемой в Ригведе борьбы арьев с соседними племенами за земельные, охотничьи или пастбищные участки? (Кстати, на санскрите слово «пас» (паш) тоже означает «пасти» (скот), но это мы вспоминаем, так сказать, попутно, без прямой связи с этнонимами.)

О.Н. Трубачев указывал, что в арийско-славянском Причерноморье и Приазовье прослеживается ряд местных древних топонимов, содержащих в себе частицу «россо» — «светлый, белый», и сопоставляет ее с древнеиндийским словом «рукша» — «светлый, белый» [167].

Обращение к санскриту наводит на мысль о возможности поиска в новом направлении, дополняющем уже проведенные работы.

Так, русское слово «роса» имеет не только смысл влажного утреннего или вечернего покрова листьев и травы, но обозначает и влагу вообще, воду. В. Даль точно выделяет корень «рос» в таких словах, как «оросить» (омочить водой), «смачивать», откуда производится с расширением смысла слово «орошение». Он также дает такое толкование словам «морось, моросить», то есть сводит смысл корня к понятию дождя, что более широко, чем роса на утренней земле или испарение влаги.

В. Даль указывает, что любой источник вод определяется в русском языке словами «русь», «русева», «русиловка» и им подобными, а значит, мы не можем исключать предположение, что другие народы имели все основания называть славян «народом русел» (т. е. рек).

В санскрите мы можем увидеть полное равенство между русским словом «роса» и древнеиндийским «раса», что означает влагу в самом широком понимании — это и роса, и влага, и сок растений, и всякий сок вообще в значении «сок» речи, музыки и т. п. В «Махабхарате» мы встречаем слово «раса» и как питье, жидкость, молоко. В старо- и новославянских землях многие реки обрели в своих названиях корень «рус», «рос», который настойчиво указывает на понимание его как обозначение потока влаги, воды: рукав Немана называется Руса, рукав Нарвы — Росс, известны многие реки Русь, Руса, Рось и т. п. От этого корня, видимо, производится и само слово «русло» как вместилище этого потока воды, а от него же, очевидно, родилось и слово «русалка». Здесь следует упомянуть и о том, что такое название реки, как Волга, является простым указанием на жидкость, т. е. словом «влага», но в древности и эта река называлась Rasa (Raha, Ra, Rha), что сохранилось в мифах индоиранцев.

Поневоле возникает дерзкая мысль, которую нельзя не высказать хотя бы в самой предположительной форме, — не от определения ли реки как «росы-воды» возникло и само название росов как «народа рек»? Известно ведь, что славяноросы издревле и неизменно расселялись по течению рек, а не по раздольным степям, куда сквозь лесные заросли стремились продвигаться кочевники-арьи. На приречных землях и лесных луговинах и развивались древние формы земледелия славян. Изложенное здесь предположение можно подкрепить и новой ссылкой на словарь В. Даля, где мы встречаем такие определения источника вод, как «раса, руса, русеча, русиловка, русиничи» (т. IV). Это еще раз заставляет вспомнить о необходимости сопоставления слов «роса-Рось-Русь» с санскритским словом «раса».

История этнонима «славянин, славяне» восходит к средневековью, возможно, к началу нашей эры. Нельзя с точностью сказать, когда и где впервые произнесено название «славяне» — на этот счет существуют разные мнения, но известно, что в трех европейских языках определилось в Средние века и в дальнейшем закрепилось название в следующих формах: «славянин, славяне» — на немецком — «славе (Slave)», на английском — «слав» («slav», а славянство — «Slavdom»); на французском тоже «слав» («slave»). Написанная буква «е» в конце этого слова не читается на французском, она нужна для произношения его как «слав». Это «е» вызвало у недоброжелательных или вражески к славянам настроенных людей желание исказить произношение французского слова и произносить это слово «slave» как «слейв», подобно английскому слову того же написания (slave), которое обозначает «раб». Это искажение старательно внедрялось в сознание всех неславянских народов и стало популярным, к сожалению, даже в среде некоторых славян, не знающих европейских языков и не могущих дать должный отпор клеветническому толкованию термина.

Теперь остановимся на том, что во всех европейских языках сохраняются следы древних общих индоевропейских форм в частности слов языка арьев — санскрита. Разница в произношении не меняет содержания, если исходная структура слова, его смысл и звучание совпадают. Так, в санскрите есть глагол «шру» — слышать, а от него образуется форма «шравас» — «слава», то есть «услышанное всеми». Поскольку в процессе развития европейских языков буквы санскрита «ш» и «р» стали часто звучать как «с» и «л», то легко понять, что этот основной смысл слова санскрита точно передан и в русском, и в трех указанных выше языках: «шравас» — «слава», и корневой слог в нем «шрав» и «слав».

Этот лингвистический анализ проведен уже многими специалистами и дополнительных разъяснений давно не требует, а значит, и снимает все недоразумения, касающиеся славян как «рабов». Это не значит, что славян не было в числе рабов, — славянские воины, захваченные в плен, попадали наравне с другими на рынки рабов в чужих странах, да и у

самых славян тоже были рабы из числа военнопленных (и даже из среды своего народа), но это никак не оправдывает намеренно неправильной трактовки термина «слав».

Часто приходится слышать совет не «удревнять» историю славян. А собственно — почему? Особенно если материалы языка так ярко говорят о том, что не могло быть зафиксировано при отсутствии письменности. Какие же этносы, не будучи «древними», создавали на землях Восточной Европы, скажем, ямную и срубную культуры? Кто развивал здесь индустрию неолита, а затем меди и бронзы? Удивительны эти разговоры об «удревнении», особенно если принимать во внимание утверждения археологов о культовом единстве племен Восточной Европы в эти древние эпохи, об их взаимных культурно-хозяйственных связях, для чего следовало иметь достаточно развитые хозяйство и культуру, с чем не согласиться уже никак нельзя.

Виктор Конецкий в своем рассказе «Корабли начинаются с имени» очень точно определил смысл передвижений не только по воде, но и по лицу земли, сказав: «Любое движение в пространстве есть непрерывная смена обстоятельств и свойств среды вокруг». Это полностью применимо и к людям, к тем их группам, которые переселяются или расселяются по суше, — ведь воздействие среды и обстоятельств не может не ощущаться на каждом новом продуктивном участке, который осваивается пришедшим человеческим коллективом. Эти обстоятельства и свойства среды неизбежно влияют на отношение к природе, на умение пользоваться ею и соответственно на многие черты быта и формы социальных структур.

О древних формах хозяйства предков русского народа можно многое узнать, обратившись к книге археолога и историка П.Н. Третьякова «Происхождение земледелия» [159]. В этой книге автор опроверг устоявшуюся в науке точку зрения на низменности Передней Азии как источник мирового земледельческого хозяйства. Он пришел к выводу, что на южных землях поля всегда покрывала буйная поросль сорняков, а древний человек не мог до изобретения плуга с ней бороться и достигать больших успехов в производстве зерновых культур. П.Н. Третьяков писал, что только на севере можно было развить полуоседлое подсечно-огневое земледелие в благоприятных природных условиях, то есть на полянах, окруженных лесами и обильно зараставших кустарниками. Такие посевы приводили за три года к результату, определяемому как «сам-150» — собирали в 150 раз больше зерна, чем сеяли. И главным выводом этого известного ученого является утверждение, что только в таких условиях могли развивать свое хозяйство и культуру предки индоевропейцев, живших в глубокой древности на севере Восточной Европы, на Русском Севере, откуда и стала распространяться по миру технология обработки земли и переход от мотыжного земледелия к плужному.

Тут нам следует вспомнить о том, что широкое использование ячменя описывается в Ригведе, а уж в эти гимны, создававшиеся на северных циркумполярных землях, никак не могли проникнуть из Месопотамии или Египта сведения о способах выращивания этой культуры.

П.Н. Третьяков связывает с далеким Севером и первичное культивирование не только ячменя, но и полбы и проса, тех зерновых, которые, как уже широко известно, были основой питания расселявшихся с севера племен индоевропейцев. Эти культуры характеризовались, по выражению Третьякова, среднеевропейским происхождением и уже отсюда проникли в страны Передней Азии, в Китай или Индию.

В Авесте есть указания на наличие трех социальных изначальных групп — воинов, жрецов и скотоводов, а позднее уже говорится о пахоте на быках (Яшт, 5, 122, с. 424).

Одной из главных трудностей, связанных с определением времени возникновения термина «рос/рус» и распространения его в литературных источниках других стран и народов, является их затянувшееся на многие века отсутствие широких контактов с этим народом, равно как и невероятное разнообразие оценочных данных о возникающих контактах. Историк

В.Я. Петрухин точно оценил эту давнюю ситуацию: «Для отстраненного взгляда “извне”, со стороны византийских и арабских авторов, это был народ “неизвестный” и “неименитый”, варварский, языческий; его происхождение связывалось, прежде всего, с народами-монстрами края ойкумены — Гогом и Магогом, князем Рос и т. п.» [133, с. 69]. Отечественные исследователи, часто ориентировавшиеся на иностранные оценки, повторяли в целом ряде своих работ чужие предположения, внося значительную путаницу в решение этой проблемы. Примером того, что наши историки иногда не знали даже настоящего значения русских слов, является хотя бы то, что вслед за немецкими описаниями Руси они повторяли, что «порядка в ней нет», хотя само слово «порядок» в летописи не упоминается, а приводится слово «наряд», что означает «власть, управление, приказ», а это далеко не то же самое, что «порядок», как правильно пишет об этом С. Лесной [105, с. 12–13]. Он же со справедливым возмущением констатирует, что европейские историки не находят места «для славян, самого крупного и в прошлом, и в настоящем народа Европы», а немецкие историки «приняли огромное количество славянских племен за германские... На деле же руги, вандалы, лужичи, карпы, бастарны и другие были не германцами, а славянами... Древние славяне пользовались особой системой рун... и так называемая глаголица и кириллица употреблялись гораздо раньше того времени, которое им до сих пор приписывали» (с. 7). Он четко поясняет тот факт, что «варяжское племя русь», жившее в «западном углу Прибалтики», было славянским племенем.

Каждому читателю мы хотели бы здесь порекомендовать ознакомиться с его указанной книгой — в ней разъясняется большое количество ошибок в принятых трактовках истории Руси и самого этнонима «рус».

К сожалению, в области проводимых учеными исследований появился пласт самодеятельных открытий, проявляющихся в самых неожиданных формах и предлагающих иногда просто невообразимые решения трудных проблем. Такие публикации, а их становится все больше в журналах и газетах, предлагают читателям простые и доступные ответы на сложные вопросы, те ответы, которые заманивают своей кажущейся ясностью внезапного озарения и уведут внимание ищущего и мыслящего человека от доверия к большому и глубокому труду ученых. Одними из забавных, но в то же время горьких примеров могут послужить неоднократно появлявшиеся публикации с предложениями по-новому воспринимать русский язык, полностью игнорируя его исторически сложившуюся структуру и многовековые связи с другими языками, способствующие выявлению процессов развития контактов между славянами в целом и русскими, в частности, с другими этносами.

Так, некоторые читатели увлеклись предлагаемым методом находить следы русской истории в новом «прочтении» слов любого языка, разыскивая в них частицу «рус/рос» в любом ее местоположении, даже в именах людей любой национальности. И появились примеры таких «руководящих» в этих поисках слов, вроде всем известного имени финансового магната Сороса, названия горы Эльбрус, марки венгерского автобуса «Икарус», слова «папирус», лекарства «рустакс» (из ядовитого плюща, произрастающего в Америке), латинского слова «рарус» — «редкий», имени писателя М. Пруста, римского слова «ростра» — «трибуна» на Форуме т. д. и т. п. Больше того, нам предлагают по-новому осмысливать и такие русские слова, как «парус, хруст, трус (последнее особенно поражает применительно к русскому народу), гарус, брус, коростель, поросль...» и пр., не пытаясь проанализировать их структуру хотя бы на уровне курса школьной грамматики, если вообще и не вспоминать об истории.

Исходя из форманта «рус/рос» в качестве корня слова, ученые провели правильную дешифровку, например, названия области на южном побережье Балтийского моря — Пруссии, восходящего к давнему наименованию этой земли — Порусье, или же земли у реки Русс, как именовался Неман в летописях и как он именовался на польских картах еще в начале XX в.

Наряду с закономерно толкуемым разъяснением образования названий местностей или рек,

в научных изысканиях сложилась не менее закономерная трактовка этнонимов. И вот на этом поле возникло много противоречий в разъяснениях, например этнонима «этруски». Некоторые авторы стали возводить славян к этрускам.

Изображение на этруском бронзовом зеркале (по кн. Майяни). Обряд любовного сочетания, чрезвычайно далекий от известной обрядности славян

Большим сводным трудом по истории, культуре и языку этрусков явилось капитальное исследование французского историка-востоковеда З. Майяни «Этруски начинают говорить» [108]. Предварив свой труд подробным обзором предшествующих публикаций, автор указывает, что в Этрурии обнаружены надписи, включающие некоторые слова и знаки, не поддающиеся расшифровке, как принадлежащие к системе индоевропейской семьи, но основная масса лексики явно соотносится с этой системой. Свою главную мысль, что язык этрусков ближе всего в этой системе стоит к албанскому языку, он доказывает тщательным и обильным анализом как отдельных слов, так и фразеологических конструкций, и прилагает словарь совпадающих и сходных этрусско-албанских слов. В процессе анализа автор указывает и на те слова, которые могут быть пояснены как славянские, но, судя по тому же его словарю, совпадений здесь совсем немного, хотя они и наличествуют. Вся культура этрусков прежде всего была близка генетически связанной с ней культурой греков и римлян, но ведь и греческий и латинский языки (даже во многих своих локальных диалектах) тоже относились к той же индоевропейской семье, так что указанное сходство и с некоторыми славянскими элементами не должно вызывать удивление.

Удивление может вызывать только то, что в изобразительном искусстве этрусков нет ничего, что могло бы наводить на мысль о близости к культуре славян. Прежде всего сюда следует отнести надгробья и саркофаги, которые в России, например, стали появляться на местах захоронений знатных людей не раньше XVIII в. в подражание западным образцам.

Ни изображения людей на фресках этрусков, ни их одежда или оружие, ни характер черт внешности, а тем более часто встречающиеся на прорисовках фигуры обнаженных мужчин и женщин не могут быть исторически сопоставлены со славянами и с их древней культурой: археологи не обнаружили нигде на Руси ничего похожего. Зато в архитектуре и изобразительном искусстве стран Малой Азии и Северной Африки прослеживается ряд сходных и даже точно совпадающих элементов, и автор приходит к выводу, что именно от этрусков пришли эти элементы в греко-римскую цивилизацию.

Лозунг «Этруски — это русские», под которым в форме заглавия была в газете «Завтра» (№ 18/441, 2002 г.) опубликована статья В. Попова, ведет за собой и такие явные заблуждения, как «...большая часть материальных данных демонстрирует тождественность культур этрусков и древних славян, и нет ни одного факта, противоречащего этому... культура этрусков не похожа ни на кого, кроме славян, и наоборот, славяне не похожи ни на кого в прошлом, кроме этрусков».

В таких выводах можно ясно увидеть картину продолжающихся колебаний в поисках как прародинной «прародины» славян, так и истоков славянских языков, и в их числе русского. Надо заметить, что в книге Майяни есть и указания на сходство некоторых лексических элементов этрусского языка даже с санскритом, чему тоже не следует удивляться, так как закономерность таких соответствий давно доказана для всех языков индоевропейской семьи. Но вот таких схождений, как в славянских (русском) языках и в санскрите, в этрусском обнаружить не удастся, а именно схождения этого типа говорят о близости (или единстве?) предков ариев и славян в те эпохи, когда в языке формировались его древнейшие составные части, его основы: термины родства, местоимения, названия числительных, система глагольных корней и образование от них так называемых семантических пучков, то есть сходных по изменяющемуся значению новых слов при посредстве сходных же приставок и суффиксов.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что в процессе широких и многотысячелетних миграций с северных земель предков индоевропейцев по лицу Евразии носители диалектов, обладавших некоторыми (разными по количеству сходений) общими или близкими чертами, достигли не только Черноморья или Средиземноморья, но, как известно, и Ирана, и Индии. И этрусский язык тоже принадлежит к индоевропейской семье, в чем уже никто не сомневается.

Рисунок на этрусской вазе (по кн. Майяни). Нет ни одной черты, напоминающей описания славянских воинов

Изображения человека на изделиях из Триполья не имеют ничего общего с его изображениями в Этрурии

В заключение этого раздела следует задать и еще один вопрос: кто, если не древние предки индоевропейцев, долгими веками вырабатывали представления о персонификации сил северной природы и придания им облика божеств или персонажей фольклора. (Здесь, кстати, будет не лишним упомянуть о том, что в санскрите словом «капа» определяется группа богов, что невольно наводит на мысль о славянском слове «капище» как о месте поклонения идолам.) И в чьей среде, если не в обществах древнейших наших предков, складывались в эпоху охотничьего, а затем пастушеского и скотоводчески-земледельческого хозяйства те поведенческие нормы, те обычаи и ритуалы, которые не изжиты вплоть до наших дней в среде многих индоевропейских народов, как селян, так и горожан? Ответы на эти вопросы будут объективным подтверждением необходимости следовать призыву Б.А. Рыбакова об углублении в архаику.

Память, унесенная в Индию

Короткой нашей жизни пламя

Не угасает без следа -

Уходим мы в людскую память,

Чтоб в ней остаться навсегда. Г. Серебряков

Многие воспоминания об арктических реалиях, как явные, так и завуалированные, встречаются не только в Ведах и памятниках ведической литературы, но и в «Махабхарате» и былинах-пуранах. Обратимся к эпосу за некоторыми примерами и вспомним, что часть его строк и строф признаются более древними, чем тексты Вед, поясняемые исследователями и комментаторами. Так, гора Меру, сияющая всеми склонами, как алмаз, и считающаяся местом пребывания богов, принимается многими за указание на Северный полюс. Природные явления тех областей описываются как проявление силы богов или тех или иных черт их внешности и убранства или оружия.

В 1 й книге поэмы [114, гл. 337] говорится о великом отшельнике-муни: «Искушенный (в йоге) он быстро тогда воспарил и опустился на вершину Меру... Взглянув на северо-запад, узрел он чудесный преславный образ. На севере Молочного моря есть большой остров, известный

под именем Белый остров (Шветадвипа), он расположен к северу от Меру».

Поясним читателю, что Шветадвипа — это не только «Белый остров», но и «Белая земля», так как в санскрите слово «двипа» означает и «остров» и «часть суши» (область), а под Молочным морем правомерно понимать Ледовитый океан. В этой поэме встречаются описания, которые столь же безошибочно узнаются, как описания полярных сияний.

Уже в книге I в гл. 17 мы видим описание невероятного небесного блеска, отражающего в себе картину боя между богами и асурами, боя, возникшего из-за стремления завладеть напитком бессмертия, амритой: «Большие острые дротики, пики с хорошо отточенными концами, посыпались тысячами... Асуры тогда, обильно истекая кровью, падали на землю... падали головы, украшенные сетками из горящего золота. Словно ярко-красные вершины гор, лежали убитые асуры с телами, обагрёнными кровью... явился с небес сверкающий ярким блеском диск... испуская блеск пылающего огня... Асуры (поражали) богов тысячами скал, напоминая собою тучи, разливающиеся дождем... деревьями с вершинами, у которых оторвались зубцы... с шумом сталкивались друг с другом. Нара покрыл небесный свод громадными стрелами с остриями из лучшего золота... и асуры ушли в землю, в океан соленых вод». Опять же в книге I (гл. 26) содержится описание неких сияющих неземным светом богов, изготовившихся к битве с демонами за овладение амритой, напитком бессмертия: «Решительные, они облачились в различные дорогие панцири, сделанные из золота и украшенные камнем вайдурья. Они держали множество разнообразных мечей устрашающей формы с остро отточенными клинками. И все это у них испускало искры огня и дым. Они также были вооружены дисками и железными копьями, трезубцами и секирами, различными дротиками и острыми сверкающими мечами, а также булавами, ужасными на вид... И украшенные дивными украшениями, блистая сверкающим оружием, те сонмы богов стояли там, свободные от грехов, одаренные неизмеримой силой... явили себя в облике, пылающем точно огонь. И то превосходное поле брани, где расположились боги, благодаря сотням тысяч железных копий, освещенное лучами солнца, казалось расплавившимся в небесном своде».

В этом эпосе есть и другие указания на северные сияния, имеющие тоже условный, переносный смысл. Например, говорится о битве земных воинов, связанной с применением волшебного оружия «нараяна», которому сопутствует страшный гул: в литературе имеются указания на гул, возникающий при появлении северного сияния. И не только у русских авторов можно встретить описания этих явлений, но вот, к примеру, в книге У. Уоррена [169] помещено наблюдение норвежского исследователя Фритьофа Нансена: «Формы и типы северного сияния, виденного каждую ночь, были подобны то великолепной короне, то пульсирующим небольшим сияющим облакам... Иногда оно принимало вид арки, но обычно выглядело как колышущиеся занавесы и сверкающие потоки, все время изменяющие свое положение и силу свечения».

Все такие описания неизменно указывают на то, что арьи должны были видеть и знать северные сияния. Во многих описаниях это сияние сравнивают со змеем (или змее-драконом), что наводит на мысль о змеевидности демона Вритры (Валы), похитившего солнце и ликующего в небесах ночи.

Северные сияния нашли свое яркое отражение и в славянском фольклоре, а равно и в литературе. Широко известно описание их красоты и разнообразных проявлений, его мы находим и в книге С. Максимова [109]: «Вот обольет всю окольность лазоревым, зеленым, фиолетовым, всеми цветами красивой радуги, вот заиграют топазы, яхонты, изумруды». Мельников-Печерский почти документально описывал восприятие красоты сияний русскими северянами, называя эти вспышки «пазорями»: «...на северной стороне неба начинает разливаться белый бледный свет, подобный Млечному пути... сначала принимает розовый цвет, затем постепенно багровеет... превращаясь в яркие красные и других цветов радуги “столбы”. Эти столбы краснеют все более и более, “столбы играют”... сильно играющие

столбы сопровождаются перекатным треском и как бы громом...» Заметим, что последние слова точно соответствуют описанию в «Махабхарате». «Сполохи — северное сияние, столбы. Сполохи дышат, дрожат, мерцают, то ярко, то бледно. Сполохи играют разноцветными пестрыми огнями» (так пишет В. Даль в своем Словаре, т. IV).

Чем все эти описания отличаются от текстов «Махабхараты»? Разве только тем, что жители северных областей могут видеть все это и сейчас, а в индийском эпосе хранятся лишь описания давно виденных природных явлений, мифологизированные воспоминания. И не является случайностью то, что описанные в эпосе небесные битвы происходят не где-то вообще на земле, а именно над Молочным океаном, то есть в Арктике.

Равным образом мы можем увидеть еще раз, что не могут выглядеть случайными и собранные Уорреном указания на местонахождение Эдема возле Северного полюса — слишком много доказательных материалов содержит его книга (о чем сказано выше).

По памятникам древнеиндийской литературы рассеяно много упоминаний о полярных явлениях, но комментаторы часто объясняют их или как фантастические выдумки, или как развитие непонятных сюжетов ведических гимнов. Но ведь не только в Ведах встречается, как отмечают все исследователи, много загадочных описаний, касающихся солнца, его восходов и заходов, его ухода на долгий срок во тьму и его воздействия на жизнь и самочувствие людей. Такие описания долго оставались неразъясненными, перешли в более поздние памятники ведической литературы и в различные трактаты, связанные с развитием статутов права, медицины, ритуальной жизни и т. п. Выше уже упоминалось, что в «Законах Ману» [73] в первом разделе приводятся такие слова: «Солнце отделяет день и ночь — человеческие и божественные... У богов день и ночь — (человеческий) год, опять разделенный надвое, день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу». В Ригведе воспевается и некий бог года, одна сторона головы которого образована днями света, а другая — днями мрака. В «Махабхарате» тоже есть много астрономически расшифровываемых указаний. Там говорится, что три сотни и шестьдесят коров рожают всего одного теленка в год, а это явно свидетельствует об умении древних делить год на 360 дней. Следует упомянуть и о том, что в Индии доныне сохраняется культовое отношение к Полярной звезде, именуемой Дхрува. Так, в книге «Индуизм», написанной двумя индийскими авторами [84], повествуется о том, что в среде ряда высоких каст Западной Индии сохраняется традиция, предписывающая новобрачным совершать после свадьбы обряд поклонения Дхруве, без благословения которой их брак как бы не обретает полноты.

Мавзолей Тадж-Махал (г. Агра)

Нельзя не обратить внимания и на то, что всемирно прославленный памятник индийской архитектуры, мавзолей Тадж-Махал, построен с таким расчетом, чтобы шпиль на его куполе точно «упирался» в далекую Полярную звезду. В древнейших текстах упоминается неподвижно стоящая над горой Меру звезда, вокруг которой кругами ходят все небесные светила — такое представление о картине неба могло сложиться лишь у жителей арктических областей. Как известно, земная ось в силу прецессии меняла соотношение Северного полюса с зенитом, и десять тысяч лет назад она указывала на Вегу (альфу созвездия Лиры), а в III тысячелетии Дхрувой стала альфа созвездия Дракона, и лишь позднее в этой роли появилась известная Полярная звезда из созвездия Малой Медведицы. Если бы знать, о какой из них говорится в Ведах, можно было бы уточнить время жизни предков арьев в Арктике.

Не может не привлечь внимания и тот факт, что во время пахтанья Молочного океана, так красочно описанного в эпосе, в числе 14 появившихся из океана веществ и существ (преимущественно — белых) оказалась и волшебная корова, исполняющая все желания, и она была отдана в дар семи пророкам, представляющим собою семь звезд Большой Медведицы, приполярного созвездия [156, с. 155].

Более того — названия этих звезд являются именами семи мудрецов, высоко почитаемых в индуизме полубогов, что отражено и в эпосе, и в Ведах. Так, звезда-пророк предстает в мифах как отец Адитьев — солнечных (световых) месяцев, число которых нарастает по мере отдаления от полюса. Его имя Кашьяпа включается и в число авторов гимнов Ригведы.

Следует вспомнить и о том, что в «Махабхарате» [113, 468, 692] рассказывается о мифологизированном споре двух групп жен пророков-риши: одна группа — жены тех пророков, чьи имена носят звезды Большой Медведицы, — обладала правом вознесения на небосклон, тогда как другая — жены тех, кто ассоциируется с созвездием Плеяд, — требовала и для себя такого же права. Вспомним здесь, что первое созвездие соотносится с 30–75° северной широты, а второе отмечается между 0 и 25°. Первое видно из Индии на далеком северном горизонте, и Веды требуют ритуально-почтительного отношения к нему, а Плеяды стоят над Индией, где их звезды издревле, то есть с доарийской древности, почитались как шесть матерей древнего бога войны Сканды (или Карттিকেи), сына величайшего из доарийских богов, Шивы, которому в Ведах не посвящено ни одного гимна.

Описываемые споры двух групп жен, каждая из которых вошла в пантеон индуизма на уровне обожествления, являются одним из ярких и выразительных примеров реальных конфликтов в сфере идеологии арьев и доарийских народов, тех конфликтов, многие из которых завершились примирением в лоне складывавшегося индуизма.

Б. Тилак в своей новаторской книге об арктической родине разъяснил суть многих из таких черт религии, формирующейся уже в Индии после прихода туда арьев. Его книга — это действительно ключ к пониманию ряда условий, при которых складывались разные и яркие представления о мироздании. В ней пояснены гимны, воспевающие долго длящиеся зори и казавшиеся загадочными периоды «мерцающего полумрака», предшествующего в Приполярье появлению зари, а также и следующего за свершившимся заходом солнца. Такие периоды именуются «рассветом и закатом дня богов», так как солнце там появляется и скрывается два раза в год.

Индийские исследователи Вед и астрономы во многом приняли анализ Тилака и стали развивать его открытия и мысли, в отличие от западных ученых, упорно стоящих на позициях своих взглядов и заблуждений. Поскольку у нас нет возможности проследить их выступления в журналах, остановимся на докладе, прочитанном в 1964 г. (т. е. вскоре после третьего издания книги Тилака в 1956 г.) на Международном конгрессе востоковедов. Так, профессор М. Раджа Рао указал в докладе «Арктический год ведических арьев», что в текстах, сопровождавших принесение царем-индусом белого коня в жертву богам, говорится о светлом времени года в 260 дней, т. е. арктического года, где на 100 суток воцаряется мрак. Это не может относиться к полюсу, так как «вечный» день там длится 186 суток, а значит, традиция, которой придерживались цари-кшатрии уже в Индии, напоминала о жертвоприношениях в Арктике. Многие из подобных традиций сохраняются в ритуальной жизни индусов до нашего времени, и следует о них писать, призывал этот ученый.

Божества, которым молились и приносили жертвы далекие предки индоевропейцев, зародились в необозримой глубине времен, в глубине весьма отдаленной первобытности. За долгие века развития и деления культов этих божеств их имена и то значение, которое им придавали люди применительно к своей жизни, во многом претерпели изменения, но все же при попытках обнаружения сходства между богами славян и арьев можно увидеть сближающие их черты. Такие черты говорят, опять же, о том, что не из Индии дошли до нас сведения об этих богах, а из тех эпох, в которых обе эти группы формирующихся племен были настолько близки, что во многом могли обмениваться опытом в своем восприятии мироздания. То отношение к богам, которое складывалось в этой взаимно близкой среде, равно как и в среде арьев, и было принесено ими в Индию вместе с гимнами Вед. Оно претерпело в известной мере изменения в Индии под влиянием новых воздействий в процессе встреч и смешений с доарийскими народами и усвоения их верований, но,

поскольку Веды не отмирали, а заучивались все новыми и новыми поколениями брахманов, ведические боги дожили до нашего времени, войдя в индуизм, пусть даже и в несколько измененном виде. Эта их судьба отличается от судьбы славянских языческих богов, погубленных наступающим учением христианства.

Ездовое животное бога Вишну, птица Гаруда, несет на себе двух братьев — черного Кришну и белого Балараму

Здесь следует упомянуть о том, что каждый, кто интересуется проблемой происхождения своих далеких-далеких предков, а значит, и своей собственной историей (а таких людей в нашем отечестве очень много), должен быть благодарен тем бесчисленным поколениям индийских брахманов, которые скрупулезно заучивали тексты Вед и донесли их до современности, преодолев рубежи многих тысячелетий. До наших дней дошло и звучание ведических гимнов, их ритмика, а также их смысл и сюжеты, которые часто выглядят загадочными, но шаг за шагом их постепенно расшифровывают ученые разных стран, и главное — Индии.

Попытки выявления черт, сближающих древних славянских богов с богами Вед и индуизма, не являются бесплодными (русские ученые не раз становились на путь этих поисков и небезуспешно): можем, например, отослать читателя к трудам Д.Н. Овсянко-Куликовского, Вс. Миллера, Б.А. Рыбакова, Л.А. Зарубина и др. Продолжение таких попыток является в наше время настоящей необходимостью, и мы приведем здесь ряд напрашивающихся сопоставлений, могущих вызвать интерес современного читателя.

Приступая к этой проблеме, сразу задаешь себе вопрос: с кого и с чего начинать? Большой трудностью является определение времени возникновения того или иного культа или хотя бы зарождения представлений о божествах.

Все возможные сопоставления крайне проблематичны в силу чрезвычайно слабой изученности этой проблемы. Но все же есть напрашивающиеся моменты сравнений, и о них следует думать. Начать эти попытки сопоставлений следует с наиболее древнего славянского бога Рода, в котором люди стали усматривать некое высшее надземное покровительство самому важному в их существовании фактору — размножению человека. Неслучайным признается это слово «род» в таких древних производных, как «родство и народ». И то и другое слово, как и близкие им другие производные, связаны с пониманием роли крови как энергии жизни, как самой жизни — ведь постоянно наблюдаемая ими смерть убиваемых на охоте животных, как и людей, убиваемых в боевых столкновениях, происходила именно вследствие потери крови. О структуре внутренних органов и об их связи с жизнью и смертью они поначалу понятия еще не имели. Не случайно люди до сих пор отличают родственников по крови (кровных) от тех, кто становится родственниками по свойству, то есть по брачным связям. Слово «род» лежит в корне таких слов, как «рож(д)ать, рождение, рождество» и др. А поскольку в глубинах древности отцовство было сначала неизвестно и видели только рожаящих женщин-матерей, то с акцией родов были связаны в представлениях людей и такие покровительствующие им существа, как рожаницы. Истечение крови рожаящей женщины подчеркивало кровную связь с ней ребенка, т. е. кровное родство, и не могло возникнуть сомнений относительно причисления новорожденного к данной семейно-родовой группе, а позднее — к племени.

Изображения фаллосов: а) каменное изваяние фаллоса бога Шивы; б) деревянный фаллос (славянское городище II в., раскопки в Старой Русе)

По многим данным исследователей, осознание мужчины как осеменителя развивалось в сознании людей постепенно — до сих пор еще у некоторых племен малоисследованных островов Океании мужчин с этой акцией не связывают; считалось, что беременность может наступить от камня, ветра и других явлений. На той ступени исторического развития, когда

факт осеменения самки связали с самцом, возникло дальнейшее понимание того, что и этот акт нуждается в высшем внеземном покровительстве. Вот тогда сложилось представление о некоем боге-осеменителе, дарующем рождение людям, животным и даже растениям. Вот на этом этапе, затерянном в необозримой глубине тысячелетий, возник образ бога по имени Род, и под этим именем он стал играть важнейшую роль в нарождающейся религии славянского язычества.

Теперь взглянем, как эти доводы и рассуждения согласуются с мнением Б.А. Рыбакова, отраженном в его книге «Язычество древних славян». Называя Рода центральным персонажем славянской мифологии, автор пишет, что он был старшим над рожаницами, в представления о которых включалась и идея плодородия почвы и урожая (род-рож), что их культ был многозначным. Выше уже говорилось, что это были прародительницы, чей культ уходит в глубину времен. Славяне славили Рода и рожаниц, ставили им подношения.

Поскольку Род был древнейшим божеством славян, можно предположить, что ему должен был быть близок и некий арийский бог Вед. И таким богом был Рудра, имя которого прямо перекликается с именем Рода: основой обоих имен служит корень «рд», лежащий в глубине представлений о красном цвете, цвете крови. Славянские слова «руда, рудый, рдяный» находят свое соответствие в санскритском «рудхира» («рыжий, красно-бурый»), и именно в таких красках и описывается Рудра, воспеваемый и как осеменитель всего живого, и породитель жизни, покровительствующий размножению. Арьи унесли его в Индию, где его имя стало вторым именем бога-оплодотворителя, Шивы. Эта близость Рода и Рудры подтверждается еще и тем, что в Индии Рудра стал как бы слившимся с Шивой его двойником. Именно к Шиве относится вера в то, что он порождает жизнь на земле, орошая ее каплями своего семени — это же верование связано и с Родом, «...орошающим землю небесными каплями, вследствие чего рождаются дети» (142, с. 450). Роду славяне приписывали дар порождения и небесного огня — молнии («родии»), и земной воды вообще — родников, что тоже напрямую соотносилось с арийским Рудрой и его новым обликом, Шивой, владыкой вселенского огня и направителем небесной воды по земным потокам[4].

Бог Брахма (храмовый рисунок)

Б.А. Рыбаков пишет, что западный хронист Гельмольд (XII в.) сообщал, что славяне признают «единого бога в небесах». Утверждая, что для восточных славян таким «единым богом в небесах» был Род, он считает его и носителем имени Света, а для западных славян таким богом «белого света» был Световит, имевший четыре лица. Основываясь именно на этой четырехликости, мы хотели бы высказать иное предположение, найдя в некоторых чертах Световита (Световида) сходство и с иным богом.

Обратимся к созидателю мира в Ведах, к Брахме. Есть ли возможность сравнить его хотя бы в нескольких чертах с кем-то из древних славянских богов? Попытаемся выявить такие черты именно в облике бога Световида (Световита, Святовита).

Ориентируясь на самые общие, или, точнее, обобщенные, сведения, обратимся сначала к Брахме, пытаясь усмотреть в нем хотя бы некоторую близость со Световидом. Что мы знаем о Брахме? Он был первобогом, отделил небо от земли, создал свет, породил богов и людей и одарил людей осознанием их жизненных функций, установив связь с ними тех или иных богов. В ведических описаниях и соответственно в индусской иконографии он предстает перед нами в виде четырехголового человека, сидящего на белом гусе (на белом лебеде). Из всех этих атрибутов остановимся на его связи со светом, на четырех головах и на белом гусе.

Слово «свет» является аналогом санскритского слова «швет(а)» (светлый, белый), так взглянем на имя Световида. Оно дошло до нас в сказаниях и пересказах язычников и в описаниях западных хронистов, и сейчас даже точно не известна его вторая часть — «вид»

или «вит» (а то и «вич»?). Они, по сути дела, одинаковы по смыслу и форме, и если мы остановимся на варианте «вид», то этот бог предстанет перед нами как «светловидный» с понятием (видом) света. Уже в этом он согласуется с образом Брахмы, хотя их имена и не сопоставимы напрямую.

Четыре стороны Збручского идола (4 лица, 8 рук)

Далее: четыре головы Брахмы поясняются толкователями как символ прозрения четырех сторон света (по некоторым мифам, у него раньше было пять голов, но одной он лишился). О Световиде мы знаем, что он изображался с четырьмя лицами (или головами), обращенными на все стороны света [53, 61]. Иногда это объясняют как простираение его власти на весь год, на все четыре сезона. Этот бог тоже воспринимался как верховный первобог, и славяне почитали его превыше всех других богов.

Полагают, что образ Световида отражен в известном Збручском идоле, четыре лица (или головы?) которого повернуты в четыре стороны. Он датируется исследователями IX веком н. э. И объясняли его суть весьма по-разному — наиболее интересные предположения о его связи с Родом высказал Б. Рыбаков [142, с. 446–464]. Но — был ли он изображением Рода? На это пока нельзя дать окончательный подтверждающий ответ, и, видно, еще не раз исследователи будут размышлять об этом в своих изысканиях.

И о третьей черте образа Брахмы: он сидит на белом гусе. Но ведь гусь — это не индийская птица, он гнездится и размножается на дальних северных землях, и вот именно это говорит о факте непосредственной исконной связи с севером этого древнейшего арийского первобога.

Известен и другой вариант изображения Брахмы: он едет на колеснице, в которую впряжены семь (или три) лебедей или гусей. Вот этот вариант разрешает нам прямо сопоставить его с археологическими находками в областях расселения славян на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и вплоть до середины I тысячелетия до н. э. Это области славянских тцинецкой и лужицкой культур, доходивших от Днепра до Одера и Вислы. Здесь обнаружено немало предметов того времени, и среди них встречаются модели колесниц, запряженных гусями или лебедями. Их называют солнечными колесницами, указывая на то, что они трехколесны (но не все), а это объясняется как трехчленный путь солнца по небу, восход-зенит-закат. Эти птицы с такой неизменностью указывают на связь изображаемого божества на колесницах с севером, что для нашего сопоставления это очень важно.

Более того, хочется привлечь внимание к не объясненному никем до сей поры странному зонту над головой одного из богов на трехколесной колеснице, которую влекут три гуся. Эта находка относится к землям западных славян (ведь уже указывалось выше, что значительные их группы при расселении с северных земель обогнули с юга немалую часть Балтийского моря наряду с предками балтов).

Этот загадочный зонт может послужить источником догадки о том, что развившие уже в III тысячелетии до н. э. коневодство арьи, умевшие строить широко ими используемые колесницы, могли уже в этой древности «завести моду» на водружение зонтов над головами знатных ездовых-воинов, что нашло свое широчайшее развитие в Индии и отражено не только в памятниках литературы, но и в изобразительном искусстве: зонты над головами знатных людей и, главное, богов не только изображаются в иконографии, но и возводятся и сегодня символически над, например, выступающими «высокими» людьми, обращающимися к массовым собраниям. Зонт — это знак силы и власти, а поэтому, возможно, не случайно он оказался на найденной археологами колеснице, на которой едет некий бог, явно соотносимый с далекими северными землями. (Считаем необходимым привести здесь прорисовки из книги Б.А. Рыбакова.)

Антропоморфные стелы, соотносимые со Збручским идолом: а) Германия; б-в) Северное

а) колесница Аполлона (Сербия, VIII в. до н. э.); б) изображение колесницы (западные славяне)

Брахма является столь давним богом, что в индусских ритуалах он уже не играет заметной роли, и даже его храмов в Индии, этой «стране храмов», практически нет. Его, по сути дела, вытеснили из круга арийских богов другие божества, более близкие к жизни и делам людей.

Световид жил в славянской среде дольше, хотя тоже является, по всей видимости, древнейшим божеством. Эту длительность его жизни определило, вероятно, то обстоятельство, что славяне, в отличие от арьев, не проходили таких этапов широких миграций или же смешений с инорасовыми народами. И лишь христианские церковники истребили посвященные ему храмы и его изображения — сведения об этих храмах (главный из которых был на острове Рюген, у южного берега Балтийского моря) и об его облике дошли до нас в описаниях.

Трудно сказать, следует ли исключать возможность поиска в санскрите аналогий или разъяснений имен таких богов западных славян, как Поревит и Поренуч. Их идолы тоже стояли на острове Рюген. Они оба изображались с пятью головами (у Поренуча пятое лицо было на груди), что наводит на мысль о связи с древнейшими представлениями о Брахме. Имя Поревита, объясняемое хронистами по-разному, может быть, возможно, соотнесено со словом Ригvedы «паривид», означающим всезнание, высшее понимание, прозрение, озарение, но об этом можно думать только предположительно. Центральный храм на Рюгене, именованный Арконой, может быть более уверенно, чем имена указанных двух богов, сближен со словом Ригvedы «арка», то есть «солнце» («луч, блеск»). Солнце было основным объектом обожествления и у славян.

Теперь остановимся на качествах арийского бога Индры, попробовав найти аналог ему в славянском язычестве. Главное его назначение, ради проявления которого к нему обращались арьи, — это помощь людям в войне и дарование победы над земными и неземными врагами (подробнее мы расскажем о нем ниже). Главное, в чем он может быть уподоблен персонажу язычества, — это победа над подземными силами тьмы и холода, которые удерживали в плену реки. Тут поневоле вспомнишь об Индрокке (или Индре), издревле известном славянам как освободитель рек и источников. В. Даль сообщал, что Индрик — это «сказочный зверь, поминаемый в стихах и песнях в народе». В таком памятнике, как «Голубиная книга», говорится, что Индрик — зверь, всем зверям отец и что он под землей прочищает все ключи неточные. В этой книге его называют Идриком, Индроком, Индрой и Вындриком, но это не меняет той сути дела, что он, как и арийский Индра, освобождает воды из плена. Некоторые черты воинственного Индры определяются и в других славянских богах-покровителях воинов и дарителях побед, описываемых с внешними чертами арийского Индры.

Неопровержимо выявляется близость славянского и арийского почитания огня, восприятия его влияния на самые разные стороны жизни людей, отношения к нему, как к неодолимой силе, благодатной и устрашающей. Надо сказать, что в язычестве всех индоевропейцев сохранялось поклонение огню, непременно участнику жертвоприношений богам, и костру, сжигающему тела мертвых, вознося их души к небесам. Это почитание перешло из язычества и в христианские культы, предписывающие обязательное возжигание свечей и лампад при богослужбных ритуалах, проведении молений и многих домашних церемониях. Но вот названия огня остались одинаковыми именно в славянских и арийских языках: не надо разъяснять, что слова «огнь» и «агни» одинаковы. Эта одинаковость восходит к отдаленным эпохам соседской или даже, возможно, родственной близости предков славян и арьев на

арктических землях. Надо указать, что близки к арьям почти как славяне были частично и литовцы и латыши — ведь в науке существует ряд доказательств и о балто-славянском сходстве: так, слово «огонь» в литовском языке будет «угнис», а в литовском «игнис», и это близкие варианты как к славянскому «огнь», так и к арийскому «агни».

Ведический бог Индра, владыка гроз (индийская картинка)

а) бог Агни (деревянная фигура. Южная Индия); б) редкое изображение Агни: семь его рук — семь языков огня; три ноги — три сферы проявления его энергии; два лица — всеохватность огня

Но мы прослеживаем здесь заявленную близость славян и арьев, поэтому остановимся на этих данных. В Ведах бог огня носит сохраняющееся и в современной Индии имя Агни. С него начинаются гимны Ригведы. Все боги Вед делятся на три группы по 11 божеств, и Агни относится к группе земных богов. Начиная от глубочайшей древности этому богу всегда приписывались одни и те же чудодейственные свойства, и его ставили в один ряд с самыми могущественными богами. Агни проявляет себя на небе в свете и тепле солнца, в воздухе в виде молнии и на земле в качестве огня очага, пожара и погребального костра. К нему взывали и взывают, прося отворотить врагов и всяческое зло как от людей, так и от скота. Все жертвенные ритуалы, начиная с ведических времен, проводятся перед огнем; в древности его «кормили» жертвенным скотом, теперь «кормят» в Индии зернами, маслом и т. п. Считается, что огонь домашнего алтаря придает силу рожаящей женщине, очищает пищу, мысли и чувства, является главной силой, соединяющей навеки жениха и невесту, — обязательно они должны обойти вокруг огня, как в христианстве обходят алтарь церкви, когда жених ведет невесту. Бога Агни молят о даровании потомства, он охраняет семейные узы, он помогает при задуманном деле и оберегает от греха, вознося молитвы людей к небесным богам.

Сильнейшие пережитки культа огня сохранились у всех славян. В язычестве, как и в Индии, был широко известен обряд добывания «живого огня» путем трения дерева о дерево. Б.А. Рыбаков описывает в указываемой здесь книге обряд добывания такого огня, приводя данные из «Слова об идолах» (XII в. н. э.). При вздувании огня славяне читали молитвы; меняя жилище, они переносили в новое огонь домашнего очага; почитали огонь как бога, и прибегая к его помощи, и боясь его палящей силы. Его призывали в заговорах и заклятиях, именуя «Батюшко ты, Царь-Огонь» и прося защиты от болезней, несчастий и неудач. Для сохранения плодовых деревьев и тех, каким издревле поклонялись (береза, ель), на них возжигали свечи. «Живой огонь» добывали тоже трением дерева о дерево и зажигали от него новые очаги, а также прогоняли скот между двумя такими кострами для охранения его от болезней и бед. В Югославии этот обряд называется «прогоница», и он в точности соотносим с аналогичным обрядом в Индии.

Неоднократно высказывалось предположение, что форма свастики связана с процессом добывания «живого огня»: на землю клали два перекрещивающиеся бруска дерева, имевшие загнутые в одну сторону концы, укрепляя эту конструкцию колышками, вбитыми в углы этих концов. В центре делали отверстие, куда вставляли вращающийся кол и крутили его до появления искры, которая поджигала подсыпанный трут[5]. Мы не знаем, так ли добывали огонь и в доарийской Индии, но в раскопках мест древнейшей цивилизации Хараппы были тоже обнаружены печати с изображением свастик. Возможно, этот прием был известен очень широко — ведь свастику как символ солнца и огня почитали многие народы (на чем остановимся ниже).

Традиционная форма свастики

Славяне зажигали и купальские костры и прыгали через них ради очищения и обретения

силы. Скажем, кстати, что многие неправильно связывают корень «куп» с купанием, указывая, что в купальскую ночь принято окунаться в воду источников и рек. В. Даль указывает, что «купа» значит «костер», а «купальница» — «костер в поле». В белорусском языке «купали» — это сноп соломы, привязываемый наверху купальского костра, и все это связано лишь с представлениями об огне, а не о воде. Как и в Индии, славяне празднуют дни солнцеворотов и солнцестояний, отмечая их особыми обрядами возжигания огня, то есть огонь земной сохраняет связь с огнем солнца. Говоря о празднике Ивана Купалы, вспомним, что в санскрите корень «куп» означает «светить, сиять, быть жарким, возбужденным», то есть опять же, прямо указывает на солнце, а не на воду.

Свастические символы солнца (индийская вышивка)

Солнце было — и не могло не быть — объектом высшего почитания в природных условиях арктических земель, к которым возводится древнейший период формирования праэтносов арьев, славян и других индоевропейцев. Прежде всего вспомним название солнца: на санскрите «сурья», и этот корень «сур» с некоторыми фонетическими изменениями встречается в славянском «сол-нце», французском «сол-ей(ль)», итальянском «сол-о» и еще более заметными изменениями в немецком «зонне» и английском «сан».

О роли солнца в Ригведе мы расскажем позже, а здесь остановимся на том, что в фольклоре всех этих народов известны бесчисленные песни и заговоры, связанные с зарей как со спасительницей людей от множества бед и тягот, как с одолительницей ночи, связываемой в свою очередь со страхами, с боязнью появления нечистых сил, с тяготами, налагаемыми мраком на души людей. Эти тяжкие чувства, знакомые почти каждому, восходят к той эпохе, когда солнце исчезало с неба на несколько месяцев и люди молились богам, чтобы они дали сил «пережить долгий мрак», что не может относиться к кратковременной ночи средних широт.

Да, конечно, арьи унесли в Индию с Севера любовь к солнцу и посвященные ему гимны Вед, но там они встретились с иным отношением к солнцу как к проявляющему себя враждебно в течение восьми месяцев своего пребывания на безоблачном небе, когда часто сгорают посевы и пересыхают источники вод. В среде доарийского населения Индии был распространен культ луны, а не солнца, и он вошел в индуизм в расширенной форме — даже в современных календарях каждый день лунного календаря отмечается под своим традиционным названием и указываются даты четвертей луны, ее рождения и полнолуния, как и темные безлунные дни перемены месяца. Но то отношение к солнцу, которое запомнили и принесли с собою арьи, все же нашло свое отражение в новых формах религии индуизма.

Славяне же, как и другие индоевропейцы, сохранили более четкие представления о солнечных культах. В Ипатьевской летописи есть такое определение солнца: «Солнце-царь сын Сварогов еже есть Дажь-бог». Если мы вслушаемся в звучание этих имен, мы увидим возможность соотнести их с санскритскими словами «дах (dah)» и «сварга». Первое означает «гореть, сиять», а второе — «небо». Значит, едиными были в глубине веков названия неба и небесного огня у арьев и славян. Наименование солнца Дажь-богом, то есть от слова «дай», часто встречается у исследователей, но оно не отвечает главной сути солнца — к каждому богу можно было обратиться с просьбой «дай», да и сейчас верующие так к Богу и обращаются, но это не сводится только к солнцу. И летописные слова следует правильнее переводить так: «Солнце-царь, сын неба, тот, что есть Горящий (сияющий) бог». В качестве сына неба этот бог именуется и Сварожичем, что является уже чисто славянским отчеством. Сварожичем именуют также огонь, воспринимая его как манифестацию солнца на земле, что точно отражено и в индусских представлениях об огне и солнце. Б. Рыбаков утверждает необходимость заглядывания в глубину веков следующими словами: «Углубление в безмолвную археологическую древность в поисках корней позднейшего славянства не безнадежно» [142, с. 216]. В эллинской Греции солнце представало в образе Аполлона,

который тоже соотносился с Гипербореей, то есть с Арктикой, но в этой мифологии нет таких четких определений, касающихся связи с арьями, как в славянской. В науке принято сопоставлять его со словами «коло, хоро, корш, корж» — с теми, которыми определяется нечто круглое или круговое (как «хоровод»).

Отсюда и такие слова, как «колесо», а также и «коловрат». Солнечный шар (круг) на санскрите — «гола». Возможно, этим следует и ограничиться, но нельзя не отметить, что имя светлого божества, солнечного Вишну, например, определяется словом «хари»[б], то есть «светлый, желтый». Поскольку этот цвет соотносится с солнцем, не позволено ли будет предположить, что лингвисты рано или поздно придут к выводу о возможности сопоставления этих двух терминов.

а) солнечное божество славян Дажьбог; б) солнечный бог (Индия, народный рисунок)

Изображения солнца в народном искусстве всегда имели круглую форму, то с сопутствующими лучами, то без них. В быту славян было принято испекать коржи в честь солнца, блины (всегда круглые) и особые печенья, на которых у нас на севере изображались налипным тестом свастики. Этот знак солнца повсеместно, у всех индоевропейцев, наносился на разные изделия, подобно косому или прямому кресту, что тоже было знаком солнца. В Индии свастика занимает ведущее место в изобразительных мотивах народного творчества, и особенно на тех предметах, которые связаны со свадебными ритуалами и с пожеланиями процветания.

Но тут же следует указать, что культ солнца в индуизме носит как бы ослабленный характер, и если другим богам посвящены сотни храмов, рассеянных по всей стране, то богу солнца посвящается один всем известный храм в Конараке (штат Орисса) и несколько малоизвестных святилищ, хотя изваяния Сурьи можно видеть в некоторых храмах других богов, чаще всего в составе скульптурных групп. Храм в Конараке (XIII в.) является памятником проникновения арийских религиозных представлений в среду доарийского населения, потомки которого и сейчас представлены в Ориссе в подавляющем большинстве (как и на юге Индии). Скажем тут же, что столь замедленно и не просто распространялась по этой стране и вера в ведического бога Вишну (подробнее о котором будет сказано ниже).

В Индии, правда, сохранились представления о солнце как о боге, едущем по небу на колеснице, запряженной семеркой коней, и конь как символическое изображение солнца широко вошел в народное искусство. И это же чрезвычайно широко распространилось уже в древности в изобразительных приемах индоевропейцев, а шире всего у славян.

В индоевропейской древности принесение в жертву коня считалось, как сказали бы сейчас, «престижным» жертвоприношением: коней стали одомашнивать позже крупного рогатого и мелкого окота. И выпас коней требовал надзора и сопровождения табунов конными всадниками, и умение управлять запряженными в колесницу конями тоже было сопряжено с определенной выучкой, что усложняло процесс освоения коневодства. Но само прямолинейное и быстрое движение коней уподоблялось пути солнца по небу, и его стали изображать или в образе колесничего, или в образе коня.

Уподобление коня солнцу отразилось во многих обрядовых действиях и в обычаях славян, и оно же было донесено арьями до Индии, где образ коня вошел в народные орнаменты (главным образом северных и северо-западных областей страны), и, более того, в арийской среде сложилась традиция возведения генеалогических списков правителей к предку-солнцу — это широко известно вплоть до нашего времени в среде воинско-феодальной прослойки раджпутов, сохраняющих эту традицию, считающих Солнце своим прямым предком и занимающихся разведением породистых коней, на которых выезжают на парады, на охоту и на торжественные процессии.

В обычай правителей из сословия кшатриев-воинов издревле вошел ритуал жертвоприношения коня, называемый «ашвамбдха». Сила белого коня, уподобляемая силе солнца, могучей и неодолимой, должна была служить знаком царской власти и верховного владычества. Такого коня после проведения особых религиозных церемоний и обрядов отпускали бродить по соседним странам по его выбору. Его сопровождала армия царя-жертвоприносителя, которая, совершенно очевидно, должна была направлять его движение в сторону тех стран, которые данный правитель намеревался, в силу своих политических интересов, объявить своими вассалами или данниками. В случае сопротивления этому коню и выбору его движения армия, следовавшая вместе с ним, вступала в бой и подчиняла сопротивлявшихся. Коня, возвратившегося к месту своей отправки, торжественнейшим образом приносили в жертву в присутствии всех «подчиненных его волей» правителей, а царь-победитель обретал титул «царя царей», считался всевластным владыкой, и его воспевали придворные барды, говоря, что «подножие его трона сияло нестерпимым для глаз блеском от сверкания корон склонившихся к его ногам царей». Многие предметы искусства украшались изображением одноглавых и двуглавых коней.

Конь для царской ашвамедхи (копия рисунка — батик на ткани)

Музыкой встречают восход солнца статуи Храма Солнца (Конарак, штат Орисса. XVIII в.)

В среде славян конские черепа насаживали в старину на тыны, считая их оберегами от всякого зла и нечистой силы; коней вырезали из дерева и украшали ими крыши домов, верхняя балка которых так и называлась коньком; образ коня широко отражен в вышивке как у нас, так и в Индии; вырезными конями украшалась у славян деревянная посуда и многие предметы быта. Вся эта символика говорит о древнейшем культе солнца. (Следует отметить, что на юге Индии, где до сих пор еще проявляется известное сопротивление внедрению арийских культов и веяний, солнце почти не встречается в орнаментах и храмовых изображениях.)

Белый конь посвящался и богу Световиду, и на этого коня как на воплощение солнца не мог сесть никто, кроме верховного жреца храма. Этот конь был символом света, и с ним связывали представление о всевластии и оказании помощи в борьбе с врагами [41, с. 100–101].

К числу славянских божеств, связанных с представлениями о свете и о небе как главном источнике света, относится и Стрибог. Нельзя утверждать, что именно память о нем как боге была унесена арьями в Индию, но корень «стрь» (stri) восходит к арья-славянским связям архаичных времен. На санскрите он означает «простирается, расширяться, охватывать», и от него производится слово «прастара» — «распространение, охват, расширение», что соответствует русскому слову «простор», соотносимому напрямую с понятием о небе и широком пространстве. Славянский Стрибог был богом небесного пространства, неба вообще. В «Слове о полку Игореве» ветры именуются его внуками, то есть это был один из атмосферных богов. Надо напомнить читателю, что от указанного корня происходит и такое слово, как «страна», восходящее, как выявляется, к глубочайшей древности.

Б.А. Рыбаков в указываемой здесь книге описывает богов так называемого Киевского пантеона, то есть тех, что были поставлены в 980 г. князем Владимиром на особом холме в виде идолов. Первым среди них считался Перун. Его имя сравнивали с некоторыми ведическими божествами или с представлениями о них. Позволим себе предложить несколько иной вариант, попытавшись сопоставить Перуна с ведическим богом Варуной, и не только в силу созвучия их имен, но и по сходству ряда функций, имевших немалое значение и у арьев, и у славян. Перун возглавлял весь этот пантеон. Его идол был деревянным, «а главу его сьеребряну, а ус злат». (Вот об этих чертах хочется сразу сказать, что в индуизме

сохранился обычай возродить на погребениях «святых людей», тела которых не подлежали сожжению, изваяния их голов из серебра с позолоченными усами. Автор данной работы побывал на месте такого погребения вблизи г. Пуны, штат Махараштра.)

Процесс жертвоприношения Перуну, как указывает Б. Рыбаков, сопровождался втыканием в землю стрел по кругу. Возможно, этим сопровождалось представление о вознесении души или жертвы к небу. Подобный обряд описан в «Махабхарате», где один из героев-воинов вонзает по кругу в землю стрелы под телом сраженного в бою и умирающего своего прадеда Бхишмы. Но вернемся к сути Перуна. Он был известен не только восточным славянам, но также литовцам и латышам — это снова напоминает о бывшей в далеком прошлом балто-славянской близости, а также и о ряде совпадений — хотя и не таком широком, как у славян, — в язычестве прибалтов с арьями. О Перуне писали многие исследователи, расценивая его качества и роль по-разному, но в эти мнения мы здесь углубляться не станем, попытаюсь найти черты, сближающие его в какой-то мере с ведическим Варуной. Перун был изначально богом гроз и неба в разных проявлениях этих стихий. В пантеоне Владимира он, по мнению Б. Рыбакова, стал верховным богом воинских дружин. Его именем клялись воины над оружием, веря, что за нарушение такой клятвы Перун подвергает их каре.

Варуна тоже был изначально, по принятым объяснениям, всеохватывающим небом, океаном, солнцем, братом огня, став впоследствии богом гроз, атмосферных и земных вод. Важна для нас и его функция как блюстителя правды и закона: словом «варуна» в санскрите тоже определяется клятва воинов над оружием. Этот бог в индуизме стал к тому же считаться хранителем западных земель, и само слово «варуни» обозначает запад, указывая на его древнейшую связь именно с теми областями, из которых в Индию пришли арии, принеся с собой веру в ведических богов. Видимо, следует подумать и о соответствии корней «вар-пар-пер»: так, у памирских таджиков было известно женское имя Паруни, сближающееся со славянским старым именем Варуни, а у памирских кафиров был бог войны по имени Перун. Нельзя не согласиться с мнением исследователей, что и имя литовского бога гроз Перкунаса близко Перуну, но это не исключает поиска близости и с Варуной. Не следует нам, возможно, исключать из сопоставления один из эпитетов Варуны — Синдху, то есть «речной», это имя сближает его с рекой Инд (Синдх) на северо-западе Древней Индии, равно как и с названием народа синды, населявшего в древности богато обводненный Таманский полуостров и говорившего на индо-иранском языке. К тому же в Авесте — памятнике ираноязычных ариев, созвездие Плеяд носит имя Перуне, что тоже не может выглядеть лишь случайным совпадением. Все эти сопоставления говорят о том, как арии уносили в сторону Индии свои общие или близкие со славянскими верования, свойственные их далеким предкам в общей отдаленной древности.

Встав на путь сравнений и сближений, необходимо подумать и об имени еще одного бога, исключенного из Киевского пантеона, тоже очень древнего Волоса или Велеса. Несмотря на то, что он не входит в этот пантеон, его жизнь в народе продолжалась много веков спустя, и о нем писали те, кто боролся с язычеством на Руси. Эта борьба, как известно, разгорелась после крещения Руси и, начиная с конца X в., приняла широкий размах.

Велес (Волос) был чрезвычайно значимым богом в языческой Руси и особенно в ее северных областях. Этот бог считался «скотным богом», покровителем скота и всякого зверя. Б. Рыбаков поясняет, что культ Волоса был изначально культом медведя, откуда произошло и имя этого бога «волосатый» (шерстистый), и что с развитием одомашнивания диких быков этот культ приобрел характер поклонения этому богу как покровителю скота [142, с. 421–431]. Мы в данном разделе не будем углубляться в суть этого культа у славян, но, прослеживая вероятное сближение арья-славянского общего или соотносимого словаря, предполагаем, что медведь вполне мог быть объектом почитания всех жителей архаичной эпохи на севере. На санскрите имени Волос может соответствовать слово «вала» — «волос, шерсть», и это является первым, хотя и недостаточным еще указанием на правильность высказанного предположения. Вторым же служит то, что в эпосе «Рамаяна» описываются героические

мощные медведи, которые содействовали герою Рама в его борьбе со злом и неправдой и составляли значительную часть его войска, принимая активное участие в боях против демонов. Медведи не являются широко известными в Индии животными, а гималайские медведи небольшие и водятся только в горах. Значит, эта легенда отразила память о мощных северных медведях и, возможно, память о Волосе, хотя и в сглаженном виде, память, затушеванную тысячелетиями. (Добавим к этому, что само слово «медведь» может быть разъяснено через санскритские корни как «мадху-ве(и)д», т. е. «медоведун».)

Ритуальный сосуд в форме медведя (Балканы. Энеолит)

В религии индуизма вошли не только древние верования арьев, но в значительной мере и верования доарийских народов, населявших Индию с тех времен, датировать которые даже приблизительно науке пока не удастся. Но и в этом сложном комплексе верований все же проявляются черты и характеристики, которые можно соотнести с мифотворчеством арьев, и приведенные выше примеры свидетельствуют именно об этом. Нет прямой возможности проследить все звенья связей, говорящие о близости древнейших форм религиозного мышления арьев и других индоевропейцев, но приведенные примеры говорят о скрытой многими веками, а вернее — тысячелетиями, близости складывавшихся некогда представлений о небе и земле, о силах природы и о возможности человека обращать их себе на пользу или отвращать то зло, которое они могут причинить.

Из числа сохранившихся в точности имен богов можно с уверенностью говорить только об имени Индры, но в ряду других признаков нельзя игнорировать представления о многоглавости, приписываемой богам. Несколько лиц или голов проступают в описаниях и изображениях древнейших арийских и славянских богов. В Индии у них была более счастливая судьба, чем в среде славян: там эти образы уже в древности начали высекать из камня, а в число археологических находок в Европе входят главным образом деревянные идолы, да сохранились описания идолов языческих храмов (в основном на острове Рюген) и языческих капищ.

Здесь необходимо задержаться на значении слов «идол» и «капище»: в санскрите слово «идас» обозначает объект поклонения, а словом «капа» определяется группа богов, подлежащих почитанию. Смысловая и фонетическая связь этих терминов несомненна.

Возвращаясь к изображениям богов, вспомним, что, судя по описаниям западных хронистов X–XII вв., именно у славян были распространены многоликие идолы. О том, что такие представления о внешних чертах богов были принесены в Индию именно арьями, свидетельствует отсутствие изображений многоликих богов в раскопках мест доарийской цивилизации. Эти факты очень выразительно говорят о близости культовых представлений, характерных именно для предков арьев и славян.

Кроме многих деревянных идолов (или изображений неких духов), в славянских землях обнаруживались и каменные идолы, но немного. Наиболее известным из их числа является четырехликий Збручский идол, на четырех сторонах тела которого изображены рог в руке на одной стороне, меч у пояса и конь — на другой. Кого он изображал — об этом продолжают спорить ученые, и мы здесь в этот спор углубляться не будем. Его происхождение (время изготовления) датируют IX в., но куда уходят его корни — неизвестно. Есть и изображение трехликого (точнее, трехголового) бога, именуемого в науке Триглавом, которое было найдено в Скрадине. Многоглавие известно и в религиозных культах других индоевропейских народов — как, например, двуликий Янус, — но в гораздо меньшей степени, чем у славян и арьев.

На мировоззрении древнейших наших предков отпечаталось в широком диапазоне такое чувство, как страх. Страх и перед воздействием космических сил, и перед возможным влиянием неких невидимых сил окружающей действительности, порождаемых реками,

болотами, лесом или отдельными деревьями и т. п. Вера в богов была густо перемешана с представлениями об окружающих человека духах и полудухах, теми представлениями, которые породили суеверия и связанные с ними магические приемы воздействия на эти существа. Заговоры, заклятия, песни, причитания, изобретение разных оберегов: амулетов, ладонков и прочих вещей — все это восходит тоже к необозримой глубине времен. В этом мире суеверий царит такая путаница многообразных образов, что расслоить их этническую принадлежность часто бывает просто невозможно: воображение человека в восприятии действительности неизмеримо разнообразно. Но все же, не будучи в силах точно определить, что именно проникло в современные суеверия индийцев из арийских и доарийских представлений, а что сохранилось из общего арья-славянского фонда, попытаемся хотя бы проследить отражение этих понятий в близких или совпадающих терминах, сохранившихся в санскрите и славянских языках.

Так, старорусской птице горя и печали по имени Карна мы находим соответствие в слове «каруна» — «сострадание горю, сожаление». Злому духу Кикиморе, или Шишиморе, беспокоящей и даже убивающей по ночам детей, есть аналогия в злом духе Шишумаре, творящем то же самое зло. Недоброму духу Маве, путающему людей в лесах и полях, отвечает разъяснительно санскритский глагол «мав(ь)» — «связывать, запутывать». Богине (или духу) смерти по имени Мара, Мора (мор), несущей вымирание людей, явно соответствуют такие слова, как «мара, мритью (смерть) и морана», что значит «вымирание». Имя нашей старой Яги, которая то жарит, то варит кого-нибудь с целью сожрать, может быть понято через обычай жертвоприношений, причем не только животных, но и человека славяне и арьи приносили в жертву своим богам, а поэтому приведем определение жертвы из Ригведы — «яга, яджа»; вспомним также, что наша Баба Яга ездила в ступе, а слово «ступа» на санскрите означает «гробница, погребальное сооружение». Какая-то славянская сила, не то дух, не то существо во плоти — это понималось по-разному, и сближаемая с русалками, заманивающими людей, может быть, предположительно, пояснена при посредстве санскритских слов «вил» — «скрываться, разрушать», а также «вила» — «скрытно обволакивающая»; есть там еще и слово «вайлостан» (от корня «вил»), что буквально переводится как «вилостан», т. е. «место вил», и означает место погребения. Так что, видимо, этих вил следует в славянской мифологии воспринимать как злых духов. И, наконец, остановимся на терминах, обозначающих жизнь: древняя богиня жизни у славян была известна как Жива, а живое существо на старорусском именовалось животом (откуда и слово «животное»). И мы находим в санскрите слова «джива» — «жизнь», «дживата» — «живой» и «джив» — «жить».

Углубляясь в эти поиски, можно найти и ряд других соответствий, но мы здесь ограничимся приведенными, так как и они достаточно выразительно иллюстрируют древние связи арья-славянских представлений о мире.

Солнце и хмель

Молчат гробницы, мумии и кости,

Лишь слову жизнь дана. И. Бунин

Вот теперь задержим наше внимание на свастике, о которой вскользь было упомянуто выше. В одной из своих публикаций я назвала этот символ «дитя тысячелетий», и это определение

порождено неизмеримой глубиной древности этого знака.

Смешно выглядит запрет властей на изображение свастики. Так, в бессмертной сатире М.Е. Салтыков-Щедрин, знакомя нас с историей города Глупова, сообщил об одном из градоначальников, что он въехал в город на белом коне, сжег гимназию и запретил науки.

А ведь запрет запрету рознь. Запрещать никто не мешает — можно запретить, например, солнцу всходить на востоке, но результат будет такой же, как от запрета наук. Слава Богу, науки от градоначальников не зависят, как не зависит от них и солнце. Нельзя, к счастью, запретить историю, запретить ход мироздания, как и те символы, которые рождены и историей, и этим извечным ходом. Солнце, например, было частью мироздания миллиарды лет, оно породило жизнь на земле и поддерживало эту жизнь своим неиссякаемым теплом и светом. Нет солнца — нет жизни. И люди, не успев появиться на нашей планете, стали поклоняться солнцу. Смело можно утверждать, что даже синантропы или питекантропы радостно приветствовали его восход и печалились, видя, как оно скрывается за горизонтом.

Солярные знаки на скалах Мугур-Саргола (а-в) и на тувинских кожаных сосудах (г-е) (по С.И. Вайнштейну)

Поклонение солнцу отражено в наидревнейших памятниках литературы, и иероглифических надписях, и в изображениях на камнях. С самыми изначальными культами связывают ученые появление первых знаков на камнях, нанесенных рукою человека. Их обнаруживают в местах, разделенных огромными расстояниями, океанами, горами и пустынями, в тех местах, где складывались первые человеческие коллективы — семейные и семейно-родовые группы, пытавшиеся осознать мир и найти способы передать в материале свое понимание окружающей действительности. В непроглядной глубине эпох, в века палеолита люди пытались изображать солнце на скалах, на отдельных камнях, высекая и выцарапывая его образ применительно к своим силам и возможностям, — это были и просто кружочки с черточками вокруг, а иногда и подобие лучей.

Текли столетия, и люди научились изготавливать предметы из кожи, из ткани, и на вещах из самых разных материалов они неизменно наносили изображения солнца.

Свастика — это знак, о котором говорят и спорят на протяжении почти всего двадцатого века. Что она собой представляет? Кому она нужна? И кому была нужна в прошлом? И была ли нужна?

Вопросы, вопросы. И разнобой чувств и мнений. Да и не только разнобой, а и прямой бой. Бой убеждений, идеологий, политики. А почему? Чем провинился этот знак перед людьми, или, точнее, следует ли его обвинять в причинах, порождающих эти разногласия, эти столкновения и этот длящийся до наших дней бой?

Такое равнодушное отношение к свастике родилось лишь в XX в., а конкретнее — начиная с 1930 х годов. А уж во время Второй мировой войны ее у нас возненавидели. Ведь враг наступал под сенью знамен со свастикой, и миллионы советских людей отдали свои жизни в борьбе за победу над этим врагом. Вот это один из ответов, т. е. скорее главный ответ на вопрос о «провинности» свастики перед нами. Да и не только перед нами: ведь такие знамена шли маршем и по другим странам, и всюду оставляли за собой черную тень.

Может быть, пришла пора рассказать о свастике объективно?

Ведь это знак, и только знак. А знак не может возражать тем, кто хочет использовать его в своих целях. Сам по себе он молчалив и бессилён. Не виновата ни в чем свастика, как не виноваты и другие символы, воцарившиеся на знаменах, на доспехах и в геральдике: крест, пятиконечная звезда, двуглавый орел, дубовые или лавровые листья, серп и молот и т. п. Их люди использовали в разные века с самыми разными целями, стремясь подчеркнуть ими

свои чувства и представления, а значит, за это всегда были и будут в ответе только люди.

Давайте снимем со своих глаз темные очки предвзятости и неприязни, перестанем винить свастику в человеческих грехах и попробуем бросить взгляд на ее историческое прошлое и на ту роль, которую она играла в мировоззрении людей, начиная с глубокой древности. Была ли она кому-нибудь дорога и нужна? И почему? Вот об этом задумываются лишь специалисты по исследованию языковых систем да по истории знаков и орнаментов.

Взглянем и мы в глубину... Веков? Нет, тысячелетий.

И увидим, что на огромных пространствах земли свастика была известна самым разным племенам, заселявшим разные области ойкумены в те или иные периоды истории. И не просто известна, а любима и почитаема ими. Так же, как был любим и почитаем знак креста. На этот знак тоже неоднократно обращали внимание исследователи.

Крест? А почему?

Да потому что эти два знака почти идентичны. Их издревле сближает такой простой факт, как сходство астрономических представлений древних жителей разных стран. Возьмем, например, солнце. Все смотрели на небо и не могли не понимать его благодного воздействия на жизнь, на плодородность земли, на движение земных и небесных вод. Уже в эпоху палеолита, начало которой затерялось в веках, люди пытались изобразить солнце, высекая и рисуя его на скалах, а затем и на глиняной посуде и других вещах.

Кресты и свастики. Софийский собор. Киев, XI в.

И как мы видим, изображением солнца всегда служил круг с черточками-лучами, хотя бы и не точно воспроизводимый. Равным образом, в те же отдаленные времена появляется и солнце, изображаемое с перекрестными чертами внутри круга. Предполагают, что так человек пытался отразить свое понимание четырех стран света, главные области продвижения солнца по небу.

Кто, где и когда начал изображать перекрещенное солнце, сказать нельзя. Оно предстает перед нами в таком виде на археологических находках, обнаруженных в самых разных концах земли.

Так крест вошел в представления людей как намек на солнце, как условное его изображение, как символ, говорящий о непрерывной его жизнотворческой энергии и жизнедеятельности. Крест, символ солнца, уже в те отдаленные эпохи занял раз и навсегда свое высокое место в культовой символике множества племен, подобный самому солнцу, скатившемуся с неба в их руки. Этот символ как бы позволял людям осуществлять свое воздействие на солнце, используя такое его изображение при проведении ритуально магических заклинательных действий.

Как известно, знак креста может использоваться в самых разных формах, будучи изменяем людьми по их желанию: это и православный церковный восьмиконечный крест, и шестиконечный «латинский», и косой крест Андреевского флага русского флота, и равнолучевые кресты разных орденов, и, наконец, нематериальный крест, «рисуемый» в воздухе рукой молящегося. Знак креста поднимали на свои стяги и враждующие или просто взаимно несогласные группы людей, стремясь доказать свою правоту. Но ведь сам по себе знак креста не несет на себе ничего темного: символ солнца не может и не должен быть направляем на призыв мрака. Крестом встречают новорожденных и провожают уходящих в мир иной, его наносят и на алтари, и на документы. Но все-таки люди стали использовать и его для выражения своих противоречий: православные крестятся справа налево, а католики слева направо, есть даже сатанинские секты, члены которых крестятся левой рукой или опрокидывают изображение церковного креста вниз верхушкой, проводя свои темные мессы.

Символическим изображением солнца является и нимб вокруг головы на изображениях богов и святых, и этот нимб часто вмещает в себя крест, что прямо перекликается с древнейшими изображениями солнца. Сочетание солнечного круга с четырех-, шести- или многоконечным крестом встречается на памятниках разнородных культур, как и изображение солнечных колец рядом с крестом. И это прослеживается сквозь века и тысячелетия.

Самые древние изображения свастики дошли до нас от одной из первых цивилизаций земли, известной под названием Цивилизации долины Инда, или Цивилизации Хараппы.

Эту цивилизацию называют доарийской, потому что ее расцвет приходится на IV—III тыс. до н. э., на то время, когда кочевники-арьи еще только двигались по степям Северного Причерноморья и по землям Восточной Европы.

Итак, еще не появлялись арьи на землях Хараппы, и здесь сложилась задолго до них своя особенная цивилизация. Ее создателями были люди, принадлежавшие к тем древним расам, которые в науке определяются как негроидные и австралоидные. Уже упоминалось, что для них характерна темная кожа, черные крутоволнистые волосы и полные, выступающие вперед губы. (Напомним об этих их чертах, ибо мы их сравниваем со светлокожими арьями, пришедшими сюда в III—II тыс. до н. э.)

Эти доарийские жители создали развитую цивилизацию. Они строили города с домами из обожженного кирпича, развили орошаемое земледелие, знали искусства и многие ремесла. Откуда они здесь появились, наукой не установлено. Полагают, что это были потомки обитателей древнейших затонувших материков Гондваны и Лемурии, соединявшихся десятки тысяч лет тому назад с землями Индии и Африки.

Туда уже заглянуть нельзя, но мы можем увидеть то, что сохранилось в культуре этих жителей доарийской Индии: ведь не внезапно и не сразу возникла Цивилизация Хараппы.

Печати со знаками свастики. Индия. III тыс. до н. э.

И вот, знакомясь с найденными в раскопках предметами, мы обнаруживаем, что им были известны не только знаки солнца и креста, но также и свастики. Найдено множество разных изображений: главным образом всевозможных животных и в первую очередь быков. Печатей и обломков керамики обнаружено много, и те из них, что несут на себе символы солнца, креста и свастики, явно были не случайными в числе этих находок. Следует сразу оговориться, что таких изображений очень немного в сравнении с другими, но все же они есть, а значит, этим древним людям было знакомо значение магической сути воспроизводимого знака. Здесь мы видим и левостороннюю свастику, которая на этих печатях чередуется с правосторонней. Значение этой символики объясняют по-разному. Некоторые полагают, что обращенную влево свастику надо считать собирающей, а вправо — рассеивающей, но что она собирает и рассеивает — лучи? Энергию? Другие же спорят о том, какая из них изображает движение солнца: то ли та, чей изгиб устремлен вправо, то ли та, чей влево. Не будем вмешиваться в эту дискуссию — нам важен сам факт нахождения нескольких изображений свастики в той наидревнейшей Индии. И кто может сказать, не повторяются ли на них те символы, которые, возможно, были известны жителям легендарных материков, поглощенных Мировым океаном? Ясно одно: свастика — древнейший знак, и с нею связаны представления о силе солнца.

Рождение знака свастики следует, видимо, связывать с Северным полушарием, так как население всех стран этой половины Земли всегда и неизбежно видит солнечный диск как колесо, катящееся по небу слева направо, то есть с востока на запад. Археологи все еще не установили с точностью дату изобретения колеса, но известно, что в самых древних верованиях о солнце упоминается как о колесе, катящемся по небу. Момент катящегося предмета, будь то чурка, камень или кость, не мог не зафиксироваться в восприятии человека

и соответственно отразиться в первых же изначальных попытках передать в любом изобразительном приеме — насечке на камне или рисунке — это движение.

Так и появилось сначала многолучевое изображение солнца, говорящее о понимании того, что его свет состоит из многих линейных лучей, а вслед за этим люди стали воспринимать кружение диска вокруг оси. В соответствии с таким восприятием появились изображение солнца с небольшим количеством лучей, а затем и попытки показа движения его обода. Дневное солнце, катящееся с востока на запад, стало четко восприниматься как диск, перекатывающийся по часовой стрелке, т. е. слева направо. Умозрительное представление о таком движении каждой частицы обода условно выражается в стрелках, и если убрать все их множество, оставив только четыре из них по окончаниям перекрещивающегося солнца креста (а такое его изображение известно уже в цивилизации Хараппы, если и не раньше), то получится «зародыш» свастики. Так называемая обратная свастика, очевидно, должна была изначальным образом изображать солнце, возвращающееся к востоку под землей, т. е. ночное солнце.

Следует указать, что археологи практически не обнаруживают этого знака на землях Передней Азии, хотя и здесь в те же далекие времена цвела культура городов-государств. Эти государства поддерживали торговые связи с долиной Инда, и здесь найдены даже печати оттуда, но свастики на них не нашли. Отсюда, как и из Древнего Египта, до нас дошли другие знаки-символы, игравшие там доминирующую роль, но не свастика.

Многое можно было бы узнать о жизни и верованиях жителей цивилизации Хараппы, если бы были прочтены надписи на найденных печатях. Но не понятны и не расшифрованы они и до сих пор, несмотря на поистине титанические усилия выдающихся ученых самых разных стран. Всем ясно, что они несут в себе какую-то информацию о жизни, хозяйстве и верованиях древних доарийских народов. Да, но какую?

Знали ли арии свастику до своего появления на землях цивилизации Хараппы? Вот вопрос, на который трудно найти ответ, подкрепленный достаточным количеством доказательств. Можно лишь предположительно утверждать, что знали, и более того — она им была очень близка. Попробуем в этом разобраться.

Поскольку арии были кочевниками и продвигались в течение многих и многих веков по огромным пространствам, материальных остатков на местах их кратковременных стоянок найти не могут — изделия из дерева, необожженной глины или ткани не сохранились в земле. А значит, неизвестны и орнаментальные украшения, в том числе и мотив свастики. Не исключено, что они могли украшать ею, например, маленькие деревянные фигурки богов, которые они перевозили в кибитках. Возможно, они изготавливали такие фигурки и из глины, но каменных не было.

Итак, до археологов не дошли вещи с нанесенными на них знаками, но вспомним, что языком ариев был санскрит, на котором созданы Веда. А откуда взялось само слово «свастика»? Из санскрита. Оно состоит из трех частей: «су» — «хороший, благой» (перед гласным изменяется в «ев»), затем — «асти» — «есть» (третье лицо единственного числа от глагола «быть»), что вместе составляет слово «свасти» — «благо есть», или «счастье (удача) тебе» — это форма приветствия или благословения. К этому добавлен суффикс «ка». И что получается? Некое слово, вроде «хорошка» или «благушка», т. е. знак, определяющий нечто хорошее, доброе, благое. Это наводит на мысль, что древние арии имели и изображения свастики.

Узоры «на счастье», наносимые женщинами Индии на землю и на стены домов

Следует тут же отметить, что ряд слов санскрита и славянских языков строился по этой одинаковой модели. Так, русские слова «чашка, мышка, копанка» звучат в санскрите как «чашака, мушка, купака».

Мы уже видели, что свастика была известна и населению, создавшему доарийскую цивилизацию Хараппы, но отметим снова, что количество ее начертаний там было невелико по сравнению с другими изображениями. В более же поздние века, после прихода арьев, этот знак стал встречаться все чаще и чаще, и, наконец, мы обнаруживаем его в Индии на множестве орнаментальных узоров и символических рисунков магического назначения.

Возвращаясь к мысли о приходе арьев с севера, можно полагать, что им, как и другим предкам индоевропейцев, было свойственно поклонение солнцу как главному источнику жизни, а поэтому и не вызывает удивления это обилие свастических знаков, так широко распространившихся в Индии и донныне сохраняющих там свое традиционное значение: свастикой там стали отмечать все предметы, стены домов, вышивки и пр. как знаком благоприятствия, как призывом к счастью и довольству. И особенно большую роль играет этот знак при проведении таких обрядовых действий, как, например, свадьбы, — тут индусы наносят свастику на очаги, сосуды, одежды и украшения, ковры, циновки и т. д.

Фризами из свастик украшены стены и колонны храмов, подножия статуй богов. Свастиками же отмечены деловые печати, бумаги, конверты, приглашительные и поздравительные письма, вышивки на одежде, шалях и пр. При проведении многих молитвенных церемоний верующие наносят на пол перед алтарем магические узоры, обязательным элементом которых постоянно являются свастики, имеющие и прямоугольные и закругленные лучи.

Перед днями праздников женщины расписывают свои ладони традиционными узорами, в затейливый рисунок которых тоже часто бывают включены свастики.

Наиболее широко распространен этот элемент орнамента в тех областях страны, которые стали в древности первыми землями расселения пришедших арьев, т. е. на северо-западе и севере страны. Здесь же сконцентрирована и большая часть представителей того расового типа, который сложился в результате физического смешения светлокожих европеоидных арьев с местным темнокожим населением (что тоже может служить подтверждением мысли о том, что арьи издревле знали свастический орнамент и поклонялись солнцу, изображая его и в форме круга, и в виде свастики).

Здесь необходимо вспомнить и о другой ветви арьев, об ираноязычной, тоже продвигавшейся к югу, но по более восточным землям.

Признано, что открытая на восточных отрогах Урала культура принадлежала этой группе. (Она названа андроновской по первому месту обнаружения ее памятников.) В зону ее распространения входят и обширные области Казахстана, но мы остановимся здесь на приуральских памятниках. Обнаружено много городищ, датируемых II тыс. до н. э. (в том числе и прославленный Аркаим), и признано, что их сооружали ираноязычные арьи, чем еще раз подтверждается мысль об их продвижении с севера по Приуралью. О том, что древним арьям искони был известен и высоко ими ценим знак свастики, говорят его изображения на обнаруженных сосудах и их обломках. Следует сказать, что этим знаком отмечен весь путь продвижения арьев в сторону Индии и Ирана. Так, у скифов, потомков ираноязычных арьев, в среде северокавказских народов и у таджиков свастика выявляется в орнаменте от I тыс. до н. э. и ранее.

Начиная с глубочайшей древности и вплоть до наших дней солнце было и остается главным объектом почитания в среде славянских народов, и не только славян, но и жителей Западной Европы. За это «ответственны» общие корни происхождения и формирования всех индоевропейцев, заставляющие всегда помнить о севере. Свастика как знак солнца сохранялась до самого недавнего времени в народном орнаменте всех этих народов. Она была донесена с севера до Черного и Средиземного морей, и ее можно выявить во всех этих землях в той или иной степени ее выраженности. Но абсолютное ее преобладание прослеживается на Русском Севере. Она многие века царила здесь в мотивах орнамента,

разделяя первое место лишь с солнечными розетками и сочетаясь с ними.

Сосуды из Синташты

Изображая свастику, взывали к солнцу, она служила знаком благодати и сбережения от всякого зла. Б.А. Рыбаков в своих трудах подчеркивает роль оберегающих знаков и указывает, что их обязательно наносили на ворота, рукава и подола одежды, на фартуки, считавшиеся ритуальной частью женского одеяния, и обязательно на полотенца. Сохранение древних узоров на протяжении столь многих веков он называет глубиной памяти, и мы видим, как из этой глубины век за веком всплывает свастика.

Мы видим, что заклинательная магия находит свое выражение не только в словах заговоров и молитв, но и во множестве условных изображений и знаков, наносимых на ткани и вышивкой, и в процессе тканья. Да и не только на тканых изделиях встречаются эти символы, но и на прославленных севернорусских кружевах.

Вот это обилие свастику на севере говорит нам еще раз о том, что и ближайшие соседи предков славян — предки арьев (не исключено, что в известной мере и родственники), уже здесь знали знак свастики и пронесли его по всему своему пути на юг и восток, о чем мы и можем судить, видя обилие свастику в Индии.

В Европе же, и, в частности, даже в Восточной Европе, свастика стала не так часто появляться в орнаменте, постепенно ее стали заменять изображения цветов, которые на севере, естественно, не могли занять доминирующее положение в рисунках. Но это не значит, что этот знак солнца исчез совсем. В публикациях, особенно в послевоенных изданиях, свастику изгоняли со страниц книг, и такое отношение можно понять, но трудно простить — ведь описания орнамента являются строгим историческим источником, и такие искажения в передаче информации мешают ученым приходиться к должным выводам. Тем не менее она сохранилась и в срединной России, и в Белоруссии, о чем выразительно говорят приводимые материалы.

Мы видим, что славянские народы традиционно пронесли в своем орнаменте мотив свастики. Самим фактом множества своих появлений он говорит о давности его использования: тысячелетия нужны для того, чтобы он мог утвердиться с такой настойчивостью и в народном изобразительном искусстве, и при исполнении столь многих обрядов, сохранявшихся на протяжении всего исторического периода язычества в Европе и до наших дней живущего полной жизнью в Индии. Следует снова напомнить о том, что фашисты в Германии стали так широко использовать знак свастики по той причине, что они одновременно с этим провозгласили себя прямыми и единственными потомками «арийцев» (арьев), чем подтвердили то, что в народной памяти остались древнейшие представления о некогда существовавшей соседской близости на севере с предками арьев, а равным образом и то, что у этих арьев бытовал знак свастики. Эти деятели и теоретики фашизма оживили и воспоминания о происхождении «индогерманцев» с севера, где некогда была их прародина (волшебная страна, называемая Туле, что снова подтверждает мысль о том, что племена предков всех индоевропейцев формировались на севере).

Фрагмент наборного мраморного пола. Эрмитаж, СПб.

Свастика в вышивках славян: а) Русский Север; б) Белоруссия

Люди давно начали изображать солнце с изогнутыми или слегка загнутыми лучами, стремясь, видимо, выразить этим приемом движение светила, его кружение, а не просто плоское скольжение по небу.

Многолучевые солнечные розетки на разных предметах возникли из прямолучевого солнечного колеса со многими спицами, как и трех-, пяти- или восьмилучевые.

Вспомним и о том, что у нас на севере сохранился обычай выпекать «вьюхи» — лепешки, украшенные орнаментом в виде округлолучевой свастики, который накладывается из тестяного шнура. Это выражение приветия весеннему солнцу. Эти «вьюхи» продолжают традицию подобных форм свастик, известных на Руси и в древности, и в Средние века.

Закругленные концы солнечных лучей явились, возможно, более поздней их стилизацией — ведь они не так четко указывают на связь спиц колеса с его ободом. Если же из кольца обода удалить, изъять четыре частицы, то на концах крестовидных двух диаметров останутся как раз те части, которые и создадут рисунок прямоугольной свастики, отразив представления о вращательном движении. Наиболее широкого распространения достиг четырехлучевой знак, но известны и разнолучевые свастики, тоже изображающие катящееся по небу колесо солнца.

В некоторых церквях тоже можно найти изображения свастики: они иногда совмещаются с крестом, иногда бывают нанесены на стены или даже на облачение духовных лиц. Известна, например, икона преподобного Никона в одной из палат Киево-Печерской лавры, нижний фриз которой состоит из свастик. В храме Софии в Киеве обнаружены такие же изображения, а в Москве, к примеру, весь пол главного храма Донского монастыря состоит из чугунных свастик. И таких примеров немало, хотя постоянно встречаются устные и письменные утверждения, что культовые христианские изображения якобы не могут быть совмещены со свастикой.

ури — праздничное изображение свастики. Индия

Говоря о памяти, унесенной в Индию, нельзя обойти молчанием вопрос о «напитке бессмертия» — соме, которому посвящены десятки гимнов Ригvedы. Уже два столетия западные ученые заняты решением проблемы сомы — предполагают, что он добывался из сока растений, в числе которых называют и некоторые деревья, и травы, и эфедру, и даже грибы мухоморы. Не будем перечислять здесь их попытки доказать это — они перечислены в работах Т.Я. Елизаренковой, нашего известного исследователя текстов Вед. Пытаясь разобраться в запутанных и непоследовательных указаниях и описаниях в Ригvedе, Т. Елизаренкова приходит к выводу о возможности выделить очередность действий изготовителей сомы: 1) предварительное замачивание, когда стебли сомы кладут в воду и держат их там, пока они не разбухнут; 2) выжимание сока давящими камнями; при простом выжимании инструментами были ступка и пестик; 3) пропускание выжатого сока через цедилку из овечьей шерсти, где он очищался от волокон — центральный момент ритуала — и стекал в специальные деревянные сосуды; 4) смешивание выжатого сока с водой, что делало его вкус менее резким; 5) смешивание выжатого сока с обычным или кислым молоком.

Большинство западных исследователей представляет себе этот процесс примерно в такой же последовательности. Все эти описания говорят о добросовестном и вдумчивом изучении Ригvedы, но, по нашему представлению, они все допускают одну очень существенную ошибку, а вернее — даже две ошибки: во-первых, все они единодушно избегают упоминания о возможности совпадения слова «сома» со словом «хмель» (хотя часто пользуются в переводах на русский язык определением сомы как «хмельного напитка», то есть «опьяняющего»). Во-вторых же, в их работах не встречается раздельной оценки применения воды и молока при изготовлении «опьяняющего напитка».

Итак, хмель и сома: коренные согласные «hm» и «sm» в обоих словах абсолютно одинаковы и равнозначны. Частые упоминания в гимнах применения ячменя при изготовлении сомы заставляют задуматься о вероятности того, что сома был древним вариантом пива. Процесс замачивания, набухания и растирания, объясняемый переводчиками по-разному, относился,

видимо, к подготовке зерен ячменя к началу бродильных процессов, так как при этом вырабатывается солод. И тот шум, который описывается в гимнах в связи с изготовлением сомы, а именно: напиток «рычит, мычит и ходит кругами по чану», хорошо знаком всем пивоварам земли. Поскольку ячмень был самым северным колосовым хлебом (В. Даль, т. IV), а в первой мандале Ригvedы, в 23 м гимне говорится о пахоте на быках поля «для посева ячменя», не приходится сомневаться в широком его применении — полагаем, что не только для еды, но и для изготовления сомы. Пивовары знают и процесс растирания зерен камнями (жерновами), и процеживание через фильтры (в деревнях через солому или грубую прореженную ткань из овечьей шерсти), и забраживания хмелем или забродившим солодом. Следует отметить, что в литературе о Ригvedе встречались упоминания о хмеле, но почему-то на них не обращали особого внимания: так, известный санскритолог XIX в. Макс Мюллер, его современник индийский ученый Радженралал Митра (на что указывают авторы двухтомного «Указателя ведических предметов») уже упоминали о том, что в Ригvedе имеется в виду хмель и пиво, а индийские историки не раз вспоминали о знакомстве арьев с умением готовить пиво. Равным образом, и о соме как хмеле встречаются явные указания в таком трактате, как «Артхашастра», где о соме говорится как о ценном растении (хотя ни эфедра, ни тем паче мухоморы в Индии неизвестны). В этом трактате сому называют «ценным деревом» [17, с. 105], царем велено предоставлять брахманам леса для «разведения сомы» (с. 65) и сообщается, что на равнинах «на высоких местах» есть «рощи растений сома» (с. 183). Нам неведомо, завивали ли хмель на особых шестах, как в хмелевниках Европы, но то, что он растет, оплетая деревья, известно всем: это и были «рощи сомы». Те слова Ригvedы, что растение сому приносили людям с высоты (с гор) птицы, вполне объяснимы простым фактом сбивания птицами шишек хмеля с высоких деревьев.

Вот такое пиво и было, видимо, основным опьяняющим жертвенным напитком Ригvedы, и пили его во множестве и жрецы, и жертвоприносители-миряне, а главное, сам бог Индра, живот которого раздувался от сомы (кстати, «брюхатость» многих пьющих в избытке пиво мужчин широко известна в мире).

Вспомним здесь о том, что о «памяти, унесенной в Индию» из областей древнего северного соседства с предками славян (да, вероятно, не только северного), говорят и прямые схождения в лексике санскрита и русского языка, относящейся к поглощению напитков:

Упоминания в Ригvedе о том, что сому смешивали с водой, вполне совпадают с описанием приготовления пива. Но указания на молоко, тоже каким-то образом связанные с опьянением, то есть с изготовлением того же сомы, не вяжутся с пивом. Правда, в московских газетах в конце июля 2003 г. появилось сообщение, полученное от агентства «Интерфакс», что китайское ТВ 23 апреля того же года сообщило, что в Китае стали готовить пиво из молока. Имея в виду все упоминания «Ригvedы» о том, что при изготовлении сомы как некоей, по всей видимости, разновидности пива каким-то образом применялось молоко, можно полагать, что в Китае восстановлен древний способ изготовления такого пива. Есть также основания предположить, что этот рецепт проник в Китай во II тыс. до н. э., т. е. в те века, когда потомки пришедших в Азию арьев, известные как центральноазиатские скифы или белые гунны, или по китайски ю-чжи, вели бои за овладение западными землями Китая и, оседая на них, поддерживали длительные хозяйственные контакты с местным населением.

Однако в той же Ригvedе говорится и о каком-то другом опьяняющем напитке — о суре, который был «гораздо более крепким, чем сома», как это подчеркивается в главе XIX индийского сводного тома исследований «Ведическая эпоха». И тут же указывается, что в гимнах упоминается о смеси сомы с кислым молоком. Да, упоминается, но не готовили ли из кислого молока некий напиток, тоже называемый сомой (а, возможно, это и была «сура»), хотя в указанном томе предполагается, что суру «гнали из зерна» — не была ли она пивом? Если об арьях времен Ригvedы индийский ученый сообщает, что они умели «гнать» — «дистиллировать» опьяняющие напитки, мы имеем основания думать, что им было ведомо и изготовление самогона из кислого молока, которое известно всем скотоводам. Сам процесс

возгонки, как и аппараты для возгонки (разные варианты из комбинирования глиняных нагреваемых и охлаждающих сосудов), в Индии издавна известны. И тогда мы видим, что арьи знали три пьянящих напитка: пиво на основе ячменя и хмеля, молочный самогон и суру на основе ячменя, что известно многим народам.

Вот здесь вспомним о славянах — уж они-то с древнейших времен знали и опьяняющий «медок», и пиво. Чешский ученый Л. Нидерле указывает, что в грамотах X в. славянам было велено включать пиво в состав дани князьям [124, с. 202]. «Пили славяне много... и “пир” происходит от “пити”».

Здесь необходимо подчеркнуть, что слова в обоих языках сохраняют ту же морфологическую структуру и что одинаковую роль в изменении значений корней, как и образованных от них слов, играют приставки и суффиксы.

Остановимся на нескольких выразительных примерах.

Не менее выразительны и изменения смысла глагольных корней под влиянием приставок — здесь опять же поражает совпадение санскритских слов с русскими, а шире — со многими славянскими. Эти формы сохраняются в живом языке и часто порождают новые образования, диктуемые разговорной практикой, расширяющей лексический фонд языка.

Мы привели около семидесяти примеров, и этого, думается, достаточно для того, чтобы наглядно проиллюстрировать неоднократно высказывавшиеся указания на близость русского языка, сохранившего очень большое число древнейших форм к санскриту.

Мифам чужда ложь

И это синее море, плещущее у ног,

и этот открытый путь на север... К. Чапек. Норвегия

Век за веком в среде людей рождались мыслители, которые тратили все силы своего ума и все напряжение духа на попытки понять, осмыслить и воспринять тайну зарождения религиозных представлений, загадку возникновения понятий о космосе и земной природе, об их взаимодействии и, главное, об их влиянии на рождение, жизнь, благополучие и, как итог, смерть всего живого. Самые изначальные коллективы людей выдвигали из своей среды мыслителей, поощряя их избавлением от жизненных тягот, проявлением к ним особого почтения, готовностью прислушиваться к их словам, верить им и, по их требованию, подчиняться. В любом обществе, в любой его самой первичной ячейке зарождалось, складывалось и развивалось сословие жрецов — тех, кто искал путей связи с надмирными силами, считал, что находил их, и заражал своих близких и соплеменников верой в свою силу, в свои знания.

Жрецы постепенно, шаг за шагом разрабатывали порядок ритуальных действий, находя формы поступков и слов, которые должны были, по их медленно складывавшимся представлениям, а затем и по их вере, так или иначе воздействовать на невидимые силы, на порождаемые их воображением существа, бывшие воплощением этих внешних, не известных человеку сил. Влиянию жрецов, их духовному, часто гипнотическому давлению на психику подвергались, постепенно привыкая к нему как к неизбежности, члены окружающей их

человеческой общины, от семейной и семейно-родовой группы до племени или союза племен.

Нет возможности учесть, подсчитать и взаимно сравнить все сложившиеся в мире религии, верования, мистические искания и откровения, нашедшие свое отражение в памятниках литературы или древних надписях. Невозможно описать и сопоставить все суеверия и другие попытки бросить взгляд за предел осязаемого и обозримого. Никакие старания ученых, никакие съезды и конференции специалистов не могут достичь уровня сопоставления всех существовавших и существующих на земле религиозных представлений и путей претворения их в практику, в ритуальные и обрядовые действия, в умение воплощать в материале образы пребывающих в сфере воображения внеземных существ. Доступнее всего для изучения и частичного — это следует подчеркнуть: только частичного — сопоставления мифы. Многие тысячи мифов существуют лишь в устной форме, и значительная их часть ускользает и уже ускользнула от взгляда исследователя, канув в забвение. Изучаются те, что еще доступны, но, главное, те, что зафиксированы в письменности, будь это пиктограммы, иероглифы, знаки, поддающиеся расшифровке, или буквенные надписи и записи.

Из этого моря мифов и преданий возникают два основных мотива: поиск божеств, описания приписываемых им деяний занимает здесь первое место, но на втором, и не менее захватывающем, стоит поиск разрешения загадки о происхождении человека. В этом поиске четко вырисовывается попытка ответить на вопрос: откуда мы все произошли и где зародились перволюди? Вот это «где?» как неотвязный вопрос обнаруживается во многих доступных науке мифологиях. Действительно — где?

Самый распространенный ответ сводится к такому месту, как РАЙ. Из некоего первичного рая как места обитания перволюдей разошлось население всех частей земли. В раю они могли возникнуть из рук бога или сформироваться самопроизвольно из комков почвы или камней, но это возникновение все же происходило в определенном месте — в раю. В этом сходятся столь многие утверждения и убеждения, что мимо этого пройти нельзя.

Давно складывалась потребность свести воедино эти разные убеждения и утверждения, и появлялись книги мыслителей, стремившихся к итоговому результату. Но ни одна из них не предлагала универсального образа, приводящего к определенному или хотя бы приблизительно единому выводу. Ни великие литературные памятники, ни религиозные и философские трактаты средневековой Европы не подводили нас к решению главного вопроса — «где?», так как все они повторяли один ответ, предлагаемый Библией или Кораном. В раю? А где был этот рай? Вспомним, что в I разделе говорилось о ректоре американского Бостонского университета: Уильям Уоррен задался целью проследить, как в мифах самых разных народов ставится вопрос о местонахождении рая. Он написал удивительную, несколько раз переиздававшуюся книгу под названием «Найденный рай, или Колыбель человечества на Северном полюсе» [169].

Читателя поражает в этой книге не только широта приводимых сопоставлений мифов самых разных народов, но и сам факт возможности проведения таких сопоставлений.

Тот, кто имеет возможность познакомиться с подавляющей частью трудов по истории человечества, увидит, что ее началом принято считать III–II тыс. до н. э. и связывать именно этот период с переходом человеческого общества (что надо понимать как круг этносов, входящих в границы изучаемой проблемы) к производящему хозяйству. Основным признаком, или критерием, определяющим понятие производящего хозяйства, признается наличие земледелия и скотоводства. Но и от этого признака многие ученые уже отказались, считая, что следует изучать историю как единый поток развития человечества, начиная с первого каменного орудия. С этим нельзя не согласиться, но сразу же следует вспомнить, что это первое орудие появилось в самом начале палеолита, которое отстоит от нас на многие сотни тысяч лет. И хотя от времени первых каменных рубил и скребков не дошло до нас ни единого

указания или свидетельства возникновения религиозного или мистического или мистико-магического представления, мы не имеем также и доказательств того, что их не существовало и что они в самой своей изначальной форме не зарождались в формирующемся сознании перволодей. Следует признать, что история человека неотделима от формирования его сознания, а значит — от складывания и постепенного расширения диапазона его верований.

Необходимо уделить здесь внимание более подробному знакомству с материалами этой чрезвычайно интересной книги, поскольку выше, в разделе «Очень далекое прошлое», приведены лишь общие сведения о ней.

В своей книге У. Уоррен отбирает фрагменты содержания мифов, которые касаются локализации рая и ада как изначального очага зарождения людей и места их посмертного пребывания соответственно. Применяя единый подход к материалу мифов, он вычленяет универсальные общие элементы, упрощая сюжеты и содержание так, чтобы мифы можно было сопоставлять. Строго соблюдая единство подхода, Уоррен рассматривает утвердившиеся в сознании христиан библейские представления как из Ветхого, так и из Нового Завета, и исходные представления из религий иранцев, китайцев, индусов и других народов. Демонстрируя обширные познания и интерпретируя эти исходные представления в соответствии с уровнем современной ему науки, исследователь впервые наглядно доказал возможность их сопоставления с особым акцентом на проблеме зарождения таких воззрений. При этом Уоррен убедительно показал, что в коллективной памяти каждого народа, или, по терминологии К.Г. Юнга, в области коллективного подсознательного, где сохраняются наиболее архаичные элементы отдаленнейшего прошлого этого народа, прочно закреплены признаки, уводящие эту память в одну сторону света — на север. И не просто по северному направлению, а гораздо конкретнее — к Северному полюсу.

Глава за главой он поочередно освещает те взгляды, которые выявляются в самых древних представлениях народов, расселившихся по лицу земли в незапамятные времена и не имевших возможности обмениваться элементами своей духовной культуры в силу отдаленности в пространстве и разделяющих их огромных расстояний. И приходит к закономерному выводу, что указанная память хранит в себе наидревнейшие образы, отличающиеся у всех поразительным сходством, а то и прямыми совпадениями. И в каждом из этих образов вырисовывается картина года, состоящего из единого долгого дня и единой долгой ночи, а также просматривается и описание «небесной горы», обиталища богов или просветленных душ, взбираясь по которой души праведников достигают рая. Там, в этом раю, стоит в центре великое дерево (по распространенному в среде мифологов определению, «дерево жизни», или мировое древо), или же столб, достигающий неба, или же некий мост, ведущий на небо, или же лестница, достигающая тех же сфер. Из этого рая вытекают по четырем главным направлениям четыре великих реки, питающие все воды земли, или же струится некая общемировая влага из светлого источника. Там царят свет и благодать, к достижению которых посмертно следует стремиться всем живущим, и это достижение связывается с безгреховным образом жизни. Туда должны устремляться души как к колыбели своего зарождения.

С этим итоговым выводом и связано заглавие книги Уоррена.

Невольно может возникнуть вопрос: почему же север, отталкивающий всех людей угрозой своего холода и мрака? Почему не светлый радостный юг, царство солнца и сладостных плодов? А может быть, все-таки далекие-далекие предки наши искали рай на юге и устремлялись туда? Вот тут Уоррен собрал много указаний на то, что юг всем этим далеким предкам представлялся темным подземельем, пропастью, провалом в страшное и неведомое, губительным адом. Всем, включая таких жителей южных областей, как древние египтяне. Всем, живущим в Северном полушарии. Как же исследователь объясняет этот феномен? Какие доказательства он приводит на страницах своей обширной книги? Следует

привести несколько наиболее наглядных примеров.

Когда начинаешь знакомиться с текстом книги Уоррена, то первое, что привлекает внимание, — это ясное понимание автором острой необходимости дать свой, личный, по-своему понимаемый и по-своему ответственный обзор, содержащий обещанный ответ на давно назревший вопрос о начале существования человека. Каждый раздел его книги сводится к этой попытке, к этому неослабевающему вниманию к этой проблеме, которая может на первый взгляд показаться некоторым и узкой, но на самом деле неизменно привлекает внимание ученых самых разных профилей и занимает умы в течение многих-многих веков. Умение свести воедино мифы и верования разных народов как бы вывели автора за границы пространства и времени, и он пришел к правильному выводу, что на необычайные по своей природе вопросы следует искать непривычные ответы. Одной из главных трудностей на его пути была задача преодоления приверженности религиозно мыслящих исследователей к библейским истинам, давно ставшим стандартом в изучении данного вопроса. Шаблоны, заложенные Библией и ее толкованиями в сознание большинства мыслителей, не давали возможности развития свободной мысли, и не просто тормозили ее рост, но и активно препятствовали ему, подавляя восприятие новых идей не только обществом, но зачастую и учеными.

Уоррен широко использовал все новые данные науки, все доступные ему открытия, сделанные за протекший до времени написания книги период, включая такие науки, как мифическая география, история, антропология, естествознание и литературоведение. Приводимые им данные обогатили и новую для его времени науку, получившую название сравнительной мифологии, открывшей широкое поле деятельности для исследователей данной проблемы.

Поскольку Уоррен бросил вызов библейским пояснениям, касающимся местонахождения рая и ада, следует остановиться сначала именно на них.

Итак, Библия, Бытие, глава I. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы».

Поскольку в дальнейшем важнейшим стал вопрос об изначальной длительности светлого и темного периодов в году, следует запомнить, что в приведенных строках именно об этом ничего не сказано, и можно толковать эти слова применительно к своему восприятию, так как именно эта проблема стала узловой в спорах о Северном полюсе.

Далее в Библии говорится: «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один».

Сколько времени — дней? месяцев? — длился этот первый «день»? В Ведах, например, говорится, что год состоял из одного дня и одной ночи. Опять, поскольку в Библии время не исчисляется, допускаются толкования. По этому тексту нельзя даже отдаленно представить себе, какое время было истрачено на каждый «день творения» — сотни или тысячи лет? А может быть, и сотни тысяч лет? Каждому ясно, что «день» никак не мог быть реальным астрономическим днем.

Далее: «И сотворил Бог человека по образу Своему... И был вечер, и было утро: день шестой... И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал».

Это первое конкретное указание в Библии. Оно географично, оно содержит определенный ориентир — восток. Рай на востоке. Но откуда надо отправляться, определяя восточное направление? Где именно творил Бог?

Не останавливаясь здесь на неких противоречиях в 1 й и 2 й главах Книги Бытия, где неясно,

кто был сотворен раньше, человек или животные, обратим внимание на очень важные слова о посаженном в центре рая дереве жизни — этот образ воспроизводится по-разному в мифах многих народов, но с разными оценками и в разных видах. Важно здесь и первое указание на четыре реки, вытекающие из такого центра, как рай: сам факт наличия четырех рек позволяет помыслить о представлениях, касающихся четырех сторон света, хотя они здесь и не уточняются. В своей книге Уоррен сопоставляет это дерево и эти реки с указаниями на Северный полюс, о чем скажем ниже.

О глубочайшей древности библейских преданий говорит и указание в 3 й главе Бытия: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их». Давно уже установлено наукой, что в течение долгих тысячелетий палеолита люди одевались в шкуры животных, зачищенные по внутренней стороне каменными скребками, а слова «кожи» и «шкуры» означают одно и то же. Итак, существование рая относится к неисчислимо давним временам. Словом, все указания Библии погружают нас все в ту же неизмеримую глубину архаики, уделять внимание которой нас неустанно призывал Б.А. Рыбаков. О ней же говорят и приводимые в Библии годы жизни Адама и его потомков. Перечислим в последовательности, приводимой в 5 й главе Бытия: Адам жил девятьсот тридцать лет, его сын Сиф жил девятьсот двенадцать лет, сын Сифа, Енос, жил девятьсот пять лет, сын его, Каинан, жил девятьсот десять лет, следующий потомок жил восемьсот девяносто пять лет, следующий жил девятьсот шестьдесят два года, затем наступил период жизни в триста шестьдесят пять лет, затем снова жизнь очередного потомка длилась девятьсот шестьдесят девять лет и, наконец, отец Ноя, Ламех, прожил пятьсот девяносто пять лет.

Такие исчисления, кажущиеся фантастическими, говорят именно о том, что память человеческая хранит в себе отблески глубочайших эпох, прожитых человечеством, и точных исторических дат от нее ждать не следует. И уж, конечно, нельзя требовать ни от одного народа точных указаний на время и место формирования его первопредков. Но у всех это место часто обозначается как рай или же некая райская обитель, куда после смерти устремляются души праведников, или, точнее, которой достигают только души праведников, тогда как души грешников попадают в ад. Вот Уоррен и попытался в своей книге выявить местоположение рая и ада в мифах и преданиях.

Мы здесь специально не выписали из глав 9-10 данных о жизни Ноя и его потомков, но можно привести общую примерную сумму значительного числа лет, что снова уводит мысль в глубину веков, указывая при этом на предполагаемую дату Всемирного потопа и давая в руки исследователей хоть какую-то историческую зацепку за события, которые многими признаются реально происходившими.

Отвлекаясь от этих интереснейших цифр, вернемся к проблеме рая. Само это понятие трактовалось столь различно, что перечисление пояснений могло бы занять тома. По-разному понимались также указания на четыре реки и на восточное расположение рая, так как его место усматривали не только где-то на востоке, но даже и вообще не на земле, а на небе или даже под землей. Из многих пояснений для нас важным является то, что о рае говорили как о высокой горе, достигающей неба, — это мы встречаем в Ригведе и в индийском эпосе. Уоррен приводит ряд малоизвестных широкому читателю переводов библейского слова о «востоке» как о «начале», а это уже существенно меняет дело (169, часть I, гл. II), позволяя вести поиски рая в другом направлении.

Географическим уточнением в Библии можно считать и указание на то, что одной из четырех райских рек был Евфрат, а это говорит о вероятном представлении древних о южном направлении течения этой реки. Три остальных остаются загадкой. Но и само название даже этой реки вызывает сомнение — возможно, оно относится и к другим рекам, а возможно, известный всем исторический Евфрат получил это свое имя от некоего народа, пришедшего откуда-то на земли Передней Азии. И тут снова напрашивается вопрос — а откуда? И снова нельзя исключать ответ «с севера», потому что и в Авесте упоминается некая река Фрат.

Ведь мы в наше время уже знакомы с нордической теорией происхождения индоевропейцев, а арии-иранцы принесли свою Авесту с севера.

Всем, кому посчастливится приобрести только что изданный у нас перевод книги Уоррена, найдет в ней много высказываний и предположений по вопросу о четырех реках рая, отражения этих предположений включены в неисчислимое множество книг теологов, историков, географов и длинного ряда представителей других наук.

Эти реки текут с высокой горы — такое описание встречается в мифах многих народов. Полузабытая память о местонахождении рая на вершине этой горы переплетается с памятью о том, что это была не гора, а неимоверно высокое дерево или столб, который, так же, как и гора, достигал своей вершиной неба в точке зенита.

Образ горы наиболее четко сохранился в мифологии индуизма — в ведической литературе и в преданиях эпоса. Этот образ до такой степени жив в памяти индийцев, что, кого ни спросишь, каждый опишет эту гору, известную под названием горы Меру. Много строк эпоса воспевают ее: «Ты ходишь по земле, о царь, я же двигаюсь по воздуху... разница между нами такая же, как между горой Меру и горчичным семенем», «...горел лес... вид его, казалось, напоминал золотую Меру, владыку гор, сверкающую великим блеском», — эпос перенасыщен указаниями на величие и блеск Меру.

Именно с горы Меру стекает величайшая из рек Ганга, «текущая по трем путям» («трипатха» — буквально «трехпутная»). Эти три пути разъясняются по-разному, но чаще всего их понимают как протекание по небу, по земле и под землей, но это просто принятые многими пояснения.

Гора Меру является центром главного материка, называемого в мифах Джамбудвипа. Он главный из семи созданных «островов» («двипа»), или семи земель мира. На Меру растет и волшебное дерево Джамбу, осыпанное всеми видами плодов, и сок этих плодов порождает Гангу, как указывается в шестой книге «Махабхараты».

Эта гора, усыпанная всеми драгоценными камнями, окружена, по одной версии, океаном или морями, а по другой — молочным океаном. Она — пристанище богов, и в «Махабхарате» упоминается, что на собрании богов и святых боги «сидели лицом к северу» (книга I, гл. 203). Это дерево Джамбу было видно отовсюду, как весь остров, или, точнее, континент (земля). Вот эти особые размеры дерева на высочайшей горе Меру следует запомнить, так как Уоррен в разбираемой здесь книге уделяет особое внимание именно такому признаку центра искомого рая, как высокий предмет, достигающий неба посреди северных созвездий (столб, дерево, мост или гора). (Слово «джамбука» является в религиозной литературе индуизма одним из имен древнейшего ведического бога Варуны.)

Какое же обстоятельство говорит о том, что все эти высокие предметы указывают на их местонахождение на севере? Да то, что в памятниках литературы и устных сказаниях постоянно повторяется, что вокруг их вершины вращаются все небесные светила, а такие вращения соответствуют соприкосновению или соотношению этой вершины с Полярной звездой.

Очень выразительны примеры, собранные Уорреном в мифологии других народов, касающиеся таких высоких предметов, или объектов, соотносящихся с представлениями о рае, расположенном на севере.

В иудейском Ветхом Завете, в книге пророка Иезекииля, Бог, проклиная царя Тирского, говорит ему: «Ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней... и Я низвергну тебя с горы Божией... Я низвергну тебя на землю». И еще: «Ты находился в Едеме, в саду Божиим; твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями... все, нанизанное на тебе, приготовлено было в день сотворения твоего» (гл. 28, 14, 16, 13).

Уже упоминалось, что Бог произрастил «дерево жизни посреди рая» (это прямая аналогия дереву Джамбу, как и перечисляемые в Библии драгоценности на горе Божией соответствуют сверкающим камням горы Меру).

Древние египтяне считали, что на севере земля принимает коническую форму, форму горы, вершина которой соприкасается с небом, тогда как на южной оконечности земли находится царство смерти. Это в свою очередь совпадает с представлениями индусов о южном месте царства бога Ямы, повелителя мертвых душ.

В мифах жителей Аккада исследователи тоже нашли описание Мировой Горы, на которой покоилось небо и вокруг которой вращались светила, а это значит, что она помещалась ими на севере.

И снова в Библии, в книге пророка Исаяи, встречается четкое указание на северное местоположение горы богов. В словах проклятия Вавилону говорится: «Как упал ты с неба, денница... разбился о землю, попиравший народы». А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера. Взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» (гл. 14, 12–14).

Описания в Авесте святой горы, центра мира, именуемой Хара Березайте и Албордж, указывают, что вокруг нее вращаются солнце, луна и звезды, и что по ней, как и по Меру, лежит вверх, на небо, путь святых. Одинаковым с индусской мифологией является и указание, что с этой горы стекают святые реки и что она лежит в центре семи «двип», или, по-ирански, «каршваров». О факте северного местонахождения этих небесных святых гор говорит содержащееся в мифах разных народов утверждение о наличии противоположной ей на юге территории, или царства, или горы, или бездны, связываемой с душами мертвых, с местом суда над ними или исполнения карательных мер.

Обращаясь к китайским сказаниям, Уоррен находит и в них аналогичную мифическую небесную гору, именуемую Кунь-Лунь, или Жемчужной горой. Вокруг этой горы тоже вращаются небесные светила, что прямо указывает на север. До сих пор, подчеркивает Уоррен, китайцы-даосы, говоря о первом лице своей Троицы, обращаются к нему, поворачиваясь лицом к «северному небу». Рай китайской мифологии расположен на вершине этой горы, и из его центрального источника берут начало четыре великих реки мира.

Понятие севера на санскрите определяется словом «уттара», то есть «верхний, высший», чему и противопоставляется южный «низший» мир.

Подобно утверждениям, содержащимся и в мифах других народов, на вершине горы Меру расположен сияющий город бога Брахмы, создателя мира, и его обтекает река Танта, которая тоже разделяется на четыре потока, как и четыре реки библейского Эдема, и эти четыре потока тоже устремляются на четыре стороны света. Следует сразу еще раз отметить, что такой центр распределения земных вод может находиться только на Северном полюсе.

Упомянутое выше указание на центральный поднебесный столб или дерево (Джамбу), часто встречающееся именно под названием столба — «стамбха», имеется в Ригведе: «Воздвигнутый как столб неба, он охраняет небосвод» (IV, 13), а также и в Атхарваведе, в которой о нем говорится, что этот столб пронизывает небо и землю. О горе Меру тоже говорится, что она пронизывает землю насквозь, образуя на южной полусфере свою противоположность, «Дурную Меру», прибежище демонов. Это не что иное, как древнейшее представление ведических мудрецов о земной оси, мысленно продлеваемой от Северного полюса до упора в Полярную звезду.

Идея первичного столба отражена и в японской космогонии. В древних книгах о создании земли повествуется о том, что первые бог и богиня воткнули в море копьё и стали его вращать, а когда подняли, то с его острия упала капля, и из нее образовался первый остров

суши, ставший центром всей земли. Эти боги воздвигли дворец, оперев крышу на верхний конец копья, и этот свод стал небесным сводом. Этот столб небес и земли, изначально ориентированный на центр неба, то есть на точку зенита, вокруг которой вращаются все светила, стал в дальнейшей трактовке превращаться в центр Японии, но эта трактовка не могла изменить первичного смысла мифа, который явно указывает на Северный полюс, тем более что по приводимым Уорреном переводам японских религиозных книг два изначальных божества поместились на вершине столба, соединяющего небо с землей. Автор указывает также, что айны (живущие на острове Хоккайдо, на крайнем севере Японских островов) пришли, по их поверьям, с севера, где на поднебесных вершинах живут души их предков, двух перволюдей; по обычаю айнов, лица покойных оборачивают к северу, но хоронят их головой к югу, к стране смерти и мрака.

Ученые, изучавшие мифологию китайцев, тоже указывают на то, что на уже упоминавшейся выше северной горе Кунь-Лунь есть высочайшая колонна, поддерживающая мир. Она тонка, и по ней, как по лестнице, неоднократно пытались в древности взобраться на небо. Но это было невозможно из-за скользкой ее поверхности, и пытавшимся проникнуть в рай приходилось искать обходных путей. Это мудрое указание на необходимость заслужить райское блаженство путем свершения трудных дел очень распространено в китайской философии (следует сказать между строк, что и не только в китайской). Итак, мы снова видим здесь те же мотивы: на конце этой колонны помещается свод небес северной полусферы, а колонна является продлением до небес земной оси. Дворец в долине Кунь-Лунь украшен, подобно горе Меру, множеством драгоценных камней, а прямо над ним находится небесный дворец, и это поясняется как соотнесение земного и небесного полюсов. В пятой главе четвертой части своей книги Уоррен обращается и к мифам других народов, уделяя внимание вопросу о столбе или близких ему вариантах. Так, он пишет, что в религиозных представлениях древних иранцев наличествовал образ некоего моста — Моста Чинват, который соединял небесный рай с землей. И если китайцы связывали степень греховности или заслуг человека со скользкостью небесной колонны, то иранцы полагали, что этот мост пропускает в рай лишь праведников, а под стопами грешных душ он оборачивается острым лезвием, низвергая в ад эти души.

В этой же иранской мифологии представлена и райская гора, поднимавшаяся до небес в центре главного каршвара, который, подобно индусской области горы Меру, находится на земле Северного полюса. Он именуется «Сияющий Хванирас», и о Северном полюсе говорит указание, что от его центра нет ни севера, ни юга, ни востока, ни запада, ибо это центр земли, вокруг которого расположены другие каршвары. Этот мост (переводимый и как стержень, и как луч) представляет собой идею земной и небесной оси, упирающейся в небо над головой того, кто стоит на полюсе. Это то же самое полярное дерево других мифологий. Об уходе арьев из мест Хванираса говорится, что людей вынудило к этому изменение климата, когда там настало такое время, что «теперь там зима длится десять месяцев, а лето два месяца, и они оба холодны для воды, холодны для земли и холодны для растений», как сказано в Авесте.

Исследователи, по данным Уоррена, обнаружили и в аккадской мифологии указания о том, что небо вращалось вокруг колонны, «которая соединяет небеса и землю и служит осью небесного свода. В мифологии аккадцев, как и у вавилонян и сирийцев, есть понятие центра земли как небесной горы, вокруг которой вращается небо, но это является проявлением памяти о глубочайшей древности происхождения предков этих народов, как и всего человечества, а в более поздние эпохи сложения мифов эта гора уже стала рассматриваться как центр каждой из этих стран, что и вводило многих исследователей в сторону от правильного указания на полярное расположение этой горы, как и возвышающегося до неба из ее середины столба, или колонны, или моста. К тому же все указанные и близкие им народы полагали, что юг является антиподом этой горы, а это толкование и связь юга с царством смерти уже говорит о месте волшебной горы на севере и только там.

В мифологии Египта тоже есть указание на столб, именуемый Тат, служивший символическим определением оси мира, соединяющей небо с землей. Следует согласиться с мыслью ученого, что этот столб не мог протыкать землю, скажем, с северо-запада на юго-восток, или с востока на запад, так как светила тогда никак не могли бы вращаться вокруг его вершины, а значит, и сама такая мысль была бы просто нелепостью. Тем более что древние египтяне видели в южной горе, завершающей Южное полушарие земли, темное прибежище мертвых, а значит, предки людей должны были, или, точнее, могли появиться только с севера, где и мыслился рай. К этому Уоррен приводит цитату из египетских надписей, гласящую, что у северного ветра «светлое дыхание», и отмечает, что в вере эфиопов-христиан сохранились те же представления о северном ветре как о приносящем сладкий аромат райского сада, почему Бог и запретил Адаму поселиться в южной части этого сада, чтобы он не вдыхал этого аромата.

Почти уснувшую память человечества о своем появлении на свет в приполярных землях сохраняют наидревнейшие предания и мифы как южных, так и, главное, северных народов. В устной литературе исландцев до XIII в. сохранялись разрозненные отрывки и эпизоды из «Эдды» — героических исторических и мифологических преданий, которые были собраны воедино и стали появляться в печати после XV в., когда Исландия стала колонией Дании. Этот сборник известен как «Младшая Эдда», и в нем сохранены все главные мотивы первичной, или «Старшей Эдды». Одним из основных мотивов является предание, или миф, о великом дереве-ясене по имени Иггдрасиль. Это мировое дерево скандинавской мифологии, «ветви, ствол и три корня которого соединяют все миры» (Корни Иггдрасиля. М., 1997, с. 632). О нем в «Младшей Эдде» говорится, что там боги вершат свой суд; сучья его простерты над всем миром и поднимаются выше неба; три его корня пронизывают весь земной шар, вплоть до потока «Кипящий котел», то есть до преисподней. Центральная ось этого дерева тоже едина с осью неба и земли. Оно совпадает и с египетским столбом Тат, и с иранским «деревом всех семян», сок которого дарит бессмертие, и с крылатым деревом Зевса, чьи ветви поддерживали небо, а корни проникали в глубокую бездну, и с китайской скользкой колонной, достигающей неба богов, — все эти деревья находятся, согласно мифам, на Северном полюсе.

Поскольку данная глава нашей книги посвящена именно поиску приводимых другими авторами доказательств связи предков индоевропейцев с приполярными землями, здесь нельзя обходить вниманием разные разделы труда такого глубокого исследователя, как У. Уоррен, который привел многие линии разноплеменных свидетельств к одной локализации, проведя их взаимное сопоставление и придя уже в предпоследние годы XIX в. к выводу, который был подтвержден многими работами ученых в XX в., представляющими широкий диапазон разных ветвей и направлений науки, и, в частности, исследователями скандинавской мифологии, которая столь близка и германской. И все эти свидетельства в целом можно свести к словам Карела Чапека: «И этот открытый путь на север...» А конкретнее — к Приполярью и к Северному полюсу.

Уоррен цитирует слова греков, говоря, что «в саду Гесперид дерево, приносящее золотые яблоки, было несомненно Деревом рая, но, следуя за Эсхилом, Фересидом и Аполлодором, мы должны поместить его на далекий Север» (часть 5, гл. 6). Напомним и о финском эпосе «Калевала», в котором вершина великого дерева сближается с созвездием Большой Медведицы — такое упоминание даже не нуждается в разъяснении.

Увлечение идеей «арийства» приводило некоторых западных авторов к утверждению, что вся цивилизация мира была создана арьями, «великими нордическими предками» всех народов. Так, американец Л.А. Уодделл опубликовал в Голливуде в 1929 г. книгу под названием «Создатели цивилизаций. Раса и история», в которой излагает свои соображения о том, что даже древние цивилизации стран Передней Азии были созданы арьями; в этой книге, как и в другом его труде «Британская Эдда» (Хоторн, 1930), излагается ряд небезынтересных его мыслей о северных корнях истоков язычества ранних бриттов и англосаксов, а также их

предков готов. Утверждая, что боги «Эдды», как и боги Вед, являлись обожествленными героями древности, которые сливались в восприятии людей с внеземными влияниями или силами природных стихий, Уодделл отмечает, что в английском языке их имена сохранились в названиях дней недели. В его работах четко проявляется убеждение в крайне северном происхождении всех «арийских рас», что говорит о принятии западными учеными мысли главных основателей арктической теории У. Уоррена и Б.Г. Тилака. Следует отметить, что работы Уодделла заслуживают внимания и аналитического разбора, но здесь этому нет места, а поэтому вернемся к данным, приводимым в разбираемой книге Уоррена.

Особый интерес в его книге вызывают главы 3 и 4 пятой ее части, в которых он приводит ряд обнаруженных им доказательств северно-полярного происхождения мифов разных народов и аналитически сопоставляет эти мифы. Одно из центральных мест в этих мифах занимают представления о зените, о той точке неба над головой наблюдателя, вокруг которой вращаются небесные светила. Как бы ни был мысленно неразвит человек, он не мог не видеть неба над собой и не заметить этого непрекращающегося вращения, особенно привлекавшего его внимание именно во время многодневной полярной ночи. Связывая с этими воспоминаниями о точке северного зенита мифы всех племен, предки которых зародились на севере (а главной целью его книги является доказательство того, что все человечество зародилось в Приполярье), Уоррен оперирует мифами представителей разных рас, включая семитов, монголоидов и негроидов. Нас же здесь интересуют предки индоевропейцев, на вопросе о которых мы и задерживаем свое внимание как в предыдущих, так и в этом и в последующем разделах данной работы.

Автор приводит 7 й псалом Псалтири (Ветхий Завет): «Ибо не от востока и не от запада и не от пустыни возвышение», приходя к выводу, что не случайным здесь является отсутствие упоминания о севере, ибо оно было понятно без упоминаний, как естественно известный всем факт, сохраняемый издревле в памяти народа. Такая мысль может восприниматься и как спорная, и как бесспорная, так как доказательств того и другого не существует. Приводятся и слова из книги Иова о сущности понятия севера в религии иудеев: «Светлая погода приходит от севера и окрест Бога страшное великолепие». В книге Левит (гл. I, строфа 11) говорится, что жертвователю, приносящему жертву в виде мелкого рогатого скота, повелевается: «И заколет ее перед Господом на северной стороне жертвенника», и лишь после этого ее кровью будет жертвенник окроплен и с других сторон. (Не исключено, что здесь отражено сохранившееся в глубине человеческой памяти представление о том, что мелкий рогатый скот был одомашнен раньше крупного, и произошло это на северных землях как «угодных Господу».)

Уоррен подчеркивает, что жрецы, наследники древних традиций, в среде народов Передней Азии сохраняют обычай принесения жертв, обязательно повернувшись лицом к северу.

Древние римляне почитали север, так как его небеса расположены «выше и ближе к жилищу Юпитера». Исследователи этрусской старой веры приходят к выводу, что и этруски помещали своих богов на северном небе.

Китайская традиция древности утверждает, что трон бога Шанди находится на Полярной звезде, которая является центром небес, то есть точкой зенита над полюсом. В этой религии Полярная звезда выступает как объект поклонения, подобно тому, как это почитание ее сохраняется и в индуизме. Равным образом исследователи германской мифологии выявили, что в ней север отражен как символ поклонения, так же, как и в скандинавских мифах: на вершине ясеня-Иггдрасиля находится город богов, возведенный «в центре мира», откуда верховный бог Один с этой «северной части неба» озирает мир («Старшая Эдда»).

Необходимо здесь остановиться и на широко обсуждаемой Уорреном проблеме так называемого пула земли (гл. 4).

Небесный полюс на севере, видимый как центр вращения созвездий, часто упоминается в мифах под названием пупа небес, а соответствующий ему земной Северный полюс воспринимался как пуп земли. Гора Меру издревле воспринимается индийцами как «пуп земли», и ее воспроизводят иногда в виде насыпных холмиков или видят ее в естественно существующих горах, что, по мнению Уоррена, неотделимо от реминисцентных представлений о Северном полюсе. Священную гору рая воспроизводили символически и греки — так, в греческой церкви в Иерусалиме молящиеся поклоняются каменному столбовидному изображению сосуда, которому поклоняются как «пупу земли» и центру вселенной. В Древнем Риме холм Капитолия, или холм Крона, тоже был почитаемым местом как «пуп всей земли». Такой «пуп» может находиться иногда и в водоеме — например, в Иерусалиме имеется пруд, который в христианской легенде почитается святым за то, что он якобы соприкасался под землей с корнями райского Дерева жизни (то есть земной оси, идущей от полюса к небесному зениту, как уже указывалось выше).

«Так говорит Господь Бог: Это — Иерусалим! Я поставил его среди народов, а вокруг него — земли» (Книга пророка Иезекииля, гл. 5, 5). Нельзя не заметить, что это точно соответствует и представлениям иранцев и индусов о местоположении центрального континента, окруженного другими землями. А этот центральный континент, как уже упоминалось, находился в Приполярье.

«Пупом земли» следует признать и Атлас греческой мифологии, «райски прекрасное место», посреди которого имеется фонтан, порождающий «четыре реки, растекающиеся в противоположных направлениях». Эти реки, как уже показано, могут соотноситься только с идеей Эдема, вселенского рая, и во всех мифологиях они питают своей влагой все земные воды. Город Дельфы тоже описывался как «пуп земли», потому что он соотносился с прилетом сюда каждый год Аполлона, родившегося в «земле гипербореев», то есть «за северным ветром», на острове в арктическом океане.

В Ригведе есть очень выразительный гимн, который в русском переводе Т. Елизаренковой (и обращаемый к Небу и Земле) содержит такие строки: «Две юные сестры, кровная родня, сходящиеся в лоне родителей, имеющие общую границу, целующие пуп мироздания... О Небо и Земля, защитите нас от ужаса». Здесь речь идет о дне и ночи [137, I, 185].

Этот пуп земли, мироздания или воды, как бы его ни называли, всегда обозначает тот центр планеты, над которым в зените вращаются одновременно все светила небес, то есть Северный полюс, и этот главный вывод делает из разных данных мифологий Уоррен, с доказательствами которого трудно не согласиться — они основаны на множестве материалов.

Итак, данные мифов, сохранившихся в памяти самых разных народов земли, сводятся к тому, что перволюди жили на тех землях, где они могли наблюдать вращение небесных светил вокруг вершины горы, или столба, или лестницы, или моста, то есть тех объектов, которые в их представлениях соединяли небо с землей в точке зенита над головой наблюдателя и в земной точке под его ногами. Эта земная точка могла быть только и исключительно точкой Северного полюса, и ничем другим. Но если это так, то, значит, вокруг Северного полюса была суша, то есть Приполярье представляло собой некий континент или большой остров, на котором селились, хозяйничали, размножались и осваивали окружающую их природу эти перволюди. Не будем здесь углубляться в проблему датирования эпох остывания зародившегося в мировом пространстве земного шара и образования земной коры — интереснейшие научные сведения об этом приводит Уоррен на уровне современной ему науки, но для нас это здесь не является вопросом главного интереса. Отошлем читателя к книге Уоррена и передвинемся ближе к нашей эпохе, определяемой как четвертичная геологическая эра, и даже ближе к тому периоду, который наступил после начала предыдущего межледникового.

Карта Меркатора 1595 года

Да, область Приполярья была частью земной суши, и там жили люди, но почему она сейчас не существует? Куда она могла деваться?

В данной нашей работе мы хотим познакомить читателя с теми ответами на этот вопрос, которые накопились в научной среде к началу XX в., останавливаясь сначала на сводке, приводимой Уорреном, о книге которого мы ведем данный рассказ, а в следующем разделе познакомим читателя со взглядами Тилака, глубоко осветившего эту проблему при анализе Вед.

Где жили и создавали свои мифы эти далекие предки индоевропейцев в целом и ариев, и славян в частности? Где было место, именуемое раем и воспеваемое как земля вечного блаженства?

Исследователи отказались к началу XX в. от мнения геологов, считавших на основании неясных указаний Библии, что это место находилось на востоке, так как слишком многие данные говорят о севере.

Не углубляясь в те споры, которые разгорелись между учеными, увидим, что доминируют два предположения: о возможном существовании Атлантиды и о вероятном существовании северного континента.

Вопрос об Атлантиде выглядел чрезвычайно запутанным ко времени работы Уоррена, и, как известно читателю, он не решен и в наши дни. Сведения о потерянной Атлантиде были впервые якобы получены Платоном от египетских жрецов, и во все последующие века эти сведения разъяснялись по-разному всеми, кого интересовала эта проблема. В греческих источниках Пиндар уподобляет жителей Атлантиды гиперборейцам, чем сближает их с севером. Греки же сближали этот остров со страной Меропией, что Уоррен поясняет как указание на индусскую гору Меру, то есть снова на север. Греческие же мифы говорят о том, что бог океанов Посейдон не то создал, не то подарил этот остров своему сыну Атласу, но остров затонул. А вот где он затонул, остается загадкой до сих пор. Поскольку рождение и жизнь ряда греческих богов связывается с Гипербореей, со страной, расположенной «выше северного ветра, Борея», то и Атлантиду некоторые ищут под водами Арктики, а это значит, что в самом факте признания такой Атлантиды содержится скрытое указание на север.

Вопрос же о том, что вокруг Северного полюса некогда лежал континент, поднимался неоднократно исследователями разных стран и в разное время. Неоднократно появлялись в обиходе искателей наброски и даже чертежи этой земли, основанные главным образом на устных преданиях, рассказах мореплавателей и мифах. Широкой известностью стала пользоваться карта, начерченная Герардом ван Кремером (или Меркатором), фламандским картографом, жившим в XVI в. В 1595 г. был издан сводный его труд, сборник карт и описаний европейских стран, названный «Атласом». Его сын издал не менее известную карту мира, и на обеих этих картах была изображена страна вокруг Северного полюса, в центре которой есть гора, и от нее растекаются на четыре противоположные стороны четыре широких потока, имеющих при впадении в океан разветвленные дельты. Это явилось первым картографическим изображением неизвестной страны, получившей название Арктида. Исчезновение ее с лица земли сопоставляют со Всемирным потопом, но поскольку датировать это событие не представляется возможным, то и время ее затопления океаном тоже установлено быть не может. Наличие на карте Меркатора четырех потоков, горы в центре реки, обтекающей круг суши вокруг горы, той реки, из которой вытекают и эти потоки, явно указывают на то, что этот картограф ориентировался на библейские описания рая, но ведь Библия нигде не указывает так прямо на Приполярье, и поэтому вопрос об источниках этой карты остается все еще открытым. Как мы видели на вышеприведенных данных Уоррена, речь о четырех разнонаправленных реках шла не только в Библии, но и в мифах

других народов, а поэтому такое изображение рек еще ничего, по сути дела, не доказывает. Но все же — была ли на свете такая страна? И если была, то не о ней ли конкретно упоминается в многочисленных мифах как о рае? Внимание ученых привлекает тот факт, что на дне Ледовитого океана обнаружены и ушедшие под воду хребты гор, которые, как утверждают некоторые, можно сблизить с возможными горами на обеих указанных картах, и глубинные русла древних рек, служащие до известной степени указаниями на «реки Меркатора» или же на их продолжение на океанском дне.

Геологи должны дать ответ на вопрос о том, был ли это приполярный отдельный материк, упоминаемый в мифах, или океанские берега существующих ныне материков не были в древности погружены в воду, а подходили гораздо ближе к полюсу, чем теперь, — от ответа на этот вопрос зависит правильная историческая трактовка содержания всей мифологической литературы и соответственно значительной части религиозных воззрений людей.

Приполярье было сушей?

Почитая богов, мы почитаем Природу. Рамачандран

Общие сведения

Что касается ответа на вопрос о степени близости материковых берегов к Северному полюсу, то здесь мы должны обратиться к некоторым данным Ригведы, приводимым в книге Бала Гангадхара Тилака, великого индийского историка и лингвиста, данным, приводимым в его прославленной книге «Арктическая родина в Ведах».

Весь текст своей книги Тилак предваряет следующими словами «Предисловия»:

«Не следует ожидать, что свидетельства по каждому из затронутых вопросов будут одинаково решающими, и особенно потому, что мы имеем дело с фактами, существовавшими тысячи лет тому назад. Но если мы примем к сведению, что эти факты так твердо увязываются взаимно с точки зрения астрономии, то общий эффект свидетельств... не может не быть убедительным. Это правильно, что мною впервые был применен этот метод интерпретации отрывков, которые я цитирую в поддержку арктической теории, но я уже указывал, что это делается в силу того, что реальный ключ интерпретации этих пассажей был найден лишь в последние 30–40 лет. Комментаторы Вед, Ясна и Саяна, не знали ничего определенного о циркумполярных или арктических областях, и если они не находили в строках Вед понятного им смысла, они удовольствовались простым буквальным разъяснением содержания слов, либо трактовали их в соответствии со своими представлениями. Западные ученые исправили некоторые из этих ошибок, но поскольку сама возможность арктической родины в предледниковый период еще не была признана 30–40 лет назад, то и наиболее явные упоминания об изначальном пребывании на Крайнем Севере — как в Авесте, так и в Ригведе — были или опускаемы, или неточно разъясняемы и западными учеными. А именно эти данные содержат цитируемые мною места, и я верю, что если моя интерпретация будет проверена без предвзятости и в свете последних научных изысканий,

она будет признана гораздо более естественной и простой, чем та, что распространена сейчас... Я привожу тексты в свете их истинных красок, поясняя в каждом случае причину моего понимания... И я не начинал эту работу с уже созревшей верой в правильность арктической теории — напротив, я считал ее сначала крайне невероятной, но содержательность свидетельств в ее пользу заставила меня воспринять ее. Я надеюсь, что эти свидетельства в приводимых мною отрывках окажут, по-видимому, то же самое воздействие и на сознание читателя».

Разработки Тилака и многих других индийских и западных исследователей все увереннее приводят к итоговому заключению об исходных северных землях формирования арьев, как индо-, так и ираноязычных.

Следует указать, что светлая окраска кожи арьев — представителей европеоидной расы, пришедших в Индию и встретивших там темнокожих местных жителей, отмечена во многих памятниках древнеиндийской литературы (той, которая создавалась арьями-брахманами) как признак более высокого происхождения этих создателей Вед. А ведь светлокость может быть обусловлена северными природными условиями, и из этого можно сделать опять же вывод о том, насколько высоко арьи ценили свою внешность, унаследованную от северных жителей — своих далеких предков. В современной Индии можно и в наши дни видеть людей, отличающихся внешним обликом, совпадающим с чертами, характерными для южной ветви европеоидов. Укажем, что в Пенджабе — первом месте расселения арьев, до сих пор сохраняется традиция, предписывающая еще с ведических времен избегать браков с потомками темнокожего доарийского населения. Следует здесь, кстати, упомянуть и о том, что именно в Пенджабе родилось в XIX в. религиозное движение Арья-Самадж под лозунгом «Назад к Ведам».

Но назад к Ведам вернуться нельзя, а вот проанализировать их данные с новых точек зрения, как это сделал Тилак, необходимо. Он в своей книге не раз подчеркивает ценность находок Уоррена и неустанно исправляет или объясняет по-новому переводы Вед западными учеными. В своем исследовании он выявляет и оценивает древнейшие описания астрономических явлений, подтверждая в каждой главе книги неизбежность их соотнесения с реалиями севера. Наряду с этим он напоминает читателям о том, что многое в изучаемых им текстах Вед было уже непонятным даже древнеиндийским комментаторам, так как они просто не могли допустить мысль о том, что в этих памятниках многое создавалось не в соответствии с жизнью арьев уже в Индии, а отражает сохранность наиболее древних традиционных разъяснений, возникших многие тысячелетия тому назад. Эти представления, по совершенно справедливому его утверждению, могли сложиться только в условиях жизни в областях приполярных земель.

В число всех открытий Тилака, — а их очень много в этой его книге, — входит основное и главное для науки утверждение, что предки северной, или арктической, расы сформировались изначально на приполярных землях. Он высоко оценивает работу У. Уоррена, но сам не пытается доказывать, что все человечество произошло от этих земель, а твердо стоит на позиции приведения тех данных, которые подтверждают эту его мысль. И утверждает — что еще более важно — совершенно новое положение науки о периоде последнего меж-ледникового как времени формирования первых мировоззренческих концепций, первичных форм религии и начале сложения мифов, вошедших в Веда. Он совершенно ясно пишет уже в своем «Предисловии», что новой явилась «сама возможность арктической родины в предледниковый период» (уточняя в дальнейшем тексте, что этот период предледниковья и явился периодом, предшествующим последнему оледенению земли, то есть, другими словами, периодом последнего межледникового).

Новизна этого утверждения опередила науку на много десятилетий. Гляциологи, или

специалисты по изучению ледниковых периодов, до сих пор не выработали единого взгляда на точное датирование времени наступавших оледенений и потеплений климата на земном шаре. Выдающийся представитель отечественной науки Л.Р. Серебрянный опубликовал за последние сорок лет десятки выдающихся работ по гляциологии (а в целом его вклад в науку состоит из 600 статей и книг, многие из которых содержат неоспариваемые положения и выводы). Согласно его утверждению, последний период межледниковья составил один сравнительно недолгий отрезок времени в четвертичную эру (которая началась около 17 миллионов лет тому назад и в которой живем и мы). Это последнее межледниковье завершилось около 30 тысяч лет назад новым оледенением, ледниковый покров которого стал интенсивно таять в XIII–IX тыс. до н. э.

До начала последнего оледенения, как установлено наукой, складывалась культура кроманьонцев, то есть людей современного типа, пришедших на смену неандертальцам, людям среднего каменного века.

Не вся земля покрывалась льдом, но в местах, где его не было, люди жили в условиях холодного климата и умело приспосабливались к нему, добывая пропитание охотой и рыболовством, укрываясь в пещерах, одеваясь в шкуры животных и согреваясь осваиваемым огнем.

Эти итоговые выводы современной науки подтверждают тезис Тилака о вероятности сложения духовной культуры в среде тех групп кроманьонцев, которые жили в приполярных областях. А факт их пребывания в этих областях подтверждается многими расшифрованными Тилаком указаниями, содержащимися в Ригведе, о чем и пойдет речь в данном разделе.

Специфический и многообразный мир льда составляет особую оболочку нашей планеты, которая существенно влияет на погоду, климат, рельеф земной поверхности, как и на водный баланс и живые существа. Вся история человечества сопровождается развитием и угасанием ледниковых процессов, и не исключено, что так называемые переломные ее интервалы зависели от разрастания или таяния крупных ледниковых покровов. Межледниковьем считается та часть ледникового периода, во время которой на поверхности земли оставалось относительно мало льда. Последнее оледенение было, как установлено, сравнительно небольшим, и лед покрывал главным образом горы и возвышенные места планеты, но часть его простиралась и на континентальные земли Западной и Восточной Европы. Судя по текстам Ригvedы, расшифрованным Тилаком, именно об этом последнем межледниковье и идет речь в гимнах.

Само собой разумеется, что люди на всем протяжении своего исторического развития не могли не замечать проявлений окружающей их природы и каким-то образом отражали свои реакции на эти проявления. Прежде всего развитие речи было связано с этими реакциями, а оно в свою очередь фиксировало и отражало в себе процессы духовного развития и наступавшие в сознании изменения. Нельзя исключать мысль о том, что накапливаемый тысячелетиями баланс представлений о мире передавался от поколения к поколению, и возникали ранние формы религиозных воззрений. Поэтому нам следует предположить, что и кроманьонцы должны были воспринять некое неизвестное нам наследие от неандертальцев, но судить об этом или того паче утверждать что-либо ни лингвисты, ни религиоведы пока не могут. Но нельзя проходить мимо великого научного открытия Тилака о том, что в древнейших гимнах Ригvedы отражена та космогеническая картина, которая соотносится с веками последнего межледниковья.

О том, что некоторые факты действительности, отраженные в Ригvedе, тоже говорят о глубочайшей древности, свидетельствует, помимо перечисленных Тилаком явлений, и указание на одежду. Так, по Ригvedе, три определившиеся в глубокой древности социальные группы должны были для их узнавания различаться по своей одежде, предписываемой

нормами обычного права той эпохи, а именно: одеждой жрецов-брахманов должна была быть шкура черной антилопы, одеждой воинов-кшатриев должна была служить шкура оленя, а всех прочих — шкура козы (поскольку в Ригведе не уточняется вопрос о том, какой именно козы, дикой или уже одомашненной, можно полагать, что одомашнивание коз, как и овец, должно было уже произойти в те далекие времена; об этом свидетельствуют и упоминания в ведической литературе постоянного употребления коз в качестве одной из основ питания и жертвоприношения).

В дальнейшем эти социальные различия были определяемы другими знаками узнавания, так как в таком памятнике, как «Законы Ману», который примерно датируется рубежом нашей эры и создавался явно уже в Индии, указывается, что «Священный шнур для брахмана полагается из хлопковых нитей, ...кшатрия из пеньковых нитей, вайшьи — из шерстяных нитей» [73, 11]. Но еще и в этом трактате сохраняется упоминание о том, что ученики брахманов, изучающие Веды, «должны носить шкуры черных антилоп, оленей, козлов, а также сделанные из пеньки, льна и овечьей шерсти» (тот же раздел).

Эти указания явно напоминают об очень давно миновавших веках охоты и начала одомашнивания мелкого рогатого скота.

Эти века столь явно и неуклонно связываются с такой древнейшей эпохой, что при дальнейшем здесь рассмотрении материалов книги Тилака следует все время учитывать этот показатель. Он не мог в свое время датировать период, именуемый межледниковьем, но сведения, которые он почерпнул из Вед и Авесты, выглядят в его исторической интерпретации соотносимыми с тем временем, когда расцвет культуры кроманьонцев, начавшийся в века межледниковья, был нарушен наступлением нового, последнего, оледенения.

Гляциологи не раз указывали, что наступление ледника предваряется и сопровождается обильными снегопадами, выпадением града, замерзанием земных вод — во всем этом Тилак справедливо усматривает те явления, которые нашли свое отражение в Авесте в виде жалоб на вдруг наступившие холода и зимние непогоды, насланные на блаженную райскую страну Айрьяна Ваэджо злобным духом Ангра Майнью, создавшим снег, после чего в этой дивной стране «наступили десятимесячная зима и двухмесячное лето».

В «Предисловии» к своей книге Тилак пишет: «Я решился опубликовать эту работу лишь тогда, когда увидел, что мое открытие есть результат общего прогресса знаний, касающихся изначальной истории человеческой расы, а равно и истории населенной этой расой планеты... Прогресс геологической науки привел к выводу, что в период межледниковья климат полярной области был мягким и не противоречил требуемым для жизни человека условиям... в Ведах и Авесте мы находим соответствующие описания» [155, с. 23].

И далее, в главе «Ледниковый период» Тилак приходит к выводу, что наступление последнего оледенения вытеснило предков индоевропейцев (которых он, вслед за западными учеными, именуется арийской расой) с приполярных стран или земель, и те следы неолита, которые археологи находят в Европе, указывают на пребывание этих предков здесь в период последнего (напомним, что не очень долгого и обширного) периода оледенения. По его завершении они вернулись в Приполярье, вероятно, не все, но, по всей видимости, не малыми группами, что и считается их следованием за уходящим в океан ледником. Об этом следовании писали многие, в том числе и автор данной работы, но не были исследованы связи этих передвижений с периодом последнего межледниковья и с наступлением последнего же ледника, как и с соотношением жизни, хозяйственной деятельности и духовной культуры тех жителей Приполярья, существование которых прямо зависело от этих природных сдвигов.

Тилак правильно назвал свою книгу в подзаголовке «новым ключом к интерпретации многих

ведийских текстов и легенд», предоставив всем последующим поколениям исследователей окинуть более широким взглядом всю древнейшую историю предков индоевропейцев, используя предложенные разъяснения этих текстов и легенд.

Все эти указания и открытия не могут не привлекать внимания специалистов, как и любого человека, интересующегося историей своих далеких предков и своим собственным происхождением, своей генетической памятью и историческими путями сложения своей расы. И далеко не последнее место в проявлениях этого интереса занимает привлекательная история складывавшегося мировоззрения как отражения воздействий окружающей природы и зарождения реакций человека на эти воздействия.

Темнее всего перед рассветом

Есть убеждения, раз и навсегда утвердившиеся в общечеловеческой системе мировосприятия. Почитание великого небесного светила Солнца, преклонение перед его мощью, перед его жизнеутверждающей и жизнедающей силой, его всеисцеляющим светом стало изначально неотъемлемой частью психического склада человека. Солнце — это свет, а свет — это жизнь и радость, и можно почти с уверенностью утверждать, что эти ощущения, это восприятие великого светила отражены в той или иной форме, в тех или иных словах в произведениях устной и письменной литературы всех времен и народов.

У. Уоррен в книге, о которой говорилось в предыдущем разделе, особенно выразительно подчеркивает радость людей, встречающих появление солнца на далеком севере после долгой полярной ночи, и выражает при этом сомнение в том, что кому-либо удалось «хотя бы приблизительно похоже» описать появление светила над горизонтом, передав при этом всю радость людей, встречающих рассвет. Он правильно судит о том, что неопишуема радость жителей Арктики, наблюдающих, как появившаяся над горизонтом первая светящаяся точка постепенно разрастается в течение ряда последующих суток, превращаясь в огненный шар, в сияющее колесо, кругами катящееся вдоль края земли и медленно поднимающееся к зениту. Да, он прав в том, что никаких слов не может хватить для точного и достаточно выразительного воссоздания картины великолепия восхода, даже происходящего в средних широтах, не говоря уже о высоких.

Но анализ содержания всех описаний, научный анализ их обоснования и разъяснение их смысла — это доступно человеку, глубоко проникшему в такие описания. Каждый, кто захочет и сможет вчитаться в аналитическую книгу Тилака, увидит, как точно отражены в Ведах все явления, связанные с ожиданием солнца и с процессом его постепенного появления и возрастания и его непреходяще важного значения в жизни наших далеких арктических предков.

В Ригведе солнце выступает под двумя основными именами — Сурья и Савитрь. Под этим вторым именем оно считается принадлежащим и небу, и атмосферному пространству, будучи осознаваемым и как воплощение жизнедающей силы солнца, в отличие от более конкретного образа Сурьи как светила. Под именем Савитрь в Ригведе солнце упоминается часто в момент восхода, а под именем Сурьи — во время своего небесного пути. Солнцу как Савитрь посвящены одиннадцать гимнов Ригведы и отдельные строфы и строки других гимнов, постоянно встречаются описания его золотых пальцев, рук и волос. Его почитают как властителя всех тварей и обращаются к нему как к избавителю от грехов. По его имени называется и великая, имеющая большую силу молитва (носящая также и название «гятри», то есть та молитва, которую при обряде посвящения мальчика из трех «чистых» варн шепчет ему тайно на ухо его гуру).

Примеры неоднократного обращения к Савитрь как к солнцу встречаются в «Законах Ману», и наиболее часты эти обращения в тех случаях, когда согрешивший исповедуется этому богу в содеянном и просит его о прощении и снятии ответственности и кары за совершенный грех.

Так, к этому древнейшему Савитрь, богу времен Ригведы, должны обращаться грешники по предписанию этих «Законов»: «Если он намеренно спит, когда солнце восходит, или же ненамеренно, когда оно заходит, следует поститься следующий день, тихо произнося “Савитрь”» [73, 11, 220]; «Если он стоит в утренних сумерках, нашептывая “Савитрь”, он удаляет ночной грех, а сидя в вечерних сумерках, уничтожает грех, содеянный днем» [73, 11, 102]; «Надо всегда повторять “Савитрь” и, как только возможно, очищающие молитвы, будучи ревностным во всех обетах, исполняемых ради искупления» [73, XI, 226] и т. п.

Здесь нам следует вспомнить о том, что Тилак был потомственным брахманом, и в его семье изучение и чтение Вед было наследственным и обязательным занятием. Место таких людей в обществе и их ценность тоже подчеркивается в «Законах Ману»: «Те брахманы должны считаться учеными, которыми изучена... Веда вместе с добавлениями, основывающимися на свидетельствах священного откровения» [73, XII, 109].

Из невероятной глубины эпох — по исчислению Тилака, от периода последнего межледникового — дошли до времени создания эпических поэм, многих преданий и таких трактатов, как «Законы Ману», представления о восходах и заходах солнца как моментах окончания и наступления долгой полярной ночи и о том, что год делится на две части — светлую и темную. Взглянем на строки указанных «Законов», подтверждающих это: «Солнце отделяет день и ночь — человеческие и божественные; ночь предназначена для сна живых существ, день — для свершения дел. У предков день и ночь — месяц, но разделенный на две половины: светлая — день для совершения дел, темная — ночь для сна. У богов день и ночь — человеческий год, опять разделенный надвое: день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу» [73, 1, 65–67].

Именно к этим строкам часто обращались исследователи, анализировавшие проблему древнейшей эпохи жизни в Приполярье. Ригведа же дает очень много указаний, поясняющих эти вопросы, и Тилак в своей книге поясняет суть таких текстов, часто неправильно переводимых и трактуемых западными санскритологами. Отрывки из его труда, касающиеся этой проблемы, были впервые опубликованы на русском языке в книге [58]. Здесь же нам следует подробнее остановиться на том, как он рассматривает в главах III и IV суть тех гимнов Ригведы, которые и легли в основу навеки сохранившихся утверждений о полярной природе и об астрономических наблюдениях наших далеких предков.

Почему у Ману говорится, что солнце уходит к югу? Потому что, поясняет Тилак, для того, кто стоит в точке Северного полюса, все пространство за горизонтом будет югом, то есть полусферой, противоположной северу. И он может утверждать, что солнце всегда восходит только с юга. Но область от точки полюса до Полярного круга освещается по мере ее снижения по-разному, а поэтому в Ригведе приводятся разные описания длительности солнечных месяцев, носящих названия Адитьев. Эту область Тилак называет циркумполярной, и такое название наиболее удобно для ее описания.

Чем дальше к северу от границ Полярного круга, тем дольше ночь и соответственно короче день. На Нордкапе, самой северной точке Европейского континента, расположенном на 71° северной широты, ночь начинается 18 ноября и кончается 24 января, тогда как в Мурманске, лежащем уже на два градуса южнее, то есть на 69°, ночь начинается позднее, 2 декабря, и кончается раньше, 10 января. И чем дальше к югу, тем короче становится ночное время и длиннее дневное.

Тилак приводит в своей книге такие характеристики Северного полюса: «Год состоит из одного дня и одной ночи... Солнце восходит и заходит один раз в год... Заря, утренняя и

вечерняя, длится по два месяца каждая... двигается круг за кругом вдоль горизонта... до того момента, пока солнечный диск полностью покажется над горизонтом... само солнце беззакатно ходит кругами по небу... и каждый круг длится 24 часа».

Говоря о циркумполярной зоне, он замечает, что здесь в разных ее точках ночь, постепенно укорачиваясь к югу, будет все же всегда дольше 24 часов, и в такой же прогрессии будет удлиниться дневной свет солнца.

В «Махабхарате» в книге «Лесная» приводится описание горы Меру, и о ней говорится, что для тех, кто на ней обитает (то есть для богов), день и ночь вместе равняются одному году, и что солнце здесь ходит кругами в течение полугода. Тилак указывает, что гора Меру в ведической литературе является местопребыванием семи Адитьев, то есть семи солнечных месяцев, а это явное указание на Северный полюс. В Авесте (в «Вендидаде») тоже содержится указание на то, что на родине иранцев, в блаженной стране Арьянам Ваэджо, солнце было видно восходящим и заходящим лишь один раз в год, и этот год казался одним днем.

Глубоко анализируя все сведения древнейших памятников, Тилак (в главе VII) особо останавливается на проблеме Адитьев (солнцев), подчеркивая их семизначность (заметим, что в индийском искусстве колесницу солнца всегда влекут по небу семь коней), на что указывают многие гимны Ригведы: «Семеро стоят на колеснице и везут ее семь коней» (1, 164); «Семь рыжих кобылиц везут тебя... на колеснице, о Сурья» (1, 50); «Боги Адитьи, которых семеро» (IX, 114), и много других подобных указаний.

В книге «Славяне и арьи» [55] я впервые опубликовала проведенный мною подсчет той параллели северной широты, где, по Ригведе, «вечная» ночь длилась 100 суток. Вывод подсчета, напомним, сводился к тому, что это место должно было находиться примерно на 78,2 градуса, 12 градусов южнее Северного полюса. Этот результат, извлеченный из данных Ригведы, является достаточно убедительным, чтобы доказать, что авторы Ригведы знали эту область.

На каком же градусе северной широты световое время, начавшееся сразу за окончанием «вечной тьмы», могло длиться неполные восемь месяцев, отраженные в образе «полумертвого Адитьи»? Принимая условно эти данные за 7,5 месяца света (225 дней света и 140 ночей), попробуем вычислить это место в циркумполярной зоне: из 176 суток ночи на полюсе вычтем эти 140 суток и, разделив полученные 36 ночей на 6,5, увидим, что этот «недоразвитый месяц приходится на 5,5° южнее полюса, то есть на 84,5° северной широты.

Почему в Ригведе ставится такое особое ударение на роли «недоразвитого» Адитьи? Очевидно потому, что он не входит в число семи самых древних Адитьев, светивших на полюсе в течение семи месяцев [155, 170–177].

В Ригведе (X, 72) уточняется, что мать Адитьев, богиня Адити, «с семерыми присоединилась к богам, Мартанду отбросила прочь», и поясняется, что эти семеро принадлежали к «первому поколению». Начиная с восьмого идет удлинение времени светового дня, и в поздней ведической литературе речь идет уже о 12 Адитьях, то есть о 12 солнечных месяцах нормального года.

Мы не можем судить, насколько Тилак был прав, говоря о том, что «полумертвый Мартанда» являл собой точную половину месяца. Но приняв во внимание его утверждение (или предположение) за исходную величину, снова проведем подсчет: 7,5 месяца солнца (света) содержат в себе 225 дней. Обратившись к Мурманску, увидим, что там бывает 325 световых дней в году [153]. Разница между этими цифрами равна 100 дням. Попробуем определить, насколько далеко отстоит от Мурманска описываемая Тилаком местность: разделим 100 на 6,5 суток, содержащихся в каждом градусе, и получим цифру 15,4. Условно округлив ее до

15,5° — помня о возможной неточности указаний Тилака, — отодвинемся на эти 15,5° к северу от Мурманска и увидим, что эти 7,5 месяца солнца приходятся на опять же наши 84,5° северной широты ($69 + 15,5 = 84,5$).

Гениальное указание Тилака на этого «полумертвого Мартанду» открыло перед исследователями совершенно новые горизонты: мы все впервые получили возможность увидеть абсолютное подтверждение того, что в Ригведе наличествуют точные указания на арктические реалии, и в том числе на то, что часть циркумполярных областей не была океанской гладью, а представляла собой или континент, или острова, где жили люди и умели точно наблюдать окружающую их природу, отражая в гимнах подсчеты видимых им движений светил.

Прекрасное описание Тилаком приполярных зорь является самым доказательным анализом содержания соответственных ведических гимнов. Он посвятил в своей книге отдельную главу только этому анализу (главу V), так и озаглавив ее: «Ведические зори». Ригведа содержит 20 гимнов, посвященных богине зари Ушас, и упоминает о ней еще в более чем 300 строках. Ни в одном произведении мировой поэзии нет таких восторженных и любовно-радостных описаний зари, как в Ригведе, ибо с первыми же ее проблесками ощущалось завершение ужасной полярной ночи, казавшейся бесконечной и неизменно погружавшей в страх и отчаяние души людей. В литературе всех народов Земли можно встретить описания тягостных душевных переживаний, усугубляющихся в часы ночи, описания ночных страхов и т. п., но нет ничего, равного по эмоциональному напряжению гимнам Ригведы, посвященным долгой беспросветности полярной ночи и ликованием при встрече зари.

После ознакомления читателя с моими подсчетами следует вспомнить, в каких же выражениях эти древнейшие барды описывали и вечную полярную ночь, и свою радость при появлении зари, возглашающей возвращение солнца. Воспользуемся здесь переводами опубликованных у нас томов Ригведы.

Гимны, посвященные заре, явно подчеркивают пребывание их авторов в Арктике. Главное ударение Тилак ставит на том, что заря, судя по многим описаниям в памятниках ведической литературы, длилась тридцать дней, чего нигде в мире, кроме приполярных областей, быть не может, и не следует принимать богиню Ушас за богиню зари вообще, безотносительно к Арктике. В Мурманске, по данным указанного выше календаря метеоцентра, рассвет длится с 4 декабря по 10 января, то есть до дня, когда солнце показывается лишь на 10 минут, но чем дальше на север, тем длиннее ночь и длительней рассвет. И в рассвет входят и предзоревые сумерки, так что лишь после них разливается по небу розовый свет зари. И вот именно этот свет и воспет в Ригведе как высшая радость людей. Обратимся к гимнам:

Запылал у нас зажженный Агни.

Показались края даже у самого мрака.

Появилось на востоке знамя Ушас

(VII, 67).

Ярко зажгись, о дочь неба,

Не тняи долго со своей работой,

Чтобы тебя... не спалило солнце своим зноем

(III, V, 79).

Бесконечно зажигалась раньше

божественная Ушас,
И сейчас здесь зажглась, щедрая,
И будет зажигаться все последующие дни...
Она поднимает яркое знамя, давая
о себе знать,
Последняя из прошедших непрерывной чередой,
Первая из ярко сверкающих...
(1, 113).

Гимны, приводимые здесь на русском языке, принято излагать именно так, но читателю и в голову не придет, что речь ведется совсем не о среднеевропейских или южных зорях, и он может лишь удивляться странности этих описаний и неясной сути этих молитв. И только в указаниях Тилака на связь их истинного содержания с картиной рассвета в областях высоких северных широт можно увидеть в словах гимнов напряженное ожидание зари и радость от встречи с многодневно длящимся ее постепенным расцветом.

Тилак дает и более точные переводы ряда гимнов, выявляя смысл, ускользнувший от западных переводчиков. Так, дословным будет перевод третьей строфы (VII, 76). Поэт говорит, что протекало несколько дней между первым проблеском зари и восходом солнца, но в переводе это часто искажается, а Т. Елизаренкова дает верный текст: «Много было таких дней, которые (начинались) на востоке, на восходе солнца». Не будем здесь приводить еще цитаты — заинтересованный читатель сможет обратиться к Ригведе, к тем тридцати гимнам, которые посвящены Ушас, равно как и к бесчисленным описаниям радости при появлении долгожданного солнца.

Обратимся лучше к тем выражениям ужаса, порождаемого долгим мраком, которые Тилак приводит в своей книге для подтверждения своего взгляда на Арктику как на «родину в Ведах». В Ригведе о долгой тьме ночи говорится в двух планах — как о самом факте природы и как о том черном провале, куда укрывают демоны похищенное ими солнце. На втором мы остановимся более подробно несколько ниже, приведя сначала здесь те выразительные цитаты из гимнов, смысл которых однозначен и бесспорен!

Пусть достигну я света, исключаящего страх...

...Я хочу достигнуть широкого света,

исключаящего страх,

Да не погубит нас долгий мрак!

(II, 27).

Ты светишь (Агни) сквозь непрерывные ночи

(II, 2).

Ночь, приближаясь, стала смотреть

Во все стороны, богиня, множеством глаз...

Бессмертная богиня заполнила

Широкое пространство, низины

и высоты...

Пусть уйдет прочь также во мрак...

И будь легко проходимой для нас

(X, 127).

Разъясняя эти и другие гимны, Тилак приводит и цитаты из разных памятников ведической литературы, где еще более выразительно, чем в Ригведе, выражен страх перед долгой ночью (в гл. VI своей книги, так и названной «Долгий день и долгая ночь»). Разъясняя часто встречающееся выражение «день-ночь», он доказывает, что на экваторе эта пара означает нормальные сутки, тогда как за Полярным кругом эта пара вся целиком длится целый год, откуда и пошло определение, что год имеет две половины: темную и светлую. Поясняется это и как наличие у бога года двух разделов — северного и южного в виде «двух его ртов»[7].

На долгий же день указывает тот гимн Ригведы, в котором указывается, что «солнце распрягло свою колесницу на середине неба» — это долгое стояние солнца характерно для полярного дня: «Сурья распряг колесницу посреди неба» (137, 138).

И те строки, где говорится о боге Варуне, который «сотворил себе на небе эти золотые качели для блеска» (137, VII, 87), тоже являются свидетельством долгого вращения солнца по небу, а не краткого его пути от восхода к закату за один день.

Эта новая и доказательная трактовка, данная Тилаком, разъясняет истинное значение многих гимнов Вед, до него плохо и неверно понимаемых и переводчиками, и комментаторами.

Великую радость людям приносили и предрассветные созвездия, именуемые в Ведах близнецами-Ашвинами. Их любят, ими безмерно восхищаются, и эти чувства, обуревающие людей, исполненных восторга и нежности, вряд ли могли бы родиться в душах тех, для кого рассветные звезды не играют столь знаменательной роли.

Да не посягнет на вас ни волк, ни волчица,

Не избегайте и не минуйте нас!

Вот поднесенная вам доля, вот песня,

О чудесные, вот вам подношения медовых
напитков...

Услышьте меня, о два мужа, привлеченные

Приглашеньями (моих) молитв!

Внемлите ушами!..

Мы достигли другого берега этого мрака.

На вас нацелена эта хвалебная песнь,

о Ашвины

(I, 183, 184).

Та (несущая свет), что переправит нас,

О Ашвины, через мрак, —

Дайте нам ее...

(I, 46).

На вашу колесницу взошла дочь солнца,

Словно берущая на скакуне последний барьер...

Вашу колесницу... стремительную,

как мысль,

С быстрыми конями, достойную жертв, я зову для жизни

(I, 116, 118).

Перевезите нас вы двое, как две лодки,

как два ярма...

Как две ноги, приведите нас к благу

(II, 39).

Пришла ваша милость, о богатые

наградами,

Желания укоренились в сердцах,

о Ашвины

(X, 40).

Множество других цитат можно было бы привести из гимнов, посвященных Ашвинам, которых считают и великими целителями от всяких болезней и страданий, и это тоже связывается с их ролью провозвестников зари, следующей за ними, или даже вместе с ними, после мук и ужасов долгой ночи. Надежду на блеск утренних созвездий можно сравнить с вошедшей во многие наши сказки и поверья надеждой на крик утреннего петуха, избавляющего от всякой ночной нечисти и страхов. Ашвины в Ригведе упоминаются, воспеваются и призываются не только в отдельных посвященных им гимнах, но и в ряде гимнов, адресованных другим богам, которых тоже молят о спасении от долгой ночи и о возвращении солнца. Тилак акцентированно подчеркивает роль Ашвинов, утренних созвездий, как тех небесных сил,

которые не только возвещают приход зари, но ведут ее за собой; он собрал в гимнах и свел воедино все указания о том, скольких персонажей ведических мифов спасали Ашвины от всяких бед, что и стало главным символом их роли как избавителей человечества от жизненного мрака, от утраты солнечного света на много-много дней. Этой роли Ашвинов Тилак посвящает много аналитических материалов в главе X своей книги, которую он так и озаглавил: «Ведические мифы об утренних божествах». В этом тексте он указывает, что эти божественные близнецы оказывали поддержку и Индре, богу-воителю, в его борьбе со злыми силами, похищавшими и надолго укрывавшими солнце в царстве подземного мрака.

Индра — это один из величайших богов в ведической мифологии, и поклонение ему арии пронесли сквозь все невзгоды своих долгих передвижений с севера до Индии, где его культ сохранился в индуизме и нашел свое отражение в эпических преданиях ирелигиозной литературе.

Что же мы можем узнать в Ригведе об этом могучем божестве? Остановимся на этом особо, в следующем небольшом разделе.

Праздник небес в Заполярье

Главным моментом, который требовалось обнаружить в Ведах, являются доказательства циркумполярного происхождения гимнов и описываемых в них фактов как в прямом наложении, так и в символическом, переносном виде. Для раскрытия потаенной сути такого символического смысла многих из них требовалось именно то, чем в полной мере обладал Тилак, — глубокое проникновение в скрытую, затуманенную мифическими иносказаниями суть каждого образа, то проникновение, которое было ему свойственно как человеку, соединившему в себе знания историка, лингвиста, санскритолога и члена древней касты брахманов.

В эпических преданиях, в сказках и пуранах (былинах) много раз повторяются излагаемые в разных вариантах сюжеты об украденном с неба солнце и о борьбе богов с демонами за его спасение и возвращение на небо. Тилак в своем анализе объединил не только эти сказания по их основному смыслу, но привлек и данные ираноязычных ариев, содержащиеся в основном памятнике их древнейшей литературы, в Авесте.

Кто, когда и почему похитил солнце? И надолго ли? И кто его спас?

Выше уже говорилось о боге-воителе Индре, который в индуизме стал считаться царем богов, и сияющий, стоцветно украшенный город которого, именуемый Рай Индры, находится возле вершины горы Меру, переливаясь в небесах блеском множества огней: это описание оценивается обычно как воспоминание о северных сияниях.

Мы упомянули выше о 7-8-9 и т. д. Адитьях как месяцах света, длительность которых нарастала по мере удаления от полюса к югу, и если соглашаться с нашим расчетом, то начало этого нарастания было отмечено авторами Ригведы где-то возле 84,5 параллели северной широты. На полюсе вечная ночь длилась 176 суток, на указанной параллели уже 140 суток, а на широте Мурманска всего 40. По данным Тилака, это подсчитывается с арифметической и соответственно астрономической точностью. Солнце на эти месяцы «похищалось» с неба. Спрашивается — кем?

Этой проблеме Тилак посвящает несколько разделов своей книги, подробно анализируя разные аспекты оценок и результатов. Отсылая интересующегося читателя к соответственным главам этой книги, остановимся здесь на том ответе, который шире всего

встречается в индийских преданиях. Дело было в том, что в подземном мраке от века пребывает демон (змей, дракон), владыка тьмы, всегда стремящийся побороть свет и погасить его главный источник — солнце. Чаще всего он выступает под именем Вритры, но упоминается также и как Шушна, Намучи, Шамбара и под другими именами. Выше мы уже сохранили за ним имя Вритры, продолжим это и здесь. Индре, могучему богу ведийской мифологии, властителю громов, молний и целительных для земли ливневых вод и небесных туч, было предназначено судьбой, определенной богами и молитвами людей, стать защитником света и вступить в бой с Вритрой.

Зло, причиняемое этим демоном, сводилось к заключению солнца в темные глубины подземного мрака и к вызываемому этой акцией наступлению на всей земле тьмы, холода, превращению текших по земле рек и других водных источников в камень (в лед) и к погружению людей в отчаяние и гибель. Во многих гимнах, посвященных заре и солнцу, Индра упоминается как победитель Вритры за возвращение света и за оживление окаменевших — именно в этом последнем качестве он и совпадает с образом Индрика-зверя (из «Голубиной книги»). Часто эту битву Индры с Вритрой называют битвой за день, и вот это, пожалуй, самое точное определение ее цели и сути. Трудно сказать, да и просто невозможно определить, жили ли люди на таких высоких широтах, вблизи полюса, или Ригведа отражает умозрительные подсчеты древних астрономов. Но то, что люди не спят непробудно в течение всей полярной ночи, длящейся, скажем, 10-20-30-40 суток, как в области Кольского полуострова и Беломорья, так и на других обитаемых приполярных землях, — это непреложный факт. Не спят непрерывно сутки за сутками, а живут, работают, активно существуют в течение часов, именуемых днем в южных областях, и спят, как положено, в часы, именуемые ночью. Напомним еще раз, что в дни солнца, именуемые в Ведах Адитьями, входил целиком весь световой день, то есть месяц, с долгими часами сумеречного и рассветного времени, при которых активность людей — даже большей части современных — не падает (каждому, например, известно, что сельские труженики приступают к работе задолго до рассвета).

Тилак ставит особый акцент на выше уже описанных здесь жертвоприношениях Индре, обязательно проводившихся в течение 100 ночей. По нашему подсчету, приведенному выше, это должно было происходить приблизительно на 78 параллели северной широты, то есть всего на 9-10 градусов севернее Мурманска. Вот тут они определенно должны были жить — слишком конкретны описания таких жертвоприношений и молитв во имя победы над Вритрой. Повторяем, что, возможно, стояния солнца на более северных широтах могли быть высчитаны, так сказать, теоретически. К такому предположительному выводу могут привести подчеркиваемые Тилаком данные о 100 ночных молениях и общие подсчеты длительности дней зари, к которым авторы Вед могли, возможно, прийти умозрительно, что в свою очередь снова говорит о конкретных природных условиях, создавших саму возможность таких подсчетов.

Великая необоримая сила Индры, проявляемая в битве за освобождение солнца и света, воспевается не только во многих гимнах, но, подчеркнем, во многих ярких и напряженных словах этих гимнов.

Индра вышиб мощь Вритры, силой — силу...

Велик этот подвиг мужества его,

Убив Вритру, он пустил течь (воды)...

Никогда, насколько мы помним,

Никто не превосходил Индру

героической силой

(I, 80).

Ведь самый неистовый, ты движешься
С неистовым, грозным, смертельным оружием...

(I, 133).

Ты убил змея, перекрывавшего поток,
Ты пробуравил всенасыщающие русла рек...

(IV, 19).

Великий скованный водопад рек
Замкнутый, ты выпустил течь —
волну вод...

Я воспеваю как господина силы
Индру, всех одолевающего мужа...

(VI, 17, 44).

В один день все их твердыни
Индра разрушил силой — семь
крепостей

(VII, 18).

Когда ты берешь в руки дубину грома,
о грозный,
Страшный... силой духа, ты становишься неодолимым...

Индра — царь живого мира, царь народов,
(Всего) разнообразного, что есть
на земле...

(VII, 27, 28).

(к Индре и Варуне):

Силой вы просверлили отверстие для вод,
Солнце вы привели в движение на небе как главное (светило)...

(VII, 82).

Индра в некоторых гимнах воспевается как действующий вместе с другими богами, помогавшими ему в битве, и в их число входит и приведенный выше Варуна, и великий Вишну, часто олицетворявший собою в Ведах и само солнце, и бога, борющегося за освобождение солнца. Например:

Вы двое (о Индра и Вишну) создали

широкий простор для жертвы,

Порождая солнце, утреннюю зарю

и Агни...

Защищайте вы нас всегда своими

милостями...

(VII, 99).

Ты для меня лучше отца, о Индра,

А также лучше брата...

Индра заставил светить солнце,

Индре принадлежат все существа...

Правой рукой он убивает Вритру...

(VIII, 1, 3).

Это яркое воспевание силы и победы Индры пронизывает собою многие гимны, посвященные не только ему, но, как сказано, и некоторым другим богам. Все эти гимны явно связаны не с умеренными или южными широтами, где такое изобилие восхвалений, жертвоприношений и молитв не могло родиться в представлениях поэтов только в силу того всем известного обстоятельства, как ежедневное восхождение солнца на небо, привычного и большинством людей почти и не отмечаемого в каких-либо выпененных словах и образах. В Ригведе же это обстоятельство требовало проведения массовых акций, групповых жертвоприношений и чтения узкоспециализированных гимнов. И именно благодаря тому, что Тилак особо отмечает факт 100 ночного моления Индре, можно представить себе и ночь, длящуюся сто суток, и, как уже показано, то место на карте мира, где требовались подобные моления Индре во имя прекращения этой устрашающе долгой арктической ночи.

Во всех наших опубликованных работах звучало предположение, что речь о размороженных водах была порождена годами завершения таяния последнего ледникового покрова, то есть XII(XIII) — XI тыс. до н. э. Но в свете мысли Тилака о том, что эти времена нужно связывать не с окончанием, а с наступлением последнего ледника, следует, видимо, пересмотреть это предположение. Приведенные здесь и многие другие гимны, посвященные борьбе за освобождение солнца из плена тьмы, могли относиться ко времени наступления потепления в первые века — или в первое тысячелетие? — наступившего последнего периода межледниковья.

Уже приводились соображения по поводу того, что в этот период, занявший в целом не менее

60, хотя некоторые полагают, что 35–40 [78,с. 240] тысяч лет, складывалась культура кроманьонцев, оформлялось осознание ими космогонических оценок и соответствующее этому уровню создание наиболее древних мифов.

Наидревнейшие формы языка кроманьонцев пока еще не открыты наукой, но их наиболее вероятная реакция на окружающую действительность, первые модели их мировосприятия могли сохраниться в Ведах в качестве «зародышей» мифических образов и сюжетов. Именно они-то и обрастали впоследствии многими словами и описаниями, расцветиваясь и обогащаясь за счет творчества последующих ведических авторов-риши, бережно сохранявших первые миропредставления и их оценочное восприятие древними прародителями.

Там и тогда сложился культ единственно великого умирающего и обязательно воскресающего бога, бога-Солнца, бога-Сурьи, бога, дарящего и поддерживающего ЖИЗНЬ на земле, а также и культ огня, бога-Огня, оберегавшего жизнь человека, освещавшего и согревавшего его убежище, огня — этой части солнца на земле. Вот и сохранились в Ведах гимны, посвященные этим двум великим богам, воспевающие их и порознь и вместе, гимны, развившиеся из первопредставлений древнейших наших общих предков, прародителей всех племен так называемой северной расы. Страстное, напряженное ожидание солнца в дни «вечной» северной ночи и обожание огня, поддерживавшего в человеке веру в возрождение солнца, дошли до времен таяния последнего ледника, продолжало развиваться в гимнах веков всего периода голоцена (напомним, что и мы с вами живем сейчас в период голоцена) вплоть до наших дней. Не будем здесь останавливаться на широко известных сказках и песнях славян, посвященных солнцу, но приведем несколько примеров из гимнов Ригведы, говорящих о том величайшем празднике приполярных небес, которым означалось воскресение Солнца; до начала цитирования следует отметить очень важное обстоятельство — в гимнах Ригведы имя Сурьи встречается редко, и бога-Солнце воспевают под разными другими наименованиями и часто в строфах, посвященных и другим богам. Но Индра — освободитель солнца, и Агни — земное солнце — прославляются в бесчисленном количестве гимнов. И множество прославительных строф посвящено утренним созвездиям и заре, безотказных вестников, провозглашающих праздник наступающего дня, «вечного» дня солнца.

Нам необходимо здесь указать, что в опубликованных на русском языке переводах Ригведы имя бога солнца приводится как Савитар, что не соответствует истинному звучанию и написанию этого имени. Наши переводчики заимствовали его из переводов и переложений Ригведы на западноевропейские языки. В Ригведе именем Савитрь (в английской транскрипции — Савитри) определяется сама сила солнца, его животворность, его свет, и часто так в гимнах называют солнце перед восходом, когда оно побеждает мрак.

Само же светило обычно именуется в гимнах Сурья. Приводя здесь отрывки из гимнов в опубликованных Т. Елизаренковой вариантах, я сохраняю принятое на Западе написание имени как Савитар.

Вверх вознес этот бог Савитар

Золотой (свой) образ, который укрепил на небе...

Далеко и широко развертывая

(свой) образ,

Вызывая к жизни для мужей пищу...

(VII, 38).

Он поднялся на подъемы неба и земли,
Он успокоил любую летающую нежить.
Хорошее сегодня, Савитар, и хорошее завтра,
День за днем хорошее нам создавай
(VI, 71).

Он сделал видным небосвод, Савитар
превосходный,

Он направляет (свой путь) вслед
за выходом Ушас...

И ты правишь силой вызывать к жизни —
ты один...

И ты царствуешь над этим всем
мирозданием...

(V, 81).

Пусть он восходит, побудитель людей,
Великий развевающийся флаг Сурьи...

Ярко сверкая на лона утренних зорь,
Он восходит, бурно приветствуемый певцами...

Золотое украшение неба, далеко
глядящий (бог) восходит,

(Тот), чья цель далеко, пересекающий (мир), сверкающий...

(VII, 63).

Вселенная была проглочена, сокрыта мраком,
Солнце явилось взорам, когда родился Агни...

Когда же достойные жертв боги
поместили

Его на небо, Сурью, сына Адити...

Только тогда все существа прозрели...

(X, 88).

Способность видеть (пусть) даст нам бог

Савитар...

Способность видеть, чтобы мы
различали для себя!

Мы хотим глядеть на этот мир
и разглядывать его!

(X, 158).

Сверкающий во все стороны, мощно
сверкающий Сурья, чтоб было видно,
Широко распространил (свою) мощь, (свою) непобедимую силу

(X, 170).

Многие десятки гимнов Ригведы, в которых высоко прославляются утренние светила, солнце и, главное, огонь (не забудем, что последний не играет такой неодолимо решающей роли в жизни индийцев), ясно свидетельствуют о правоте гениальных основоположников арктической теории, великих аналитиков-исследователей У. Уоррена и Б.Г. Тилака.

Необходимо указать и на то, что Тилак выявил в Авесте ряд свидетельств, подтверждающих взгляд на Арктику как на «колыбель индоевропейцев», и в том числе ираноязычных арь-ев, то есть самой восточной их ветви.

Солнце и вишну — древняя загадка

Взгляд на будущее, прозрение, видение будущего может быть основано на особых свойствах человеческого духа, и тогда это будет носить название пророчества, но оно же может базироваться и на разумном анализе тех условий, которые складываются в настоящем, и тогда это называется прогнозированием. Например, «мы не знаем и поэтому не можем прогнозировать вероятный итог ненамеренного и намеренного антропогенного преобразования океанов и атмосферы Земли за счет чрезмерного увеличения содержания CO₂, за счет сельскохозяйственного производства, обуславливающего изменения энергетического баланса нашей планеты, и за счет других процессов», как сказал английский гляциолог Джон Эндрюс [78, с. 221].

Если взгляд в будущее, прогнозирование, зависит в основном от двух указанных условий, то взгляд в прошлое может быть обусловлен и многими данными научного свойства (геологией, астрономией, гляциологией и др.), и таким условием, как острота и сохранность генетической памяти, то есть тем фактором, который называется «коллективным подсознательным». Вот данные этого порядка частично присутствуют в малоизученном составе мозгового вещества, а частично зафиксированы в произведениях устной литературы каждого народа, так же, как и в памятниках его письменности.

Тилак, гениальный прозорливец прошлого, был одарен и генетической памятью,

культивировавшейся в сословии брахманов многими веками, и умением проникать в смысл символов и намеков древнейших преданий. Его открытие связи формирования кроманьонцев с периодом последнего межледниковья нашло свое подтверждение во многих научных данных последних лет. Между максимумами последних ледниковых покровов пролегал срок от 60 000 до 25 000 лет назад [56, с. 240], а вот время между таянием предпоследнего ледника и началом нарастания последнего как раз и было этим периодом последнего межледниковья. По подсчетам специалистов он длился от 90 (100?) до 50 (60?) тысяч лет.

Потепление климата в межледниковое время способствовало (еще не изучено, в какой именно мере) формированию человека разумного, но не следует думать, что в эти века не было «вечной» ночи, множество данных Вед и Авесты говорит об этой борьбе за возврат солнца на небо Арктики.

В разделе своей книги «О трех шагах Вишну» Тилак приводит те гимны Ригведы, в которых Вишну приравнивается к солнцу, те, в которых, по словам автора, «четко просматривается одна идея, так что Вишну представляет собой солнце в той или иной форме» [155, с. 347]. Выясняется с несомненностью, что он был другом Индры в борьбе за освобождение солнца, и оба они описываются как победители демонов, и третий шаг Вишну приходится на битву. Это был невидимый шаг (V, 155; VII, 89) (нижний мир невидим).

Разные варианты изображения бога Солнца в Индии

В Ригведе солнце иногда именуется колесом, что совпадает со многими аналогичными определениями его в мифологических представлениях и индоевропейских народов. В дни «поворота солнца на зиму» язычники скатывали с холмов окутанное соломой и подожженное колесо, что указывало на наступление укороченных дней.

Тилак посвятил отдельный раздел своей книги «О колесе Сурьи» этому вопросу, обратив внимание на 164 й гимн Первой книги Ригведы, где колесница солнца называется одноколесной, а в 175 м гимне говорится, что это колесо можно отнять; в 30 м гимне четвертой книги сам солнечный диск называется колесом. Выше уже говорилось о соотношении слов «хара-хоро» и «коло» и об эпитете бога Вишну «Хари» (Hari) — «светлый, золотой». Слияние образа Вишну с образом солнца восходит ко временам создания гимнов Вед и встречается неоднократно в Ригведе, где Вишну предстает как Савитрь — бог солнца. В ведической и эпической литературе воспроизводится в разночтениях загадочная история о том, что бог солнца на какое-то время года исчезает с неба, погружаясь во мрак, или в подземный океан, или в прибежище змея-демона Вритры, будучи похищен им с неба. И великий акт освобождения светила неизменно приписывается, как уже указывалось, богу-герою Индре. Крайне интересны в книге Тилака его рассуждения об этом событии, неоспоримо указывающие на связь с периодом «вечной» северной ночи. Особенно ярко выступает связь Вишну с солнцем в загадочном повествовании Вед о трех шагах Вишну, где третий шаг явно указывает на временное, а точнее — долговременное исчезновение его в глубинах мрака. Это могло относиться только к восприятию Вишну как воплощения солнца или бога-Солнца. В гимне Ригведы (I, 35) говорится: «(Есть) три неба. Два (из них) — лоно Савитаря. Одно, с мужами-победителями, — в мире Ямы», а мир Ямы — это мрачный подземный мир мертвых душ, мир бога Ямы.

Об одном из воплощений солнца, о боге Агни, тоже говорится, что он попадает в третье свое прибежище, которое известно только Вишну (X, 1). В другом гимне, писал Тилак, важно отметить то, что Агни вместе с Вишну свершает последний третий шаг (V, 3), где бога Агни именуют Рудрой (одним из его условных эпитетов) и снова связывают с третьим шагом Вишну.

Тилак прослеживает в Ведах и много других сходений Вишну с солнцем, что доказывает факт древнейшей связи образа этого бога с великим небесным светилом, и необходимо тут

отметить, что и в современной Индии сохраняется осознание этой связи, отчего всем понятно и имя Хари, то есть имя Вишну как бога света, солнечного сияния, имя дарителя жизни и оберегающего всех живущих.

Бог

Вишну покоится в долгом сне на спине извечного змея (рис. С. Потабенко)

По-разному объяснялись три шага Солнца-Савитарь Вишну: то, как восход-зенит-заход, то как шаги в трех пространствах — по небу-атмосфере-земле, то как чисто мистические образы. Но Тилак нашел в Ригведе и других памятниках ведической литературы доказательные строки, явно поясняющие, что речь у древних авторов гимнов шла о сокрытии солнца на долгое время в мир мрака как об описании наступления долгой ночи. (Каждый интересующийся этой проблемой может подробно ознакомиться с данными, приводимыми Тилаком в главе X его книги.)

И не только Агни или Савитарь выступают в той же роли скрывающегося во мраке светила, но даже и утренние созвездия Ашвины имеют те же «три следа», один из которых бывает «скрытым вдали» (VIII, 8); и они же имеют колесницу о трех колесах, одно из которых пребывает в тайном скрытом месте: «Где было одно ваше колесо?» Или «Два твоих колеса, о Сурья, брахманы доподлинно знают, а единственное колесо, которое скрыто, это знают только мудрые» (X, 85).

Все эти множественные упоминания о скрытом солнце, как в образе Сурьи-Савитарь, так и в образах Вишну, Агни или даже Ашвинов, говорят об одном — о зафиксированном людьми исчезновении солнца не просто на одну короткую ночь, а на такой срок, который не мог пройти незамеченным, так как заметно отражался на жизни в условиях циркумполярных земель. Этот вывод Тилака бесспорен и является важнейшим открытием в понимании Вед.

Живя в далекой от славянских земель Индии, Тилак не мог знать подробно аналитических работ по русским сказкам и преданиям, касающимся реалий севера, но даже те данные, которые стали в то время уже в какой-то мере известны иностранным ученым, были им учтены, и он отметил сразу в своей книге такие факты, как легенды о Кощее и постоянное упоминание в русских сказках такого персонажа, как третий сын.

В Кощее он сразу увидел образ той темной силы, которая поглощала, истребляла свет, и сопоставил его с демоном Вритрой, олицетворявшим собой мрак зимы и силу мороза. В.И. Даль в своем Словаре (т. II) пишет, что имя Кощее происходит от слова «кость», от которого производится и глагол «костенить», применяемый на Руси к действию мороза на человека. В своем коренном значении Кощей обозначал бога (или духа) смерти, гибели, мрака, холода (льда). И это безусловно соответствует древнейшему представлению жителей Приполярья о долгой ночи и временной смерти солнца. Кощей «костит» — превращает в кость, в смертные останки живую плоть, что уподобляется в русских сказках действиям волка, отчего и декабрь месяц в местной календарной терминологии так и назывался — «волчий месяц» [12, с. 42].

Образ же третьего сына прямо сопоставим с неудачами, с неприятием его двумя другими, старшими, и даже с тем, что его, как подчеркивает Тилак, предают, топят и т. п. Вот этого третьего сына он и сопоставил с третьим шагом Вишну, с уходом солнца на долгий срок. «Персонифицированная треть года, названная именем Трита — «третий», описывается как скрывавшаяся в темноте, или в колодце, или в яме, или в водах нижнего мира, ибо солнце именно на этот период уходило за горизонт на родине древних предков арьев. И такие сюжетные моменты, как связь Триты с мраком и водами, или его участие в борьбе с Вритрой, или даже то, что на староирландском языке море обозначалось словом «триатх», — «все это теперь становится понятным и объяснимым», — писал Тилак в главе X своей книги (с. 356).

Помимо приведенных в этом разделе нашего очерка примеров точных наблюдений Тилака и

верного раскрытия им истинного значения гимнов Вед, его книга содержит много других данных об отражении в Ведах реалий Приполярья.

Обращаясь к материалам Авесты, он пишет, что «святые книги брахманов и парсов — братья-близнецы арийского происхождения... подобное качество обеих книг ясно выявляется при рассмотрении отдельных сюжетов» [155, с. 376].

В Авесте говорится, что светлый бог Ахура Мазда создал благодатную область Арьянам Ваэджо, что в дословном переводе означает «зерно арьев». Эти перворожденные там арьи жили в блаженстве в теплых условиях рая, но злой дух Ангра Майнью напустил на эту страну холод и мрак, чем вынудил первожителю покинуть свой рай. Спрашивается, когда это могло произойти? Ведь там сделалось десять месяцев зимы и два месяца лета. Мы можем полагать, что два месяца лета являли собой те годы, когда солнце полностью стояло в небе, а дни рассветов и закатов, не считавшиеся, возможно, днями солнечного света, входили в понятие зимы. Тогда эти сведения памятника можно сопоставлять с данными Ригведы о высоких северных широтах, хотя из-за отсутствия более точных указаний обратиться к цифровому подсчету мы и не можем.

Важно другое — Тилак отмечает, что это подтвердили «к счастью, недавние открытия в геологии и археологии... установив на научной основе наличие в древности теплого и мягкого климата вблизи Северного полюса в межледниковый период и показав также, что в полярном регионе наступало, по меньшей мере дважды, оледенение, нарушавшее этот мягкий климат» (с. 592).

Наука приписывает именно оледенению изменения к худшему, наступившие в теплом климате древнего Приполярья. Тилак приводит много материалов, доказывающих, что в древности год считался десятимесячным (о чем говорит и римское название последнего календарного месяца — «децембер», то есть «десятый»), а два не учитываемых самым древним календарем месяца как раз и «отводились» под зиму, а значит, и под долгую ночь.

Нельзя выяснить ни по каким более конкретным показателям Авесты истинные данные о местонахождении Арьянам Ваэджо, а приведенные выше могут относиться к неопределенному моменту передвижения арьев, вытесняемых наступлением зимы, — можно увидеть лишь то, что в некий момент зима и мрак свелись к двум месяцам, но неизвестно, на каком этапе пути к югу. Важно то, что Тилак отметил совпадение этих указаний с упоминающимися в Ригведе десятью Адитьями как месяцами солнца, а значит, речь в обоих памятниках идет об Арктике как месте исхода арьев в южную сторону. Повторим, что следует делать поправку, ориентируясь на то, что по Авесте нельзя определить, так сказать, «качество» зимы, то есть выяснить, входили ли в эти два месяца зимы-ночи и периоды сумерек, длящиеся до появления солнца, а если входили, то ночное (зимнее) время было более долгим, чем два месяца, а значит, и описываемое место было расположено к северу дальше, чем подсчитанное выше. Тем более что в Авесте же есть описания десятимесячной зимы наряду с описаниями двухмесячной. Вот первое и относится к тем изменениям в теплом прежнем климате родины арьев, которые внес Ангра Майнью. И это произошло, по мнению Тилака, тогда, когда благодатный климат межледниковья был резко изменен наступающими холодами последнего оледенения. Приводимые Тилаком переводы отрывков из Авесты (из «Вендидада») ясно и выразительно говорят о наступлении снега, льда и холода на теплую страну, а это не может относиться ни к какому более позднему периоду, чем начало последнего наступления льдов. Все эти данные в одиннадцатой главе книги подтверждают тезис о межледниковом периоде в истории предков индоевропейцев, который мог сохраниться лишь в воспоминаниях, отраженных в сообщениях Авесты и Вед.

Обращаясь к Авесте, Тилак приводит цитаты из «Вендидада» (фаргарда 1), в которых уточняются благие дела Ахуры Мазды: «Первой из хороших земель и стран, которые Я, Ахура Мазда, создал, была Айрьяна Ваэджо при доброй реке дайтье. Поэтому явился Ангра

Майню, воплощение смерти, и создал... змея в реке и зиму... Там десять зимних месяцев и два летних, и они холодны для воды, холодны для земли, холодны для деревьев». Приводя ряд других переводов, Тилак поясняет главное — то, что после наступления оледенения (когда было холодно для...) даже летнее время стало неподходящим для жизни людей [155, с. 389–393]. Он поясняет, что речь шла об Арктике, где и в наше время зима длится по десять месяцев, но до вмешательства злого духа климат периода межледниковья был вполне благоприятен, что и совпадает с последними данными гляциологов. В «Бундахеше» указывается, что в стране Арьянам Ваэджо была и пятимесячная зима, сменяемая пятимесячным летом, а это уже служит указанием на продвижение арьев в более южные области Приполярья, определить положение которых на карте не представляется возможным по материалам этого памятника.

Об Арктике говорят и слова второго фаргарда «Вендидада» — там указывается, что «лишь один раз в год восходили солнце, луна и звезды, и год казался одним лишь днем». О начале нового ледниковья повествуют слова бога Ахуры Мазды (фаргард 2) о том, что яростный мороз падет на плотский мир, и даже вершины высочайших гор будут погребены под снегом, который истребит все живое. Тилак справедливо оценивает это описание, которое «отличается такой графической четкостью, что нельзя считать все это мифическим или воображаемым» [155, с. 407]. И дальше: «В первых двух фаргардах “Вендидада” мы встречаемся с историческими воспоминаниями об арктической колыбели иранской, или арийской, расы. Наступление оледенения сравнимо с потопом, описанным в индийском эпосе, — бедствия от воды, льда или снега аналогичны».

В те годы, когда писал Тилак, вопросы о датировке периодов оледенения и наступления межледниковий представляли собой ряд загадок, требовавших от ученых многих ответов и уточнений. Но Тилак, знаток смысла ведических гимнов, проникший в их истинное содержание, в их аллегорические и сокровенные иносказания и описания, расшифровал для мира настоящую суть отраженных в них явлений. Даже теперь не завершились в научных кругах дискуссии на тему уточнения времени указываемых в Ведах периодов истории. Многие гляциологи придерживаются и той точки зрения на историю Земли, что сейчас протекает время очередного межледниковья, начавшееся 14–10 тыс. лет назад, то есть тот период, что стали именовать голоценом [78, с. 21].

Проникший в глубину многих тысячелетий взгляд Тилака дал нам возможность представить себе описанные в Ведах и Авесте картины состояния природы в те времена, а равно и состояний человека и его реакции на протекающие сдвиги и потрясения.

Как ответить на вопрос, поставленный в заголовке этой главы?

Навигационные карты приполярного бассейна Русского Севера указывают на ряд мелководных мест и мелей, которых следует опасаться при подходе судов и к прибрежным морским гаваням и стоянкам, и к далеким северным островам. Не были ли эти донные поверхности мелководья надводными областями в период последнего межледниковья? И не скрылись ли они под водой, когда обильно стекавшие в океан воды тающих ледников вызвали поднятие уровня океана? Такие периоды подъема и снижения его уровня изучаются специалистами, и ответ на поставленные вопросы безусловно будет найден.

На мой запрос специалисты из Института океанологии ответили, что в указанный период не было суши севернее Земли Франца-Иосифа и других крайне северных островов в Ледовитом океане. Значит, в гимнах отражены умозрительные подсчеты, касающиеся астрономических данных, и их авторы не могли жить севернее этих островов? Точность их знаний не подлежит сомнениям, а поэтому встает вопрос — как они сообщались с материком? И как все же можно объяснить известную карту Меркатора? Когда могли люди жить севернее упомянутых пределов?

Судя по приведенным выше нашим подсчетам, крайне северные места, где люди могли наблюдать воочию стосуточную ночь, находились где-то на уровне 80 й параллели северной широты, что примерно совпадает с расположением наших самых дальних островов в Ледовитом океане. И если допустить мысль, что они там могли действительно находиться в период последнего межледниковья, то особую выразительность приобретают описания в Авесте, повествующие о наступлении невыносимых для жизни страшных холодов, губящих все живое, и о необходимости покинуть обжитые места и уходить «на путь солнца», унося с собой имущество и уводя скот.

Это можно понимать только как описание быстро наступавшего последнего периода оледенения, изгнавшего людей в южном направлении, то есть на материковые земли. Но остается вопрос — как они добирались до этих земель? И напрашивается единственный ответ — по льду. Быстрое наступление сильных морозов (по Авесте) могло вызвать замерзание поверхностных слоев океанской воды, и, видимо, только по этому льду и могли переправиться люди в северные области материка.

Такой ответ может быть уточнен только палеогеографами и палеоклиматологами после глубокой проработки и осмысления данных Вед и Авесты.

Если мы взглянем на карту, то увидим картину, которая заставит вспомнить о предположениях Тилака касательно обилия шельфов, протянувшихся далеко к северу от берегов Евразийского континента. Он видел в них остатки суши, на которой могли зародиться Веды. Глубина покрывающей их воды колеблется от уровня мелей, подстерегающих проходящие здесь суда, до, по среднему исчислению, 100 метров, а за их пределами Ледовитый океан как бы покрывает глубокую бездну, на дне которой протянулись от полюса к югу и юго-востоку две горные цепи — хребет Гаккеля и хребет Ломоносова.

Великое множество мелких и крупных островов рассеяно по этим шельфам, и все эти острова и островки, естественно, не являются некими плавучими образованиями, а представляют собой вершины подводных гор, прикрытых сравнительно неглубокой водой.

Двигаясь с запада к востоку, мы увидим, что к северу от Норвегии и выше Шпицбергена (русского Груманта) лежат на 81–82° северной широты два острова — Белый и Виктория. Далее, между 48° и 60° восточной долготы, расположилась обширная группа островов — Земля Франца-Иосифа, лежащая вся выше 80° и доходящая до 82° северной широты. Это два больших острова (Земля Александра и Земля Георга) и около 40 более мелких. Шельф, протянувшийся за ними в сторону полюса, доходит до 85° северной широты.

Далее, между 72 и 84 градусами восточной долготы от приморского шельфа Обской губы и до 82° северной широты тянется по дну океана Центральная Карская возвышенность, и близ ее завершения лежит остров Ушакова.

Вслед за 84 м меридианом идет провал в глубину, именуемый отрогом Воронина, но за ним лежит обширная группа островов — всем известная Новая Земля, как бы оторвавшаяся от крайней северной оконечности Таймыра, от мыса Челюскина, и дошедшая на север до 81°, а со своим шельфом и почти до 82° северной широты.

Вслед за этим океан как бы оттесняет шельф к суше, и между 120° и 132° восточной долготы его края доходят лишь до 77° северной широты, но дальше он снова поднимается до 80° северной широты, и из этих мест протягивается в сторону полюса подводный Хребет Ломоносова.

В середине этого обширного шельфа, доходящего до 180° восточной долготы, лежат Новосибирские острова — группа широко разбросанных трех больших и нескольких более мелких островов. Они как бы продолжают собой континентальную Яно-Индибирскую низменность и отличаются тоже невысоким поднятием рельефа.

Далее к востоку тянется обширный шельф, охватывающий и дно Чукотского моря, который на севере доходит в среднем до 76° северной широты. И, пересекая 180° восточной долготы, здесь расположен остров Врангеля на 71° северной широты.

На всех этих островах, кроме Новосибирских, отмечены горные поднятия высотой в среднем от 300 до 1,5 тысячи метров, что явно указывает на гористый характер их материнской суши, которым на континенте отмечены такие земли, как северная часть Кольского полуострова (его выраженная всхолмленность), Северный Урал и крайние земли Северного Приуралья, и Таймырский полуостров, а затем уже и вся обширная область Северо-Восточной Сибири.

Завершая этот краткий экскурс в северные моря, вернемся к книге Тилака и отметим, что, по мнению некоторых индийских ученых, она, будучи чрезвычайно содержательной, не освещает проблем социального строя общества.

Тилак, глубоко ощутивший полузабытый и во многом давно ставший непонятным смысл ведических гимнов, относящихся к описаниям природных явлений Приполярья, не уделял внимания анализу описываемых в Ведах отношений между людьми, существовавшими в эпоху позднего палеолита. Вне его интересов, а возможно и вне его компетенции, прошли данные ведических памятников, касавшиеся внутренних структур формировавшихся в те эпохи социальных единиц, к которым в первую очередь относятся семейно-родовые группы и формирующиеся родовые объединения. Ознакомив читателя с интереснейшими выводами Тилака касательно астрономических и геолого-географических описаний, содержащихся в Ведах, обратимся теперь к труду индийского санскритолога-историка С.А. Данге, издавшего в Бомбее в 1949 г. книгу, посвященную историко-социальному анализу содержания гимнов: она вышла в 1950 г. в русском переводе под заглавием «Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя» [60а].

Она чрезвычайно интересна нам тем, что на выявленной автором модели образа жизни общины предков арьев прослеживается общая картина структуры и способа существования современных им предков индоевропейцев. Он писал, например: «Ни один существующий в настоящее время народ, прошедший путь от первобытного состояния до цивилизации, не сохранил так хорошо в памяти далекое прошлое, как арии» (с. 44). Как и Тилак, Данге не проходит мимо заслуги брахманов как сословия, донесшего до появления письменности весь запас сведений, хранящихся в гимнах. В формирующихся родовых общинах сам процесс постоянно проводившихся жертвоприношений богам требовал наличия организаторов, и ими стали выделившиеся из общей среды рода жрецы-брахманы. В родовой группе все должно было быть общим — и труд, и владение добытым продуктом, а распределение этих продуктов среди членов рода проводилось именно как «яджна» — принесение жертвы, при проведении которой все, чем владели, становилось подконтрольным и распределялось поровну. Самим словом «брахман» изначально определялась вся община, вся сосуществующая вместе группа членов рода. В родовой общине это имущество состояло из пищи, шкур и мужского потомства, и о прибавлении всего этого достояния главным образом молили богов. Данге правильно отмечает, что первым и наиболее почитаемым богом был Агни — до овладения методом воспроизводства огня его только боялись, а впоследствии его почитали выше всего за подаренное блаженное право обогревать при его помощи жилище (начиная с пещеры), защищаться от диких зверей и готовить горячую пищу: овладение огнем «произвело полный переворот во всей их жизни... С огнем связано и искусство приручения животных, разрешившее проблему первостепенной важности — обеспечение человека постоянным источником пищи... снабжающим его молоком и мясом... и, наконец, конями и рогами для изготовления полезных орудий» (с. 56).

Если обрядом вызывания «живого огня» заведовал жрец, то должна была, естественно, постепенно нарастать известная зависимость от его воли и его действий — сюда восходит властная роль жречества вообще. И по мере нарастания количества и качества разных орудий и развития производственных процессов, а также и по мере разрастания самих общин

возникла необходимость в появлении лиц, «координирующих» и трудовые процессы и распределение продукта, и в Ведах появляются слова, определяющие избранных руководителей. Многие тысячелетия занял процесс постепенного сосредоточения имущества в руках этих лиц, и за ними закрепляется право на руководство жизнью общины, а также и на распределение продукта. Выражаясь языком политэкономии, появляется частная собственность, а с ней — отдельное, а не общинное жилье, свой очаг и обслуживающие владельца жрец и слуги-работники.

Забываются ведические нормы общинной жизни, а все действия, связанные с религиозными представлениями, превращаются в отправления ритуалов. И вот именно сохранность ритуалов помогает прочесть книгу древнейших форм жизни — весь процесс иногда доньше проводимых брахманами жертвоприношений скрупулезно восстанавливает предписания Вед: огонь добывают трением деревянных брусков, солому режут заточенными ребрами лошадей, сосуды вручную лепят из глины и т. п.

Отметим здесь, что и жизнь первобытной матриархальной семейной ячейки, и постепенный переход ее в семейно-родовую группу под главенством женщин, а в дальнейшем — и в род, возглавляемый мужчинами, словом, все эти исторические процессы, которые прошло человечество в своем развитии, прекрасно описаны и в художественных очерках-рассказах книги другого известного индийского историка, Р. Санкритьяны, о котором уже сказано во «Введении» в книге «От Волги до Ганга», первые рассказы как раз посвящены общей судьбе древнейших предков арьев и славян. (Напомним, что эта книга вышла в переводе на русский язык в Москве, в издательстве «Палея» в 2002 г.)

Часть II

Ледники, межледниковья и развитие культуры

Глава подготовлена доктором географических наук Л.Р. Серебрянным.

Концепция древнего материкового оледенения лежит в основе научных представлений об изменениях природной среды в четвертичный период[8]. Эта концепция принимается во внимание при практическом изучении и геологической съемке четвертичных отложений... Анализ истории древнего оледенения тесно связан с исследованием колебаний современных ледников и ледниковых покровов, которые в совокупности занимают около 10 % всей площади суши (15 млн км³) и в которых сконцентрировано более? запасов пресной воды (26 млн км³). Таяние этих масс льда могло бы вызвать катастрофическое повышение уровня Мирового океана и затопление густонаселенных прибрежных низменностей на всех континентах.

Детальное изучение истории четвертичных оледенений помогает выяснить важные закономерности развития процессов, способствовавших формированию существующих ныне природных условий. В современную эпоху бурный рост производительных сил и колоссальный научно-технический прогресс активно воздействуют на среду обитания

человека... Важное значение приобретает анализ природной среды в исторической ретроспективе. Причем особое внимание уделяется динамике покровного оледенения в позднечетвертичное время.

Уязвимая сторона многих опытов реконструкции природных условий прошлого заключалась в их слабом оснащении точными хронологическими показателями. Отсюда возникла расплывчатость заключений и прогнозов, снижающая их научную и практическую значимость. Внедрение более совершенных методов исследования, имевшее место в последние десятилетия, резко изменило ситуацию, причем наиболее важную роль сыграло применение радиоуглеродного метода определения возраста (C^{14}). Прогресс этого метода неоднократно освещался в литературе... К настоящему времени накоплены многочисленные хронологические данные, позволяющие охарактеризовать динамику природных процессов позднего плейстоцена и голоцена в глобальных масштабах. Значительная часть этих данных относится непосредственно к проблемам развития покровного оледенения.

Немалые успехи достигнуты в изучении вещественного состава четвертичных отложений... Технический прогресс затронул и микропалеонтологию: внедрение электронной микроскопии открывает возможности для совершенствования методики диатомового и спорово-пыльцевого анализов, создавая реальные предпосылки для надежной идентификации ископаемых остатков до видового уровня. Более полное раскрытие видового состава ископаемых флор и их эколого-географическая интерпретация способствуют углублению реконструкции изменений природы...

Наряду с развитием новых методов и совершенствованием теоретической базы палеогляциологии важную роль сыграла интенсификация съемки четвертичных отложений...

Несмотря на значительный прогресс исследований и обилие литературы, в изучении четвертичных покровных оледенений остается еще много пробелов. Одна из причин заключается в том, что на обширных пространствах суши, а также дна океанов и морей не проводилось детальное изучение четвертичных отложений и связанных с ними форм рельефа, а для ряда районов существуют только устарелые и недостаточно полные данные, полученные без должного объема буровых работ и без аналитического обоснования. Не менее существенное упущение связано с резкой территориальной разобщенностью имеющихся материалов. Острота этой проблемы выявляется при сопоставлении результатов, полученных в разных странах, а нередко и в разных частях нашей страны. Между тем изучение истории четвертичных оледенений требует единого подхода, без которого нельзя определить общие тенденции развития.

Наибольшие возможности для решения данной проблемы имеются в рамках позднего плейстоцена, поскольку отложения этого материала четвертичной истории отличаются сохранностью и соответственно лучше изучены. Преобладающая часть аналитической информации, включая определение возраста по C^{14} , относится к указанному интервалу...

Покровное оледенение рассматривается нами как единый процесс, проявляющийся на большой территории и существенно влияющий на общий ход эволюции физико-географической среды... Рассматриваемый нами позднечетвертичный период развития североевропейского покровного оледенения все более отчетливо вырисовывается благодаря интенсивным исследованиям последних лет. Разработка геохронологической шкалы, главным образом по данным радиоуглеродного метода, и разнообразные геолого-геоморфологические материалы позволили нам конкретизировать представления о динамике и направленности эволюции оледенения, наметить последовательность ледниковых и не ледниковых интервалов, а также разработать схему их периодизации. Степень подробности и надежности этих реконструкций, естественно, зависит от исходной информации и в целом возрастает по мере приближения к современности...

Рассматривая покровное оледенение как единый и последовательный физико-географический процесс, мы решили отойти от принятого разграничения ледниковой эпохи — плейстоцена, от послеледниковой — голоцена. Как известно, деградация североевропейского покровного оледенения завершилась в голоценовое время, и, следовательно, было бы неправильно размежевывать процесс развития оледенения стратиграфическими рубежами.

Позднечетвертичный ледниковый цикл начинается после климатического оптимума микулинского (эмского, риссвюрмского) межледниковья и завершается в середине климатического оптимума голоцена. В таком понимании он соответствует самому молодому тектоническому этапу, установленному, по крайней мере, для всего севера Евразии. Резкое изменение направленности тектонических движений и процессов произошло именно в конце микулинского межледниковья. Позднечетвертичный этап развития рельефа отличался интенсивным общим поднятием и расчленением поверхности... Таким образом, ведущие позиции в динамике природных изменений прошлого в целом сохранялись за тектоническим фактором, а влияние климатически обусловленных ритмов наиболее четко запечатлено в древнеледниковых областях.

Многие современные исследователи склонны рассматривать голоцен как самостоятельное фландское межледниковье... Это согласуется с концепциями о крупных климатических ритмах, присущих четвертичному периоду в целом. Разделяя эту точку зрения, следует признать возможность использования голоцена как модели плейстоценовых межледниковий. Тем самым облегчается понимание начальных и заключительных интервалов гляциальных циклов прошлого.

Для решения проблем эволюции покровного оледенения принципиальное значение имеют колебания уровня океанов и морей, определяющие динамику водного баланса нашей планеты.

Во время последнего оледенения в крупных ледниковых покровах концентрировались огромные массы воды, изымавшиеся из системы глобального водообмена, в результате чего уровень Мирового океана снизился на 120–130 метров. Эволюция оледенения связана в первую очередь с климатом, влияющим на степень развития оледенения. Значительную роль играют твердые осадки — снег, который накапливается на поверхности ледников и постепенно превращается в лед, питая ледник. При малом выпадении снега ледники уменьшаются в размерах. Опять же, при высоких температурах таяние ледников ускоряется, а при низких задерживается. Циклы оледенения тесно связаны и с многочисленными космическими влияниями, которые действуют на состояние ледников, но кроме того, важны и многие земные причины похолоданий: конфигурация и рельеф материков, циркуляция воды и тепловой баланс поверхности суши. Тысячелетиями лед течет вниз по уклону с гор и к океану — с полюсов. «Зимы нашей планеты» — холодные периоды в целом были короче теплых межледниковых периодов. Важную информацию предоставляют материалы геологических наблюдений. Выяснилось, что были значительные перерывы в развитии оледенения, что последнее оледенение материков началось свыше 30 тысяч лет назад и достигло наибольшего развития 18–20 тысяч лет назад. Около 13 тысяч лет назад усилилось таяние крупных ледниковых покровов, и они окончательно растаяли на севере Европы примерно 8 тысяч лет назад.

Некоторые ученые стали думать о гигантском Панарктическом ледниковом щите, который якобы покрывал чуть не треть всего Северного полушария. Но это не имело ничего общего с результатами изучения следов древнего оледенения на равнинах и горах Евразии. Крупные ледниковые покровы развивались на горах и равнинах Северной и частично Центральной Европы, а в более восточных районах Евразии ледники были небольших размеров.

К тому времени, когда ледники возникли в северных полярных районах, прежде всего в

Гренландии и Исландии (примерно 3 млн лет назад), наши далекие предки селились в основном в пределах тропического пояса, а поэтому оледенение влияло на них лишь косвенно. Но когда ледники стали развиваться в умеренных широтах, начались контакты человека непосредственно с миром льда; это было в начале плейстоцена — большого ледникового периода, длившегося последние 700–800 тысяч лет истории земли.

Следует отметить, что ранние этапы становления человеческого общества приходились на те времена, когда усиливались процессы оледенения. Наиболее полно изучена история позднего плейстоцена, то есть ближайшие 100–120 тысяч лет. В начале и середине этого времени, когда на севере Европы и на горах разрастались ледники, на прилегающих территориях Центральной и Южной Европы, Северной Африки и Западной Азии жили люди среднего каменного века — неандертальцы. Но известна и другая точка зрения современной науки — их появление относят к 2 млн лет до н. э., придвигая к этому времени и четвертичную эпоху. Распространение оледенения в начале позднего плейстоцена почти не сказалось на их расселении, их уровень развития был достаточно высок для того, чтобы приспособиться к суровости природных условий. Возможно, именно в это время они начали добывать огонь. Но их следы теряются в интервале 30–40 тысяч лет назад, и в это время сократились размеры оледенения. Это и было тем временем, когда появились люди нового типа — кроманьонцы. Они уже мало отличались от современных людей, и вплоть до максимального распространения последнего материкового оледенения (18–20 тысяч лет назад) выявляется ускорение развития материальной культуры. Это говорит о развитии адаптации людей к суровым условиям природы. На Русской равнине вплоть до южных морей распространялась зона вечной мерзлоты, тундростепи. Но, судя по археологическим данным, кроманьонцы жили от приатлантических берегов до предгорий Урала. Известно, что в Восточной Европе они охотились на мамонтов, шерстистых носорогов, зубров, медведей и оленей. Их каменные орудия распространены на обширных территориях. Приледниковые ландшафты Европы были богаты ресурсами животного мира, и к тому же недалеко от края ледника были леса, так же, как на современном ландшафте приледниковой зоны Арктики, как и богатство фауны арктических островов (равно как и океанских вод).

Во многих районах России земля усеяна многочисленными камнями различного размера и формы. Эти камни, как и мелкозем, были оставлены ледниками далекого прошлого, и такие отложения известны как морены, которые в значительном количестве скапливались у краев ледников. Большие скопления камней на полях затрудняли обработку земли, и люди, старательно очищая от них поля, замечали, что через некоторое время почва снова покрывается камнями. С этим явлением связано и много легенд и суеверий, поясняющих повторяющиеся их появления тем, что камни могут расти из земли, а также тем, что в давно минувшие времена их разбросали по земле сражающиеся великаны.

Наука объясняет появление и перемещение по земле таких камней и обломков скал процессами сезонных изменений в состоянии ледников, их таянием и замерзанием. В холодные и влажные периоды в истории земли ледники получали обильное питание. Распространяясь по поверхности, они воздействовали на нее, оставляя заметные следы на почве, царапая и разрушая ее, нанося штрихи и борозды, по которым можно проследить движение масс льда и его направление. Известно, что некоторые из таких камней, особенно те, что напоминают своей формой людей или животных, стали объектами поклонения, и с ними связывается вера в то, что они являются окаменелыми останками древних тотемных животных или великих богатырей. На них можно видеть нанесенные людьми изображения солнца, луны, креста, сцен охоты и людей, часто определяемых как люди эпохи палеолита.

Ледниковые отложения стали изучать в XIX в., заметив их в предгорьях Швейцарских Альп. Первая книга о них вышла там в 1837 г., и вскоре она была опубликована и в переводе на русский язык. Этот труд положил начало развитию ледниковой теории, и постепенно выяснилось, что ледники не только спускались с гор, но распространялись и на обширные равнинные области Европы. Выяснилось, что обширные ледники покрывали низменности в

бассейнах Среднего Днепра и Среднего Дона, но лежащая между ними Среднерусская возвышенность как бы играла роль ледораздела, и там не было обнаружено следов пребывания ледовых покровов. В восточные районы Русской равнины такой покров не проникал. Американские ученые выяснили, что на территории США и Канады древнее оледенение по своим масштабам было шире оледенения Европы, а Северо-Американский ледниковый покров превосходил современный Антарктический.

Ряд ученых считает, что мы живем в период очередного межледниковья, но когда возобновится очередное оледенение, определить пока невозможно. Метеорологические данные и наблюдения, проводимые со спутников Земли, дают возможность проследить состояние и изменения современных ледников, очень важны и накопленные наукой архивы, но все эти данные относятся лишь к последним десятилетиям и в лучшем случае — к последним векам.

Крайне ценным является то, что ученые определили периодичность древних оледенений, повторяющихся в истории Земли, и выяснили в определенной мере проблемы связи с ними эволюции первобытного человека.

Кто такие эти андроновцы?

Перепечатка статьи докт. истор. наук Н.Л. Членовой

«...Я ничего не писала о первоначальных индоариях, о которых — предках людей андроновской культуры — археологам пока ничего не известно, но они, безусловно, существовали».

Н. Членова

Да, они существовали, но об андроновцах следует писать в широком смысле, не беря на себя окончательное решение вопроса о том, были ли они индоиранцами или иранцами по языку (хотя значительная часть названий рек, например, на территории срубников и андроновцев признается иранской). Ведь некоторые исследователи, изучая эту проблему, пришли даже к выводу, что андроновцы были «исторической фикцией», хотя большинство археологов и историков уделяет самое серьезное внимание особенностям андроновской культуры, области ее распространения, связи андроновцев с другими этносами и их влиянию на культурное развитие этих этносов.

Это влияние мы можем связывать с периодом их очевидного выделения из массива индоиранцев, которые принято называть общим именем ариев (арьев)[9]. Время этого выделения еще не определено исследователями.

Памятники андроновской культуры, относимые к разным периодам ее исторического развития, заметно отличаются один от другого. Это следует считать результатом смешивания отдельных групп андроновцев с другими группами населения, которые их окружали или с которыми они встречались, совместно расселяясь на одной территории во время своих отходов от изначальных общих индоиранских земель. Такие контакты должны были продолжаться подолгу, иначе археологи не обнаруживали бы явных следов их пребывания

как на обширных территориях к востоку от Урала, так и в некоторых районах, достаточно удаленных к западу от него.

К результатам таких смешений или совмещений их с другими народами относится, совершенно очевидно, и усвоение этими народами элементов их языка, того, как предполагают, иранского языка, из которого впоследствии развился и скифский.

Обе ветви древнеарийского (индоиранского) языка (носители которых в этом сборнике названы индоязычными и ираноязычными) оставили свои заметные следы на территории Восточной Европы — главным образом, в лексике и названиях некоторых рек. Эти названия часто бывают очень устойчивы и сохраняются в течение тысячелетий.

Поскольку в ту далекую эпоху письменности еще не существовало, то многие слова языка андроновцев, как и формы их хозяйства и некоторые течения их религии, нашли свое отражение в древних частях созданной ими зороастрийской Авесты. Анализ этого памятника позволил частично восстановить картины их жизни и ритуальных представлений, близких к индоязычным арьям.

Обнаружение археологами многих явных следов андроновской культуры на обширных землях к востоку и юго-востоку от Урала дает возможность выявить массовое переселение андроновцев в Иран и в области, близкие к северо-западу Индии. Не исключено, что описанные в Авесте битвы арьев с арьями же относятся именно к пограничным ирано-афганским и североиндийским областям. Трудно по-иному определить такие боевые контакты, если не учитывать того, что на северо-западе Индии уже с конца III — начала II тыс. до н. э. расселялись группы индоязычных арьев, приходящих волна за волной из юго-восточных областей Европы, главным образом с земель Северного Причерноморья. В дальнейшем постепенному смешению андроновцев с древнеиранским (или, что чаще встречается в литературе, древнеперсидским) обществом способствовал (и ускорил этот процесс) тот факт, что религию зороастризма приняли представители правящих династий: в Парфии — Аршакиды (III в. до н. э. — II в. н. э.), а в Иране — Сасаниды (II–IV вв. н. э.).

Язык Авесты сложился на основе древнеиранского и издревле знакомых андроновцам древнеиндийских диалектов (что относится еще ко времени существования не разделенной на две ветви арийской, т. е. древней индоиранской, общности). Видимо, поэтому Авеста так близка Ригведе и по языку, и по именам богов.

Заратуштра реформировал общие индоиранские верования, восходящие к глубокой древности, и под влиянием этих изменений некоторые боги арьев стали описываться в Авесте и восприниматься иранцами как враги богов зороастрийцев. Такая трансформация, как и складывание самой Авесты, длилась несколько веков, хотя ее авторство и приписывается одному Заратуштре, жившему на рубеже II и I тыс. до н. э.

На западе же, в среде индоевропейских народов, иранских заимствований, почерпнутых от андроновцев, сравнительно мало (главные заимствования из этого языка связаны со скифами, I тыс. до н. э.).

Финно-угорские племена, жившие на Урале, в Среднем Поволжье и за Уралом, постепенно, в течение ряда веков заимствовали у арьев некоторое количество слов, хранящихся и доньше в их языках. Контакты финно-угров с арьями (или, как их называют некоторые ученые, общеиндоиранцами) протекали примерно во второй половине II тыс. до н. э. и длились до скифского времени, началом которого признают VII в. до н. э.

Другие влияния культуры андроновцев, кроме заимствований у них части лексики, не прослеживаются между представителями этих совершенно разных двух языковых семей, хотя существование их культур было почти синхронным. Высказывается даже предположение, что некоторые зауральские финно-угры были двуязычны, т. е. знали и

иранский язык.

Что же касается датировки андроновской культуры, то сейчас имеется серия дат, установленных по радиоуглеродному методу: в частности, западноандроновские памятники относятся ко второй половине — концу II тыс. до н. э.

Чрезвычайно интересным моментом для всех, кого привлекает история наших далеких предков, является то, что в древней литературе индоязычных и ираноязычных ариев, т. е. в Ведах и Авесте, есть указания на то, что арьям была известна Волга.

В Ригведе есть лишь одно упоминание о ней — в книге X, в «Гимне рекам», говорится о некоей реке под названием Раса. Исследователи считают ее то притоком Инда, т. е. реки на землях перворасселения ариев в Индии, то перешедшей уже в область мифов какой-то, видимо, уже полузабытой рекой, «текущей на небесах».

В Авесте же воспевается река Ранха (Рангха, Раха), стекающая с высокой горы. Ее верховья (это слово переводят и как «берега») бывают схвачены сильными морозами — «бичом этой страны».

И если, как многие ученые полагают, индоязычная ветвь ариев ушла к востоку из земель юго-восточной Европы раньше андроновцев, то неудивительно, что в их памяти воспоминания об этой Расае, поясняемой как Волга, сохранились слабее, чем у андроновцев, заселявших немалую часть берегов Волги. Их гидроним Ранха близок, например, таким названиям Волги, как Рава, Раво, Рав, которые, как многие полагают, заимствованы из арийских языков. Так, может быть, Ранха — Волга?

В трудах греков Волга упоминается под названием Рха и Ра. И этот ряд наименований Раса — Ранха — Рангха — Рава — Рха — Ра, в котором три последних достоверно относятся к Волге, заставляет нас утверждаться во мнении, что древние арии (обе их ветви, но особенно андроновцы) знали Волгу.

Иногда предполагают, что авестийская Ранха могла быть и Сырдарьей и даже рекой Кабул в Афганистане. Но такие предположения сразу перечеркиваются описаниями морозов в «стране этой реки», а в Авесте говорится об удивительной дельте Ранхи, где она впадает в море «всей тысячей протоков и тысячей озер» (гимн Ардвиг-Суре). Это почти точное указание на дельту Волги.

Зороастрийцы в Авесте уподобляют реку Ранху великой богине Ардвиг-Суре, т. е. «реке-богине Ардвиг». Они воспевают ее как Ардвиг полноводную, широкую и целебную, растящую жито, кормящую стадо и величиною равную «всем водам, вместе взятым». Но все это еще не значит, что слово «Ардвиг» является гидронимом, т. е. названием реки. Нет, это мифологизированное, небесное ее имя. Это богиня реки, и часто бывает трудно понять в гимнах, о ком из них идет речь. Например: «...течет благая Ардвиг от своего Творца: прекрасны руки белые в просторных рукавах», или она же «...в колеснице, узду держа, стремится», и в то же время она стекает с той же горы, что и река Ранха, и имеет тысячу протоков. Ясно, что воспевается один и тот же объект под реальным и небесным именем.

О богине Ардвиг-Суре говорится, что ей следует приносить обильные жертвы (жертвоприношение, сопровождающее каждое обращение к богам, — это древнейший обычай всех племен ариев), и в Авесте количество приносимых в жертву животных доводится (как и в Ригведе) до небывалых, явно мифологизированных объемов, вроде ста жеребцов, тысячи коров и мириада овец. Но не достигают цели даже такие жертвы, если к Ардвиг обращаются с просьбой помочь победить ариев — в этом случае она неизменно отказывает просящему. А значит, рекой-богиней, покровительницей именно ариев, считалась Ардвиг-Ранха-Волга.

Это нельзя не признать бесспорным свидетельством пребывания арийских племен, причем длительного, в Восточной Европе; и именно в приволжских, приуральских землях. О северной природе ясно говорится в гимне Ардвиг-Сура, в описании того, что ей даны четыре жеребца: «Дождь и Ветер, Облако и Град, они постоянно льют влагу... Числом неисчислимым ей сыплют снег и град... Молюсь горе Хукарья... с которой к нам стекает благая Ардвиг-Сура».

Это все слишком похоже на Волгу, особенно в ее верхнем течении, в «стране морозов». Но известное сомнение здесь может вызывать описание большой высоты горы Хукарья, не сходящееся с Валдайской возвышенностью. Где же эта гора? Так вспомним о том, что до сравнительно недавних пор у нас началом Волги считались реки Кама, или Белая. Эту последнюю русские называют и Белой Воложкой, т. е. «Белой малой (милой?) Волгой». Эта река действительно берет начало у горы Тиремель, одной из двух высочайших вершин Южного Урала (в Авесте река Ранха стекает с горы ростом в «тысячу мужей»). Значит, и в этом вопросе сомнения в идентичности Ранхи и Волги должны отпасть.

Древние тайны Русского Севера

Послушайте, да люди добрые,

Я ли вам да старину скажу. (Из народной песни)

Русский Север — его леса и нивы не топтали орды завоевателей, его свободный и гордый народ в большинстве своем не знал крепостного гнета, и именно здесь сохранились в чистоте и неприкосновенности древнейшие песни, сказки, былины Руси. Именно здесь, по мнению многих исследователей, сохранились такие архаические обряды, ритуалы, традиции, которые древнее не только древнегреческих, но даже и зафиксированных в древнеиндийских «книгах знаний» — Ведах, самом древнем памятнике культуры всех индоевропейских народов. О значительной близости славянской и ведической мифологии писал еще в XIX в. А.Н. Афанасьев, который придавал огромное значение сходжениям в мифологических сюжетах и обрядовой практике у восточных славян и древних.

Эти сходжения и зримые параллели отмечены в трудах русских историков и лингвистов XIX — начала XX вв.; достаточно вспомнить работы А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, В.С. Миллера, В.В. Бартольда, Н.М. Гальковского и др. Идея единства истоков народной культуры славян и ариев красной нитью проходит в работе В.А. Городцова «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве». В последнее время ученые стали ставить вопрос о возможном наличии древней индославянской общности, которую отличало не только значительное языковое сходство, но и исключительная культурно-хозяйственная близость, сложившаяся в условиях очень длительного совместного обитания.

Так как большинство современных историков считает, что на рубеже II–I тысячелетия до н. э. племена ариев уже находились в северо-западной части полуострова Индостан и в Иране, то естественно предположить, что сходные религиозные представления и мифология ариев и славян должны были сложиться значительно раньше.

Мысль многих ученых была направлена на поиск исходных земель ариев, их прародины (под этим названием следует понимать те земли, где разрозненные родо-племенные группы складывались в племена, вырабатывая в ходе веков сходные взаимопонятные диалекты и

языки, которые становились одним из основных признаков формирующихся этносов).

«Славянский язык — это индоевропейский язык, в целом сохранивший архаический тип».

Отечественный языковед Б.В. Горнунг считал, что предки арьев (индоиранцев) в конце III тысячелетия до н. э. заселяли северо-восток Европы и находились где-то около средней Волги, а другой выдающийся лингвист, В.И. Абаев, пишет: «Через ряд столетий пронесли арии память о своей прародине и ее великой реке Волге».

Еще в 20-х годах XX в. академик А.И. Соболевский говорил о том, что на громадных просторах Европейской России, вплоть до северных областей, господствуют названия, в основе которых лежит какой-то древний индоевропейский язык. Он писал в своей работе: «Исходный пункт моей работы — предположение, что две группы названий (водных источников. — С. Ж.) родственны между собой и принадлежат одному языку индоевропейской семьи».

Во II тысячелетии до н. э. в Северо-Западную Индию и Северный Иран со своей восточноевропейской «прародины» приходят племена скотоводов и земледельцев, именующих себя арьями.

Часть арьев, и не малая, ушла из Восточной Европы на восток в поисках лучшей доли, но трудно представить себе ситуацию, при которой все население значительной части земель своего исходного расселения покинуло бы их. Скорее всего такая ситуация просто невозможна, потому что не выявлено исторических причин, которые могли бы вызвать обязательный всеобщий их (арьев. — С. Ж.) уход из своей «прародины». Вероятно, часть арийских племен осталась дома, на просторах Восточной Европы, чтобы стать предками некоторых будущих народов этой земли. И нет ничего удивительного в том, что историк П.Н. Третьяков приводит слова академика Н.Я. Марра, который считал, что древняя подоснова славянства не ограничивается, например, Поволжьем, а простирается далеко на север, «в те места, которые до последнего времени считались отнюдь не славянскими и занятыми славянами уже на заре так называемого исторического времени». Древние этнические группы восточноевропейского севера, предшествующие переселению сюда из-за Урала групп финно-угров, Н.Я. Марр называл иногда «северными сарматами» или, что еще интереснее, «руссами». Из Юго-Восточной Европы, с причерноморских земель уходили (как считают почти все историки — причина ухода была наступившая засуха) тысячелетия назад племена арьев, чтобы обрести новую родину в Индии и Иране (правильно: Арьяна — «Земля арьев»). Уходили и уносили с собой свои предания, сказки, мифы, верования, обряды, свои песни, своих древних богов. На новой для них земле, среди других народов они свято хранили память о своем прошлом, о своей прародине. Хранили свою и нашу память! Россия не может познать себя без помощи познания корней своего прошлого; а не познав себя, невозможно познать других и учесть свое положение среди других.

В 1903 г. в Бомбее была впервые издана книга со странным и интригующим названием «Арктическая родина в Ведах». Автор ее, замечательный ученый Бал Гангадхар Тилак, посвятил всю свою жизнь исследованию культуры родного народа. Тилак долго и тщательно изучал древние предания, легенды и священные гимны, рожденные в глубинах тысячелетий далекими предками индоарьев и иранцев. И вот, суммировав те странные явления, которые были описаны в священных книгах индийцев (Ведах) и иранцев (Авесте), Б. Тилак пришел к выводу, ошеломившему его современников: родина предков индоиранцев (т. е. арьев) находилась на севере Европы, где-то около Полярного круга.

Книга произвела на многих современников писателя впечатление разорвавшейся бомбы. Кто-то считал это добросовестным заблуждением, кто-то — сказкой, а кое-кто и фальсификацией. И уж никак не укладывалось в голове, каким образом север Европы мог быть «благодатным краем», а ведь именно таким описывали его гимны Ригведы, самой

древней из Вед.

Но в общем гуле недоверия раздавались и другие голоса, голоса тех, кто поверил Тилаку и также пошел в поиск по предложенному индийским ученым пути. Результаты не замедлили сказаться, и вслед за книгой Тилака вышла в 1910 г. еще одна работа — книга русского ученого Е. Елачича «Крайний Север как родина человечества».

Как и в работе Б. Тилака, в книге Е. Елачича приводятся многочисленные выдержки из древних текстов Ригведы и Авесты, объяснить которые могла только «северная» гипотеза их происхождения.

Созданные в глубокой древности общими предками славянских и индоиранских народов гимны Вед, наряду с древнеиранской Авестой, считаются одним из древнейших памятников человеческой мысли.

Так какие же многие факты, сохраненные в мифах, преданиях, молитвах и гимнах, свидетельствуют о том, что создавались они на Крайнем Севере Европы? В частности, это описания тех природных явлений, которые, конечно же, не могли возникнуть в Индии. Только в приполярных широтах во время полярной ночи видно, как звезды описывают около стоящей неподвижно Полярной звезды свои суточные круги, создавая иллюзию круга неба над кругом земли, скрепленных, как колеса, неподвижной осью.

В гимнах Ригведы и Авесты говорится о том, что на родине арьев полгода длится день и полгода ночь, а «год человеческий — это один день и одна ночь богов».

Естественно, жизнь вдали от Северного полюса не могла породить представления о долгой полярной ночи и о дне, длящемся полгода. Как не могли люди, живущие вдали от севера, воспеть зарю такими словами:

По правде, это было много дней,

В течение коих до восхода солнца

Ты, о заря, была видна нам!

Многие зори не просветлились до конца,

О, дай, Варуна, нам зори до света прожить.

Здесь певец древнего арийского гимна обращается к могущественному владыке небесного океана, хранителю космического закона и правды на Земле богу Варуне с просьбой помочь пережить длинную многодневную зарю и дожить до дня. Он просит:

О, дай нам, длинная темная ночь,

Конец твой увидеть, о ночь!

Интересно, что и в Ведах, и в Авесте сохранились воспоминания о полярной ночи, которая длится 100 дней в году. Так, в индийском богослужении есть обряд подкрепления бога-воина и громовержца Индры ритуальным хмельным напитком сомой во время его борьбы за

освобождение солнца от плена, который длится сто суток. В древнеиранской Авесте, где также рассказывается о борьбе бога-воина Тшитриса за солнце, жрецы подкрепляют его питьем сто ночей. Надо сказать, что предание о борьбе за освобождение солнца от долгого плена, идея которой могла быть внушена лишь полярной ночью, часто встречается во всей мифологии Вед.

Сдвоенные кони — символы солнца: а, б) Русский Север; в) Индия

В древних индийских преданиях, на которые обратили свое внимание Тилак и Елачич, есть очень интересные описания полярного сияния, которое представлялось людям то блеском битвы богов света с демонами тьмы, а то и явлением самого верховного божества на земле. Вот его сюжет.

Однажды великий мудрец и подвижник Нарада (стоит заметить, что высочайшая вершина полярного Урала звалась до 1920х гг. так же — Нарада) отправился на берег Молочного моря и оттуда на северо-запад, где находился большой остров, названный Шветадвипа — «Белый, светлый остров». Достигнув этого острова, где обитали «светлые, сияющие подобно месяцу, люди», он воздел руки к небу и стал призывать в молитве верховного бога, восхваляя его тайными именами. И тогда на призывы Нарады, «зримый во вселенском образе», явился Бог, который был «как бы подобно месяцу духовно чистый, и, вместе с тем, как бы вполне от месяца отличный. И как бы огнецветный, и как бы мысленно мелькнувшее звезды сиянье; как бы радуга, и как хрусталия искристость, как бы иссиня-черный мазок, и как бы золота груды. То цвета ветки коралла, то как бы белый отблеск, здесь златоцветный, там подобный бериллу; как бы синева сапфира, местами — подобный смарагду, местами — подобный жемчужной нити. Так многообразные цвета и образы принимал Вечный Святой стоголовый, тысячеголовый, тысяченогий, тысячеокий, тысячечревный, тысячерукий, а местами — незримый» [84].

«Солнечные розетки»: а) Индия (число лучей — показатель «нарастания» весеннего солнца); б, в) Русский Север

Сравним это древнее описание с тем, что пишет о полярном сиянии в конце XIX в. С.В. Максимов: «Я был прикован глазами к чудному, невиданному зрелищу, открывшемуся теперь из темного облака. Оно мгновенно разорвалось и мгновенно же засияло ослепительными цветами, целым морем цветов, которые переливались из одного в другой, и как будто искры сыпались бесконечно сверху, искры снизу, с боков... Вот обольет всю окольность лазоревым, зеленым, фиолетовым, всеми цветами красивой радуги, вот заиграют топазы, яхонты, изумруды» [109].

Не правда ли, удивительно похожи эти описания, разделенные многими тысячелетиями?

Вероятно, именно как непостижимое, чудесное явление верховного божества поклонившимся ему людям, жителям приполярных областей Европы, где только и можно на побережье Белого и Баренцева морей увидеть такое яркое и многокрасочное зрелище, так как ближе к полюсу северное сияние более однообразно, а южнее — вообще явление крайне редкое.

С.В. Максимов отмечает, что на побережьях Белого и Баренцева морей «сполохи» сопровождаются пронзительным звуком. Такое явление характерно именно для этих широт и не встречается больше нигде. Это указание неоднократно встречается в описаниях путешественников и исследователей арктических областей.

Но не только на непрерывную ночь, но и на непрерывный день имеются указания в Ведах. Вблизи полюса наблюдается, как солнце, поднявшись на определенную высоту над горизонтом, останавливается, стоит на месте и затем идет назад. В Ведах говорится: «Свою колесницу бог Солнца остановил посередине неба». Этот образ невозможно объяснить иначе, кроме как тем, что движение солнца наблюдалось в северных широтах.

Н.Р. Гусева в ряде своих работ подчеркивает, что «со времен пребывания арьев в Заполярье лунный календарь играл решающую роль в исчислении месяцев... В полярных областях луна в дни полнолуния проходит через “точку севера” 13 раз в год, а значит, и весь год делится на 13 лунных месяцев... В Ригведе и других памятниках древней литературы луне посвящено столько гимнов и столько предписаний с ней связано, что до сих пор в сознании жителей этой страны (Индии. — С. Ж.) культ луны занимает первенствующее место по сравнению с культом солнца — даже многотысячелетнее занятие земледелием не смогло поколебать это соотношение...» [36].

Среди удивительных феноменов земли арьев, описанных в Ведах и Авесте, есть один, исключительно важный, который уже почти столетие привлекает к себе самое пристальное внимание исследователей — это священные горы прародины арьев: Меру в индийских преданиях, Хара — в иранских.

Вот что поведали о них древние предания.

На севере, где находится «чистый, прекрасный, кроткий, желанный мир», в той части земли, которая «всех других прекрасней, чище», обитают великие боги: Кубера, бог богатства, семь мудрецов сыновей бога-творца Брахмы, воплотившихся в семь звезд Большой Медведицы, и, наконец, сам владыка Вселенной Рудра-Хара, «носящий светлые косы», «камышеволосый, русобородый, лотосоголубокий всех существ Предок». Для того чтобы достичь мира богов и предков, надо преодолеть великие и бескрайние горы, которые протянулись с запада на восток. Вокруг их золотых вершин свершает свой годовой путь солнце, над ними в темноте сверкают семь звезд Большой Медведицы и расположенная неподвижно в центре мироздания звезда Дхрува.

С этих гор устремляются вниз все великие земные реки, только одни из них текут на юг, к теплому морю, а другие — на север, к белопенному океану. На вершинах этих гор шумят леса, поют дивные птицы, живут чудесные звери. Но не дано простым смертным всходить на них, лишь самые мудрые и смелые преступали этот предел и уходили навеки в блаженную страну предков, берега которой омывали воды Молочного океана.

Горы, отделяющие север и белопенное море от всех остальных земель, названы в гимнах Веды хребтами Меру, а величайшая из них — Мандарой. В Авесте это горы Хара с их главной вершиной горой Хукарья. И так же, как над горами Меру, над Высокой Харой сверкают семь звезд Большой Медведицы и Полярная звезда, поставленная в центре мироздания. Отсюда, с золотых вершин Высокой Хары, берут начало все земные реки и величайшая из них — чистая река Ардвиги, ниспадающая с шумом в белопенное море Ворукаша, «имеющее широкие заливы, широко изрезанное». Над горами Высокой Хары вечно кружит «быстроконное» солнце, полгода длится здесь день, а полгода — ночь. И только самые смелые и сильные духом могут пройти эти горы и попасть в счастливую страну блаженных, омываемую водами белопенного моря-океана.

О великих северных горах писали и древнегреческие авторы, которые считали, что эти горы, названные ими Рипейскими, протянулись с запада на восток по всему северу Европы и были северной границей Великой Скифии. Так они изображались на одной из первых карт земли — карте VI в. до н. э. Гекатея Милетского. О далеких Северных горах, протянувшихся с запада на восток, писал «отец истории» Геродот. Сомневаясь в невероятной, фантастической величине Рипейских гор, и Аристотель тем не менее верил в их существование, был убежден, что к северу земля поднимается, так как солнце там ниже, чем на юге, и с этих гор стекают все самые большие реки Европы, кроме Истры-Дуная. Такое убеждение подкреплялось вполне логичным выводом о том, что реки всегда текут с гор вниз и никогда не текут вверх в горы. За Рипейскими горами, на севере Европы, помещали древнегреческие и древнеримские географы Великий Северный, или Скифский, океан.

Вопрос о том, где же находятся эти горы, долгое время никак не разрешался. Было высказано предположение, что создатели Авесты и Ригведы воспели в своих гимнах хребты Урала. Да, действительно, Уральские горы находятся на севере по отношению к Индии и Ирану.

Да, богат Урал золотом и самоцветами, далеко к замерзающему северному морю протянулся он. Но только и Авеста, и Ригведа, и античные историки постоянно повторяли, что священные Хара и Меру — Рипейские горы протянулись с запада на восток, а Урал ориентирован строго с юга на север. Все — и Авеста, и Веды, и Геродот, и Аристотель утверждали, что Великие северные горы делят землю на север и юг, а Урал — граница запада и востока. И, наконец, не берут начало с Урала ни Дон, ни Днепр, ни Волга, не являются отроги Урала той границей, где разделяются земные воды на текущие и белопенное северное море и впадающие в южное море. Так что Урал, видимо, не разрешил древнюю загадку. Однако здесь не все так просто. Дело в том, что привычный для нас сегодня единый Уральский хребет стал называться так, как многие считают, только с середины XVIII в. (от башкирского названия Южного Урала — Уралтау).

Северная же часть Уральских гор издавна называлась Камнем или Земным поясом. В отличие от Южного Урала, протянувшегося с севера на юг в меридиональном направлении, Приполярный Урал, где отдельные вершины поднимаются более чем на 1800 м над уровнем моря, а общая ширина горной полосы достигает 150 км (на 65° северной широты), имеет северо-восточное широтное направление. От так называемых трех камней отходит Тиманский кряж, который лежит на одной широте и — что крайне важно здесь отметить — объединяется с Северными Увалами, возвышенностью, протянувшейся с запада на восток. Именно здесь, на Северных Увалах, находится главный водораздел бассейнов северных и южных морей.

Выдающийся советский ученый Ю.А. Мещеряков называл Северные Увалы «аномалией Русской равнины» и, говоря о том, что более высокие возвышенности (Среднерусская, Приволжская) уступают им роль главного водораздельного рубежа, делал следующий вывод: «Среднерусская и Приволжская возвышенности возникли лишь в новейшее (неогенчетвертичное) время, когда Северные Увалы уже существовали и были водоразделом бассейнов северных и южных морей». И даже более того, во времена каменноугольного периода, когда на месте Урала плескалось древнее море, Северные Увалы уже были горами» (Мещеряков Ю.А. Рельеф СССР. М., 1972).

Северные Увалы — главный водораздел рек севера и юга, бассейнов Белого и Каспийского морей — находятся там, где на карте Птолемея (II век н. э.) помещены Гиперборейские (или Рипейские) горы, с которых на этой карте берет начало Волга, названная древним авестийским именем Ра или Рха. Но по древнеиранской традиции исток этой священной реки находится на горах Высокой Хары, на «золотой вершине Хукарья». И здесь стоит привести сообщение арабского ученого Ал-Идриси (XII в.) о горах Кукайа, которые он в своей «Географии» помещает на крайнем северо-востоке Европы и которые аналогичны Рипейским горам античных географов, а также горе Хукарья Авесты. Ал-Идриси, рассказывая о горах Кукайа, с которых берет начало река Русийа, отмечает, что в «упомянутую реку Русийа впадает шесть больших рек, истоки которых находятся в горах Кукайа, а это большие горы, простирающиеся от моря Мраков до края обитаемой земли... это очень большие горы, никто не в состоянии подняться на них из-за сильного холода и постоянного обилия снега на их вершинах».

Обратимся к словарю Брокгауза и Ефрона (т. VII, 1892 г.). Здесь говорится о том, что на северо-восточной окраине Вологодской губернии горные хребты нигде не достигают до линии вечного снега, но благодаря их северному положению нередко снег не сходит с них круглый год. На северных склонах мощность снега к концу марта достигает 3,5–4 метров. И если священные горы Хара и Меру и Северные Увалы (в комплексе с приполярным Уралом) одно и то же, то найти шесть рек, о которых писал Ал-Идриси, несложно. В Волгу (Русийу)

действительно впадают берущие начало на Увалах крупные реки: Кама, Вятка, Унжа, Кострома, Шексна. И если считать (как считали древние) истоком Волги Каму, то начинается собственно Волга-Ра (Рха) Птолемея и Авесты действительно с Северных Увалов. С них же берет начало и величайшая из рек Русского Севера — могучая и полноводная Северная Двина, впадающая в Белое море и имеющая около тысячи притоков.

В Авесте есть гимн, воспевающий священную реку арьев Ардвисуру, впадающую в белопенное море. Ниже приводится фрагмент этого гимна:

Молюсь великой, славной,

Величиною равной

Всем водам, взятым вместе,

Текущим по земле.

Молюсь текущей мощно

От высоты Хукарья

До моря Ворукаша.

Из края в край волнуется

Все море Ворукаша,

И волны в середине

Вздымаются, когда

Свои вливает воды,

В него впадая, Ардви

Всей тысячей протоков

И тысячей озер.

Авеста. Избранные гимны

Какая же река воспевается в Авесте под именем Ардви-Сура Анахита? Некоторые видят в ней Амударью, но эта река всегда мутна, а об Ардви-Суре говорится, что она прозрачна, чиста («анахита») и целебна. Значит, Амударья не подходит. Другие считают, что это Волга. Для этого есть много оснований — широта, изобилие вод, обширнейшая дельта, а также факт нахождения истоков на высоких горах. Но, хотя все это относится и к Северной Двине, никто не обратил внимания на два фактора, «играющие» в пользу именно этой реки.

Во-первых, ее верхняя часть образуется из двух рек — Юга и Сухоны, откуда происходит и ее название «Двина», что означает «двойная». Так же переводится и название «Ардви». Так почему же оно должно относиться к Волге? У Волги много притоков, но слияние двух потоков в один на коротком расстоянии не создают Волги. Так что название «Ардви-Сура», «двойная

сливающаяся (стекающая, текущая)», скорее всего совпадает с Северной Двиной.

Здесь необходимо внести разъяснение: область протекания Северной Двины не могла быть известна ираноязычным арьям, поскольку от земель Западной Сибири (по которым они продвигались к югу) она была отделена высокими горами северной части Урала (Н.Р. Гусева).

Скифия и Гиперборея. Прерывистой линией показана граница бассейна Северного Ледовитого океана

Во-вторых же, в яште 5 в Авесте говорится о некоем странном явлении: наряду с описаниями морозов, снега или града, вспаивающих воды Ардвиг-Суры, упоминается «одна протока Ардвиг, течет на семь каршваров, стекая равномерно и летом и зимой». У Волги нет протоки, которая не замерзала бы зимой, а вот у Северной Двины она есть — это река Емца, один из крупных притоков Двины, не замерзающий зимой, так как с его дна круглый год бьют источники, называемые здесь кипунами.

Ко всему этому можно добавить, что, находясь на 60 градусе северной широты, Северные Увалы не только являются главным водоразделом Русской равнины и границы севера и юга, но здесь уже можно наблюдать год, разграниченный на светлую и темную половину, можно видеть высоко, почти в зените Полярную звезду и Большую Медведицу, а спустившись к морю, и полярное сияние.

Здесь издавна добывали золото вплоть до XIX — начала XX в. по реке Вишере, в верховьях Печоры. В Вологодской губернии золото отмечено в верховьях Шугоры и Ильча. В 1910 г. в верховьях Ильча были открыты залежи свинцовой руды. Словарь Брокгауза и Ефрона сообщает, что берега и русла рек Меры, Волги (у Костромы), Унжи и их притоков изобилуют пиритом (золотой обманкой) настолько, что его хватает для промышленных разработок, и крестьяне в конце XIX в. собирали вымываемые реками куски породы и отвозили их на местные заводы. Стекающая также с Северных Увалов на юг река Вурлам и ее притоки проносят свои воды в поймах, содержащих золотой песок. В районе приполярного Урала, Тиманского кряжа и Северных Увалов огромное количество полезных ископаемых, многие из которых были хорошо известны и использовались еще в глубокой древности. Реки, «текущие в золотых руслах», и горы, «богатые драгоценными камнями», — не миф, а реальность.

Таким образом, таинственные священные горы арийских мифов, скифских преданий и рассказов античных писателей обрели вполне реальные очертания, так как практически все, что говорилось о Харе и Меру, Рипейских горах, можно соотнести с Северными Увалами и Приполярным Уралом.

Среди всего, что было сказано о священных горах арьев (Рипейских горах скифов) и что мы пока не связали с Северными Увалами, осталась одна важная деталь — высота гор. Действительно, Хара, Меру и Рипейские горы описываются как очень высокие, высота же Северных Увалов (в отличие от Тимана и Северного Урала) не превышает сейчас 500 метров над уровнем моря. Но здесь следует учесть такие моменты: описывая вершины Хары и Меру, древние певцы постоянно отмечали, что они покрыты лесом, изобилуют зверем и птицей, т. е. никак не могут быть очень высокими. Не стоит забывать и то обстоятельство, что низкое северное небо, специфическое положение солнца, а также то, что отсюда реки текли как на юг, так и на север (реки текут сверху вниз, а не наоборот), — все это свидетельствовало для древних наблюдателей об одном: земля к северу поднимается и здесь находятся самые высокие горы на земле.

Надо учитывать также, что высота горных массивов — это не нечто абсолютно стабильное, за тысячелетия возвышенности растут и опускаются. Стоит вспомнить, что целый континент — Антарктида — опустился под тяжестью льда на 900 метров. Скандинавский ледник был не

меньше и с не меньшей силой давил на Европу, но здесь его давление уравновешивалось подъемом сопредельных частей платформы. При таких условиях какова могла быть высота Северных Увалов, у западной оконечности которых ледник остановился?

Скандинавский ледовый щит окончательно растаял к VIII тыс. до н. э., и начался медленный подъем Скандинавии и опускание Русского Севера, которые продолжаются и сейчас. Но процесс этот идет скачкообразно, и у нас нет оснований сомневаться в том, что Северные Увалы в X–IX тыс. до нашей эры были выше, чем в наши дни. И, наконец, в древних мифах говорится о том, что за горами Хара и Меру, на берегу Молочного моря, находится счастливая страна, обладающая теплым климатом, свободная от холодных ветров и рождающая обильные плоды. В рощах и лесах именно этой страны, где солнце восходит и заходит раз в году, обитает счастливый народ. Именно в этой стране помещают Авеста, Ригведа и «Махабхарата» землю своих предков, место обитания богов и героев.

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что север действительно был для арьев священной древней прародиной, память о которой они сохранили в гимнах, молитвах и преданиях. Проходили тысячелетия, все дальше на юг и юго-восток, на запад и юго-запад расселялись пастухи и земледельцы. Ну а север? Неужели все арьи покинули родную землю в поисках лучшей доли? Вероятно, нет!

Вглядитесь внимательно в карту севера Восточной Европы, в названия рек, озер, населенных пунктов. Все эти названия сохраняются в том случае, если остаются люди, которые помнят их. В противном случае приходит новое население и называет все по-новому. На Русском Севере по сей день можно встретить названия рек, явно связанные с санскритом, объясняемые только при помощи древнего языка арьев — санскрита (Приложение III), так же, как и названия многих деревень и сел.

Именно в тех местах, где сохранились эти древние названия сел и деревень, в ткачестве и вышивке русских крестьянок до конца XIX — начала XX в. стойко сохранялась традиция древних геометрических орнаментов, которые можно найти в древнейших культурах Евразии VI–II тыс. до н. э. И прежде всего это те орнаменты, зачастую очень сложные и трудоемкие, которые были «визитной карточкой» арийской древности.

«Народ не помнит, чтоб когда-нибудь изобрел он свою мифологию, свой язык, свои законы, обычаи и обряды. Все эти национальные основы уже глубоко вошли в его нравственное бытие, как сама жизнь, пережитая им в течение многих доисторических веков, как прошедшее, на котором твердо покоится настоящий порядок вещей и все будущее развитие жизни. Поэтому все нравственные идеи для народа эпохи первобытной составляют его священное предание, великую родную старину, святой завет предков потомкам». Эти слова выдающегося русского фольклориста XIX в. Ф.И. Буслаева, произнесенные им на торжественном акте в Московском университете в 1859 г., не потеряли своей актуальности в наши дни.

И опускаясь в глубины тысячелетий в поисках ответов на вопрос: «Так что же это за священное предание, в чем этот святой завет предков потомкам?», мы берем с собой, как путеводную нить, ту память прошлого, что сохранилась в наших песнях, былинах, в наших обрядах, ритуалах, поверьях, в языке и народном искусстве.

Русский язык обладает, по мнению ряда исследователей, при переводе Вед «рядом несомненных преимуществ перед западноевропейскими языками». Эти преимущества связаны с лучшей сохранностью в русском архаизме, чем в западных языках. Лингвистами выявлено, что праславянский язык лучше всех других индоевропейских языков сохранил древнейшую индоевропейскую систему названий деревьев, из чего делается вывод, что предки славян в общеславянский период жили в такой природно-климатической зоне, которая соответствует прародине индоевропейцев, и после общеславянского периода носители

различных славянских диалектов в существенной степени продолжали жить в подобной области.

Арьи уходили к востоку и уносили с собой свои предания, сказки, мифы, верования, обряды, свои песни, танцы, своих древних богов. На новой для них земле, среди других народов они свято хранили память о своем прошлом, о своей прародине. Хранили свою и нашу память!

Низкий поклон вам, далекие братья и сестры, за то, что через тысячелетия пронесли вы нашу общую святыню, наше общее прошлое, нашу общую память! За то, что сохранили золотые ключи от ушедших времен, и сегодня мы открываем ими сокровищницу прошлого своего народа. Нужно ли это нам? На этот вопрос ответил еще в 1911 г. выдающийся исследователь Русского Севера А. Журавский: «В “детстве” человечества — основа для познания и направления грядущих путей человечества. В эпохах “детства России” — путь к познанию России, к контрольному познанию тех исторических явлений нашей современности, которые представляются нам фатально сложными и не подчиненными правящей воле народа, но корни которых просты и элементарны, как начальная клетка сложнейшего организма... И мы обязаны всемерно воспользоваться опытами седого прошлого, и чем ближе к зародышам этого прошлого мы проберемся, тем сознательнее, вернее и увереннее пойдем “вперед”... Именно история “детства человечества”, именно этнография поможет нам познать логические законы естественного прогресса и сознательно, а не слепо, идти “вперед” самим и двигать “вперед” свой народ, ибо этнография и история — пути к познанию того “прошлого”, без которого нельзя применить к познанию грядущего познание настоящего. “Человечество” состоит из “наций”, и прежде всего логически необходимо, чтобы нация представляла собой определенное взаимное целое, чтобы она представлялась нам не в третьем лице множественного числа — “они”, а в первом — “мы”. Россия... не может познать себя без помощи познания корней своего прошлого; а не познав себя, невозможно познать других и учесть свои положения среди других, как не исправив себя, невозможно исправить других... Погибли зародыши многих верований и идеалов — будем же искать их отпечатки на предметах, пока не погибли навеки и они. Это отнюдь не только “интересно” или “любопытно”, но и жизненно важно, необходимо» [71].

Нет, у нас не тысячелетняя история, как принято сейчас и писать и говорить, а многотысячелетняя. Об одной тысяче лет можно говорить только применительно к принятию христианства. Ведь до этого года наши предки не в пещерах жили и не в шкуры одевались. Не вдруг в европейском мире вошло в обиход слово Гардарика («Страна городов») как название Руси. На наших землях были эти города, и не в один день они родились, а складывались и развивались в течение многих веков, так как город — это не просто скопище домов, а и уклад жизни, сложившиеся производственные отношения, централизация торгово-экономических связей и место сосредоточения социальных структур, складывавшихся на протяжении многих веков.

Князь Олег Новгородский, захватив в 885 г. власть в Киеве и объединив вокруг этого центра Русь, ходил войной на Царьград, столицу Византии, и поставил эту империю на колени. А в начале X в. князь Игорь, сын Рюрика, послал на хазар, старавшихся подавить Русь, 500 кораблей, имевших на борту по 100 человек. И они с боями дошли до юга Каспийского моря. Этой Руси боялись другие народы, с ней считались, ей платили дань. Такая сила и единство складывались задолго до христианства, а, значит, и история наша неисчислимо древней.

В города Руси стекались товары, производимые жителями деревень, — горожанам требовались не только продукты питания или строительные материалы, но и вещи, производимые ремесленниками, — ткани, изделия из глины и металла. Сами города становились центрами производства многих товаров и особенно предметов роскоши для растущей прослойки знати. Судя по данным, полученным при многочисленных раскопках и тщательно обработанных археологами, славяне издревле вели меновую торговлю с другими странами, а это требовало роста квалификации людей, занятых в любой отрасли

производства. Городища, зародыши городов древних славян были известны и в восточных странах: о том, что их давно знали арабы и персы, упоминается в трудах Абу Рейхана Бируни (X в.) и Ибн Фадлана (IX–X вв.). Последний описывает приход на Итиль (на Волгу) торговцев-русов и говорит об их кораблях, оружии, цепях-украшениях из драгоценных металлов, жемчужных и бисерных ожерельях, а также о больших деревянных домах, которые они по приезду сразу строят на берегу и живут в них по 10–20 человек с женами и невольницами; он пишет и о том, что русы знали деньги и в это время уже продавали, а не только меняли свои товары; описывает он и их идолов и обряд сжигания покойников, при котором жену убивают (или она убивает себя) и сжигают вместе с телом мужа (обратим здесь внимание на то, что в древнеиндийской литературе описан аналогичный обряд, который в Индии дожил до XIX–XX вв.); говорится, что «короли русские обыкновенно держат при себе в своем замке или городке 400 храбрейших воинов (дружину)... Сии 400 сидят внизу на большом диване Королевском, украшенном драгоценными камнями... у него (Короля или Князя) есть наместник, который предводительствует войском...».

Все эти данные излагает и Н.М. Карамзин (с. 316–319). Так какое же начало государственности, да и вообще истории нашей можно датировать всего лишь одним тысячелетием? Были города, было сословное расслоение, были исторические традиции, и все это складывалось в гораздо более древние эпохи.

Так вот, в этих городах русов с большими деревянными домами развивались, повторяем, художественные ремесла, уходящие своими истоками в незапамятные времена. Постепенно, в ходе веков, менялась, совершенствуясь, технология, но темы изображений, рисунки и знаки, наносимые на предметы ремесла, охранялись традицией. Их не изменяли, потому что все они несли смысловую нагрузку, имели определенное значение, часто магическое, заклинательное, и были отражением понятий о жизни и смерти, о приобретении потомства, о сохранении имущества, размножении скота, вызревании урожая. Было страшно их изменять, так как магия играла ведущую роль в верованиях язычников, и эти рисунки и знаки должны были свято охраняться, о чем говорит хотя бы тот простой факт, что они дожили в народном искусстве до наших дней.

Сюжетный язык, язык символов в этом искусстве вызвал к себе повышенный интерес, но главное внимание в работах ученых уделяется выявлению и объяснению изображений женского и мужского божества, находимых даже в поздних русских вышивках, — это явный пережиток язычества. Интересно то, что такое женское божество (а возможно, это и молящаяся женщина) почти в точности повторяется и в русских вышивках, и на индийских тканях и ритуальных предметах, что не является простой случайностью. В русских и других славянских вышивках издревле существует много геометрических мотивов, которые наряду с другими темами тоже уводят нас в глубокую древность, а значит, по ним можно проследить некоторые линии истории.

Русская народная вышивка уже более столетия привлекает к себе внимание исследователей. Еще в конце прошлого века сформировался ряд блестящих коллекций этого вида народного искусства и были сделаны первые попытки прочтения сложных «сюжетных» композиций, особенно характерных для народных традиций Русского Севера.

Появилось немало интересных работ, посвященных анализу сюжетно-символического языка, особенностей техники и региональных различий в русской народной вышивке. Однако основное внимание в большинстве этих работ уделяется антропоморфным и зооморфным изображениям, архаичным трехчастным композициям, включающим в себя, как уже сказано, стилизованный и трансформированный образ человека — женского (чаще) или мужского (реже) дохристианского божества.

Несколько особняком стоят геометрические мотивы северорусской вышивки, сопровождающие, как правило, основные развернутые сюжетные композиции, хотя очень

часто в оформлении полотенец, поясов, подолов, зарукавий и оплечий рубах именно геометрические мотивы бывают основными и единственными, чем они крайне важны для исследователей. Кстати, и анализ узоров местных традиционных кружев заслуживает тоже большого внимания с этой точки зрения.

Изображение женского божества совпадает с обрядовым положением рук женщины: а-в) вышивка, Русский Север; г) рисунок на ритуальном сосуде, Индия; д-е) вышивка, Сев. Индия

Об архаическом геометризме в русском орнаментальном творчестве и о необходимости его тщательного изучения неоднократно писал академик Б.А. Рыбаков. И в его работах 1960–1970 х гг., и впервые в вышедшем в свет в 1961 г. его глубоком труде о язычестве древних славян красной нитью проходит мысль о неизмеримых глубинах народной памяти, консервирующей в себе и проносающей через века в образах вышивки, резьбы по дереву, игрушки и т. п. древнейшие мировоззренческие схемы, уходящие своими корнями в неизведанно далекие тысячелетия.

Очень ценны в этом плане коллекции музея Русского Севера, т. е. тех мест, где, можно сказать, извечная отдаленность от государственных центров, а также относительно мирное существование (Вологодчина, например, в своей северо-восточной части практически не знала войн), обилие лесов и защищенность многих населенных пунктов болотами и бездорожьем — все это способствовало сохранению в течение неизмеримого ряда веков древнейших форм быта и хозяйства, бережного отношения к вере отцов и дедов, и, как прямое следствие этого, сбережению древнейшей символики, закодированной в орнаментах вышивок, в узорах тканей и кружев.

Особый интерес представляют вышивки, «дожившие» до рубежа XIX–XX вв., которые происходят из северо-восточных районов Вологодской и соседних районов Архангельской областей. Многие ученые писали о том, что это были земли финно-угорских племен, но данные топонимики свидетельствуют совсем о другом — подавляющую часть топонимов здесь составляют славянские, причем многие из них очень архаичны. Так, в Тарногском районе Вологодской области из 137 населенных пунктов, как больших, так и малых, только 6 имеют выраженные финно-угорские названия. Именно в этих районах наилучшей сохранностью обладают традиции орнаментальных схем древнейшего, как мы ниже проследим, происхождения.

Орнаментальные композиции, о которых пойдет речь и которые воспроизводились в вологодских вышивках вплоть до 1930 х годов, украшали лишь сакрально отмеченные вещи. Очень точно говорит об этом процессе Б.А. Рыбаков: «Отложение в вышивке очень ранних пластов человеческого религиозного мышления... объясняется ритуальным характером тех предметов, которые покрывались вышитым узором... Таковы подвенечные кокошники невест, рубахи, накидки на свадебные повозки и многое другое. Специально ритуальным предметом, давно обособившимся от своего бытового двойника, было полотенце с богатой и сложной вышивкой. На полотенце подносили хлеб-соль, полотенца служили вожжами свадебного поезда, на полотенцах несли гроб с покойником и опускали его в могилу. Полотенцами увешивали красный угол, на полотенце “набожники” помещали иконы» [142, с. 471].

Именно такие сакральные орнаменты и представлены в краеведческом музее Вологды, и они в дальнейшем будут основным сравнительным материалом в нашей попытке выявления орнаментальных параллелей между древнейшими узорами северорусской вышивки и орнаментами, созданными теми народами, которые жили позднее в различные исторические эпохи на обширных территориях Евразийских степей и лесостепи и говорили на индоевропейских языках, в том числе на тех, что относятся к индоязычным и ираноязычным ветвям праиндоиранского языка (или объединяемого им некоего числа диалектов племен, вошедших в науку под общим названием арьев).

Итак, одним из древнейших мотивов орнаментов геометрического типа являлся у народов Евразии ромб или ромбический меандр (меандр многие объясняли как условное изображение верхушки волны, заворачивающейся под прямыми углами). Меандр находят даже на вещах, датируемых палеолитом, например, на различных костяных изделиях, найденных на стоянке Мезин на Черниговщине. Палеонтолог В. Бибилова в 1965 г. предположила, что меандровая спираль, разорванные полосы меандра и ромбические меандры на предметах со стоянки Мезин возникли как повтор естественного рисунка дентина мамонтовых бивней. Из этого она сделала вывод, что подобный орнамент для людей той эпохи был своеобразным символом мамонта, основного объекта охоты. Это могло иметь и магическое заклинательное значение, направленное на успех охоты, и в то же время отражать в себе представления людей о достатке.

Узор меандра в разных его сочетаниях и модификациях продолжает существовать на протяжении многих тысячелетий, распространяясь все шире среди соседствующих индоевропейских народов и расходясь за пределы их территорий в процессе передвижений арьев на юго-восток. Его как символ удачи и своеобразный оберег от несчастья мы встречаем на культовых предметах и на керамике (т. е. на очень важных для жизни людей хранилищах пищи и питья) и в более поздних культурах.

Следует указать, что уже на костяных изделиях упомянутой Мезинской стоянки можно проследить, как из полосы двойного меандра, изображенного в движении справа налево, вырастают очертания свастики — еще одного характернейшего для всех индоевропейцев орнамента. Этот элемент изображается и в своем основном виде — в форме креста с загнутыми под прямым углом концами, и будучи усложненным новыми элементами в виде дополнительных отростков.

Мотив свастики: а-з) традиционные мотивы вышивки. Вологда, XIX–XX вв.; и) Новгород. XIII в.; к) Чернигов. XII–XIII вв.; л) Русь XIII–XV вв.; м) Рязань; н-о) трипольская культура. Энеолит; п-т) скифско-сарматские изделия. I тыс. до н. э. — нач. н. э.; у-ф) андроновская культура. Эпоха бронзы; х-ц) Сев. Кавказ. Эпоха бронзы; ч) Зап. Прикаспий. Эпоха бронзы; ш) Индия; щ) рисунок на свадебном сосуде. Сев. Индия; э) мотив вышивки, Таджикистан, XX в.

Свастика заняла в орнаменте одно из ведущих мест. Это слово санскритское и на других языках у него никаких иных названий нет. Оно состоит из двух частей: «су» — хороший, счастливый и «асти» — есть (третье лицо единственного числа от глагола «быть»); по правилам фонетики «у» перед гласным «а» заменяется на «в» и получается «свасти», к которому добавлен суффикс «к» и окончание «а»: свастика. Этот знак означает «дарующий все хорошее, приносящий счастье». Если в четырех его «отделах» поместить по точке, то это будет символ засеянного поля и одновременно мольба о хорошем урожае.

Кстати, если две свастики наложить одна на другую с поворотом верхней на 45 градусов, то получится древнеславянский знак солнца «коловрат», т. е. вращающееся колесо (коло), имеющий восемь спиц с загнутыми по часовой стрелке концами.

Знаком свастики, начиная с глубокой древности, у предков славян и арьев стал обозначаться свет солнца как источник жизни и процветания. Этот знак прослеживается от Архангельска до земель Индии, где он виден повсеместно — им украшают храмы, дома, одежду и обязательно многие предметы, связанные со свадьбой.

До сих пор возмущает людей безобразное использование свастики немецкими фашистами, которые во что бы то ни стало стремились уподобить себя арьям («арийцам»), приписывая этим древним племенам скотоводов, а затем и скотоводов-земледельцев черты каких-то дьявольских завоевателей. Скверно при этом выглядит и спекуляция на сравнительно небольшом количестве сходных слов в немецком и санскрите — таких слов гораздо больше в славянских языках. Все предки индоевропейских народов выработали в глубочайшей

древности в процессе исторических контактов некий объем сходной лексики, но предки германцев и других европейских народов относились к западной группе индоевропейцев, тогда как предки славян и арьев — к восточной, гораздо более взаимно близкой. Так называемую арийскую свастику можно и по сей час видеть в ремесленных произведениях славян, особенно северных: ею украшено множество произведений народного искусства, включая узорно вывязанные варежки.

Своеобразной трансформацией мотива меандра представляется характерный для керамики Триполья образный орнамент, состоящий из так называемых «гуськов».

В целом можно определить тот круг орнаментальных основных мотивов, с которыми, ориентируясь на Триполье как на некий их свод, мы будем сравнивать материалы последующих культур. Это — меандр и его разновидности, меандроидная спираль, сложнопрорисованный крест, свастика, «гуськи».

В поисках ближайших по времени аналогий мы, естественно, обратимся к керамическим комплексам тех культур, которые с различными временными интервалами существовали на территории Восточной Европы и Урала с приуральскими землями. Традиции орнаментации керамики, включающей в себя удивительное разнообразие вариантов меандрового и свастического мотивов, мы встречаем у ближайших соседей «срубников» — населения андроновской культуры, созданной индоиранцами и генетически связанной со срубной. Синхронные по времени, эти две культуры существовали в течение длительного периода на весьма обширных территориях степной и лесостепной зоны нашей страны.

Меандр: а-г) традиционные мотивы вышивки и ткачества, Вологда; д) Юго-Восточная Европа, палеолит; е-ж) Балканы, неолит; з) Триполье; энеолит; и) Юго-Восточная Европа, эпоха бронзы; к-л) андроновская культура, эпоха бронзы

Мы имеем все основания говорить и о распространении среди славян, а точнее восточных славян, описываемых здесь орнаментальных схем. Как и во всем андроновском орнаменте, в севернорусской народной вышивке и браном ткачестве, композиция делится на три горизонтальные зоны, причем верхняя и нижняя зачастую дублируют одна другую, а средняя несет на себе важнейшие с их точки зрения по значимости узоры. Мы не знаем, каковы были формы орнаментов на вещах, изготовлявшихся людьми в эпоху древнейшего индоиранского (общеарийского) единства, но полагаем, что описываемые элементы орнаментальных узоров вряд ли родились в одночасье в сознании тех же андроновцев, а уходят своими корнями в генетически связанную с ними культуру их общих предков.

Упомянутая средняя полоса горизонтальной композиции может нести на себе последовательные во времени для разных культур самые разнообразные сочетания из числа указанных элементов орнамента, которые абсолютно идентичны севернорусским, трипольским и гораздо более восточным и юго-восточным культурам. Особенно интересна правомерность подобных аналогий, прослеживаемая в археологических восточнославянских материалах. Например, найденная в Новгороде в 1960 х гг. пряжка в форме сложно прочерченных крестов, датируемая серединой XIII в., нашла повторение своего узора в вышивке, недавно выполненной на полотенце вологодской крестьянкой. Опубликованная Г. Поляковой находка шиферного пряслица на славянском поселении недалеко от Рязани, которое датируют XI–XIII вв., интересна тем, что на пряслице процарапан рисунок в виде шестиконечного православного креста, окруженного меандровыми спиральями и свастическими мотивами.

Подобные примеры можно было бы и еще продолжать. Нам же остается констатировать следующее: сходные орнаменты могут вне взаимной связи возникать у разных народов, но трудно поверить в то, что у народов, разделенных тысячекилометровыми расстояниями и тысячелетиями, — если только эти народы не связаны этногенетически, — могут совершенно независимо друг от друга появляться столь сложные орнаментальные композиции,

повторяющиеся даже в мельчайших деталях, да еще и выполняющие одни и те же функции: оберегов и знаков принадлежности к семье или роду.

Невозможно отрицать неизбежность возникновения этногенетических связей между древнейшими предками индоиранских племен и выделившимися из их общности индоязычной и ираноязычной ветвями, а соответственно и теми этносами, которые складывались в тесной близости с ними в течение тысячелетий, вплоть до сложения обширных и близких по своей культуре срубной и андроновской общностей.

При их сложении должен был протекать и процесс их частичного распада, выразившийся в переселении отдельных племен или даже их групп как на запад, так и на восток. Уход арьев, например, завершился, как признано наукой, ко второй половине II тыс. до н. э. Территориально близкие им в течение столь долгого времени предки славян частично переселились на запад, образовав группы, известные под названием западных славян, а главный массив, именуемый восточными славянами, осел на землях Восточной Европы.

Орнамент на сосудах из могильников Синташты

Уходя на восток и юг, племена арьев уносили с собой традиционные формы культуры — сложившиеся навыки производства, типы орнаментов (и осмысление отражаемой в них символики), обычаи и верования.

На своем пути в Индию и Иран арьи вступали в контакты с народами стран, через которые они проходили, поселяясь там на разные отрезки времени и частично смешиваясь с этим населением. Поэтому для нас здесь интересны и те мотивы узоров, близкие к древнеславянским, которые выявляются у народов, живущих, например, на Кавказе или в Средней Азии (хотя следует помнить, что за Уралом и до Афганистана часть земель входила в ареал андроновской культуры и ранее).

К сожалению, ученые лишь в последние 25–30 лет стали проследивать в своих трудах расовые, языковые, культурные и другие арья-славянские параллели, а такие исследования значительно расширяют границы наших знаний о нашем собственном прошлом.

Мы здесь воздерживаемся от далеко идущих выводов и лишь отметим в заключение, что рамки данного анализа ограничены пределами приполярной, степной и лесостепной зоны нашей страны. Несомненно, привлечение индийских и иранских материалов значительно расширило бы эти рамки.

По нашему глубокому убеждению, не следует так упорно замалчивать далее гипотезу индийского историка Б. Тилака о вероятности наиболее древнего объединения предков арьев (еще в ту далекую эпоху их общей индоираноязычности, признаваемом изначальной формой существования их общности) в родоплеменные и племенные союзы именно в приполярных областях. Не только возможность, но полную вероятность этого факта он убедительно доказывает множеством описаний арктической природы, сохранившихся в памятниках древнеиндийской литературы.

Древнейшие же предки славян, судя по множеству сближений различных сторон истоков их культуры с древнеарийскими, а затем и с культурой народов евразийских степей, носителей индоевропейских языков (как, например, андроновцев, некогда выделившихся из индоиранской общности), по всей видимости, были столь близки арьям, что передали своим потомкам и много общих элементов языка, и общие мотивы орнаментов. И язык, и орнаменты были средствами взаимного общения и доказательствами генетической близости, а возможно и знаками членства, вхождения в одни и те же роды, в одни и те же племена.

Перепечатка статьи Ф.Н. Разоренова из сб.: «Древность: Арьи. Славяне». М.: Палея, 1996."

Аркаим... Это слово звучало несколько неожиданно: арьи на Урале? Для большинства арьи — то ли древние индийцы и персы, то ли «фашисты», «арийцы». А что же это на самом деле — арьи?

Как уже говорилось выше в этой книге, в Европе это слово стало известно не ранее XVIII в., когда англичане стали присматриваться к завоеванному народу Индии и его культуре. Ученые сразу обнаружили множество признаков, указывающих на сходство культур покоренных индийцев и европейских колонизаторов. Удивляли довольно точные совпадения звучания и смысла слов санскрита, древнего языка арьев, и языков Европы.

XIX в. ознаменовался нарастанием индийской темы в исследованиях Востока. Европа начала знакомиться с Ведами, священными книгами арьев. Уже становилось очевидным, что сходство на самом деле оказывалось родством.

Как это было возможно? Ответ уже найден, он отражен в трудах многих ученых. Некоторые считают его гипотезой, требующей доказательств, другие же — а их становится все больше — новой научной теорией. Открыт и подтвержден многими доказательствами факт формирования древнейших предков индоевропейских народов (и в их числе арьев) на Крайнем Севере, в приполярных областях. Эти племена стали там складываться в те века, когда окончательно отступил ледник (XII тыс. до н. э.), и, разрастаясь, они начали двигаться к югу, ища новые земли для своих развивающихся обществ. Сложившиеся в пределах этого большого, говорящего на более или менее сходных языках массива индоевропейцев племена арьев или, по другому названию, индоиранцев, тоже продвигались к югу по Восточной Европе и вдоль Уральского хребта. Наступил момент (он еще точно не определен), когда от индоиранской (арийской) общности отделились ираноязычные арьи, и их путь определился по Уралу. На Среднем, а затем на Южном Урале и в Зауралье они развили культуру, известную в науке под названием андроновской (по имени села, у которого были впервые найдены ее памятники в 1927 г.).

С точки зрения археологии урало-казахстанские степи от бассейна Волги до Саян хранят в себе памятники андроновской культуры эпохи энеолита и бронзового века. В развитии этой культуры выделяются три этапа: ранний — XVIII–XVI вв., развитой — XV–XIII вв. и поздний — XII–IX вв. до н. э. В течение всего этого периода арьи продвигались на юг и в конце концов в большинстве покинули эти земли и переселились в Иран, оставив после себя своих потомков, из которых сложились племена скифов.

Другая же часть индоиранской общности, праиндийцы, проходя к югу по землям Восточной Европы, была очень близка индоевропейским народам и особенно своим соседям — праславянам.

Постепенно все эти народы оказались на огромных расстояниях один от другого, а языки их тем не менее объединяются обширными пределами семьи индоевропейских языков.

Многие ставят вопрос о допустимости соотносить людей, создавших андроновскую культуру, с индоевропейцами вообще и со скифами в частности. Недавно вышедшая монография известного русского исследователя андроновской культуры Е.Е. Кузьминой ставит наконец

точку в череде сомнений [104]. Она сообщает, что данные измерения черепов из западно-андроновских могильников подтверждают близкое родство этой ветви арьев с населением, создававшим в Юго-Восточной Европе в III–II тыс. до н. э. так называемую срубную культуру. Это родство особенно четко выявляется «в контактной зоне от Заволжья вплоть до Центрального Казахстана» (с. 243). Таким образом, мы можем еще раз прийти к заключению, что предки славян, участвовавшие в создании срубной культуры (наряду с представителями некоторых других индоевропейских племен) и заселявшие восточные земли этой культуры, были соседями и, возможно, родственниками андроновцев.

Год за годом археологи «подбирались» к возможности выявления тесных контактов между племенами индоевропейцев на наших землях. Еще в 1920-х годах была выделена из множества культурных общностей так называемая абашевская культура (по селу Абашево в Чувашии), датируемая II тыс. до н. э. Памятники ее в дальнейшем были открыты на территории от левобережья Днепра до р. Тобол. Они известны в лесостепном Подонье, в Поволжье и Южном Приуралье, т. е. в области, которая нам здесь особенно интересна, так как здесь в тот же период жили андроновцы. И возникает вопрос: только ли хозяйственные контакты их объединяли? И те и другие были скотоводами «с подчиненным значением земледелия» [138, с. 124–125]. Было ли смешение и, как результат, взаимная генетическая близость? Или общность далеких корней? Ниже мы вернемся к указаниям на сходство обеих культур. Это сходство тем более значительно, что многие исследователи отрицают принадлежность абашевцев к финно-уграм и связывают их с восточной ветвью индоевропейцев, а в их число как раз входили предки славян и андроновцев.

Именно у абашевцев впервые в лесостепной и степной зоне России появился колесничный транспорт, который стал в то же время известен на Южном Урале в андроновских поселениях (указ. соч., с. 125).

Интерес наш и к индоязычным и ираноязычным арьям не гаснет — ведь это наши братья, хоть и не родные и не двоюродные уже, но братья, а потому каждый памятник культуры, созданный ими на нашей земле в далекие века ближайших наших отношений, неизменно вызывает в нас самый горячий интерес.

И вот в печати стали появляться сообщения об открытии какого-то загадочного города арьев, которому не то 3,5, не то 35 тыс. лет.

Заповедник Аркаим расположен примерно в 50 км к западу от г. Бреды, райцентра Челябинской области. Дорога идет вдоль небольшой степной речки с «историческим» названием Синташта. На ее берегах в 1970-х гг. было обнаружено первое протогородское поселение арьев зауральских степей. Поселение имело кольцевую крепостную стену, с внутренней стороны к стене примыкали жилища. Рядом с городищем, получившим наименование по речке, нашли и раскопали древний курган, названный Большим. Работы велись археологической экспедицией под руководством В.Ф. Генинга.

Поселение на р. Синташте дало богатейший исторический материал, который был сведен в обширную и подробную монографию [36].

Поиски легенды

Аркаим был покинут его жителями еще в глубокой древности, примерно в XVII в. до н. э. С тех пор он был просто кругом на лице земли. Но о нем знали, его искали. Говорят, в XVIII в. нашей уже эпохи в зауральские степи был отправлен казачий отряд для поисков города с загадочным названием Аркаим. Тогда его не нашли. Зато мы получили еще одно упоминание

о нем, еще одну опору моста с того берега времени до этого.

Город не прятался, его просто не видели, не распознавали. В 1956 г. вся местность была сфотографирована с воздуха: общий рисунок города просматривается вполне отчетливо. Так же и Синташтинский комплекс, на фотоснимках явно виден Большой курган. Синташта стала предметом исследования, когда было принято решение создать небольшое водохранилище для местных совхозов. Произошло это в начале 1970 х.

Директор заповедника, руководитель археологической группы Геннадий Борисович Зданович, заведующий лабораторией археологии Челябинского государственного университета, пишет, что андроновцы были достаточно хорошо изучены, и в науке уже сложилось представление о них. Главным их занятием было скотоводство, но знали они и земледелие, ремесла. Они жили большими семьями в крупных землянках, разбросанных «хаотично» на значительном расстоянии друг от друга. У ученых не вызывало сомнений, что перед ними довольно отсталое общество с развитыми родовыми связями. Об этом говорили относительная бедность и погребений, и поселений андроновцев. «Отсталость» — по сравнению с пышной античностью.

Открытые поселения, которые мы здесь с некоторым терминологическим нарушением будем условно называть «городами», совершенно неожиданно оказались принадлежащими той же самой андроновской культуре, причем не обнаружено никаких переходных форм, не выявлен даже временной отрезок, на протяжении которого землянки успели бы собраться на одной площадке и объединить свои стены, образовать переходную форму, модель будущего города. Города, точнее, городища стали строиться вдруг, сразу такими, какими их нашли в наше время.

«Традиционные поселения эпохи бронзы урало-казахстанских степей имеют обычно линейную планировку. Каждый жилой комплекс (в данном случае жилище. — Ф. Р.) существует как бы самостоятельно, что подчеркивается свободным пространством вокруг жилищ. Поселения же петровско-синташтинского типа качественно иной структуры. Они создавались по заранее продуманной схеме, при четкой разметке местности и даже при наличии макета. Древние «архитекторы», планируя элементы «города», руководствовались единой идеей, которую можно назвать идеей центризма». Таким образом, данные поселения можно условно характеризовать как «ранний город», в отличие от традиционных поселений андроновской культуры.

Аркаим с высоты птичьего полета

Просуществовав всего одно историческое мгновение (несколько сотен лет), Аркаим был оставлен, а андроновская культура в прежнем виде (землянки) продолжала еще некоторое время существовать на той же территории так же, как и раньше. Невольно напрашивается предположение, что протогородские поселения синташтинского типа были возведены каким-то иным народом, неожиданно появившимся в этих местах и так же неожиданно покинувшим их. Однако техника строительства, тип жилища, находки черепков, металлических изделий и т. п., без всякого сомнения, указывают на то, что они были созданы теми же самыми андроновцами.

Одним из первых было открыто укрепленное поселение на берегу речки Синташты, около кургана, названного Большим, где археологи вели раскопки. Постепенно к концу 1980 х было найдено более 20 археологических комплексов, аналогичных синташтинскому поселению.

Тогда, в 1970 х, «...Синташта казалась каким-то исключительным, необъяснимым, а возможно, и случайным явлением, привнесенным в наши степи откуда-то со стороны, из районов развитых земледельческих цивилизаций. Смысл и значение синташтинского феномена стали понятны только после открытия редчайшего по своей сохранности

укрепленного поселения Аркаим, а затем и целого ряда других поселений, компактно расположенных вдоль восточных склонов Уральского хребта» [36, с. 258].

Час открытия Аркаима пробили в июне 1987 г., когда по планам печально известного Минводхоза чаша долины Караганки должна была стать водохранилищем.

Археологи вели плановые исследования в зоне предстоящего затопления. «Были найдены две стоянки каменного века, три поселения эпохи бронзы и несколько курганных могильников, возраст которых без специальных раскопок установить оказалось невозможно», — пишет Г.Б. Зданович. Школьники, помогавшие в работе, обратили внимание на неровности, замыкающиеся в кольца. Позвали Здановича. Он узнал очертания поселения синташтинского типа, и общим решением древнему городу дали название по соседней горе: Аркаим.

Находка была ошеломительной: Аркаим не срыт экскаватором, не смыт рекой, не запахан, не застроен. Это граничит с чудом: целое, не тронутое ни людьми, ни стихиями поселение, блестящая иллюстрация предгородской культуры андроновцев! Синташта, например, была сначала более чем наполовину смыта одноименной речкой, изменившей в очередной раз свое русло. Потом мелиораторы устроили очередное оросительное водохранилище совхозного масштаба, и тонкий слой воды скрыл и окончательно уничтожил город. Только один Аркаим дождался исследователей в том виде, который он принял вскоре после того, как жители покинули его, — это было более трех с половиной тысяч лет назад.

Его приговорили к затоплению — и откуда им было знать, что эту долину нельзя затапливать? Нетрудно себе представить состояние ученых: «Аркаим должен быть спасен!» В течение трех лет они исследовали поселение, ожидая затопления, работали на пределе своих сил, три года добивались сохранения этого памятника.

Водхоз давал год, потом еще год, последний, потом еще год, совсем уже последний. Построенная к тому времени плотина почти перекрыла Караганку в том месте, где она, вырываясь из чаши, протекает между горой, названной археологами Огненной, и высоким восточным берегом (осталось досыпать ок. 30 м). Было вложено более трех миллионов рублей. Огромный и страшный карьер незаживающей раной рассек землю. Омерзительное насилие над природой отражалось в министерских сводках, «освоено 3 млн рублей». На исходе третьего года была одержана победа: Академия наук нашла деньги. Был образован заповедник, филиал Ильменского геологического заповедника (город Миасс). Наступили археологические будни, в которых кропотливой и пыльной работой совершается великое чудо: обретение знания, приобщение к предкам.

Аркаим — это еще не город, но уже и не деревня

В заповеднике действует ряд правил, характерных именно для археологов:

- 1) ходить на само городище можно только в порядке организованной экскурсии,
- 2) делать фотоснимки в районе работ запрещено,
- 3) на территории заповедника нельзя ничего собирать.

Приведем план раскопок и краткое описание поселения: «Внешняя оборонительная стена диаметром около 150 м была сделана из бревенчатых клеток, забитых, или, лучше сказать, залитых грунтом с добавлением извести. По верху стены шел частокол из бревен. Так что общая высота стены была 5–5,5 метра... Внутренняя стена, менее массивная, чем внешняя,

была, возможно, выше внешней. На некотором расстоянии от внешней стены, на краю террасы, ограниченной поймой, просматривается третья стена, очевидно меньшая из всех, которая защищала легкие жилища в третьем круге. Устройство и назначение третьего круга может быть установлено только после археологического изучения.

Опишем Аркаим в соответствии с прилагаемыми планами.

Толщина стен крепости — 4–5 метров, детинец — 3–4 метра, высота соответственно — 3–4 и 4–5 метров. С внешней стороны крепость окаймлялась рвом (15), наполненным водой, глубиной 1,5–2,5 метра и шириной около 2 м. Перед рвом возводили 1–2 дополнительные стены (16) меньшей высоты, подобно синташтинским.

Поселение представляло собой два кольца мощных крепостных стен (1, 2) и жилищ (3), примыкающих к ним с внутренней стороны. Внутренняя стена образовывала детинец с 20 жилищами и центральной площадью (5), возможно, для совершения ритуалов. Один вход в детинец ясно просматривается в его юго-западной части (4), а другой угадывается в северо-восточной (6) (здесь раскопки не производились). Внешняя крепостная стена имела, по всей вероятности, четыре входа (7, 8, 9, 10), два из которых раскопаны и хорошо читаются (7, 8). Первый и основной — юго-западный. Здесь стена крепости смыкается с детинцем. Толщина стен в этой части максимальна. Каждый вход в крепость отмечен мощной радиальной стеной (11, 12, 13, 14), что делит пространство крепости на 4 сектора по 7–9 жилищ в каждом».

План рельефа поселения и раскопок

«Древним зодчим удалось связать воедино задачи обороны поселка, жилые и хозяйственные комплексы, а также сложный узел коммуникаций от верхних и нижних улиц и переходов до системы ливневой канализации с ее водосборными ямами и отстойниками. Каждый элемент поселения находился в тесной связи с целым, а четко обозначенное архитектурное единство говорит о целенаправленном воплощении в объемно-пространственных формах определенных идеологических и культурно-хозяйственных целей.

Пройдя ворота (7), попадаем мысленным взором на улицу (17), единственную внутри поселения. Она огибала стену детинца, и движение осуществлялось по солнцу. Чтобы попасть на центральную площадь (5), надо обойти детинец кругом. На противоположной стороне (еще не копанной) просматривается вход (6) во внутреннее пространство, причем входящий сначала оказывался не на площади, а внутри жилища (18), в отличие от входа (4), что, по-видимому, позволило руководителю раскопок предположить наличие только одного входа в центральную часть города — того, который расположен прямо против основных юго-западных ворот. Друг пройдет вдоль всех жилищ, поприветствовав их обитателей. Враг... скорее всего не пройдет. Нападавший, даже если он сумел проникнуть за крепостную стену, был вынужден обежать по меньшей мере половину круга (ок. 70–80 м), прежде чем добраться до прохода в центр. Совершенно очевидно, что для него этот путь не мог быть удачным.

Реконструкция городища. Рамкой выделена зона раскопа. За пределами рамки реконструкция выполнена исключительно по данным рельефа и требует значительного уточнения

Глубокой продуманностью и оригинальностью отличается северо-западный вход (8). Он был достаточно удобен для каждодневного использования и в то же время оставался губительной ловушкой для неприятеля. Сравнительно неширокий вначале, он расширялся дальше до 3 м, а потом снова сужался выступом внешней стены. Только преодолев этот участок, вы могли попасть на открытую и более или менее свободную площадку.

Перед вами открывается проход на внутреннюю улицу, но пройти по нему можно, если он перекрывался деревянным настилом, иначе легко оказаться в одной из ям. Из примыкающего жилища (20) в расширение входа ведет узкая и незаметная щель, по которой защитники

города могли ударить в тыл прорвавшемуся противнику.

По кольцевой улице проходит водоотводный ровик (21), который соединяется с внешним рвом через главные юго-западные ворота. Нетрудно предположить, что в случае нападения защитники поднимали мост, закрывали ворота, и попасть в город в этом месте становилось практически невозможно. Объединение ливневого стока и внешнего рва позволяло во время сильных осадков пополнять ров за счет отвода излишков воды за пределы города: одним выстрелом двух зайцев!»

Г.Б. Зданович рассказывает, что в районе поселений, подобных Аркаиму и Синташте, встречаются две основные формы городищ — круглая и квадратная, а также еще одна, более древняя овальная, которая всюду была некогда перестроена.

Авторы сборника [36] дали описание древнерусских поселений (периода I тыс. до н. э. и раньше) овальной и полуовальной формы, аналогичных городищам синташтинского типа, которые были обнаружены при раскопках в Верхнем Поднепровье. Известный русский археолог П.Н. Третьяков назвал их «городища-убежища». Эти постройки представляли собой наземные сооружения столбовой конструкции. Аналогию можно усматривать в том, что постройки располагались по краю площадки (площадкой называется вся площадь, занятая городищем. — Ф. Р.), образуя неполный овал. В некоторых поселениях центральная площадь оставалась незастроенной. Сооружения делились на отдельные помещения, имевшие каменные очаги. Кроме полуовального и овального планов, были и такие поселения, где наружные стены длинных домов, размещаясь вдоль края площадки по кругу, одновременно имели и оборонительные функции. Иногда наружная стена построек отстояла от края площадки, образуя проход между домами и оборонительным валом. Во многих городищах были особые оборонительные сооружения вдоль края площадки и на валу. Они состояли из срубов, имевших мощные перекрытия и засыпанных сверху землей. Таким же образом строились через две тысячи лет стены русских деревянных крепостей.

Находимые при этом изделия были взаимно аналогичны от Белоруссии до Волги, отмеченной поселениями андроновцев. При раскопках древнерусских поселений в приокском районе были обнаружены постройки столбовой конструкции, наземные или типа полужемлянок. Эти городища найдены, например, под слоями остатков древнерусских городов вятичей.

Схематичное описание поселений типа Синташта сохранилось в Авесте, где Ахура-Мазда учит Йиму: «В переднем округе [Вара] сделай девять проходов, в среднем — шесть, во внутреннем — три...» — «Как же я Вар сделаю, о котором сказал мне Ахура-Мазда?» И тогда сказал Ахура-Мазда Йиме: «Топчи землю пятками и мни руками так, как люди лепят намокшую землю»[10][5]. Текст Авесты подсказывает, что предположения археологов о третьем круге крепостных стен совершенно оправданны.

Крепость

Фортификация Аркаима остроумна, проста и эффективна. Жители города могли быть спокойны: в ту эпоху в тех краях у них не было достойных соперников, кроме... кроме тех, кто сам строил такие же города.

Болезненная и актуальная для всего индоевропейского мира тема: вражда между родственными племенами, народами и государствами. В случае с арьями — это вражда между двумя ветвями арийства: индийской и иранской. Идеологические противоречия ясно видны хотя бы на том примере, что для индийцев дэвы — боги, а асуры — бесы, а для иранцев как раз наоборот: дэвы — соперники богов, асуров. Само слово «асура» (ахура) даже

вошло составной частью в имя верховного бога зороастризма, Ахура-Мазда (более поздняя форма — Ормазд).

Сейчас трудно догадаться, в чем именно состояли эти противоречия. Однако можно с уверенностью сказать, что борьба была не только «идеологической»: археологи обнаружили, что часто крепостная стена разрушалась, а на месте старого поселения возникало новое, с новой формой внешней стены.

Жилища Аркаима соответствуют обычным андроновским полуземлянкам. Это огромные помещения площадью от 50 до 300 м². Посередине проходит 1 или 2 ряда опорных столбов, которые поддерживают двускатную кровлю. Жилища построены из дерева, глины, дерна. К настоящему времени раскопана лишь небольшая часть поселения (ок.?). «Всего на Аркаиме исследовано 26 жилищ: 15 во внешнем кольце и 11 во внутреннем круге... Стены их представляют собой два параллельных обшитых плахами ряда столбов, находящихся на расстоянии одного метра друг от друга. Промежуток между столбами заполнен грунтом или сырцовым кирпичом... Хозяйственное помещение, служившее одновременно и местом общих сборов, располагалось в глубине жилища и составляло примерно? часть его общей площади. В хозяйственном отсеке обязательно наличие 1–3 колодцев (в одном случае даже 8 — см. жилище в зап. части детинца. — Ф. Р.). Рядом с колодцами, иногда в непосредственной близости от них, располагались по одному-два очага. Они фиксируются в виде углублений в сочетании с канавками и развалами пережженных камней. В отдельных случаях канавки соединяют очаги с устьями колодцев (об этом необычном явлении см. ниже раздел «Труд» — Ф. Р.). Судя по остаткам костей животных и металлургических шлаков, очаги были полуфункциональными [55, с. 8]. В помещениях выкапывались ямы-погребца для хранения продуктов, колодцы... Не исключено, что значительная их (жилищ. — Ф. Р.) часть имела два этажа. В средней части расположены очаги прямоугольной формы, которые скорее всего имели ритуальное назначение. Они часто окружены ровными вертикальными каменными плитками. Встречаются и сложные очажные сооружения, иногда пристенные, напоминающие камин, сохраняющие следы хозяйственного использования.

а) план жилища поселения Аркаим; б) сечение жилища и крепостных сооружений

В основу кровли положены бревна, перекрытые толстыми ветвями. Поверх ветвей уложены связки сухого тростника, выше — слои глины. Сверху кровля покрыта слоем дерна. Так кроют жилища в северо-западных областях Южной Азии и в наши дни (см.: Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М., 1981).

Боковые стены, разделявшие соседей, имели толщину около метра и были выполнены из смеси глины, земли, возможно, извести или другого какого-нибудь связующего вещества, в частности, речного ила. Эта смесь закладывалась в опалубку и утрамбовывалась. Археологи рассказывают, что прочность этих стен чрезвычайно велика.

Любопытно: несмотря на то что в непосредственной близости от Аркаима есть каменные россыпи, древние строители не использовали камень для возведения своих поселений. Возможно, это лишнее указание на то, что их строительные навыки сформировались еще до прихода на Южный Урал. «Одним из основных строительных материалов служило дерево: береза, сосна и кедр... На бревнах отчетливо видны следы лезвий бронзовых топоров, стругов и тесел, которыми прекрасно владели андроновские плотники, умевшие скреплять сруб (в могильных камерах. — Ф. Р.) различными способами: «в обло», «в лапу», «в перевязку»...

Хорошо изучены и так называемые «землянки» андроновцев. Стены укреплялись вертикальными бревнами, крыши были двускатными, опиравшимися на стены и конек, который, в свою очередь, опирался на ряд бревен-стояков. «Точно такие же жилища были распространены и в других культурах евразийской степи и лесостепи — срубной, абашевской

и более западных», — продолжает автор (с. 45).

Бревенчатый частокол на вершине стены-вала, приемы связывания венцов бревенчатых срубов подтверждают мысль о тесном соседстве древних арьев и праславян в период неолита и бронзового века.

Славянское святилище IX–XI вв. (Черновицкая обл.), план и разрез (реконструкция): а) капище, б) земляные стены, в) ров, г) строения

После того как андроновцы покинули свои укрепленные поселения (по материалам Аркаима — примерно в середине второго тысячелетия до н. э.), их наследники больше не строили городищ, укрепленных стеной и частоколом, и стали развивать технику строительства отдельного дома. В XII–IX вв. (поздний (по Кузьминой) период андроновской культуры) они строили дома, достигающие площади 500 м² и более, из массивных хорошо обработанных каменных блоков... «Это самые большие дома, известные в культурах евразийских степей бронзового века» (там же, с. 47). По-видимому, большой однокамерный дом, построенный из камня или глины на деревянном каркасе, является единым этапом жилищного строительства на просторах Евразии, из которого развился многокамерный дом, описанный выше, и однокомнатные дома, обнаруженные в соответствующих слоях Восточной, Центральной и Западной Европы.

Таким образом, ранние города арьев-андроновцев XVII века до н. э. развились скачкообразно из отдельно расположенных землянок. Впоследствии они исчезли, и андроновцы продолжили развитие отдельно стоящей землянки до обширного каменного дома начала первого тысячелетия до н. э.

«Дом центральноевразийского типа (к которому принадлежит андроновское жилище) распространен в средних широтах от Центральной Европы до Западной Сибири. Он деревянный, рубленый или каркасно-столбовой, часто заглубленный в землю, с пирамидальной или двускатной коньковой крышей и открытым очагом. Дом большой, однокамерный, предназначен для обитания большой семьи. Этот тип хорошо известен и по раскопкам в Центральной Европе и Казахстане, и по глиняным моделям жилищ, найденных в энеолитических слоях Подунавья и Поднепровья...» (выделено мной. — Ф. Р.).

«Описанные в ведической литературе и Авесте дома древних индоиранцев не имеют ни аналогий, ни истоков в архитектуре земледельческих цивилизаций ни Индии, ни Ирана, ни Передней Азии, а соответствуют домам центральноазиатского типа, откуда, следовательно, и пришли их строители... Интересно, что в некоторых районах Индии архаичный тип большого дома с двускатной коньковой кровлей сохранился и до сих пор... В них проживают... представители особых этнокастовых групп, которые возводят свою родословную к ведическим арьям... Специфика их жилищ обусловлена... древними домостроительными традициями... принесенными индоариями извне с северной прародины».

Теперь вспомним о культуре абашевцев, о которой говорилось выше. Остановимся лишь на одном их поселении — Шиловском, расположенном на левом берегу р. Воронеж. Площадь его достигала 7,5 тыс. м² (для сравнения: Аркаим — ок. 7 тыс. м²). Оно было укреплено двустенной деревянной конструкцией и рвом в 2,5 м шириной. Здесь были открыты большие полуземлянки размером в среднем 14 на 20 м со стенами из вертикальных столбов и двускатными крышами. На земляном полу жилищ, в неглубоких ямках, устраивались очаги. Найдены ямы-жертвенники и ямы хозяйственного назначения. И, что нам особенно интересно, были обнаружены свидетельства занятия металлургией, аналогичные Аркаиму: кусочки руды, литейные формы из глины, капли металла, шлаки и т. д. Специалисты пришли к выводу, что абашевская металлургия в целом предшествовала андроновской.

Сходство археологических культур на пространствах лесной, лесостепной и степной зоны

Евразии должно было сложиться в более раннем периоде в пределах более ограниченной территории. Таким местом действительно могло быть Приполярье, откуда предки племен, образовавших в дальнейшем абашевскую и андроновскую культуру, продвигались на юг и юго-восток.

Распространение жилищ-полуземлянок на славянских, а затем и древнерусских поселениях прослеживается от Белоруссии в Северо-Восточную Русь, а на севере отмечено в Новгородских землях. В некоторых районах Западной Европы находят жилища полуземляночного типа, по размеру и строительным приемам схожие и с праславянскими, и с андроновскими.

В связи с вышеизложенным представляют интерес особенности построения среднерусской избы. Обычно это большой однокамерный дом (пятистенки появились сравнительно поздно и считались признаком зажиточности), чьи размеры ограничены длиной строительного леса. Дом разделен на отсеки (горница, кухня) перегородкой из тесин. Важнейший элемент русского дома — печь, которая представляет собой не что иное, как древний закрытый очаг, выполняемый вплоть до недавнего времени из битой глины. Конструкция русской печи отличается от замкнутой глиняной печи андроновцев тем, что ее дымоход начинается не сверху печи, а над шестком, около зева.

В Аркаиме привлекает внимание внутренняя улица, устланная дощатым мостом. Аналогами деревянным мостовым служат мощенные бревнами и досками улицы русских городов, открытые в нескольких слоях раскопок в Новгороде, Москве и др. Такое покрытие существовало на улицах городов Русского Севера почти до наших дней. В деревнях дощатые мостовые встречаются и сегодня. Это лишний раз указывает на близость культуры арьев-андроновцев и старославянской. Под дощатым мостом проходила канава и через каждые несколько метров — отстойные ямы (на дне этих «отстойников», однако, не обнаружено бытового мусора).

Напрашивается вывод, что праславянские племена, жившие к западу от зоны андроновской культуры и имевшие сходные строительные приемы, сохраняли наиболее архаичную форму кольцевых укрепленных поселений — овальную. Все это еще раз подтверждает близость материальной культуры древних индоевропейцев.

Труд

Жители Аркаима разводили крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадей. Вокруг города сохранились древние поля, где выращивались злаковые. По мнению Г. Здановича, жителям Аркаима было знакомо и поливное земледелие, однако Е. Кузьмина отрицает такую возможность. В радиусе 5–6 км от «города» находилось не менее 2–3 поселений, своего рода «полевые станы» для скотоводов и земледельцев, снабжавших ремесленников продовольствием.

Насколько высоко было мастерство ремесленников каменного и раннего бронзового века? Еще до открытия Аркаима и городской культуры андроновцев в Челябинской области, в карьере, была найдена выточенная из камня голова человека. По художественному исполнению работа оказалась просто ювелирной, даже специалисты стали в тупик — каким же инструментом обладал древний мастер?

Одно из основных занятий жителей протогорода — производство и обработка металла. В культурных слоях много орудий и остатков металлургического производства. Почти везде обнаружены металлургические печи. Изучение очагов плавильных печей и отходов

металлургического производства дает основание считать, что в Аркаиме как выплавляли чистую медь, так и изготовляли изделия из бронзы.

Печь андроновцев с поддувом из колодца

Медеплавильное производство — одно из основных ремесел андроновцев, живших в поселениях синташтинского типа. Урал давал богатые медью руды.

Любопытно техническое решение, позволявшее достигать высоких температур, необходимых для плавки металла. Обычно для этого применяется поддув мехами. Однако в Аркаиме (также и в Синташте) мехов не обнаружено. Пламя раздувалось каким-то иным способом. Таким способом обычно является естественная тяга. Тяга печи зависит, как известно, от высоты дымо-воздушного столба. Попытки достичь нужного жара в реконструированных печах не достигли успеха. Тогда археологи обратили внимание на то, что металлургическая печь всегда располагалась в непосредственной близости от особого непитьевого колодца и соединялась с ним канавкой, чьи размеры сравнимы с величиной дымохода. Так вот, аркаимцы сумели нарастить тяговый столб не за счет удлинения дымовой трубы (это было довольно трудоемко и ненадежно при том качестве развития строительных материалов), а наращивая столб снизу, добавляя особую поддувальную трубу, которая опускалась в колодец. По-видимому, это-то и создавало необходимую тягу. Построенная по этой схеме печь получала постоянный и достаточно сильный поддув, что позволяло достигать в топке необходимой температуры. В который раз древние преподносят нам уроки гениальной простоты!

Замкнутая медеплавильная печь по своему устройству аналогична печи, используемой в Евразии для выпечки хлеба (в том числе и русской печи). Хлебопекарная печь подобной конструкции (без колодезного поддува, естественно) известна по раскопкам трипольской культуры.

Новоселки бронзового века

Строительство поселений типа Аркаима могло проходить, очевидно, по двум основным «сценариям»:

1. В новые земли своего обитания прибыло несколько родственных семей общей численностью тысяча и более человек, которым нужно как можно скорее вселиться в привычные жилища. В этом случае укрепленное поселение могло быть построено в течение всего 1–2 лет: сначала центральная часть (первый строительный сезон), а на следующий год — вторая крепостная стена с расширением «жилого фонда» в три раза.
2. Однако нельзя упускать из виду возможность того, что подобные поселения строились небольшими группами переселенцев, состоящими, по всей видимости, из молодых семей, которые покинули свой город и на некотором отдалении (например, на расстоянии одного конного перехода) строят новый. По этому «сценарию» строительство разворачивалось на 15–20 лет: сначала «молодежь» строила простую крепость (будущий детинец), а по взрослению следующего поколения — двусоставную. Еще одно-два поколения нарождаются в том же городе, после чего часть семей совершает новый выселок, закладывает новое поселение.

Система выселок хорошо известна на Руси: кто не замечал Малые Иванищи рядом с Иванищами, Новоникольские рядом с Никольскими, бесчисленные Новоселки... и т. д. На то же указывают и сказки, когда младший сын должен найти себе новое место и там основать

поселение, и обычай не дробить хозяйство, а передавать его целиком старшему сыну.

Возможно, что отселение младших братьев проходило по одной схеме у славян и в родах арьев, что порядок образования новых «весей» у андроновцев был подобен тому, что мы можем наблюдать и на наших землях с древнейших времен.

Любопытно, что таким образом старший сын, а впоследствии — глава рода, оставался скотоводом или земледельцем (в зависимости от того, что для данной общности было традиционным), а некоторые из младших братьев становились воинами, героями, прославляющими свой род в «тридевятых царствах» и «тридесятых государствах». Можно сделать осторожный вывод, что от взора исследователей скрыты подлинные хранители родовых корней, которых затмевают деяния и подвиги их младших братьев.

Арья — значит «благородный»?

Популярное изложение исторической информации затруднено тем, что читателю любопытно узнать, какие народы описываются в исторических трудах. Археологи же обычно стараются избежать прямой привязки древних культур к этническим образованиям и, как правило, оперируют условными названиями (те же «андроновцы», например, или «фатьяновцы» — древние жители окско-волжского междуречья и т. д.). Подобное «абстрагирование» оправдано тем, что этническое наполнение той или иной территории редко бывает постоянным в течение двух-трех тысяч лет. Немаловажную роль при этом играют факторы как природные (засухи, похолодания, перемещение предметов охоты и др.), так и социокультурные (распространение религии, завоевания и т. п.).

Прямое возведение древних культур к современному населению в большинстве случаев ошибочно. Так, например, нельзя считать, что свастичные орнаменты II тыс. до н. э., находимые на Кавказе (см. илл. к ст. С. Жарниковой), были выполнены «протодагестанцами». С другой стороны, позднее расселение угро-финнов по землям Русского Севера частично скрыло от науки и соответственно от нас более древнее прото-арья-славянское население Приполярья. Во мнении многих почему-то установилось, что славяне поселились в приполярных областях Европы уже после угро-финнов, лишь в конце первого тысячелетия новой эры.

Выявление этнической преемственности археологических и соответственно исторических культур — дело как чрезвычайной важности, так и высочайшей ответственности. Для широкого круга любителей истории такая привязка обычно является основой их интереса к древностям своего края. Отсутствие ясных указаний на этническую принадлежность древних порождает завалы «исторического мусора» в сознании целых этнических групп, отдаляет их от подлинной истории, а значит, и от верного представления о современности (с «древними украинцами» могут поспорить разве что «древние американцы»).

Слово «арья» часто переводят с санскрита как «благородный». Это слово никогда не употреблялось самими арьями в качестве своего родового или племенного имени. В западную литературу этот термин вошел из литературы индийской, где он применялся в отношении пришлых индоиранцев, которые считали себя «благородными», светлокожими и прямоносими в отличие от темнокожего и довольно плосконого местного населения австралоидного типа. Настоящие же названия арийских племен во множестве сохранились в Ведах, Авесте и индийском эпосе: бхараты, кауравы, пауравы, дарада... Сами индийцы, кстати, называют свою страну Бхарата. Таким образом, слово «арья» употребляется здесь условно, в силу традиции, по недоразумению установившейся в науке.

Что касается андроновцев, историческое знание, обогащенное исследованиями по множеству направлений (археология, сравнительная лингвистика, топонимика и т. д.), по-видимому, уже в состоянии ответить на вопрос об их отношении к более поздним жителям евразийских степей.

Многие специалисты, занимающиеся изучением древнейшей истории арьев вообще и андроновцев в частности, не могли в свое время с уверенностью определить их языковую принадлежность. Е. Кузьмина, проследив и сопоставив длинный ряд основных элементов культуры, пришла к выводу, что «...хозяйство, быт, социальный строй, ритуал и верования носителей андроновской культуры полностью соответствуют картине, реконструируемой по языковым данным для индоиранцев, что дает основание признать андроновцев носителями индоиранской речи». Поскольку в науке уже давно принято называть древних арьев (еще до их прихода в Индию и Иран) индоиранцами, для нас также стало возможным именовать андроновцев приуральских областей арьями.

Судьба андроновцев хорошо известна. Покинув южнорусские степи и Приуралье, они оставили здесь своих потомков — скифов, которые сохранили и их облик и образ жизни. В указанной книге Е. Кузьмина приводит исчерпывающие материалы по сопоставлению всех доступных данных о культуре скифов и арьев-андроновцев. Совпадения здесь разительны и неопровержимы. Полное сходство обнаруживается в следующем: тип хозяйства — скотоводство с совершенно совпадающим набором видов скота; размещение в поселках; широкое распространение металлургического производства (главным образом медеплавильное дело. — Ф. Р.); отсутствие городов, храмов, письменности, печатей со знаками и, наконец, полная одинаковость костюма (см. табл. 9, с. 335, указ. соч.). При исследовании андроновских могильников на скелетах находят остатки остроконечных «скифских» колпаков, сапог-постолов (типа кожаных чулок), штанов, кафтанов и поясов. Таким образом, облик андроновцев восстанавливается с большой достоверностью по изображениям скифов, дошедшим до нашего времени в большом количестве и в хорошей сохранности.

Как же выглядели строители этих городищ? По исследованиям антропологов, территория андроновской культуры была населена людьми среднего роста (около 170 см), имевшими широкий костяк и крепкое телосложение. Ясно просматривается прямой «арийский» нос (которым они так гордились в Индии), правильные, типично европейские черты лица, постриженные «под горшок» или длинные, зачесанные назад волосы (на время боя их завязывали в пучок на затылке).

Интересный вопрос: сколько человек размещалось в одном жилище? Сколько было жителей в поселении? Скольких могли принять его крепостные стены в случае опасности?

Изображения скифов на изделиях из металла

Можно предположить, что одно жилище было построено и заселено одной семьей. Минимальная численность 5–8 человек. Глава семьи не самый старший по возрасту. Это опытный воин, крепкий духом и телом муж лет 40–50, его жена, распорядительница хозяйством, детьми и невестками, старые родители отца, один или даже оба старика, деды главы семейства, несколько (до десятка) детей всех возрастов. Итого: 12–15 человек. Дети подрастают, обзаводятся своими семьями (численность еще не возросла: парни привели жен, но их сестры ушли к мужьям в другие семьи), и вскоре рождаются внуки главы семейства. Семья еще едина. Ее численность возросла до 20–25–30 человек.

Итак, в одном жилище могло проживать до 3–4 поколений, 3–4 малых семей общей численностью до 30 человек. Эта большая семья и составляла собой «первичную ячейку» степных арьев. Такая семья выставляла 5–6 полноценных воинов, а в случае необходимости (если подключались старшие) — и целый десяток.

В Аркаиме насчитывается порядка 50 жилищ и соответственно семей. Приняв среднюю численность семьи в 20–25 человек, получаем, что в городе свободно и естественно размещается 1000–1200 человек. Из них 200–300 воинов. Старики, старшие пары, младшие пары, дети, а также иждивенцы (старики, оставшиеся без кормильцев, сироты, странники и другие, которых община распределяла по семьям) — все это дополнение к той тысяче, которую мы насчитали в основных семьях. Получается от 1100 до 1500 жителей.

Размещались они по-разному. Ложе для головной четы, закуток для стариков, ковер и место у стены для детей, места для семейных (второй ярус? комнаты?). Путники, гости, чины на постое могли располагаться на непостоянных местах — у стен, около входа, во внутреннем дворике, около огня и т. д. Это люди походные. Старшие сыновья и глава должны были много работать: пасти скот, заниматься ремеслами, строить новые поселения для молодых «роев», воевать, добывать материальные ценности, создавать духовные. Они мало времени проводили дома. То же и с пришлыми. Постоянно в жилище находилось человек 7-10: старики, женщины и самые малые дети.

При опасности здесь могли собраться воины других городов, других родов, воины без своих семей, так сказать, «бродячие волки», до 100 человек в одном жилище. Вот и весь размах: дневное население 500 человек, ночное — 1500, максимальное — 5000.

Религиозные, мировоззренческие представления жителей Аркаима мы можем восстановить лишь приблизительно. Не последняя роль при этом отводится общему рисунку городской стены: план Аркаима, концентрический с радиальными перемычками, напоминает свастику (см. реконструкцию плана города). Круглая форма, свастичный рисунок городской стены могут служить указанием на то, что его строили и населяли солнцепоклонники. На вершине горы Огненной обнаружен сильный и глубокий провал грунта: здесь в течение многих лет постоянно горело пламя. Без всякого сомнения, это было важное святилище. Культ дневного светила — один из наиболее архаичных для всего индоевропейского мира. Древние арии поклонялись Солнцу, возжигали и сохраняли огонь как его частицу. Свастику, символ солнца, в современной Индии можно найти повсюду — на стенах домов, домашней утвари, ритуальных предметах, украшениях. Кстати, на севере современной России до сих пор вышивают и вырезают свастику, называя ее «ярко» или «коловрат». Даже удивительно, как быстро мы забыли древнейший и в высшей степени благородный, светлый образ, знак вращающегося солнца!

К неправомерным «историческим вертикалям» можно, очевидно, отнести прямое соотнесение зороастризма с синташтинским периодом индоиранцев. Пророк Заратуштра, возможно, и был современником Аркаима и Синташты, однако известно, что его проповеди обрели форму религии много позже, в середине I тыс. до н. э., когда арии уже расселились в Иране. Вместе с тем зороастрийское предание, несомненно, сохранило некоторые черты более ранней религии ариев, в которой большую роль играло поклонение солнцу.

а) изображения скифов на изделиях из металла; б) каменная скульптура андроновцев; в) каменная фигурка, найденная в районе раскопок

Аркаим служил людям недолго (по данным изучения грунта и древесных остатков — около 200 лет, но не более 400). После этого город был покинут. Перед уходом жители очистили улицы и помещения, все предметы, которые еще могли использоваться, были вывезены, а мусор либо уничтожен, либо захоронен в неизвестном месте. При раскопках самого городища археологи находят лишь небольшое количество предметов, которые воспринимаются скорее как исключения.

Когда впоследствии город сгорел (возможно, что его сожгли сами жители или враги, не исключено, что город загорелся от степного пожара естественного происхождения), кровля рухнула в те самые ямы, откуда были подняты дерн, почва и глина, грунт стен воссоединился

со рвом... Всего несколько лет обычно требуется природе для того, чтобы заровнять такое место, засеять его травами и населить малыми животными, т. е. восстановить, вернуть степи.

Основная часть экспонатов музея экспедиции собрана не в городище, а в могильниках, куда домашнюю утварь клали намеренно. Это: кувшины, оружие, украшения, останки принесенных в жертву животных. В недрах синташтинского могильника найдена даже колесница, выполненная из дерева! Вот они, легендарные колесницы арьев!

Несмотря на то что Аркаим уже довольно хорошо изучен, остается ряд вопросов, на которые можно ответить, только выйдя за пределы собственно истории.

- 1) Почему Аркаим просуществовал так недолго?
- 2) Почему он был оставлен и впоследствии его жители не вернулись в него?
- 3) Почему андроновцы в целом больше не строили подобных поселений, сосредоточившись на развитии отдельного дома?

Налицо определенная устремленность арьев, в которой приуральские степи играют роль краткосрочной (в своих масштабах) стоянки. Выявленные компоненты данной проблемы говорят о том, что дальнейшее переселение арьев могло кроме природных иметь и иные причины, в частности социальные. Общественная жизнь андроновцев находилась на достаточно высоком уровне: производство разделилось на ремесла и сельский труд, можно считать установленным наличие обмена товарами и, возможно, торговли между племенами, специализирующимися на различных видах производства. Общественные, духовные составляющие переселения арьев на юг и восток еще ждут своего кропотливого исследователя.

Южный Урал является, очевидно, той местностью, которую арьи выбрали своего рода «промежуточной базой», где они задержались (или задерживались) на некоторое время, чтобы окрепнуть, вырастить детей и с новыми силами продолжить свой путь.

Сделаем усредненные подсчеты численности населения «страны городов» синташтинского типа. На Южном Урале уже обнаружено более 20 таких поселений. Некоторые из них удалены друг от друга на расстоянии 20–30 км, что приблизительно соответствует хозяйственным потребностям тысячи человек (охотничьи угодья, выпасы, обрабатываемые поля, свободные земли). Исходя из размеров всего района поселений (100 на 200 км), получаем, что только в восточных отрогах Южного Урала таких городищ должно быть не менее 30–50, а общая численность населения от 35 до 60 тысяч человек. По масштабам бронзового века этот район был довольно густо заселен. После ухода индоиранцев дальше на юг и восток оставшиеся здесь андроновцы исчислялись несколькими тысячами, что было нормальной плотностью населения для лесостепи того периода. Всего за 200 условных лет существования компактной зоны укрепленных поселений через них на юг могло пройти до полумиллиона человек.

Приложение I. Реки — хранилища памяти

Составитель С.В. Жарникова

Консультант Н.Р. Гусева

Необходимо предложить вниманию читателей ряд вызывающих интерес сопоставлений названия рек (гидронимов) Русского Севера с обнаруживаемыми в санскрите корнями и содержанием этих названий (к тому же в Индии сохраняются некоторые из таких названий в своей древнейшей форме). В приводимом материале выявляются не только явные фонетические созвучия, но и, главное, смысловые совпадения. (Ниже приводятся данные, взятые из карт дореволюционных изданий, отличающихся особой детализацией, а поэтому не изменены старые названия губерний и уездов того времени.)

Приложение II. Примеры общности значений сакральной лексики (арьев и славян)

Составитель Н.Р. Гусева

Читателю предлагается сосредоточить внимание на приводимой попытке выявления возможных сопоставлений имен и функций божеств и духов славянского язычества и индуизма. Эти сопоставления могут явиться свидетельствами того, что в необозримой глубине эпох предки индоязычных ариев в течение многих тысячелетий по ряду фактов своего хозяйственного и духовного развития были близки предкам славян и донесли до Индии запас общих или совпадающих представлений, которые следует нам воспринимать как отражение нашей глубокой древности.

Приложение III. Крайний Север как родина человечества

Вопрос о том, где находилась родина человечества, издревле интересовал умы людей. Вопрос этот имеет далеко не один лишь академический интерес, но и выдающееся значение для понимания самой истории происхождения и развития человека.

Где появились и развились первые люди, в какой географической области лежала эта родина первобытных людей, — все эти вопросы находятся в самой тесной связи с вопросом о ходе развития и происхождения рода людского. И неудивительно поэтому, что в разные времена вопросы эти решались и решаются весьма различно, но всегда в строгом соответствии с господствующими воззрениями на происхождение человека.

Для современной биологии, основанной на эволюционном учении, вопрос о родине человечества, разумеется, имеет еще большее значение, так как, согласно с эволюционным учением, развитие каждого живого существа находится в причинной связи с окружающими его условиями внешней среды и жизни и в тесной от них зависимости. И, смотря по тому, как различные биологи понимали ход развития и происхождения человека, какие факторы они выдвигали в качестве главных, для объяснения происхождения рода «Человек», в зависимости от этого они представляли себе родину человечества лежащей в такой географической области, где могли быть налицо все эти главнейшие факторы и условия.

До последнего времени в научном споре о родине человечества обыкновенно принимали участие главным образом зоологи, палеонтологи, геологи и антропологи. Доказательства за и против того или иного взгляда приводились обычно только из круга наук естествознания. Однако недавно оказалось возможным получить доказательства в пользу справедливости некоторых новейших воззрений естествознания из совершенно другой области человеческих знаний, а именно из области филологических наук.

Сравнительное языкознание и в особенности сравнительная мифология вступили на путь совместного с естественно-историческими науками решения вопроса о родине человечества. Вот с этими новыми материалами для решения этого вопроса, т. е. с материалами филологических наук, мне и хочется познакомить читателей в настоящем кратком очерке.

Однако, думается мне, предварительно необходимо сказать несколько слов о новых взглядах естествознания на родину человечества.

I

Некогда в биологии царствовало мнение, что родиной каждой данной группы животных является то место, где ныне наиболее распространены представители данной группы. Однако такое мнение столь явно не вязалось с данными о прошлом в истории жизни на Земле, что его пришлось оставить. Молодая отрасль биологических наук — так называемая география животных (и растений), изучая распространение современных живых существ, установила, что животные далеко не всегда живут на своей первоначальной родине или вблизи ее, а зачастую являются пришельцами, выходцами из других, нередко далеких, областей.

Вместе с тем история Земли с полной убедительностью доказала нам, что во всех странах земного шара в разные времена условия жизни менялись настолько сильно, что животный мир должен был многократно совершать переселения. Стоит вспомнить такие явления, как изменение климата, поднятие и опускание земной поверхности, ледниковый период и тому подобные факторы, оказывающие могучее влияние на жизнь всех живых существ.

Внешние условия жизни, воздействия внешней среды, вызывающие в живых организмах

изменения, являются одним из самых главных (если не главным) факторов изменения организмов и постепенного появления новых видов. Поэтому естественно, что в тех областях, где животные имеют возможность, расселяясь в разные стороны, попадать в различные условия жизни, — там имеется налицо возможность появления многих разновидностей, а затем и новых видов этих животных. Одним словом, в областях, где возможно широкое и легкое расселение животных, — процесс изменяемости и возникновения все новых и новых видов может и должен идти скорее. Наоборот, в замкнутых областях, например, на островах, животные формы изменяются несравненно медленнее, а потому и сохраняются в течение чрезвычайно долгих периодов времени почти без изменения. Вот почему мы встречаем представителей так называемой остаточной, или реликтовой, фауны в замкнутых, как бы уединенных, местах. Примерами такого явления может служить характерная «древняя» фауна Австралии, Мадагаскара, Новой Зеландии и некоторых других стран.

Титульный лист первого издания книги Е. Елачича «Крайний Север как родина человечества»

Рис. 1. Распределение суши в плиоценовое время

Имея в виду только что сказанное, мы там должны искать области, в которых мог наиболее энергично идти процесс образования новых видов наземных животных, где имеется наибольшая площадь непрерывной суши.

Палеонтология с ясностью установила, что развитие класса млекопитающих животных происходило главным образом в течение третичной системы. А во времена третичной системы наибольшее скопление твердой суши несомненно было именно в Северном полушарии.

Тогда, как и поныне, Азия и Европа представляли собою одну сплошную поверхность суши, не разделенную никакими непреодолимыми для животных преградами. Если мы примем еще во внимание данные геологии, доказавшей с несомненностью, что Северная Америка во времена третичной системы была соединена то с Азией через Аляску, то с Европой через Гренландию и Англию, если мы, кроме того, примем во внимание, что в те времена площадь суши на Крайнем Севере была гораздо больше, чем теперь (см. рис. 1), что суша простиралась от Скандинавского полуострова до Новой Земли, Шпицбергена и даже еще севернее, что Северная Америка от Лабрадора до островов Н. Линкольн и Патрика представляла собою сплошную сушу, тянувшуюся далеко на север широкой полосой почти до Гренландии, то мы неизбежно должны заключить, что нигде на земном шаре в то время не было такой громадной площади непрерывной суши, удобной для расселения, как именно великий евро-азиатско-северо-американский материк. Именно здесь, на этом громадном материке, и естественно искать великий очаг развития новых видов. На самом деле оно так и было, но наука дошла, однако, до этого решения иным путем.

К тому положению, что родина большей части высших позвоночных животных — млекопитающих и птиц, лежит на севере Северного полушария, наука пришла после долгого блуждания, стремясь найти объяснение современному распространению животных по лицу земли. И вот, переходя от одной гипотезы к другой, от одной попытки объяснить распространение той или иной группы животных к другой попытке, наука пришла в конце концов к неизбежному заключению, что большая часть высших млекопитающих и птиц является выходцами с севера и что из северных областей происходили могучие расселения животных в разные южные страны.

Не надо забывать, что климатические условия северных областей земного шара не всегда были такими, как теперь. Напротив, до самого конца третичной системы на всем севере был

теплый и даже жаркий климат. Никаких признаков ледяных покровов нигде на севере не было, даже на полюсе. В Гренландии, на Шпицбергене, Новой Земле и в тому подобных северных местностях росли пальмы и другие растения жарких и умеренных стран.

Таким образом, Крайний Север представлял во всех отношениях прекрасные условия для жизни и изменчивости населявшего его животного мира. Здесь, вероятно, впервые появились млекопитающие и птицы, развившись постепенно из низших форм, здесь шло и постепенное совершенствование млекопитающих и развитие все новых и новых и притом все более совершенных форм.

Развившись на севере, новые, более высокоорганизованные виды млекопитающих расселялись во все стороны (и в том числе на юг) — всюду, куда они могли пробраться. И в то время, когда в более южных областях животные зачастую попадали в сравнительно небольшие замкнутые пространства суши, где они не подвергались поэтому быстрому изменению, в это время на севере развитие шло вперед, и появлялись опять новые, еще более высокоорганизованные виды. С севера, таким образом, постоянно отселялись на юг новые виды — как бы волны, отходящие от места своего возникновения.

Север является главным очагом развития класса млекопитающих, а нас в настоящее время интересует именно этот класс. Это не мешает, конечно, тому, что те или другие отдельные виды и даже отряды млекопитающих могли развиваться и в других, южных, странах, приспособляясь к особенностям местных условий жизни.

Север, несомненно, был и первоначальной родиной всего того отряда млекопитающих, к которому принадлежат и люди. Обезьяны также развились из более низких форм в северных областях, где в течение всей третичной системы был жаркий климат. То явление, что ныне мы находим обезьян исключительно лишь в южных странах, конечно, объясняется тем, что при современных условиях север для растительноядных обезьян необитаем.

Третичную систему, как известно, принято подразделять на пять отделов:

1 — эоцен,

2 — олигоцен,

3 — миоцен,

4 — плиоцен,

5 — плейстоцен.

В конце плейстоцена наступает великий ледниковый период, отделяющий третичную систему от четвертичной, или современной.

Низшие представители отряда обезьян появляются уже в начале эоцена, т. е. в самом начале третичной системы. И замечательно, что все довольно уже многочисленные остатки этих первообезьян были найдены только в Европе и в Северной Америке. В этих же странах шло постепенное развитие и совершенствование обезьян. Уже в эоцене проникает одна из ветвей древнейших низших обезьян в Южную Америку, где затем, с течением времени, и развиваются совершенно самостоятельно и без всякой зависимости от северных форм характерные широконосые обезьяны Южной Америки. Этой полной самостоятельности развития способствовало, конечно, то, что почти всю середину третичной системы Южная Америка была отделена морем от Северной. Таким образом, южноамериканские обезьяны не имеют никакого отношения до родословной человека.

Обезьяны эоценового времени были маленькими зверьками. Строение их зубов показывает,

что они были всеядными, а строение их конечностей очень еще сходно со строением конечностей всех древнеэоценовых млекопитающих — копытных, хищных и других. Эоценовые обезьяны были четвероногими животными, живущими преимущественно на земле, а не на деревьях.

Рис. 2. Горилла (*Gorilla Savagei*)

Эоценовое время, характерное для севера довольно сухим климатом, сменилось олигоценовым, отличавшимся, наоборот, большою влажностью. Подобная постепенная смена климатов может быть ясно установлена путем тщательного изучения отложений того времени. В течение олигоцена Европа покрылась роскошной растительностью, а во многих местах, где в течение эоцена простирались сухие степи или пустыни, — образовались громадные болота и топи, поросшие густыми лесами. И вряд ли может быть сомнение в том, что именно эта смена климата и растительности оказала свое влияние на весь ход развития древних обезьян, ставших постепенно типично древесными животными, или, иначе сказать, ставших из четвероногих животных четверорукими. Во всяком случае, в Европе древесные обезьяны появились только в конце олигоцена. Только позднее, а именно в конце миоцена и в плиоцен проникли древесные обезьяны в Азию, а в Африку они проникли лишь в плейстоцене.

Появление человекообразных обезьян также относится именно ко времени миоцена. До сих пор известно всего лишь шесть родов ископаемых человекообразных обезьян, и все они найдены исключительно лишь на Евро-Азиатском материке. Чрезвычайно важно обратить внимание на то, что в Северной Америке человекообразных обезьян, по-видимому, никогда и не было, по крайней мере до сих пор не сделано в Америке ни одной находки остатков человекообразных обезьян, несмотря на то, что в палеонтологическом отношении Северная Америка исследована не менее, чем Европа.

Рис. 3. Горилла (*Gorilla Savagei*) живет в западных областях Экваториальной Африки между Конго и Камеруном

По своему строению эти древние человекообразные обезьяны сильно отличались от современных нам. Они были меньше ростом, а передние конечности их были менее длинны по отношению к задним, чем у современных человекообразных. В этом последнем отношении они более походят на строение конечностей человека, чем оранга, гиббона, гориллы и шимпанзе. Нижние челюсти их были не так мощно развиты, как у современных человекообразных, но все же челюсти их были узкими и длинными, так, что места для помещения языка, столь важного для развития речи, было сравнительно мало.

Рис. 4. Шимпанзе (*Anthropopithecus troglodytes*). Водится в экваториальных областях Африки

Если из всех шести пока нам известных ископаемых человекообразных обезьян мы ни одну не можем признать несомненным общим родоначальником и человека и современных человекообразных обезьян, то все же они (и в особенности плиопитекус) по главнейшим и характернейшим чертам своего строения представляют собой именно таких древесных обезьян, из которых при различных условиях могли развиваться, с одной стороны, прекрасно приспособленные к жизни на деревьях современные человекообразные обезьяны, с другой — приспособленные к передвижению по твердой земле двуногие предки человека.

С тех пор как в умах людей установилось эволюционное учение и неизбежный вывод из него — происхождение человека из общей семьи человекообразных обезьян, с тех пор, разумеется, и вопрос о родине человека, т. е. месте, где развился впервые род Номо, тесно связан с историей развития и расселения человекообразных обезьян.

Долгое время родину последних искали на юге, примерно там же, где они живут и теперь. Ч. Дарвин предполагал, что родина человека была в Африке, где и теперь водятся горилла (см.

рис. 2 и 3) и наиболее близкий к человеку род обезьян — шимпанзе (см. рис. 4 и 5).

Впоследствии, когда в 1894 г. Дюбуа на острове Ява нашел остатки знаменитого питекантропа (см. рис. 18), которого он ошибочно принял за человеко-обезьяну, т. е. за общего предка человека и современных человекообразных обезьян, стали указывать на Зондский архипелаг как на родину человека, тем более что гиббоны и оранги (см. рис. 6) и ныне живут там.

Другие ученые искали родину человека там, где и теперь живут низшие расы людей, и указывали — одни на Зондские острова и Цейлон (где живут ведды), другие — на Австралию. Каждая из этих гипотез была, однако, основана на неверном предположении о неперменной близости места жительства низших человеческих рас к первоначальной родине человека. Гипотезы эти встречали непреодолимые препятствия при попытках развить их и объяснить ими расселение человекообразных обезьян и людей по всей земле. Только одна гипотеза о северном происхождении человека и человекообразных обезьян устраняет эти препятствия и дает удовлетворительные ответы и объяснения почти на все вопросы географического распространения человекоподобных существ.

Здесь, в этом кратком очерке, конечно, не место давать подробное обоснование этой гипотезы. Я позволю себе лишь привести несколько положений, разъясняющих, а не доказывающих сущность гипотезы (я бы предпочел сказать — теории) северного происхождения человечества.

Все остатки человекообразных обезьян были (за одним, кажется, исключением) найдены не на юге, а в Европе, что вряд ли можно объяснить только случайностью или более подробным исследованием Европейского материка. Видимо, в середине третичной системы человекообразные существа жили только на севере и, вероятно, были распространены до самого Крайнего Севера. С приближением конца теплой поры третичной системы начинается медленное охлаждение севера. Охлаждение это прежде всего сказалось на растительности Крайнего Севера, а вслед за этим и на животном мире. Постепенно любящие тепло растения и животные должны были отступить на юг. При этом, вероятно, происходили многочисленные переселения, изменения условий жизни и питания и другие явления, вызывающие изменения в организации животных. Вероятно, в это время создались те условия жизни, которые заставили одну группу древесных человекообразных существ постепенно покинуть древесный образ жизни и приспособляться к передвижению по твердой земле.

Рис. 5. Встреча двух семейств шимпанзе

Рис. 6. Орангутанг (*Simla satyrus*) живет в лесах болотистых мест Борнео и Суматры

Мы можем себе представить, что в какой-либо лесной области, населенной человекообразными существами, благодаря медленному изменению климатических условий, началось обредение лесов. Густые леса превращались в редколесье, во многих местах образовывались обширные площади, покрытые лишь кустарниками или травой. При подобных переменах растительного покрова все животные, обитавшие в этих лесах, оказывались поставленными в новые условия жизни. Лесные животные должны были или переселиться в другие леса, или погибнуть, или же, наконец, так или иначе измениться и приспособиться к новым условиям жизни. И нет ничего удивительного, что человекоподобные существа — древесные обезьяны — пошли по всем этим возможным трем путям: частью погибли, частью переселились, частью приспособились к жизни не на деревьях.

Я уже упоминал выше, что предки обезьян из четвероногих наземных животных превратились в четвероруких древесных. Теперь шло обратное приспособление: некоторые чисто древесные обезьяны, с хорошо развитыми хватательными конечностями — руками, были

принуждены приспособляться к передвижению по твердой земле. Но при бегании на четвереньках по земле конечности — руки не могут ничего схватывать, и естественно, что животное старалось приподняться на задние ноги, чтобы, освободив передние ноги — руки, схватывать ими тот или иной предмет или пищу, которые ему нужны. Так поступают и современные человекообразные обезьяны, когда они спокойно и не торопясь бродят по твердой земле. Жизнь в безлесной области должна была усиливать это умение ходить на одной только паре конечностей, и шаг за шагом четверорукие превращались в двуногих.

Быть может, в плейстоцене изменение климата и вызванное этим редение лесов принудило древесных обезьян приспособиться к беганию по земле и к прямому хождению. Но может быть также, что и ранее, еще в плиоцен, некоторые человекообразные обезьяны, жившие на краю леса или по соседству с редколесьем или безлесными областями, могли постепенно все более покидать лес и выходить в поисках пищи на открытые места, где передвижение на одной, а не на двух парах ног представляло для них величайшую выгоду.

Переход от древесной жизни, от передвижения на четвереньках к передвижению на одной лишь паре конечностей, т. е. переход к прямому хождению, надо признать одним из самых главных этапов на пути превращения животного в человека.

Только тогда, когда передние конечности — руки освободились от обязанности передвигать тело, стало возможным употребление этих рук для иных, еще более важных, целей, а именно для схватывания предметов — орудий. Камень, крепкий сук дерева, схваченные для защиты от врага, уже являются первым шагом по пути развития умения пользоваться оружием. И, вероятно, проходили многие тысячелетия подряд, в течение которых в разных местах Европы и Азии, и преимущественно на севере этих материков, жили двуногие существа, прибегавшие в минуты опасности к оружию — камню, дереву, схватывая с земли это первое попавшееся им под руку оружие только ввиду угрожающей опасности. Постепенно, хотя и очень медленно, шаг за шагом шел прогресс в пользовании оружием.

Со временем эти двуногие существа постепенно начали производить уже выбор наиболее подходящего камня, сука. Удобные, в качестве оружия, камни, дубинки они не выбрасывали, когда миновала опасность, а носили с собой на случай новой беды. От выбора подходящего, удобного камня был постепенно сделан и следующий важный шаг вперед, а именно начало развиваться умение искусственно делать камень более удобным, умение оббить, обострить его.

Теперь во многих местах Европы и отчасти Азии находят такого рода древнейшие орудия. Их называют эолитами. Эолиты — это своеобразные кремневые камни, по внешнему виду своему уже нередко напоминающие собой топор или другое подобие орудия. Их находят в отложениях миоцена и даже олигоцена Европы. Этот факт породил мнение, что уже в олигоцен жили на земле существа, способные пользоваться оружием для своей защиты. Однако древние эолиты, хотя и имеют сходство с грубым оружием, все же не могут служить доказательством столь древнего появления разумных существ, так как на них нельзя доказать следов искусственной обработки, а из других источников мы знаем, что человекообразные обезьяны развились только в течение миоцена, а во время олигоцена их еще не было. Зато многие плиоценовые и в особенности плейстоценовые эолиты уже несомненно носят на себе следы некоторой, хотя и очень еще примитивной, обработки.

Но кто во времена плиоцена обтесывал эолиты и пользовался ими? Были ли это первые люди? Или еще только близкие к ним человекообразные, двуногие существа? Где граница между человеком и не человеком? Границы этой, разумеется, и не могло быть, но все же, думается мне, что одного лишь умения пользоваться оружием и даже умения слегка обрабатывать его — вряд ли достаточно, чтобы признать в обладавшем этим умением человекообразном существе настоящего человека. Мне думается, что мы только там можем говорить с уверенностью уже о человеке, где мы встречаем умение пользоваться не только

грубым оружием, но также огнем, — этим величайшим изобретением рода людского.

И наиболее древние следы огня, следы искусственно разведенного костра мы встречаем, опять-таки не случайно, именно в Европе, но среди отложений уже более позднего времени, а именно после третичного времени.

Начавшееся в конце плейстоцена охлаждение северных областей Северного полушария постепенно оттесняло весь животный и растительный мир все более к югу. И надо думать, что предки человека в стадии двуногого существа, способного уже пользоваться некоторым грубым и примитивным оружием, были вытеснены из обширных северных областей на территорию теперешней Европы, где временно путь к дальнейшему отступлению их на юг был прегражден.

Постепенное охлаждение севера повело, наконец, к началу так называемого ледникового периода. Ко времени самого большого распространения льдов они покрыли собою весь север Европы (в России до Киева и Полтавы, а на востоке России — лишь до Казани и Перми) и Северной Америки (см. рис. 7 и 8). Север Азии был, по-видимому, лишен ледяного покрова, но все же был необитаем для животных. Этот великий ледниковый период, несколько раз сменявшийся временным наступлением более теплых времен или так называемых межледниковых периодов, вытеснил все живое с севера. Могучие ледники медленно ползли по земле из Норвегии через Швецию и Финляндию на юг и надолго уничтожали на пути своем всякую жизнь. Медленно отступали перед надвигающимся льдом животные и растения на юг. Человекообразные обезьяны и предки человека были также оттеснены на юг. Предки человека, по-видимому, как я уже упомянул, отступали в Европу, но не могли распространяться далее на юг, так как путь был им прегражден ледниками, спускавшимися с Пиренеев, с Альп, с Карпат, а также морями, очертания коих были иные, чем теперь. Так же, как северные или материковые ледники двигались на юг, так же точно и горные ледники Европейских гор медленно сползали по склонам. На южных горных склонах ледники довольно быстро оттаивали, и поэтому они не простирались далеко; зато горные ледники, или глетчеры, двигавшиеся на север, оттаивали значительно меньше и тянулись по земле на север толстым слоем на многие сотни верст. Ледники эти являлись непреодолимою преградой для отступавших на юг животных, и в том числе для двуногих предков человека. На юге России имелась другая преграда — обширное Сарматское море-озеро, которое тянулось от Венгрии на восток по югу России, включая в себя Черное, Азовское, Каспийское и Аральское моря, приблизительно до нынешнего города Самарканда, причем очертания этих частей Сарматского моря были гораздо больше, шире, чем у теперешних его остатков.

Рис. 7. Карта распространения ледяного покрова в Европе и Северной Америке. Стрелки показывают направление движения льдов. Темным отмечены материки, не покрытые льдом

Таким образом, весь животный и растительный мир, расселенный прежде (т. е. до начала обледенения) на обширных пространствах северного материка, оказался стиснутым на сравнительно очень небольшой площади суши. Геологическими изысканиями точно установлено, что свободными от льдов оставалась только полоса земли в средней Европе, занимавшая собою часть Франции, небольшую часть южного берега Англии, Бельгии и среднюю часть Германии, приблизительно до Карпат. Далее на востоке оставалась в южной России свободной от льда неширокая полоса земли между северным берегом Сарматского моря и сплошными материковыми льдами, доходившими до Киева и Полтавы.

На этих не занятых льдами землях столпилось, стиснулось все то, что смогло переселиться с севера и в том числе, как надо думать, и многие человекообразные существа, стоявшие на различных ступенях физического и психического развития. И вот именно среди европейских отложений того времени, в местностях, свободных в те времена от льдов, мы находим первые, наиболее древние бесспорные следы употребления огня, следы искусственно разведенных костров.

Рис. 8. Карта распространения ледяного покрова в Европе. Темным отмечены площади, покрытые льдом

В суровых и тяжелых условиях жизни, в близком соседстве с льдами, предкам людей вместе со всем современным им животным миром оставалось или погибнуть, или приспособиться к суровым и трудным условиям жизни. И в Европе за это время вымерли все человекообразные обезьяны, не смогшие приспособиться к новым условиям жизни. Но та ветвь их, представители которой передвигались на двух ногах и имели две руки свободными для защиты и нападения и были выше по развитию не физических, а умственных сил, — та ветвь имела возможность приспособиться к новым условиям жизни, измениться и остаться в живых, превратившись постепенно в человека.

В тяжелой борьбе за свое существование развился этот человек. Но именно совокупность этих тяжелых условий жизни и создала человека, именно такие тяжелые и суровые условия были необходимы для создания высшей ступени животного царства — человека.

Все те главные особенности человека, дающие ему и поныне господство над другими живыми существами, гораздо естественнее могли образоваться и развиться в тяжелой борьбе за жизнь, а не при условиях жизни в благодатном райском климате южных стран. Близость льдов, суровая, холодная погода не давала расти богатой флоре, и скудная растительность покрывала в те времена свободные от льдов земли Европы. Растительность эта могла все-таки прокормить многих растительноядных животных, но не могла ни в каком случае накормить растительноядных, или, вернее, плодоядных обезьян. Обезьяны и человекоподобные существа, привыкшие к растительной пище, должны были или умереть с голоду, или постепенно приспособиться к другой пище — мясу, которое имелось в сравнительном изобилии. Целые стада диких лошадей, быков, оленей (см. рис. 9) и кабанов водились кругом. И вот предки человека постепенно становились хищниками, они стали питаться исключительно мясом. Но мясо это надо было еще добыть, оно доставалось с большим трудом, чем пища растительная. Начинается охота за зверем, охота не для забавы и развлечения, а для возможности жить. И в этой вынужденной охоте изощрялась ловкость, хитрость, проворство человека. Охота велась не только за слабыми зверями, но и за большими и сильными. По крайней мере найденные остатки стоянок древнейших людей показывают нам следы их охоты за лошадьми, быками, зубрами (см. рис. 10), оленями, а впоследствии и за мамонтами (см. рис. 11, 12 и 19), мастодонтами (см. рис. 29 и 30) и носорогами. Справиться с такими могучими зверями одному человеку не под силу — надо было собираться для охоты в общества, надо было действовать сообща, совместно, солидарно со многими себе подобными. И вот охота — это единственное средство к существованию — развивает и сметливость, и умение наблюдать, и хитрость, и догадливость; она развивает умение пользоваться оружием, она требует развития техники изготовления этого оружия, она, наконец, развивает начала общественности. Совместная охота, взаимная поддержка и общественность вызывают потребность также и в усовершенствовании средств общения, т. е. способности передавать звуками свои ощущения, свои мысли, как бы примитивны эти простые мысли ни были. Развивается человеческая речь.

Рис. 9. Скелет и очертания тела вымершего исполинского ирландского оленя (*Cervus megaloceros*). Расстояние между концами рогов достигает трех метров

Рис. 10. Зубр (*Bison europeus*). В настоящее время водится исключительно в лесах Кавказа, Татр и в Беловежской Пуще

Но вряд ли все это вместе взятое было бы достаточно, чтобы спасти образующегося человека от полной гибели в то суровое время, если бы одновременно с этим не было

сделано величайшее изобретение человечества — огонь.

В настоящее время мы, к сожалению, еще ничего не знаем о том, каким путем люди дошли до употребления огня, но все же несравненно естественнее предположить, что умение пользоваться огнем постепенно развилось именно там, где это умение являлось жизненно необходимым. В теплых и жарких странах огонь, конечно, тоже имеет большое значение даже и для дикаря, но значение это ничтожно по сравнению с тем значением, которое огонь имеет для жителя холодных стран.

Нет ничего невероятного в том, что и до ледникового периода те или иные породы человекоподобных существ, пользовавшихся эолитами, встречались с огнем, возникавшим, например, от грозы. Может даже быть, что отдельные породы умели поддерживать некоторое время этот случайный огонь, подбрасывая в него куски дерева. Но пока кругом было тепло, — огонь не представлял такой насущной, жизненной необходимости, каким он явился для тех человекоподобных, которые оказались как бы пойманными в ловушку между двумя областями льдов. Исключительно только те из них, которые постепенно научились не только поддерживать случайно возникший огонь, но сами разводить и сохранять его, только они имели возможность не погибнуть в борьбе за жизнь. Огонь давал тепло, свет, защиту от врагов; он же помогал обращать пищу в более легко съедобную. Прячась от зимних стуж в пещерах, освещаемых и согреваемых огнем, отбивая и защищая огнем же эти пещеры от пещерных медведей и других врагов, боролся этот создающийся человек со всей природой и вышел победителем.

Рис. 11. Скелет мамонта

Рис. 12. Чучело мамонта (*Elephas primigenius*) в Зоологическом музее Академии наук в Санкт-Петербурге. Чучело представляет мамонта в том положении, в котором он был найден

Огонь разводился нелегко, его вряд ли умел разводить каждый, это было умение, которым обладали лишь наиболее даровитые натуры. Разведенный огонь надо было тщательно беречь и сохранять. И вот огонь еще более, чем охота, содействовал развитию общности. Вокруг огня объединялись семьи, в его поддержке одинаково были заинтересованы все члены общества. Отдельный индивидуум, одинокий человек легко и быстро погибал, если он не держался общества своих. Для каждого порознь борьба за жизнь была при наличных условиях совершенно непосильна, и это естественно развивало чувство солидарности, взаимопомощи и общности, как единственную возможность существовать. Развитие человеческой речи приобретало при этом величайшее значение.

Мне кажется, что тяжелые условия жизни в суровом климате гораздо естественнее вызвали в предках человека появление жизненно необходимых, новых, прогрессивных приспособлений тела и души, чем могла бы их вызвать жизнь среди роскошной и богатой природы благодатных жарких стран. Это одно уже должно было бы склонить нас искать родину человечества не в жарких, а в холодных странах. Ведь современные нам дикари, живущие в жарких странах, являют нам наглядный пример отсутствия всякого прогрессивного развития, если развитие это не вызывается необходимостью. Природные жители Тасмании[11], во время открытия Австралии европейцами, стояли еще на уровне культурного развития человека каменного века. Некоторые племена, живущие на маленьких коралловых островах Великого океана, даже утратили умение пользоваться огнем, так как огонь не является для них жизненно необходимым.

В настоящее время даже многие из тех ученых, которые все еще склонны искать родину человечества где-нибудь на юге, например, в Южной Азии, все же в гипотезах своих уже начинают указывать, что местные охлаждения климата, местные, временно наступившие

периоды холодного климата были побудительной причиной для образования настоящего человека.

Тот факт, что человек, в отличие от человекообразных обезьян, не покрыт сплошным волосяным покровом, а почти голый — тоже нередко приводят в качестве подтверждения гипотезы о происхождении человека из какой-то теплой или даже жаркой древней родины, где волосяной покров ему не был нужен. Этому взгляда, между прочим, держался и Ч. Дарвин. Но даже косные и обыкновенно научно отсталые антидарвинисты уже давно указывали, и совершенно справедливо, на то, что современные человекообразные обезьяны живут в самых знойных частях Африки и Азии и тем не менее покрыты густым покровом волос. Почему же человек должен был стать голым? Видимо, была какая-то совершенно иная причина, вызвавшая у предков человека постепенную потерю волосяного покрова. И если приходится сознаться, что мы и до сих пор еще не можем с уверенностью сказать, как у предков человека происходил этот процесс утраты волосяного покрова, то тем не менее гораздо естественнее допустить, что вышеприведенные тяжелые условия жизни среди холода и непогоды оказали свое влияние и в этом направлении.

Жизнь в холодной местности вызывает у животных как раз наоборот — появление густой шерсти, теплого меха, толстого слоя подкожного жира и тому подобных приспособлений для защиты от холода. Но у существ, доразвившихся до искусственных средств защиты от вредных воздействий природы, дело могло пойти и совсем иначе. В борьбе с холодом люди пользовались огнем, они прятались в пещеры, они, наконец, принуждены были кутаться в звериные шкуры. Холод заставил людей защищать тепло своего тела одеждой, одежда эта носилась, конечно, бесшумно. И вот вынужденное пользование одеждой гораздо естественнее делало волосяной покров тела ненужным. Постепенная утрата его могла даже быть при этих условиях очень полезной, так как она избавляла людей от множества кожных паразитов.

Когда наступил наибольший из межледниковых периодов и льды не только отступили далеко на север, но, по-видимому, и совсем исчезли на всем севере, быть может, вплоть до полюса, тогда — на территории Европы не было уже человекообразных обезьян, но были существа, несомненно, относящиеся к роду *Homo*.

Рис. 13. Первобытный человек каменного века — *Homo primigenius*

Остатки этого первобытного человека были найдены во многих местах Европы. Это — так называемый неандертальский человек, или первобытный человек каменного века (см. рис. 13). Он относится к роду *Homo*, как и современный человек, но без сомнения должен быть признан за другой вид: *Homo primigenius*, в отличие от современного человека — *Homo sapiens*. Этот первобытный человек уже знал обделанное каменное оружие, знал огонь.

В задачу настоящего очерка не может входить более подробное изложение вопроса о самом происхождении человека. Я не могу также останавливаться на обзоре и описании находок остатков древнейших людей. Ограничусь еще раз указанием на то, что все эти древнейшие, несомненно человеческие остатки найдены именно на территории Европы, и что этот факт при современном развитии палеонтологии ни в коем случае нельзя объяснять простой случайностью или большей обследованностью европейского материка.

За последние годы, и опять-таки только в Европе, удалось найти остатки существ более древних, чем неандертальский человек. Так, в знаменитой пещере Le Moustier (во Франции) был найден сравнительно хорошо сохранившийся череп человека, стоявшего в своем развитии ниже неандертальского. Это так называемый *Homo transprimigenius* (см. рис. 14). Объем его черепа меньше, чем у неандертальского, а строение нижней челюсти, сравнительно очень узкой и почти совсем лишенной подбородка, ясно свидетельствует, что способность к членораздельной речи была у *Homo transprimigenius* еще менее развита, чем у

Homo primigenius, который несомненно тоже еще говорил весьма несовершенно.

Наконец, в самые последние годы (1907–1908) были сделаны весьма интересные находки остатков древнейших людей во Франции (Корреза) и в особенности в Германии близ Гейдельберга.

Найденные здесь остатки человека, названного *Homo Heidelbergensis*, представляют собой остатки самой древней и низшей ступени в прямой, известной в настоящее время, родословной человека. Гейдельбергский человек лишь с большой натяжкой может быть признан принадлежащим к роду *Homo*. Строение его зубов и нижней челюсти (см. рис. 15, 16 и 17) с полным, как у обезьян, отсутствием подбородка с очевидностью свидетельствует об отсутствии способности говорить и низводит гейдельбергского человека на одну ступень с древними человекообразными обезьянами. У гипотетического и все еще лишь искомого общего предка современных человекообразных обезьян и людей не могло быть иначе, проще устроенной нижней челюсти.

Вероятно, *Homo transprimigenius* был свидетелем первого ледникового периода, а *Homo Heidelbergensis* жил еще и до ледникового периода, в плиоцен. К сожалению, наши познания о гейдельбергском человеке еще очень неполны.

Рис. 14. Допервобытный человек — *Homo transprimigenius*. Реставрация по хорошо сохранившемуся черепу

Во время большого межледникового периода установилось широкое сообщение Европы и с Африкой, и с Азией, по которому род людской расселился в разные стороны и постепенно распространился по всему лицу земли. Первобытные переселенцы в разных странах дали начало разным расам людей. Расы, племена, так или иначе попавшие в замкнутые далекие области юга, как, например, Австралия, Огненная Земля, Цейлон и др., остались и до сих пор почти на первобытной ступени культурного развития.

Надо думать, что вместе с тем, часть первобытных людей стала двигаться вслед за отступающими льдами на север и заселила собою самые крайние полярные области.

Рис. 15. Профили нижних челюстей: а) линия из черточек и точек — челюсть орангутанга; б) крупными черточками — челюсть гориллы; в) сплошная — челюсть гейдельбергского человека; г) пунктиром — челюсть гиббона

Как же объяснить находку питекантропа на далеком юге — на Яве? Организация питекантропа, насколько она известна по неполным его остаткам, убеждает нас в том, что это было существо среднее между человеком и обезьяной (см. рис. 18). Он ходил на двух ногах, как человек, но голова его по развитию своему ближе к человекообразным обезьянам, чем к настоящим людям. Достаточно взглянуть на следующие параметры емкости черепной полости, чтобы выяснить себе относительное положение питекантропа.

Современный европеец: от 1060–2075, в среднем 1558 см³.

Современный веддас: от 960–1224, в среднем 1220 см³.

Неандертальский человек: в среднем 1200 см³.

Питекантроп: в среднем 880 см³.

Горилла: от 500–623, в среднем 520 см³.

Рис. 16. Профили нижних челюстей: а) линия черточками — челюсть современного австралийца; б) пунктиром — челюсть даяка; в) сплошная — челюсть гейдельбергского человека

Рис. 17. Профили нижних челюстей: а) линия черточками — челюсть современного негра; б) пунктиром — челюсть европейца; в) сплошная — челюсть гейдельбергского человека

Но прямое хождение и некоторые другие особенности ставят питекантропа в ряд человеческой родословной и ни в каком случае не обезьяней.

Остатки питекантропа найдены в отложениях новейших, а не третичных, как полагали одно время. Если бы остатки питекантропа действительно были найдены в миоценовых пластах, то находка эта имела бы громадное, решающее значение для вопроса о происхождении и родине человечества. Поэтому весьма понятно то сильное влияние на воззрения ученых, которое оказала в свое время находка остатков питекантропа, вполне понятно, что сейчас же родину человечества стали искать где-либо по соседству с Явой, где жил питекантроп.

Но уже вскоре ошибка была с ясностью обнаружена, и выяснилось, что питекантроп жил в послетретичное время, когда на севере тянулся ледниковый период. Питекантроп жил на Яве в те времена, когда на севере, в очаге более высоких новых форм, уже существовали настоящие представители рода *Номо*. Питекантроп был, вероятно, современником даже неандертальского человека. Это одно уже совершенно исключает возможность предполагать, как это одно время делали, что питекантроп является прямым предком человека. Предком человека он безусловно не может быть, но он во всяком случае очень близок к этому прямому предку, жившему ранее на севере. Питекантроп, найденный на Яве, — это один из представителей форм, некогда развившихся на севере и достигших при расселении на юг столь южных областей, как Ява. В то время, как на первоначальной родине его, на севере, развитие шло дальше, и появлялись в борьбе с тяжелыми условиями жизни все новые и новые, все более совершенные формы, — на благодатном юге сохранялись сравнительно мало измененными более древние формы. Таким образом, в родословном дереве современного человека питекантроп, этот ближайший родич человека, является только боковой, слепо заканчивающейся ветвью. Тем не менее значение этой явской находки очень велико, так как она дает нам представление о том, какими были наши прямые предки.

Рис. 18. Питекантроп (*Pithecanthropus erectus*). Статуя. Сдел. Дюбуа

Рис. 19. Мамонт (*Elephas primigenius*)

Теплое время межледникового периода продолжалось довольно долго, но затем снова началось охлаждение, снова на севере началось обледенение, снова льды начали двигаться с севера на юг и теснить все живое к югу. Мы можем очень точно проследить движение этого второго обледенения, достигшего почти размеров первого. Отложения этого времени легко отличимы от отложения первого великого оледенения. И вот среди остатков мамонта (см. рис. 19, 11 и 12), северного оленя (см. рис. 20 и 28), овцебыка (см. рис. 21) и целого ряда других полярных животных (см. рис. 22 и 23) мы находим многочисленные остатки и человека, жившего одновременно с ними, с ними вместе оттесненного с высокого севера на юг Франции, в Испанию, Австрию и другие места Средней и Южной Европы. И остатки этого человека сильно отличаются от остатков человека, жившего в Европе в начале межледникового периода.

В межледниковый период в Европе жил первобытный дикарь, *Номо primigenius*, представлявший собой как бы первую, низшую ступень настоящего человека. Тот человек, известный под названием оленьего, которого последний ледниковый период оттеснил на юг, был уже человек — *Номо sapiens*, ничем по строению своему не отличающийся от современного.

Это был человек, имевший уже свою развитую культуру. Он имел оружие из камня (см. рис. 24), дерева и кости, он знал уже гончарное искусство, он носил одежду, он знал колесо и повозку. Наконец, о культурном развитии его красноречиво свидетельствует его искусство, — он знал ваение и рисование. Он украшал свое жилище изображениями животных, он вырезал из кости статуэтки и с таким искусством, что мы сразу узнаем, кого изображал этот древний художник (см. рис. 25, 26 и 27). Не может быть сомнения, что этот человек знал и другие искусства — музыку, поэзию. Вероятно, он имел и религию.

Рис. 20. Северные олени (*Rangifer tarandus*)

Рис. 21. Овцебык, или мускусный бык. (*Ovibos moschatus*). Ныне водится только в Гренландии

Во всяком случае, этот послеледниковый олений человек уже ничем по существу не отличался от современного, а культура его близка к первобытной культуре индоевропейских народов.

Между *Homo primigenius* и *Homo sapiens* существует сравнительно большое различие, как в физическом так и, главным образом, в психическом и культурном отношении. «Целая пропасть разделяет их», как выразился один ученый. Однако за последние годы были найдены в Европе остатки некоторых переходных форм (например, так называемый человек из Брюкса), связующих неандертальского человека с современным. Во всяком случае, сравнивая оленьего человека с неандертальским, нельзя не видеть большой разницы между ними, большого превосходства оленьего человека.

Современное положение наших знаний не дает еще возможности точно решить, где именно развился этот олений человек со своей культурой, где, в каких областях шло его совершенствование от того первобытного человека, которого мы застаем в межледниковое время в Европе. Мы только знаем почти наверное, что это развитие происходило не в Европе. Не могло оно быть и где-либо на юге, например, в Африке. К такому выводу мы должны прийти потому, что в Европе этот олений человек появился впервые лишь со льдами второго, последнего, ледникового периода, и появился он, сопровождая северного оленя (см. рис. 28) и целый мир полярных животных — переселенцев с севера.

Рис. 22. Белая куропатка (*Lagopus albus*)

Не заставляет ли все это вместе взятое предполагать, что родиной этого человека был далекий север? Принимая же во внимание близость его культуры к общей культуре индоевропейских народов — естественно предположить, что первоначальная родина индоевропейцев и лежала именно на далеком севере. Это предположение подтверждается множеством разных соображений.

Антропологи и этнографы, установив общность происхождения европейских (т. е. славянских, романских, германских и др.) народов с персами и индийцами, встречали большие трудности при решении вопроса о том, где жили предки этих народов еще до их разделения и расселения. Традиционное повествование о великом переселении из Азии в Европу мало объясняет дело. Одно время полагали, что все европейские народы вышли из Индии. Это было без труда опровергнуто. Потом полагали, что индоевропейцы первоначально жили в Южной Персии, но и это предположение вызывало много веских возражений. И вот шаг за шагом, с развитием наших знаний, с ростом этнографии — историки также оказываются вынужденными отодвигать родину индоевропейцев все выше и выше на север. Теперь данные этнографов, наконец, должны сойтись с данными естественников, и приходится признать, что общая родина индоевропейских народов — до их разделения на народы и племена — лежала где-то высоко на севере, в местах, где ныне холодный, суровый климат.

Точнее определить, где именно была эта родина, мы не можем, но, принимая во внимание, что в межледниковый период весь Крайний Север был обитаем для людей и животных, можно думать, что родина эта лежала где-то очень высоко на севере.

Рис. 23. Песец (*Vulpes lagopus*)

Рис. 24. Хорошо обтесанный каменный наконечник стрелы

Здесь пока оканчиваются современные познания о родине человечества, основанные на данных из области естественно-исторических наук. Мы еще не можем определить местонахождение древней родины главных человеческих рас и народов.

Пока еще с большим трудом удается разбираться в тех многочисленных переселениях народов с запада на восток, с востока на запад, с севера на юг и с юга на север, которые несомненно не раз совершались в больших и малых размерах в течение истории современного человечества.

Вероятно, после наступления межледникового периода, когда развившийся в Европе новый, жизнеспособный и здоровый род Ното получил возможность расселяться в разные страны, он заселил сперва близлежащие страны Африки и Азии, а затем распространился постепенно и далее. Из Азии, вслед за мамонтом и мастодонтом (см. рис. 29 и 30), перешедшими по бывшему Берингову перешейку в Аляску, первобытные люди проникли в Северную Америку, а потом, вслед за тем же мастодонтом, они постепенно достигли и Южной Америки.

Рис. 25. Изображения лошадей, вырезанные из кости

Рис. 26. Выцарапанное на кости изображение мамонта

Где развились ближайшие предки древнейших культурных народов — египтян, вавилонян, китайцев, мы не знаем. Развились ли они с самых низших ступеней культуры вблизи тех областей, в которых они жили и в культурные времена своей жизни, или в каких-либо иных, — сказать трудно. Но есть немало косвенных доказательств, что древнейшие культурные народы тоже являются выходцами из гораздо более северных областей.

В какой степени родства стоят эти народы друг к другу и к арийцам — предкам индоевропейских народов, в какое время и как произошло это столь значительное разделение человеческих народов и племен, — все это пока еще только вопросы, ожидающие своего всестороннего освещения и разрешения.

Перейдем теперь к ознакомлению с теми новыми материалами, которые относительно очень недавно удалось найти в области сравнительной мифологии и которые, как я постараюсь показать ниже, также красноречиво свидетельствуют о том, что наиболее вероятная родина индоевропейцев — Крайний Север.

II

Сравнительное языкознание ранее всех других наук установило близость друг к другу целого ряда языков и сделало из этого правильный вывод об общности происхождения народов

одной группы — индоевропейской. Сюда относятся следующие главные народы: славяне, романцы, германцы, кельты, греки, литовцы, армяне, албанцы, иллирийцы, фракийцы, фригийцы, персы и индийцы.

Изучение древнейшей истории этих народов и их первобытной культуры все сильнее убеждает в их взаимном родстве и общности их происхождения. Родину их искали, как было сказано, где-то на юге, потом, под влиянием новых исследований и накопившихся фактов, ее стали искать в Персии, в степях Южной России, в Средней Европе, наконец, в Северной Европе. Новейшие исследования указывают, что эта родина лежала еще севернее.

Еще лет 20 тому назад появилось интересное сочинение американского ученого У. Уоррена под заглавием «The paradise found or the cradle of the human race in the Northpole»[12], в котором автор, на основании исторических и сравнительно-мифологических изысканий, приходит к выводу, что у большинства народов индоевропейской расы сохранились в сказаниях, обрядах, легендах воспоминания о переселении с далекого севера, о жизни их предков где-то высоко на севере.

Рис. 27. Выцарапанное на кости изображение северного оленя

Но особенного внимания заслуживает вышедшее в 1907 г. сочинение европейски образованного индийского ученого Тилака о северном происхождении людей на основании священных книг Вед (The arctic home in the Vedas being also a new key to the interpretation of many Vedic texts and legends[13]. Poona and Bombay, 1903).

Священные книги древних индусов, Веды, уже давно обращали на себя внимание филологов. Веды представляют собою сборник гимнов, мифов, религиозных обрядов, богослужебных формул и молитв. Они разделены на четыре части: Ригведа, Яджурведа, Самаведа и Атхарваведа. По своему значению и относительной древности все эти четыре части различны. Наибольшее значение имеет, вне сомнений, древнейшая из них — Ригведа, или Веда гимнов, состоящая из 10 книг, содержащих 1028 гимнов. Вероятно, гимны Ригведы тоже далеко не все составлены одновременно. Во всяком случае, большая их часть относится к глубокой древности. Исторически известно, что гимны эти передавались из уст в уста, как народный эпос, но преимущественно в родах жрецов. Когда совершилось последнее переселение индусов в долину Ганга из более раннего их местожительства — Пенджаба, все гимны были записаны и собраны в Ригведе. Это произошло, во всяком случае, не позднее, как за 1000 лет до Р.Х. Но время возникновения гимнов Ригведы, а также многих песней, сказаний и обрядов, записанных в других частях Вед, — несравненно древнее. Первоначально ученые предполагали, что время возникновения Вед относится к 2000-м годам до Р.Х., но теперь можно с уверенностью сказать, что оно гораздо древнее.

Тилак очень остроумно воспользовался астрономическими вычислениями для определения возраста Вед. Так, он указывает, что древним составителям Вед была известна неподвижная Полярная звезда, вокруг которой происходило видимое суточное движение звезд. Это ни в коем случае не может быть наша Полярная звезда (относящаяся к созвездию Малой Медведицы), так как она сравнительно лишь недавно стала полярной. Дело в том, что благодаря склонениям земной оси, в течение тысячелетий меняется относительное положение этой оси к небесным светилам. В начале нашей эры и 1000–1500 лет до Р.Х. продолжение земной оси не упиралось ни в одну видимую простым глазом звезду, и тогда неподвижной Полярной звезды не было (см. рис. 31). Однако еще ранее, как это может быть точно вычислено, за 2500–3000 лет до Р.Х., над полюсом стояла другая звезда —? из созвездия Дракона. Таким образом, упоминание в древних песнях Вед о Полярной звезде может относиться только к этой, так сказать, предыдущей Полярной звезде —? созвездия Дракона.

Рис. 28. Северный олень

Рис. 29. Скелет мастодонта

Другие астрономические данные заставляют принять еще больший возраст Вед. Так, в Ведах указывается, что планета Юпитер (по-индийски Брахаспати) была ранее всего видима тогда, когда она почти закрывала собой звезду Тисхиу. По вычислениям астрономов, такое явление можно было наблюдать с Земли только за 4–5 тысяч лет до Р.Х.

На основании этих и ряда других астрономических соображений и вычислений Тилак и, независимо от него, многие другие исследователи приходят к убеждению, что в Ведах сохранились до наших дней самые древние воспоминания человечества, сохранились воспоминания о жизни за 4–5 и более тысяч лет до Р.Х., причем в те времена культура уже была развита настолько, что люди обращали внимание на явления небесных светил и наблюдали за ними. Таким образом, Веда является древнейшим, а потому и драгоценнейшим памятником человеческой мысли, и в этом отношении с ними может равняться только священная книга древних персов — Авеста. Древнейшие памятники египетской культуры имеют спорный, но, несомненно, тоже очень высокий возраст. Однако в настоящее время ученые все более и более убеждаются в том, что до сего времени принимаемая древность египетской культуры значительно переоценена и никак не достигает более четырех, самое высшее — 4,5 тысяч лет до Р.Х.

Рис. 30. Мастодонт (Mastodon)

Многие места — стихи, мифы, особенности обрядов — в Ведах и Авесте представляли собой величайшее затруднение для понимания. Целый ряд стихов не был доступен пониманию уже индусов, впервые записывавших устные сказания. Для современных же исследователей очень многое оставалось неясным, непонятным, многое казалось даже просто нелепым. И вот немалую заслугу Тилака составляет его вдумчивое исследование этих темных мест с новой, чисто натуралистической точки зрения.

Тилак, ознакомившись с гипотезами о северном происхождении человечества вообще и индоевропейцев в частности, справедливо решил, что в Ведах и Авесте, этих древнейших памятниках человеческой истории, могли сохраниться воспоминания о жизни индоевропейцев в других, более северных областях. И исходя из этой гипотезы о северном происхождении индоевропейцев, оказалось возможным удивительно просто, естественно и безыскусственно объяснить множество доселе никому не понятных мест этих священных книг.

Рис. 31. Перемещение полюса по северному небу за время от 10 000 г. до Р.Х. и до 15 000 г. до Р.Х.

Приведу некоторые примеры, выдвигаемые Тилаком.

О главном индийском божестве — Индре в Ригведе сказано, что бог Индра разделяет своей силой и властью небо от земли подобно тому, как ось разделяет два надетых на нее колеса. Сопоставляя это странное на первый взгляд сравнение с другими местами, где говорится про движение на небе звезд по кругам и с указаниями, что Большая Медведица стоит высоко на небе, над головой, невольно напрашивается вопрос, как, при каких условиях могло возникнуть такое сравнение? Нам, людям, живущим в умеренном поясе, никогда не может казаться, чтобы звезды двигались по кругам, так как мы видим только часть суточного пути звезд, приходящуюся на ночь.

Полярная звезда кажется нам стоящею высоко, но все же не прямо над головой. Наблюдатель, следящий за звездами близ экватора, видит полярную звезду почти на горизонте, а ночной видимый путь звезд представляется ему отвесно прямо стоящими

полукругами. Только человек, находящийся вблизи полюса, может сказать, что Полярная звезда стоит у него над головой, и только он, в течение 24 часов непрерывной ночи, может наблюдать, как звезды описывают над ним полные круги. И вот вид небесных светил, описывающих в небе правильные круги вокруг одного неподвижного центра (полярной звезды? из созвездия Дракона), приходящегося прямо над головой наблюдателя, мог естественнее всего вызвать в уме полярных жителей представление о том, что небо есть круг над кругом земли, а между ними властью бога помещена невидимая ось, вокруг которой вращаются эти оба круга, как колеса, надетые на две стороны одной оси. Вряд ли подобное сравнение могло прийти в голову жителям южных (приэкваториальных) стран, для которых движение небесных светил представляется существенно иным.

Но, разумеется, при всей естественности приведенного объяснения, это странное сравнение далеко не могло бы служить доказательством полярности своего происхождения, если бы не было в Ведах еще множества других мест, легче всего объясняемых этим же путем.

В очень многих местах Вед, и даже в других индийских литературных памятниках, имеется упоминание о дне и ночи богов, причем день этот, видимо, не соответствует обычному солнечному дню.

«То, что есть год, — это только один день и одна ночь богов», — сказано в книге Тайттирийя Брахмана (III, 9, 22, 1). В другом месте сказано: «В Меру боги видят солнце восходящим только один раз в году».

Слово «Меру» в индийской литературе означает место пребывания богов, а индийские астрологи употребляют это слово для обозначения Северного полюса. В книге законов Ману сказано так: «Год человеческий — это один день и одна ночь богов».

В гимне Махабхарата говорится:

«В Меру и Солнце, и месяц ходят ежедневно по кругу слева направо, и так же делают это и все звезды», и несколько далее: «Тому, кто живет там (в Меру), день и ночь составляют целый год».

Нельзя себе представить, чтобы в те древние времена, когда составлялись песни Вед, составители, если они жили в южных странах, могли иметь понятие о том, что можно наблюдать только вблизи полюса. Как могли бы сложиться такие точные представления о шестимесячном полярном дне и столь же продолжительной ночи у жителей, не знакомых с этим по личным наблюдениям?

А вместе с тем указаний на полярный день имеется множество. Параллельно со сказанным можно привести совершенно аналогичные места из Авесты — сборник священных книг персов. Так, в книге Вендидад сказано:

«Для них (богов) один день и одна ночь — то, что есть год».

В Авесте же при описании первоначальной родины (рая) людей, созданного богом Ахура-Маздою (Ормуздом), сказано:

«Там солнце, луна и звезды всходят только один раз в году и только раз заходят. И там год представляется, как один день и одна ночь».

Повторяю, трудно себе представить, как подобные понятия о дне и ночи богов, которые совпадают с полярным днем и ночью, могли бы создаться в умах южных, а не северных жителей. Насколько все эти места Вед и Авесты легко понимаемы, как воспоминание жизни предков в Меру — полюсе, где находится престол богов, или вблизи Меру, настолько же темными для понимания представляются эти места, если предположить, что народ —

создатель этих песен и легенд — жил не на севере и, следовательно, не мог иметь представления о том, что творится у полюса.

Около двадцати гимнов Ригведы посвящены культу высоко почитаемой богини зори. О ней упоминается также в очень многих других песнях и не только как об одной богине, но и во множественном числе, как о богинях зори. Уже само существование особого культа богини зори представляет собою некоторую странность для несевежных жителей, где зоря — это ежедневно наблюдаемое, быстро преходящее явление. Иное дело для людей, обитающих в полярных странах. Когда после более или менее длинной (в зависимости от степени близости к полюсу) полярной ночи на горизонте начинает медленно показываться свет — зоря, предвещающая близкое окончание ночи и наступление долгого дня, зоря эта приветствуется с особою радостью, с особым благоговением.

В книге Антарена-Брахмана (IV, 7) указано, что перед так называемым «жертвоприношением корове» жрец должен, начиная от первого появления зори и кончая восходом солнца, прочесть 1000 стихов. Этот обряд исполняется и поныне, причем жрец с большим трудом успевает прочесть положенное число стихов. Но в Ведах есть прямое указание на то, что в былое время чтение это было значительно более продолжительным и что сверх 1000 стихов приходилось совершать особые жертвоприношения, читать еще другие стихи, а в одном месте даже сказано, что читались все гимны Ригведы. Чтобы прочесть их должным образом, требуется время нескольких недель, так что несомненно, что обряд чтения от начала зори до восхода солнца относится к другой, не к южной быстро преходящей зоре. Обряд этот возник тогда, когда люди жили в странах, где между концом полярной ночи и началом полярного дня протекали дни, недели полярной зори. Что это именно так, можно заключить также из ряда других мест Вед.

Совершенно непонятным казался следующий стих Ригведы (VII, 76):

По правде, это было много дней,

В течение коих до восхода солнца

Ты, о зоря, была видна нам!

Или этот стих не имеет никакого смысла, или он просто свидетельствует о том, что зоря до появления солнца над горизонтом длилась несколько (много) дней, и тогда смысл стиха совершенно соответствует действительности вблизи полюса. При таком толковании делается также вполне понятным другое темное место Ригведы, где приведена молитва человека к богу Вару не о прощении грехов. Человек молится и говорит:

Многие зори не просветлились до конца.

О дай, Варуна, нам зори до света прожить!

Какие же это могут быть зори, которые «не просветлились до конца», т. е. за которыми не следовал восход солнца? Это могут быть только долгие полярные зори.

Какова же была их продолжительность? В книге Тайттирийя Самхита говорится, что зори — это 30 сестер. В посвященном этому гимне имеется 15 строф (стихов), которые надлежит

петь во время особого жертвоприношения, имеющего целью подкрепить рассвет и содействовать рассеянию тьмы. Первый стих говорит лишь об одной зоре, прежде всего видимой на горизонте. Во втором стихе является еще одна зоря, так что их уже две, и обе они занимают то же место на небе. В третьем стихе говорится о третьей зоре, далее последовательно появляются 4 и 5 я. Потом сказано, что каждая из этих пяти зорь имеет по пяти сестер. Таким образом $5 + (5 \times 5) = 30$ сестер. В последнем 15 м стихе еще раз говорится, что зоря является во многих образах, хотя она все же едина. И нигде нет упоминания о появлении солнца, а в последующем ряде стихов так поясняется это время зорь: «Было время, когда все это было ни день, ни ночь, — безразлично».

Все многочисленные попытки европейских и индийских комментаторов Ригведы объяснить этот культ именно 30 зорь до сих пор совершенно не удавались. Вряд ли можно понять приведенные места иначе, чем принимая их за описание длинного, 30 суток продолжающегося, рассвета, которым кончалась полярная ночь и начинался полярный день. А 30 суток длится рассвет (зоря) только очень высоко на севере. Около самого полюса зори длятся свыше 50 дней, так что указание на 30 дневные зори может быть понимаемо в том смысле, что люди — арийцы жили не у самого полюса, хотя все же выше полярного круга.

Но и помимо сказанного, можно в Ригведе найти еще немало следов воспоминаний о тридцатидневных зорях. То говорится о том, что «богиня зори делает 30 шагов», то еще иначе: «Зори ходят кругом 30 Иояна, каждая по назначенному ей пути».

Как понимать слово «Иояна», не было до сих пор ни одного удовлетворительного объяснения; по толкованию же Тилака, 30 Иоян — это тридцать 24 часовых промежутков времени, в течение которых длилась зоря.

Много гимнов Ригведы посвящено борьбе бога Индры за свет с богом тьмы Вритрой и Дазасами или демонами. И всегда, когда говорится о темноте, она называется или «длинною тьмою», или «бесконечною тьмою», что не позволяет принимать эту «тьму» за обычную полусуточную ночь. Вот некоторые молитвы из Ригведы (II, 27, 14):

О, смилуйтесь, Адити, Варуна и Митра!

Если мы против вас согрешили!

Индра, спаси нас для страх

разгоняющего света,

И защити нас всех от долгой темноты!

В другой молитве (VII, 67, 2) говорится:

Огонь уже начал гореть.

Уже виден конец темноты,

И знамя зори показалось на небе!

В Атхарва-веде (XIX, 47) есть подобная же молитва, хорошо выражающая подавленное состояние полярного жителя при наступлении ночи — полярной ночи:

Все, что живет, покоя ищет в ней,

Конца которой нам не видно.

О, дай нам, длинная, темная ночь,

Конец твой увидеть, конец твой увидеть, о ночь!

Все эти рассуждения о длинной темноте трудно понять иначе, как относя их к томительно длинной полярной ночи, дожить до конца которой, конечно, труднее, чем прожить нашу короткую ночь.

Один из гимнов Ригведы (X, 138, 3) прославляет деяния бога Индры, совершенные им в воздушном просторе. Он побеждает злого бога Вритру и освобождает зори и плененные воды (см. ниже). Далее говорится, что Индра снова водворяет солнце на небо, после чего третья строфа гласит так:

Свою колесницу бог солнца остановил посередине неба.

Арийя нашел средство борьбы против Дазы.

Индра разрушил замки коварного демона Нипру.

Здесь в первом стихе ясно говорится об остановке солнца посередине неба, и комментаторы тщетно старались объяснить, что может означать описание такого невиданного явления. Ибо самая необузданная фантазия вряд ли может додуматься до остановки солнца на небе. Напрасно пытались толковать это место, как описание затмения. При затмении солнце затемняется, но ход его не останавливается. Этот стих сравнивали с библейским описанием, как по приказу Иисуса Навина было остановлено солнце для более успешного истребления врагов. Но нигде в Ведах нельзя усмотреть, чтобы боги и солнце меняли свои привычки и пути в угоду людям. В другом месте Ригведы (VII, 87, 5) сказано: «Бог Варуна качал на небе солнце, словно на качелях».

Сопоставляя это место с вышеприведенным стихом об остановке солнца, естественнее всего понять их проще, т. е. откинуть всякие олицетворения, символы и прочий элемент фантазии, а принять их за точное описание солнечного движения в известное время длинного полярного дня. Вблизи полюса нетрудно наблюдать, как солнце, поднявшись на определенную высоту над горизонтом, останавливается, стоит на месте и затем идет назад. Это имеет место по нашему календарю 9 го июня. Нетрудно наблюдать и качание солнца, когда оно не скрывается за горизонтом, а только как бы пригибается к нему и снова отходит от него.

Но и все остальные стихи этой совершенно непонятной для комментаторов строфы получают вполне удовлетворительное объяснение.

Из других мест вполне определенно видно, что коварный Нипру, он же Даза, есть бог тьмы. Он похищает солнце, он живет в мрачных чертогах тьмы, где и держит в плену зори и солнце. И вот бог Индра, он же Арийя, побеждает его, разрушает его твердыни, освобождает зори и солнце. Индра нашел средство против злого Нипру, — он остановил солнце на небе, он держал солнце на небе, не давая ему скрываться, т. е. он сделал длинный день. Все это понимается так просто, если принимать эти описания не как аллегории и фантазии, а как образное (а в былое время люди не могли говорить иначе, как образами) описание реальной

действительности.

Если справедлива гипотеза о северном происхождении арийцев, то можно ожидать найти и другие следы — воспоминания об их пребывании на севере, в особенности же в исчислениях дней и месяцев в году. На самом полюсе есть только то, что в Ведах называется «день и ночь богов», там только один день и одна ночь. У нас год распадается на 365 дней. Но между годом, состоящим из одного дня, и годом из 365 дней есть промежуточные ступени, в зависимости от большей или меньшей близости к полюсу. И вот в обрядах и преданиях многих народов, не одних только индийцев и персов, можно найти следы меньшего, чем 365, числа дней в году.

Так, например, известно, что уже в историческое время египетские астрономы и жрецы перешли к принятию 365 дней в году вместо 360. Однако число это осталось в религиозных обрядах по-прежнему во всех тех случаях, когда употреблялись символы дней.

В храме Озириса в Фивах полагалось ежедневно наполнять молоком 360 священных кувшинов. По другому обряду полагалось, чтобы в особый резервуар ежедневно другой жрец наливал воды, и таких жрецов было всех 360 даже тогда, когда было уже принято считать в году 365 дней. Это же число 360, соответствовавшее действительному числу дней в году для предков, живших на известной северной широте, сохранилось даже у нас, перенявших или унаследовавших плоды египетской культуры. Я имею в виду окружность, которую и мы делим почему-то на 360 градусов. Для древних же, так сказать, первобытных математиков было вполне естественно поделить окружность, эту эмблему замкнутости, эмблему круговорота явлений природы, движений небесных светил, именно на число дней в году, а дней этих и было 360. Потом, когда предки египтян передвинулись еще дальше на юг, они убедились, что дней в году больше, чем 360, но раз принятое деление, как и обряды, осталось.

Воспоминания о годе, имевшем менее 365 дней и менее 12 месяцев, сохранились в преданиях индоевропейцев, особенно же в Ведах и Авесте. Выше я уже приводил доказательства, свидетельствующие о том, что предки индоевропейцев были знакомы с длинной полярной ночью и длинными зорями в тридцать суток. В тех полярных странах, где между концом ночи и началом дня имеется промежуток в 30 дней «ни ночи, ни дня», а зорь, в этих странах солнце видно над горизонтом приблизительно 7 месяцев в году. Эти 7 солнечных месяцев состоят из трех месяцев непрерывного дня и четырех месяцев со сменой дня и ночи. Таким образом, год распадается приблизительно так: 3 месяца полярного дня, 2 месяца со сменой дня и ночи, 1 месяц зори, 3 месяца полярной ночи, 1 месяц зори и 2 месяца со сменой дня и ночи.

В Ведах повествуется ряд легенд о богине Адити и семи ее сыновьях, семи Адитиевичах. Эти Адитиевичи олицетворяют собою 7 обликов солнца в разные месяцы года. Говорится о семи Адитиевичах, или семи солнцах, или о семи свойствах, обликах солнца. Комментаторы пытались легенду о семи Адитиевичах ставить в связь с семью цветами радуги, но вряд ли можно предполагать, чтобы у древних предков индоевропейцев было понятие о распадении солнечного луча на 7 цветов. Радуга обычно в народном представлении рассматривается как самостоятельное явление, а не как спектр солнца. Но еще более ясно видно, что Адитиевичи не представляют семи цветов спектра солнца, из того, что в Ригведе (X, 72, 89) говорится и о восьми Адитиевичах. Богиня Адити (она обыкновенно представляется в образе птицы) положила 8 яиц и родила 8 сыновей. С семью из них она явилась к богам, а восьмого, Мартанду (что значит — мертвое яйцо), она бросила. «Это случилось в древние времена», — говорится в гимне.

Тилак обращает внимание на то, что в позднейших книгах Вед, а также в еще более поздней индийской литературе, многократно говорится о 12 Адитиевичах, или 12 солнцах, которые, несомненно, олицетворяют собою 12 месяцев года. Тилак основательно указывает, что если 12 Адитиевичей олицетворяют собою 12 солнц в году (а это несомненно), то 7 Адитиевичей

древних гимнов Ригведы также олицетворяют собою 7 солнечных месяцев года. Тем более что в гимне подчеркнуто, что «это случилось в древние времена», т. е. прежде, когда Адити являлась богам только с семью сыновьями. То, что у нее был восьмой сын, Тилак объясняет как указание на то, что кроме семи солнечных месяцев был еще один, но не полный месяц, в течение которого начинался переход к полярной ночи.

Смысл легенды о 7–8 Адитиевичах не понимался уже собирателями Ригведы. Для них, жителей Северной Индии, было 12 солнечных месяцев в году, они и говорили о 12 Адитиевичах, сохраняя, однако, в целостности древний миф о 7–8 Адитиевичах.

Принимая гипотезу о полярном происхождении индоевропейцев, мы должны предположить, что предки эти жили первоначально вблизи полюса, а затем начали медленно переселяться на юг. Начало этого переселения должно было идти чрезвычайно медленно, и естественно предположить, что в преданиях могли сохраниться воспоминания об отдельных этапах этого пути. Чем дальше от полюса, тем число солнечных месяцев в году становилось больше. И действительно, в Ведах можно найти целый ряд указаний на то, что год имел 10, 9, 8 и даже 7 солнечных месяцев.

В Ригведе находится описание целого ряда особых древних обрядов — жертвоприношений, называемых «обряды наших отцов», которые, по свидетельству Ригведы, установлены с глубокой древности. В качестве «наших отцов» приводится ряд имен, которые являются, вероятно, именами древнейших жреческих родов, родоначальники которых почти обоготворялись и считались основателями культа. Имя одного из этих родов — Атхарван, несомненно, совпадает с Атхараван — именем древнейшего персидского жреца-огнепоклонника.

В Ригведе говорится о двоякого рода представителях рода «наших отцов» — Ангирасов, а именно о Навагвасах и Дашагвасах. Эти Навагвасы и Дашагвасы оказывают большие услуги богу Индре в борьбе его против злого Вала. Своими жертвоприношениями они помогают ему победить врага. Жертвоприношения эти и песни имели целью подкрепить бога к предстоящей борьбе, подготовить его к ней. Бог Вал похищал солнце и держал его в плену, пока Индра не побеждал его и не возвращал солнце и зори на небо. Навагвасы и Дашагвасы пением и жертвоприношениями подкрепляли бога все время года до начала борьбы, когда Индра удалялся в подземные чертоги Вала за солнцем. И вот в Ригведе ясно сказано, что обряды подкрепления бога совершались Навагвасами и Дашагвасами десять месяцев в году. Почему же именно десять месяцев требовалось готовить Индру перед его уходом на бой с Валом? Тилак объясняет это тем, что Навагвасы и Дашагвасы производили свои обряды в те времена, когда предки индоевропейцев жили в местности, где было лишь 10 светлых месяцев в году, считая в том числе и время зорь, а два месяца приходилось на полярную ночь. В течение этих двух темных месяцев жертвоприношения прекращались, они были не нужны, так как Индры уже не было. Солнце было в плену, и Индра удалился в подземное царство добывать солнце обратно.

Немалый интерес имеют также ежедневные жертвоприношения, так называемые «жертвы корове». Под коровами, как это подтверждается множеством несомненных доказательств, подразумеваются солнечные дни. Эти жертвоприношения должны длиться целый год, и действительно производятся теперь в течение всех двенадцати месяцев. Но вместе с тем во многих местах говорится, что эти жертвоприношения могут быть совершены и в 10 месяцев. Принимая во внимание, что смысл этих жертвоприношений тесно связан с днями, со всеми солнечными днями, вряд ли можно иначе, чем это делает Тилак, понять, почему строгий ритуал обряда допускает, что ежедневное жертвоприношение может быть исполнено и в 12 и в 10 месяцев. Видимо, в былые, древние времена очень, очень долго обряд этот исполнялся именно в течение десяти месяцев, так как два месяца в году было без солнечных дней, т. е. два месяца приходилось на полярную ночь. Когда при переселении на юг оказалось, что в году не 10, а 12 солнечных месяцев, обряд, связанный с солнечными днями, пришлось

производить ежедневно в продолжение всех двенадцати месяцев; но в памяти осталось, что прежде этот обряд производился в течение десяти месяцев. Если прежде так делалось, — значит, так можно делать, а почему прежде делалось так — это с течением времени забылось.

Быть может, также следом десятимесячного года предков является и наша европейская номенклатура месяцев. В Древнем Риме «июнь» назывался *quintilis* (5), «июль» — *sextilis* (6) и далее следовали названия, принятые и у нас: сентябрь (*September* — 7), октябрь (*october* — 8), ноябрь (*november* — 9) и декабрь (*december* — 10). 11 го и 12 го месяца в названиях нет. По преданию, римский царь Нума прибавил к десятимесячному году еще два месяца: «январь» (или *януарий* — в честь Януса) и «февраль» (*februarius*). Невольно напрашивается сопоставление этого с вышесказанным о десятимесячном годе предков индоевропейцев по свидетельству Вед. Два темных месяца полярной ночи в счет месяцев не принимались, и год считался состоящим из десяти месяцев и кончался декабром — десятым.

Даже сами имена вышеприведенных жреческих родов — Навагвасы и Дашагвасы — имеют, вероятно, тоже смысл имен числительных. Навагвасы — девятимесячные, Дашагвасы — десятимесячные. И в Ригведе есть указания на то, что те ежедневные обряды, которые ныне производятся 12 месяцев в году, Дашагвасы производили лишь 10 месяцев, а Навагвасы еще ранее производили их всего лишь в течение 9 месяцев. Нельзя ли это понимать так, что еще раньше, когда далекие предки жили еще севернее, год имел только 9 солнечных месяцев, а потому и ежедневные обряды «жертвы корове» могли производиться лишь в течение девяти месяцев?

Подобно индийским сказаниям о жертвоприношении коров, представляющих из себя дни, и у других индоевропейских народов есть легенды об овцах, коровах и тому подобных олицетворениях солнечных дней. И замечательно, что в преданиях разных народов число это, т. е. число дней, неодинаково, но всегда меньше 365, т. е. меньше числа дней в нашем году. Греческие легенды говорят о том, что Гелиос (солнце) имеет 350 коров (дней) и 350 овец (ночей). В германской мифологии говорится о 700 золотых кольцах кузнеца Виланда, причем кольца эти тоже олицетворяют собою 350 дней и 350 ночей.

Все это легче всего понимается как воспоминание о тех временах, когда люди жили в местностях, где действительно в году не было 365 дней, а было их меньше, так как часть дней — 5, 10, 60 — приходилась на полярную ночь.

Очень важные в индийском богослужении жертвоприношения, так называемые «жертвы сомы», также носят следы воспоминания о меньшем числе дней в году и о полярной ночи. «Сома» — это священный напиток, приготовляемый из растительных соков и, главным образом, предназначенный богу Индре. Соме посвящено множество гимнов, имеются также особые дневные и ночные жертвоприношения сомы. Эти ночные жертвоприношения бывают в году не более ста раз. Принимая во внимание, что смысл этих жертвоприношений заключается в том, что божественный напиток «сома» должен подкреплять Индру во время его борьбы с врагами, можно естественно принять объяснение Тилака. Жертвоприношения сомы совершались во время полярной ночи, когда солнца не было видно, когда оно было в плену, когда Индра боролся за освобождение солнца. Вот почему и продолжительность этих жертвоприношений может быть сто и менее ночей в году. Когда люди жили в странах с десятимесячным годом, ночь продолжалась сто суток, и жрецы все это время подкрепляли Индру сомою. Когда при переселении на юг длительность полярной ночи уменьшилась — жертвоприношение сомы производилось сначала в течение шестидесяти суток, а потом — десяти, пяти и наконец одних. Когда же произошло переселение в страны, где солнце ни на сутки не скрывается под горизонтом, настоящий смысл жертвоприношения пропал, и оно совершалось, как и многое в богослужебных обрядах, только потому, что так было заведено исстари. Вместе с тем получает объяснение и допущение производить это жертвоприношение одну, две, пять и более ночей, но не более ста ночей в году.

Замечательно, что в персидской Авесте есть вполне аналогичные обряды. Как Индра борется за свет со своим врагом Валом, Вритрой, Нипру, так в Авесте бог Тиштриас борется с богом засухи Анаосхой, побеждает его с помощью ветра и света и освобождает плененные им зори, солнце и воды. Во время этой борьбы жрецы подкрепляют бога песнопениями и жертвоприношениями «хаомы». Эти жертвоприношения хаомы тоже ночные, и они могут производиться одну, две, десять, шестьдесят, но не более ста ночей в год.

Я уже не раз упоминал о борьбе Индры с врагами за свет. Борьба эта является одним из главных мотивов всей мифологии Вед.

Индра борется с богами зла и тьмы, которые называются Вал, Нипру, Шушна, Вритра или Ахи (змей) и др. Борьба эта ведется за свет, за освобождение похищенных богом тьмы зорь, солнца, коров, вод. Индра освобождает их. Индра носит название освободителя вод. Во многих местах говорится, что после победы над злыми богами Индра выводит на небо зори и солнце.

Всю историю этой борьбы уже древние комментаторы пытались объяснить как олицетворение явления грозы. Они полагали, что Вритра, похитивший воды и свет, — это темные грозовые тучи; Индра ударяет в него молнией, побеждает его, и следствием этой победы является освобождение воды — дождь, и потом прояснение неба. Но это объяснение крайне искусственно и натянуто. Грозовые тучи затемняют солнце, но не похищают его. И возможно ли утверждать, что следствием грозы является освобождение зорь? И притом это предположение совершенно не объясняет, что такое «освобождение коров».

И Тилак без труда опровергает подобное толкование мифа. Неестественность «грозовой» гипотезы проявляется в целом ряде несообразностей. В Ведах определенно указано, что победа Индры над Вритрой произошла «в далеких областях», где царствует тьма и где Вритра окружен водою. Вритра обитает в «подвоздушном пространстве». А грозовые тучи никак нельзя назвать находящимися в далеких областях и в подвоздушном пространстве. Точно так же и в персидской Авесте борьба Тиштриаса против Анаосха происходит не над землей (как гроза), а в озере, что соответствует указаниям Вед о нахождении Вритры в подвоздушном пространстве, где он окружен водой.

Естественнее всего эти мифы объясняются как образное описание полярного года. Солнце надолго скрывается под горизонтом, и древние люди принимали это как пленение солнца в чертогах злого бога тьмы. Солнце опускается вниз, в море, — значит, и чертоги злого бога Вритру находятся где-то внизу и окружены водой. Бог света и добра Индра удаляется в далекие области на борьбу с Вритрой, побеждает его и возвращает на небо зори, солнце и коров — солнечные дни. Освобождение Индрой вод имеет несколько иной смысл.

В Ригведе часто говорится о «небесных водах», которые, однако, ни в каком случае не означают собой дождевую воду. Из небесных вод произошел весь мир; все, что есть на земле, произошло из небесных вод или туманов — испарений. Древнейшие философы Греции и легенды многих народов также говорят о происхождении всех тел, и особенно всего живого, из воды. Великое значение воды для всех живых существ неизбежно наталкивало ум человеческий на подобную мысль.

Миропонимание Вед представляло себе вселенную следующим образом: над землей — небесный свод в виде полушара, затем плоская земля и под ней — другой полушар, где находится царство тьмы. Между надземным пространством и подземными областями происходит постоянный непрерывный ток небесных вод, дающих жизнь на земле всем живым существам. Только при доступе воды сверху и снизу из земли, или из-под земли, на земле процветает жизнь. Небесные воды приносят с собой и семена жизни. И вот на определенное время года круговорот вод нарушается, и жизнь на земле как бы замирает. Время полярной ночи соответствовало зимнему времени, холодному времени года, когда жизнь должна была

замирать, а холод в буквальном смысле сковывал движение воды. Это и описывается в Ригведе как пленение вод злым Вритрой. Он не только похитил солнце, зори, коров (дни), но и пленил небесные воды, пока победа Индры не освобождает их.

То же объяснение прекрасно подходит и к аналогичным мифам Авесты.

Поклонник Ахура-Мазды (Ормузда) по законам Авесты после смерти должен быть непременно положен до своего погребения лицом к солнцу, что исполняется и доныне. Созерцание мертвым солнца должно очищать его от всех содеянных им грехов. И вот в Авесте встречается такой интересный вопрос человека и ответ на него бога. Человек спрашивает: «Когда прошло лето и наступила зима, а человек — поклонник Ахура-Мазды умер, — как поступить с умершим?»

На это бог Ахура-Мазда отвечает так: «В таком случае в доме этом следует вырыть просторную яму и в нее положить бездыханное тело, и пусть оно лежит там две ночи, три ночи или месяц, пока птицы не начнут летать, растения не начнут расти, и воды снова не потекут. И тогда пусть положат мертвого лицом к солнцу».

Смысл этого вопроса и ответа на него Ахура-Мазды, очевидно, заключается в том, что человек, умерший в начале или в течение зимы, — равносильной длительной полярной ночи, — должен лежать до погребения и все-таки ждать появления солнца, хотя бы для этого мертвому пришлось ждать несколько дней или месяц. Здесь опять мы видим воспоминание о месячной полярной ночи, а слова: «пока воды снова не потекут» следует понимать в том же смысле, как освобождение вод Индрою, т. е. как наступление весны.

Я уже приводил выше несколько раз примеры, доказывающие, что в Авесте имеются воспоминания о полярной ночи.

В самых древних частях священной персидской Авесты — в книге Вендидад, имеются удивительно ясные и отчетливые указания на то, какой была древняя родина предков.

Книга Вендидад распадается на 22 главы. По смыслу своему, содержанию, отчасти даже по языку и способу изложения — первые две главы стоят особняком, без связи с последующими, и производили уже на комментаторов прошлых времен впечатление случайно пристегнутых или вставленных остатков других, гораздо более древних, книг. Так же смотрят на этот вопрос и современные филологи. И вот эти две странные, наиболее древние главы приобретают теперь совершенно исключительный интерес.

В первой главе перечисляется 16 стран, созданных богом Ахура-Маздою.

Из этих 16 стран около семи последних удалось связать с определенными географическими пунктами. Так, страна Сугхдха есть, по-видимому, местность, известная из описаний походов Александра Македонского под названием Согдиана, где ныне находится Самарканд; страна Муру, Маргу или Маргиана — современный Мерв; страна Бакхди — древняя Бактрия; страна Харойю или Харайва — древний Арейя, ныне Герат; страна Харахванти — древний Хараувати — ныне Харут (река и местность в Афганистане); страна Хаутумант — ныне Хелменд (река и местность там же); страна Рагха — древний Ран и, наконец, страна Хантахенду соответствует древнеиндийскому названию нынешнего Пенджаба — Сантасиндху.

То обстоятельство, что названия последних семи из 16 стран Ахура-Мазды представляют собой не фантастические, вымышленные термины, а обозначают вполне определенные географические местности, расположенные в различных, но более или менее близких друг к другу частях Западной и Центральной Азии, где действительно некогда жили индоевропейцы, невольно наводит на мысль, что и первые девять стран Ахура-Мазды тоже не вымышлены, а имена их представляют собою название местностей, еще значительно ранее населенных

предками индоевропейцев. Мы не можем связать названия этих стран ни с какой определенной местностью потому, что ныне страны эти или необитаемы, или уже в доисторические времена были покинуты их коренными жителями и, следовательно, уже давно не называются старыми именами.

Порядок распределения семи стран, названия которых понятны нам, показывает, что это, по всей вероятности, перечисление этапов, по которым двигались предки персов, или, вернее, общие предки индоевропейцев, при постепенном переселении их на юг. Последней страной указан Пенджаб, который и был, вероятно, самым южным местом, где жили еще неподелившиеся индо-персы. Из него индийцы двинулись еще далее на юг, персы же — в современную Персию. Когда, откуда отделились их европейские сородичи — этого из Авесты, конечно, не видно.

Особый интерес, ввиду сказанного, приобретает описание первой страны Ахура-Мазды, страны, где прежде всего жили предки. Страна эта называется Айрийайна Ваею (далее в совр. транскрипции Арьянам Ваэджо. — Примеч. ред.), что совпадает с более поздним названием персидской литературы «Иран-Вейо». Слово «Ваею», или «Вейо», означает семя, зерно, зародыш. Слово же Арьяна, Иран — название народа, — арийцы, то же, что и предки индоевропейцев. Таким образом, название первой страны Ахура-Мазды в переводе на русский язык значит «семя арийцев» или «родина арийцев». Страна эта ни в коем случае не теперешний Иран, который получил свое название уже позднее от иранских, или арийских, народов.

В Авесте весьма подробно описываются условия жизни в Арьянам Ваэджо, и нет никаких оснований не принять это описание, как таковое, просто, без аллегорий и фантазий.

Первоначально Арьянам Ваэджо была прекрасной страной, счастливым творением бога. Это была теплая страна, с длинным летом и с короткой, не суровой зимой, и люди благоденствовали в ней. Но злой и коварный враг Ахура-Мазды бог Ангра-Майнью (или Ариман) задумал погубить эту страну и наслал на нее холод и снег. Он сделал так, что зима становилась все длиннее и суровее, а лето короче, и наконец, в стране этой стало, сравнительно с прежним, наоборот — 10 месяцев зимы и только два месяца лета, так что в стране нельзя было более жить.

В настоящее время, когда наука доказала существование подобной перемены климата на севере, где в течение межледникового периода было очень тепло и где после начала последнего ледникового периода стало холодно, и где холодно также и ныне — в настоящее время нет никаких оснований принимать вышеприведенные описания из Авесты за чистый вымысел. Гораздо естественнее рассматривать эти описания первой страны Ахура-Мазды как историческое, правдивое описание древней родины арийцев, которая была высоко на севере, была теплой, имела 10 летних и 2 зимних месяца до тех пор, пока постепенно не наступили постоянные холода, сделавшие ее необитаемой.

Во второй главе книги Вендидад мы встречаем поразительное описание постепенного наступления ледникового периода, заставившего людей покинуть свою благодатную родину.

После описания прекрасной жизни в Арьянам Ваэджо, этом раю арийцев, излагается гибель этого рая. Наступление неблагоприятных условий жизни предсказывается богом, который предупреждает людей о грозящей им беде — наступлении холодов. Вождь людей — Йима приглашается на совет богов. Он является, и Ахура-Мазда говорит ему:

«Йима, благородный сын Вивангхаты! На землю низойдут губительные зимы, они принесут с собою сильные, лютые морозы. На землю падут губительные зимы, они принесут снег на 14 пальцев глубиной даже и на высочайших горных вершинах. И все три рода животных погибнут: и те, что живут в лесах и степях, и те, что живут на высоких горах, и те, что живут в

глубоких долинах. Поэтому сделай Вара о четырех углах и большой длины по каждой стороне. И туда собери всех, и овец, и коров, и птиц, и собак, и красный пылающий огонь».

Йима так и поступил. Он построил большой Вара, защиту от снега и холода, собрал туда семена растений, собрал животных и людей и, как сказано в этом месте, «солнце, луна и звезды всходили над ними только один раз в году, и год казался им, как один день и одна ночь».

Повторяю, мы не имеем ни малейшего основания принимать все это за чистый вымысел, когда это, очевидно, есть историческое воспоминание, правдивое предание, поразительно совпадающее с теми данными, которые в последние годы удалось установить науке геологии.

Когда, как давно кончился последний межледниковый период и начался последний ледниковый период, геология точно еще не установила, но геологи склоняются все более и более к тому, что это было совсем не так бесконечно давно, и что время, протекшее с тех пор и до наших дней, исчисляется, вероятно, только 10–15 тысячами лет.

Разумеется, в стране Арьянам Ваэджо, где было первоначально 10 теплых и 2 холодных месяца, полярная ночь вряд ли была продолжительной, и потому слова о том, что «солнце... всходило только раз в год» и т. д., слова, справедливые лишь для полюса, неверны. Но это можно объяснить позднейшим смешением воспоминаний об Арьянам Ваэджо и о жизни в еще более северных областях.

В индийских Ведах есть аналогичное описание гибели первоначальной благодатной родины, предсказанной людям божеством. Только индийское предание уже заменило непонятный для них снег — водой. Предание говорит, что вождь людей Ману получает предупреждение от бога, принявшего образ рыбы. Рыба говорит: «Воды нахлынут, зальют собою всю землю, погубят все живое, и от этого я хочу тебя спасти».

Рис. 32. Северное сияние

Ману строит не Вару, а корабль, и собирает в него все живое. Наступает потоп, корабль поднимается водою и плывет. Рыба влечет его к выступившей, наконец, из-под воды вершине горы, где корабль и останавливается и где Ману дожидается спада вод. Гора эта называется «Мано-равасаранам», что значит «высадка Ману».

Индийское предание, несомненно, стоит в тесной связи с преданием Авесты и излагает то же явление, но уже не столь точно и заменяя снег более понятным для жителей жарких стран веществом — водою. Целый ряд подробностей совпадает в обоих преданиях. Между прочим, в Авесте спасшийся человек называется Йимой — сыном Вивангхата, а в индийских Ведах говорится о Ману — сыне Вивасвата, так что Йима и Ману, по-видимому, одно и то же лицо.

Невольно, конечно, бросается в глаза и сильное сходство индийского предания с библейским сказанием о потопе. Библейское сказание, несомненно, заимствовано евреями из Вавилона, а вавилоняне, вероятно, переняли его от древних арийских племен.

Рис. 33. Северное сияние

Разумеется, для разрешения вопроса о родине индоевропейцев немалый интерес представляют также и мифы европейских народов, в особенности в тех случаях, когда можно найти в них черты сходства с древнеиндийскими и персидскими мифами.

Сказания кельтов, германцев, литовцев и греков содержат целый ряд указаний, которые легче всего понимаются с точки зрения полярной гипотезы. Однако я позволю себе не касаться рассмотрения этой стороны вопроса, так как это выходило бы уже за пределы этого

небольшого очерка.

Мне хотелось бы в заключение еще упомянуть о любопытной попытке объяснить распространенные почти у всех народов сказания и сказки о змеях, тоже как след жизни на далеком севере. Действительно, разве не странно, что у всех народов, в особенности индоевропейских, змея является символом зла, тогда как на самом деле это довольно безвредное животное. В наших странах живет лишь одна ядовитая змея — гадюка, но кому же она серьезно внушает ужас и страх? Самые крупные змеи — боа — совершенно безвредны, местные жители их совсем не боятся и часто держат их при доме в качестве домашних животных. Самые ядовитые змеи — очковая, гремучая и др. — на самом деле для человека совсем не так опасны, как хищные звери. А между тем в сказках говорится об ужасных змеях-горынычах, о многоголовых змеях, о летающих змеях-драконах и т. д.

И в Ведах имеется множество упоминаний о змеях, страшных, громадных змеях — всегда представителей зла. Даже бог Вритра (он же Вал, Нипру) часто называется Ахи, что значит змей. В Ведах определенно говорится, что злой Вал, похитивший солнце и запрятавший его в подземные твердыни, приставил страшных змей сторожить это солнце. Как просто объясняется это сказание полярной гипотезой. Когда солнце зашло за горизонт и больше не поднимается над ним, когда настала полярная ночь — это Вал похитил его и спрятал в своих подземных твердынях. Именно в это время начинает светить и играть над полюсом чудесное северное сияние, которого до того времени не было видно. Это огненное сияние находится в постоянном движении.

Вот как описывает это явление человек XX в. и притом не поэт, а исследователь природы (Нансен):

«Но вот северное сияние покрывает своим серебристым светом все небо; вскоре серебристый оттенок сменяется желтым, зеленым и красным цветом. Сияние, непрестанно меняясь, не зная покоя, то разливается широкой полосой, то снова стягивается, лишь затем, чтобы вновь разметаться по небу несколькими отдельными расходящимися полосами, ослепительно белого цвета. И все окружено волнующимися сверкающими лучами. И вдруг вся эта чудная картина исчезает. Мгновенье спустя сияние появляется снова, появляется в виде огненных языков в самом зените, а от горизонта навстречу тянется серебряный луч. И длится это до тех пор, пока все не растает, не расплывется в сиянии месяца. И чудится, будто пронесся вздох исчезающего великого духа... (сияние) извивалось наподобие огненного змия через все небо, причем хвост его кончался лишь десятью градусами выше горизонта на севере. Отсюда сияние повернуло на восток, разбрасываясь несколькими широкими полосами, вдруг меняя направление, изогнулось дугою. И снова поворот: сияние повернуло к западу, где точно свернулось в шар, из которого несколькими ветвями вновь разбросалось по всему небу».

Рис. 34. Северное сияние

Человек XX столетия не находит других слов для описания северного сияния, как «огненные языки», «извивалось наподобие огненного змия» с хвостом и т. д.

Не естественно ли, что древние люди описывали северное сияние, появляющееся только тогда, когда похищено солнце, как огненных змей, охраняющих плен солнца? И ясно, что змеи эти — исчадие зла, союзники злого бога Вала. Когда Индра побеждает Вала, разрушает его подземные твердыни и поражает его змей, — освобождается солнце.

В Авесте говорится о том, что страшные змеи — холод и снег, т. е. опять-таки зима и ночь погубили чудную страну Ахура-Мазды.

И почти у каждого европейского народа мы находим в преданиях нечто подобное победе Индры над змеями Вала. Боги, или люди-герои — представители добра, побеждают

страшных змиев, драконов, гидр и освобождают что-либо доброе из плена. Не относится ли сочетание образа змеи с идеею зла и тьмы именно ко времени жизни людей на Крайнем Севере, когда они созерцали полярной ночью северное сияние?

Быть может, сюда же относится один очень интересный обряд, сохранившийся у неарийского народа, именно у китайцев, с глубокой древности и до сего дня. Известно, что в китайской мифологии драконы — змеи играют большую роль, и, по-видимому, следует различать целый ряд драконов разного происхождения и смысла.

Один раз в году во многих местностях Китая справляется своеобразный праздник в честь дракона. Приготавливают из легких тростей, тонких тканей и разноцветной бумаги громадного дракона, иногда в 7–8 и более сажен в длину. Весь дракон составляется из ряда совершенно самостоятельных отдельных члеников, и каждый один такой членик на длинной палке несет один человек. Все лица, несущие членики дракона, соединены между собой веревками, чем достигается сохранение правильного расположения и единства движения. Все участники выстраиваются в ряд, и впереди становится тот, который несет первый членик дракона — его голову с огромной разинутой пастью. Когда все участники начинают идти, следуя всем движениям и поворотам идущего впереди, то получается впечатление, что дракон представляет собой действительно нечто целое, извивающееся в воздухе. Впечатление особенно усиливается тем, что процессия эта происходит непременно ночью. Внутри каждого членика дракона зажигаются фонарики, в голове дракона их несколько. Людей, несущих дракона, издали, в темноте совсем не видно, и поэтому кажется, что в воздухе движется, летит, извивается громадный огненный дракон. Перед драконом бежит человек (в темноте его тоже не видно), который также на длинной палке несет над собой освещенный изнутри шар. И вот за этим круглым, светящимся шаром, следуя всем изгибам его движения, летит то скорее, то медленнее огненный дракон, как бы стремящийся схватить его, поймать его своей пастью.

Этот обряд теперь производится, кажется, больше в качестве увеселения, игры, но обряд этот религиозного и очень древнего происхождения. Китайские историки и теологи объясняют его по-разному и вряд ли справедливо. На древних же рисунках, вазах и других художественных произведениях всегда обряд этот изображается так, что дракон представлен летящим с разинутой пастью и старающимся схватить огненный шар, от которого в разные стороны расходятся лучи. Изображения эти несомненно свидетельствуют о том, что шар представляет собой именно солнце. Тогда вышеописанный обряд есть изображение борьбы дракона с солнцем, которое он хочет поймать. И разве все это не напоминает собой предания Вед про бога Аху-змия, похищающего солнце, про огненных змей — северные сияния, стерегущих плененное солнце?

Я ни в каком случае не хочу утверждать, чтобы все приведенные мной толкования мифов, обрядов и преданий были безусловной и неоспоримой истиной. Может быть, со временем многое получит несколько иное объяснение, может быть, многое есть просто результат случайного совпадения чисел, названий. Но пусть так. Мне все-таки кажется, что даже приведенные мной примеры (а я привел только небольшую часть их) невольно заставляют отнестись серьезно к новой попытке рассмотрения древнейшей мифологии с исторической точки зрения и в соответствии с выводами естественно-исторических наук. Совпадения данных сравнительной мифологии с результатами геологических и биологических наук слишком велики, чтобы не обращать на это внимания.

Научные истины именно так и добываются — к ним идут разными путями и только тогда, когда гипотезы, построенные разными науками, могут быть соединены, связаны, обобщены, или когда они просто сливаются — только тогда можно говорить уже не о гипотезах, а о научных теориях. И в этом отношении мне представляется, что новые исследования индийского ученого Тилака и ряда других филологов сыграли и сыграют в будущем громадную роль для разрешения вопроса о родине человечества, а следовательно, и

вопроса о происхождении человека.

Вопрос о происхождении человека — это великий вопрос, все более и более занимающий умы культурных людей. Много уже сделано к разрешению его, но, конечно, полного освещения, полного, ясного разрешения во всех подробностях вопрос этот еще не получил, и достигнуть этого можно только соединенными усилиями разных наук, как бы разнородны они ни казались, соединенной работой ученых на всех поприщах точного научного знания.

Литература (использованная и рекомендуемая)

1. Абаев В.И. Скифо-славянские изоглоссы. М., 1965.
2. Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (III тыс. до н. э.). М., 1981.
3. Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч., сочиненная. М.Ч. (Михаил Чулков). М., 1786.
4. Аванесов Р.В. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания, № 6, 1952.
5. Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1997.
6. Алексеев В.П. Антропологический комментарий к гипотезе о циркумполярной культуре // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975.
7. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
8. Алексеев В.П. Этногенетические аспекты антропологического изучения Южной Азии // Истоки формирования современного населения Южной Азии. М., 1990.
9. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1993.
10. Алексеева Т.И. Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. № 5, 1974.
11. Алексеева Т.И. Роль субстрата в этногенезе восточнославянских народов (антропологические данные) // Сб.: Культурно-историческое единство Евразии и Великого шелкового пути. М., 1995.
12. Андреичева Л.Н., Марченко-Ваганова Т.Н. Развитие природной среды и климата в антропогене на северо-востоке Европы // Геопринт, № 2. Уральское отделение И-та геологии РАН, Коми, 2003.
13. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988.
14. Членов А.М. По следам Добрыни. М., 1986.
15. Арктика. Интересы России и международные условия их реализации. М.: Наука, 2002.
16. Артамонов М.И. История хазар. М., 1962.
17. Артхашастра или Наука политики: пер. с санскрита. М.-Л., 1959.

18. Атхарваведа. Избранное: пер. с санскрита Т.Я. Елизаренковой.
19. Афанасьев А.И. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1–3 (М., 1865–1869), М., 1994.
20. Бадер О.Н. Тайны седого Урала // Наука и человечество. М., 1966.
21. Баландин А.И. Мифологическая школа в русской фольклористике. М., 1988.
22. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
23. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1955.
24. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2000.
25. Бернштейн С.Б. Балто-славянская языковая общность // Славянская филология. № 1–2, 1958.
26. Библикова В.Е. О происхождении Мезинского палеолитического орнамента // Советская археология, № 1, 1965.
27. Богусловская И.Я. Русская народная вышивка. М., 1972.
28. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
29. Будыко М.И. Климат и жизнь. Л., 1971.
30. Бэшем А. Чудо, которым была Индия: пер. с англ. М., 1977.
31. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект наследия // Культурная география, 2001.
32. Величко А.А. Природный процесс в плейстоцене. М., 1973.
33. Виноградов Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М., 1982.
34. Гальковский И.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916.
35. Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963.
36. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
37. Геология четвертичных отложений северо-запада европейской части СССР. Л., 1967.
38. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1992.
39. Гильфердинг А. История балтийских славян. М., 1994.
40. Гимбутас Мария. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М.: РОССИЭН, 2006.
41. Глинка Г.А. Древняя религия славян. Сб. Мифы древних славян. Саратов, 1995.
42. Голубиная или Глубинная книга (СПб., 1860). М., 1991.

43. Горнунг Б.В.Из предистории образования общеславянского единства. М., 1963.
44. Граков Б.Н.Скифы. М., 1941.
45. Грантовский Э.А.Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
46. Грантовский Э.А.О распространении иранских племен на территории Ирана. Сб. История Иранского государства и культуры. М., 1971.
47. Грантовский Э.А.Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998.
48. Греков Б.Д.Киевская Русь. М., 1953.
49. Гумилев Л.Н.Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.
50. Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
51. Гусева Н.Р.Многоликая Индия. М.: Наука, 1987.
52. Гусева Н.Р.Истина скрывается в мифах. Тобольск и вся Сибирь. Тобольск, 2005.
53. Гусева Н.Р.Мифы древней Индии. М.: Белые альвы, 1999.
54. Гусева Н.Р.Индия в зеркале веков. М.: Вече, 2002.
55. Гусева Н.Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. М.: ФАИР Пресс, 2002.
56. Гусева Н.Р.Русский Север — прародина индо-славов. М.: Вече, 2003.
57. Гусева Н.Р.Индуизм. М.: Наука, 1977; Вече, 2005.
58. Гусева Н.Р.Русские сквозь тысячелетия. М.: Белые альвы, 1988; 2007.
59. Гусева Н.Р.Эти удивительные индийцы. М.: Астрель, 2007.
60. Даль В.И.Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV (репринт). М., 1978–1980.
- 60а. Данге С.А.Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя: пер. с англ. М., 1950.
61. Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // Советская археология, № 4, 1960.
62. Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
63. Древнерусские княжества X–XIII вв. Сб. статей. М., 1975.
64. Древность. Арьи. Славяне. Сб. статей. М.: Палея, 1996.
65. Древние славяне и их соседи. Сб. статей. М., 1970.
66. Дюмезиль И.Ж.Верховные боги индоевропейцев: пер. с франц. М., 1996.
67. Дьяконов М.М.Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
68. Елачич Е.Крайний Север как родина человечества. СПб., 1910.
69. Ефименко П.П.Первобытное общество. Киев., 1953.

70. Жарникова С.В. Древние тайны Русского Севера. Сб. Древность. Арьи. Славяне. М.: Палея, 1996.
71. Журавский А. Полярная Россия // Известия общества изучения Русского Севера, № 9-11, 1911.
72. Зализняк А.А. Проблемы славяно-германских языковых отношений древнейших периодов // Вопросы славянского языкознания, № 6, 1962.
73. Законы Ману: пер. с санскрита. М., 1960.
74. Забылин М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880; репринт, М., 1990.
75. Зарубин А.А. Сходные сельскохозяйственные обычаи у индоарийцев и славян // Советское славяноведение, № 1, 1969.
76. Зарубин А.А. Сходные изображения солнца и зорь у индоарийцев и славян // Советское славяноведение, № 26, 1971.
77. Зданович Г.Б. // Бронзовый век Урало-Казахстанских степей // Свердловск, 1988.
78. Зимы нашей планеты: пер. с англ. М., 1982.
79. Зоненшайн П.П., Кузьмин М.И. Палеодинамика. М., 1993.
80. Иванов С.В. Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. М., 1990.
81. Иванова И.К. Геологический возраст ископаемого человека. М., 1965.
82. Иванов С.А., Лагиндин Л.А. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1–2. М., 1994–1996.
83. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.
84. Каниткар В.П., Коул У. Оден Индуизм: пер. с англ. М., 1989.
85. Карпов А. Варяги // Русский вестник. № 6, 1993.
86. Карсанов А.Н. Об этнической принадлежности росомонов // Имя. Этнос. История. М., 1989.
87. Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история круглых озер и внутренних морей Восточной Европы. Вильнюс, 1974.
88. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. М., 1977.
89. Кожин В.В. История Руси и русского слова // Наш современник. № 10, 1992.
90. Кожин Н.М. К проблеме происхождения колесного транспорта. М., 1985.
91. Кондратьева Т.Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.
92. Косамби Д.Д. Культура и цивилизация Древней Индии: пер. с англ. М., 1968.
93. Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура II тыс. до н. э. М.: Наука, 1972.
94. Красовская Т.М. Природопользование Севера России. М.: ЛКИ, 2007.

95. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.
96. Культурный ландшафт Русского Севера: Понежье, Поморье. М.: ФБМК, 1998.
97. Культурный ландшафт, теоретические и религиозные исследования. М.: Изд. МГУ, 2003.
98. Кузьмин А.Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1969.
99. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (К постановке проблемы) // Вопросы истории. № 11, 1974.
100. Кузьмин А.Г. Кто в Прибалтике «коренной»? М., 1993.
101. Кузьмин А.Г. Правильная постановка вопроса и есть его решение // Славяне и Русь. М., 1998.
102. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
103. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли Индоарии? М., 1994.
104. Кузьмина Е.Е. Арии — путь на юг. М.-СПб.: Летний Сад, 2008.
105. Лесной С. Откуда ты, Русь? Ростов-на-Дону, 1995.
106. Липец Л.С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969.
107. Лосев А.Ф. Античная мифология и ее историческое развитие. М., 1957.
108. Майяни З. Этруски начинают говорить: пер. с франц. М., 1966.
109. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984.
110. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Архангельск, 1989.
111. Марков К.К., Величко А.А. Четвертичный период. Т. 3. М., 1967.
112. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.
113. Махабхарата. Адипарва. М.-Л., 1950.
114. Махабхарата. Книга III, Лесная. М., 1987.
115. Мейе А. Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков: пер. с франц. Юрьев, 1914.
116. Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? М., 2005.
117. Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III тыс. до н. э.). М., 1969.
118. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
119. Миллер Вс. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т. I, М., 1876.
120. Мифы древних славян. Сб. статей. Саратов, 1993.
121. Мошинская В.И. О государстве синдов // ВДИ, № 3, 1946.

122. Munshi K.M. The Vedic Age. Bombay, 1965.
123. Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.
124. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
125. Никольский Н. Дохристианские верования и культы днепровских славян. М., 1923.
126. Новые данные по геохронологии четвертичного периода. М., 1987.
127. Носова Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки // Российский этнограф, № 6, 1993.
128. Палеогеография и хронология верхнего плейстоцена и голоцена по данным радиоуглеродного метода. М., 1965.
129. Палеогеография и морфоструктуры Кольского полуострова. М., 1973.
130. Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет. М., 1982.
131. Павленко Ю.В. Праславяне и арии. Киев, 2006.
132. Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990.
133. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск-Москва, 1995.
134. Последний европейский ледниковый покров. М., 1965.
135. Прозоров Л. Времена русских богатырей. По страницам былин в глубь времен. М.: Яуза, 2006.
136. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Наука, 1968.
137. Ригведа. Мандалы I–X. Л., 1984; М., 1989–1999.
138. Русский Север. Исследования и исследователи. Справочник. Вып. 2, 1989.
139. Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001.
140. Рыбаков Б.А. Древняя Русь: сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
141. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.
142. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
143. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- 143а. Санкритьяяна Р. От Волги до Ганга: пер. с англ. М., 2002.
144. Сейбутис А. Миграция послеледникового человека как отражение изменений экологической обстановки // Научные труды вузов Литовской ССР (серия «География»), VIII, 1982.
145. Семенов В.А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993.
146. Серебряный Л.Р. // Динамика покровного оледенения и гляциоэвтазия в позднечетвертичное время. М., 1978.

147. Скалон В.Н.Речные бобры Северной Азии. М., 1951.
148. Смирнов В.Ф., Кузьмина Е.Е.Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
149. Соболевский А.И.Названия рек и озер Русского Севера. М., 1927.
150. Соколов М.Старорусские солнечные боги и богини. Симбирск, 1887.
151. Соколов С.Н.Авестийский язык. М., 1961.
152. Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.
153. Таблицы солнца для города Мурманска. Мурманск, 1984.
154. Тереножкин А.М.Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1962.
155. Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах: пер. с англ. М., 2001; М., 2002.
156. Томас П.Легенды, мифы и эпос Древней Индии. СПб., 2000.
157. Топоров В.Н., Трубачев О.Н.Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Приднестровья. М., 1982.
158. Топоров В.Н.Санскрит и его уроки // Древняя Индия. М., 1985.
159. Третьяков П.Н.Происхождение земледелия. М., 1934.
160. Триполье. Словник-довидник археологии. Киев, 1996.
161. Трубачев О.Н.История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
162. Трубачев О.Н.Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. М.: Наука, 1967.
163. Трубачев О.Н.Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
164. Трубачев О.Н.О сидах и их языке // Вопросы языкознания, № 4, 1976.
165. Трубачев О.Н.К истокам Руси. Наблюдения лингвиста. М., 1993.
166. Трубачев О.Н.Взгляд на проблему прародины славян // Держава, № 1, 1997.
167. Трубачев О.Н.Indoagica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999.
168. Улузанов И.С.О языке древней Руси. М.: Наука, 1972.
169. Уоррен У. Найденный рай, или Колыбель человечества на Северном полюсе: пер. с англ. М., 2003.
170. Фасмер М.Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I–IV, М., 1964–1973.
171. Философия вождизма. Хрестоматия: пер. с нем. М.: Белые Альвы, 2006.
172. Членова Н.Л.Центральная Азия и скифы. М., 1997.

Словари

Monier-Williams. P.A.Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1960.

Примечания

1

Когда здесь приводятся цитаты из Авесты, в скобках указывается название той или иной ее части, номера гимна и строфы. При цитировании Ригведы указаны номера ее книг, гимна и строфы.

2

Если мы отнесем это время к эпохе межледниковья (точнее, к началу ее завершения около 25–30 тыс. лет до н. э.), мы должны вспомнить о том что «вечные ночи» Заполярья не служили препятствием к разведению скота, как не служат и теперь — ведь такие «ночи» в области, например, Мурманска или Беломорья не мешают тому, чтобы эта отрасль хозяйства входила здесь, согласно всем справочникам, в число основных занятий населения

3

Повторная, да и не первая уже публикация этих примеров вызвана тем соображением, что далеко не всем заинтересованным читателям уже встречались такие публикации [54; 55; 58; 59]

4

Следует указать и на такое сходство слов: на санскрите «родас» обозначает землю, а также небо и землю, а частица «родо» в композитах означает пространство между небом и землей. Все эти значения совпадают с той ролью, которую приписывали славяне Роду.

5

Отметим, что на санскрите слово «трут» является глаголом, означающим «тереть, растирать, дробить».

6

На санскрите это слово не может быть транскрибировано точно как «хари», так как звук «h», как полагают лингвисты, не соответствует звуку «х», а должен быть воспроизведен при помощи южнорусского (украинского) «г». Но есть основания думать о соответствии солнечного образа-коня — «horse» (англ.) — Хорс (слав.) санскритскому «hari», условно передаваемому как «хари» в русской транскрипции.

7

В науке не существует объяснения наиболее древних истоков происхождения понятия суток как пары дня и ночи — первыми считаются определения в древнеегипетских и переднеазиатских надписях. Но Тилак показал, что понятие суток было выработано предками индоевропейцев еще в период последнего межледниковья, когда люди уже умели отмечать начало и конец вращения светил вокруг Полярной звезды.

8

Четвертичный период (эпоха, эра) начался около 1,7 млн лет назад. Его ледниковье именуется плейстоценом, а послеледниковый период, начавшийся XIII–XII тыс. лет назад (по другим подсчетам — XII–X тыс. лет до н. э.), который длится и донине, — это голоцен.

9

Поскольку в санскритских словарях и литературе первым написанием этого термина служит форма «арья», мы позволим себе здесь ради унификации терминологии придерживаться именно такого написания, хотя автор в своих трудах обычно пишет «ария», что не отражается на значении слова (Примеч. ред.).

10

Слово вар известно и в славянских языках: ср. вар, варок — городьба, загон для скота.

11

Ныне племя природных тасманийцев окончательно вымерло.

12

«Найденный Рай, или Колыбель человечества на Северном полюсе». (Примеч. ред.)

13

«Арктическая родина в Ведах». (Примеч. ред.)